

Дж. Р. Уорд

Наследие Братства Черного Кинжала, книга 1

«Поцелуй Крови»

Перевод: РыжаяАня и Eva_name

Редактура: Андрованда, Tor-watt, Энтентеева Нина

Перевод осуществлен на сайте jrward.ru

Глава 1

Дом для аудиенций с Королем, Колдвелл, штат Нью-Йорк

Порой церемония вручения диплома проходит за закрытыми дверями.

Некоторые из столь масштабных жизненных вех не отмечаются в академических шапочках¹ и мантиях, с оркестрами, играющими «Торжественные и церемониальные марши»². Не было сцены и не было диплома, который можно повесить на стену. Свидетелей тоже не было.

Порой выпускной проходит под грифом «банально» и «буднично», «ничего особенного»... так палец тянется к монитору «Делл» и жмет на синюю кнопку в правом нижнем углу экрана. Такое рутинное действие, повторяемое столько раз на неделе, в месяце, в году... но, тем не менее, в одном частном случае, между «до» и «после» пролегает огромная пропасть.

Пэрадайз, урожденная дочь Абалона, Первого Советника Рофа, сына Рофа, отца Рофа, Короля всей расы, откинулась на спинку рабочего кресла, уставившись на только что потухший экран. Невероятно. Долгожданная ночь вот-вот наступит.

Предыдущие восемь недель время плелось с черепашьей скоростью, но в последние пару ночей перескочило в режим катапультирования. Внезапно, протрадав семь тысяч часов в ожидании восхода луны, ей захотелось снова замедлить стремительный ход времени.

Сейчас ее работа стала делом прошлым.

Посмотрев на стол, она на дюйм сдвинула рабочий телефон... потом вернула аппарат какой-то-там-АТ&Т на место. Поправила витражный абажур с изображением стрекозы на лампе от «Тиффани». Проверила, чтобы синие ручки стояли в одной подставке, а красные – в другой. Провела ладонью по чистому бумагомарателю и верхнему ребру монитора.

Комната для ожидания была пуста, шелковые кресла свободны, журналы аккуратно разложены на боковых столиках, напитки, которые доджены подавали посетителям, убраны.

Последний гражданский ушел примерно тридцать минут назад. Рассвет наступит уже через пару часов. В общем и целом, это было стандартное завершение нормальной рабочей ночи, загруженной делами, время, когда она и ее отец собирались в семейном особняке за трапезой, полной разговоров, планов и взаимного уважения.

Подавшись вперед, Пэрадайз заглянула за арку гостиной. В противоположной части фойе двойные двери, ведущие в бывшую столовую особняка, были закрыты.

Да, обычная ночь, если не считать необычного совещания, которое проходило за дверьми: сразу после последней аудиенции ее отца позвали в помещение, плотно закрыв за ним панели.

Он был там вместе с Королем и двумя членами Братства Черного Кинжала.

– Не смейте так поступать со мной, – сказала она. – Вы не смеете лишать меня этого.

Встав, Пэрадайз принялась расхаживать по комнате, лишний раз поправляя журналы, взбивая подушки, задерживаясь перед масляной картиной с изображением французского короля.

Возвращаясь к арочному проему, она не сводила глаз с закрытых дверей столовой, прислушиваясь к гулкому биению своего сердца.

Подняв руки, она потрогала мозоли на ладошках. Они возникли не от канцелярской работы на ее отца и Братство за последние пару месяцев, пока она составляла расписание и регистрировала проблемы, резолюции и повторные встречи. Нет, впервые в жизни она

1 Квадратная академическая шапочка (англ. square academic cap) — головной убор, состоящий из квадратной горизонтальной доски, закреплённой на ермолке, и прикреплённой к её центру кисточки. Вместе с мантией и иногда капюшоном этот головной убор составляет торжественное одеяние преподавателей и выпускников высших учебных заведений во многих странах, следующих британской модели образования.

2 «Торжественные и церемониальные марши», op.39 (англ. Pomp and Circumstance Marches) — сборник маршей для оркестра, написанных английским композитором Эдуардом Элгаром.

посещала тренажерный зал. Качала мускулы. Бегала на дорожке. Занималась на тренажере-лестнице³. Подтягивания, отжимания, подъемы туловища из положения лежа. Гребной тренажер.

Раньше она даже не знала, что такое «гребной тренажер».

И все это – подготовка к завтрашней ночи.

Если только мужчины в комнате для аудиенций с Королем не лишат ее такой возможности.

Завтра, в полночь, она присоединится в секретном месте к... одной Деве известно скольким мужчинам и женщинам... где она попытается прорваться в учебную программу Братства Черного Кинжала.

Это был хороший план... решение, которое она намерилась осуществить, возможность стать независимой, утереть всем нос и доказать себе, что она – нечто большее, чем ее родословная. В чем проблема? Чистокровные дочери Глимеры из Семей-Основателей никогда не тренируются, чтобы стать солдатами. Не обращаются с пистолетами и ножами. Они не учатся сражаться и защищать себя. Они даже не знают, что такое лессер.

Они даже *словом не обмолвятся* с солдатами.

Дочерей вроде нее учат вышиванию, музицированию и пению, хорошим манерам, управлению обширным хозяйством и додженами. Им полагалось разбираться в запутанном социальном календаре и циклах праздников, подбирать подходящий гардероб для каждого события и отличать «Van Cleef&Arpels» от «Boucheron» или «Cartier»⁴. Их прятали, оберегали и лелеяли подобно драгоценным камням.

Единственное опасное занятие, до которого их допускали? Размножение. С хеллреном, выбранным семьей во благо сохранения чистоты кровных линий.

Чудо, что отец разрешил ей подать заявление.

Конечно, когда она в первый раз показала ему заявление, он был против... но потом сменил гнев на милость и позволил ей заявиться в программу: набегу двухлетней давности, когда столько вампиров погибло от рук Общества Лессенинг, доказали, насколько опасным для проживания может быть Колдвелл. И она сказала ему, что не собирается участвовать в войне. Просто хотела научиться защищать себя.

Поставив вопрос с точки зрения ее безопасности? Именно тогда отец и передумал.

Но правда была в том, что она хотела иметь что-то свое. Отличительную черту, определявшую ее, которая бы исходила не от прав, насильно переданных по рождению.

К тому же, она помнила слова Пэйтона о том, что у нее не получится.

Она ведь женщина.

К черту это.

Пэрадайз снова перевела взгляд на закрытые двери.

– Ну что же...

Проаживаясь вокруг, она в конечном итоге вышла в фойе, но не хотела приближаться к месту, где мужчины вели обсуждение... будто боясь сглазить.

Боже, о чем они там говорили?

Обычно Король уходил сразу после окончания последней аудиенции. Если они с Братством хотели обсудить что-то личное или связанное с войной, то все решалось в особняке Первой Семьи – месте настолько тайном, что даже ее отца не приглашали туда.

Поэтому да, должно быть, это связано с ней.

Вернувшись в зал ожиданий, Пэрадайз подошла к своему столу, считая часы, проведенные за ним. Она проработала всего два месяца, но ей нравилась ее дело... в определенной степени. В ее отсутствие – при условии, что она останется в программе БЧК –

кузина займет место, и она провела последние семь дней, показывая девушке что да как, разъясняя процедуры, придуманные ею лично, желая удостовериться, что дела плавно перейдут к преемнице.

Снова сев в свое кресло, она выдвинула средний ящик и взяла свое заявление... словно оно могло каким-то образом убедить ее в реальности происходящего.

Держа бумагу в руках, она гадала, кто еще прибудет завтра на место сбора... и вспомнила мужчину, который пришел в дом для аудиенций за распечатанной версией заявления.

Высокий, широкоплечий, с низким голосом. На нем была бейсболка с эмблемой «Сиракуз»⁵ и джинсы, потертые, судя по всему, от настоящей работы, а не как дань моде.

Общество вампиров было весьма узким, и Пэрадайз не видела этого мужчину раньше... но может, он был простым гражданским? Это стало еще одним нововведением в программе. Раньше к работе с Братством принимались только выходцы из аристократических семей.

Он назвал ей свое имя, но отказался пожать руку.

Крэйг. Это все, что она знала.

Но он не был груб. На самом деле, он поддержал ее идею тоже подать заявление.

Он также оказывал... завораживающее воздействие, что шокировало ее... настолько, что Пэрадайз несколько недель ждала, вдруг он принесет заполненное заявление назад. Он не приходил. Может, он отсканировал его и подал в электронном варианте?

А может, он передумал заявляться в программу.

Полный бред – чувствовать разочарование из-за того, что она может никогда больше не увидеть его.

Когда ее телефон прочирикал, она подпрыгнула и потянулась за трубкой. Пэйтон. Снова.

Она увидит его завтра на сборе... После ссоры относительно ее желания подать заявку она приостановила их общение.

С другой стороны, если Братство решительно воспротивится, там, в комнате с ее отцом? Праведный гнев на парня в принципе окажется под вопросом. Но, да ладно, женщинам разрешили подать заявление.

Проблема в том, что она не была «обычной» женщиной.

Ради всего святого, она не представляла, как поступит, если отец пойдет на попятный. Но Братство же не станет тянуть до последней минуты, чтобы отказать ей.

Правда?

В другом конце города, Марисса, законная шеллан Брата Черного Кинжала Дэйстройера, так же известного как Бутч О'Нил, сидела за своим столом в «Убежище». Когда кресло издало скрип, она постучала ручкой «Бик» о блоттер с календарем от «Офисмакс» и переложила трубку к другому уху.

– Что ж, я определенно ценю ваше приглашение, но не могу... – сказала она, обрывая поток бессмысленных слов.

Женщина на другом конце провода не унималась ни на секунду. Она продолжила трещать. Ее аристократическая интонация перекрывала весь диапазон частот, и возникало подозрение, что во всем штате произошел провал напряжения.

– ... теперь вы понимаете, почему нам нужна ваша помощь. Первый Бал Двенадцатого Месяца после набегов. Будучи шеллан Брата и членом Семьи Основателей, вы станете идеальным организатором мероприятия...

Снова пытаясь дать отказ, Марисса перебила ее:

5 Сиракузский университет (англ. Syracuse University) — частный исследовательский университет США, расположенный в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк.

– Не знаю, в курсе ли вы, но я занята полный рабочий день в качестве директора «Убежища» и...

– ... и ваш брат сказал, что вы станете прекрасным выбором.

Марисса замолкла.

Первым делом она подумала, что весьма маловероятно, что Хэйверс, главный терапевт расы и ее очень, очень, очень отдалившийся родственник, мог порекомендовать ее для чего-нибудь иного, нежели для срочного погребения. Потом даже не подумала, а сосчитала... сколько прошло времени с тех пор, когда она в последний раз разговаривала с ним? Два года? Три? С тех пор как он вышвырнул ее из родного дома за пять минут до рассвета, когда обнаружил, что она связалась с простым смертным.

Который оказался кузеном Рофа и воплощением легенды о Разрушителе.

Ну что, утерся? – услышала она в своей голове.

– Поэтому вы просто обязаны возглавить это мероприятие, – заключила женщина. Словно дело уже решено.

– Прошу меня извинить. – Марисса прокашлялась. – Но мой брат не в том положении, чтобы выдвигать меня на какую либо должность, мы не виделись уже очень давно.

Когда по ту сторону трубки повисло напряженное молчание, Марисса решила, что ей следовало поделиться грязным бельем своей семьи еще десять минут назад: членам Глимеры полагалось соблюдать четкие правила этикета... а выставлять напоказ колоссальный разлад в ее семье, даже если это и так общеизвестно – непозволительный шаг.

О таком скорее шепчутся за спиной.

К несчастью, женщина быстро оправилась и сменила тактику:

– Так или иначе, это жизненно необходимо, чтобы все члены нашего класса вернулись к традиции посещать празднества...

Мариссу привлек стук в дверь.

– Да?

Женщина на телефоне зашебетала:

– Чудесно! Вы можете прибыть в мой особняк...

– Нет же, я не вам. Я кому-то нужна. – Она заговорила громче. – Войдите.

Увидев Мэри, она выругалась. Плохие новости. Мэри была мастером своего дела, и подобное выражение на ее лице означало, что проблема на самом деле серьезная...

Это кровь на ее рубашке?!

Марисса понизила тон и отбросила вежливость:

– Мой ответ – нет. Работа занимает все мое время. К тому же, коль вы так охвачены энтузиазмом, вам самой стоит взяться за дело. До свидания.

Бросив трубку на рычаг, она вскочила на ноги:

– Что стряслось?

– У нас новый пациент, ей нужна срочная медицинская помощь. Я никак не могу связаться с Доком Джейн и Эленой. Я не знаю, что делать.

Марисса выбежала из-за стола.

– Где она?

– Внизу.

Они сбежали по лестнице, Марисса была первой.

– Как она добралась до нас?

– Не знаю. Одна из камер безопасности засекла ее на лужайке, она ползла.

– Что?!

– Мой телефон среагировал предупреждением, я выбежала туда с Райм. Мы занесли ее в гостиную.

Завернув за угол, Марисса выскочила на ковровую дорожку...

И застыла на месте.

Увидев в каком состоянии была женщина на диване, она накрыла рот рукой.

– О, Милостивый Боже... – прошептала Марисса.

Кровь.

Кровь была повсюду, каплями на полу, пропитала белые полотенца, прижатые к ранам, образовывала лужи на ковре, у ног женщины.

Девушка была избита до неузнаваемости, черты лица опухли настолько, что если бы не длинные волосы и порванная юбка, то было бы невозможно определить ее пол. Одна рука точно вывихнута, конечность бессильно болталась от плеча... и на ней осталась лишь левая туфля на высоком каблуке, колготки были порваны.

С дыханием все было очень плохо. В ее груди раздавалось бульканье, словно она захлебывалась от собственной крови.

Райм, ответственная за прием новеньких, сидела на корточках у дивана. Подняв голову, она прошептала сквозь пелену слез на глазах:

– Не думаю, что она выживет. Как можно выжить в таком...?

Марисса взяла себя в руки. Другого выхода не было.

– Не получается связаться с Доком Джейн или Эленой? – спросила она хрипло.

– Я звонила в особняк, – ответила Мэри. – Клинику. На их мобильные. По два раза.

На мгновение Марисса ужаснулась при мысли, что это могло значить для нее самой. Может, Братьям понадобилась медицинская помощь? Все ли в порядке с Бутчем?

Но всего на мгновение.

– Дай мне телефон... и уведи жителей в крыло Велси. Я хочу, чтобы все были там на случай, если придется впустить мужчину в «Убежище».

Мэри бросила ей телефон с кивком.

– Я займусь этим.

«Убежище» оправдывало свое название: служило убежищем для женщин-жертв домашнего насилия, здесь они находили приют и возможность реабилитации для себя и своих детей. И после того, как Марисса провела несколько веков бесполезного существования в Глимере, будучи ненужной нареченной Короля, она нашла здесь свое призвание, в службе тем, кого в лучшем случае унижали морально, а в худшем – с кем ужасно обращались физически.

Мужчин не пускали внутрь.

Но чтобы спасти жизнь этой женщины, она нарушит правило.

Ответ на звонок, Мэнни. Ну же, – молила она, когда пошли первые гудки. Ответ на чертов звонок...

Глава 2

Братство Черного Кинжала было не в полном составе.

На самом деле, присутствовали всего два Брата и Король.

Когда Абалон, Первый советник Рофа, сына Рофа, отца Рофа, вошел в комнату аудиенций, чтобы встать перед своим правителем, он очень остро ощущал присутствие воинов. Он знал их исключительно как заботливых и цивилизованных мужчин, но, учитывая, что он собирался доверить им свою единственную дочь, их более очевидные особенности сейчас открыто бросались в глаза.

Брат Вишес смотрел на него немигающими глазами алмазного цвета, татуировки вокруг левого виска казались воистину зловещими, его крайне мускулистое тело было упаковано в кожу и обвешано оружием. Рядом с ним стоял Бутч, так же известный как Дэстройер... в прошлом человек, с бостонским акцентом, Омега заразил его и бросил на погибель... но он стал одним из немногих, кто пережил искусственное превращение.

Пара была неразлучна, так и подмывало повесить на них ярлыки хорошего и плохого копов. Очевидно, произошла смена парадигмы. Бутч всегда улыбался и проявлял дружелюбие, но сейчас его никто не пожелал бы встретить в темном переулке: его прищуренные светло-карие глаза были непоколебимы.

– Да? – Абалон обратился к Королю. – Я могу быть вам чем-то полезен?

Роф погладил квадратную светлую макушку своего пса-поводыря, Джорджа.

– Мои парни хотели поговорить с тобой.

А, да, подумал Абалон. Он подозревал, о чем пойдет речь.

Бутч улыбнулся, будто хотел сгладить резкость своих слов:

– Мы хотим убедиться, что ты осознаешь суть учебной программы.

Абалон прокашлялся.

– Я знаю, что это очень важно для Пэрадайз. И надеюсь, что программой предусмотрены курсы самозащиты. Я хочу, чтобы она была... в бóльшей безопасности.

Эта потенциальная выгода – единственное, что помогло ему пережить конфликт между его ожиданиями относительно своей дочери и ее будущего и тем, что она выбирала для себя сама.

Не получив ответа, Абалон перевел взгляд с одного Брата на другого.

– Что вы не договариваете?

Вишес открыл было рот, но Брат Бутч вскинул ладонь, обрывая его.

– Твое предназначение здесь, в службе Рофу, превыше всего.

Абалон отпрянул.

– Вы хотите сказать, что Пэрадайз непригодна из-за моей должности? Дражайшая Дева-Летописца, почему вы не предупредили...

– Мы хотим, чтобы ты понимал, что учебная программа – это не только книжные знания. Это подготовка к войне.

– Но кандидаты не обязаны сражаться в городе во время обучения, правильно?

– Мы беспокоимся об этом. – Брат обвел рукой комнату. – Нельзя, чтобы что-то влияло на ваши отношения с Рофом и твою работу при Короле. Пэрадайз может участвовать в программе наравне со всеми, но ее неудача или ножевая рана не должна создать напряжение между нами.

Абалон облегченно выдохнул.

– Не волнуйтесь об этом. Ее успех или поражение определяется ее собственными заслугами. Я не жду особого отношения к ней... и если она не сможет соответствовать? Значит, ее должны исключить.

На самом деле, Абалон бы ни за что не признался, но он молился и даже ожидал, что так и будет. Не хотел, чтобы Пэрадайз разочаровалась в себе и своих способностях, но... последнее, чего он желал для своей дочери – оказаться перед ужасами жизни... или, Боже упаси, на самом деле попытаться участвовать в войне.

Такое он не мог даже вообразить.

– Не беспокойтесь, – повторил он, посмотрев на Братьев и Короля. – Все будет хорошо.

Брат Бутч посмотрел на Вишеса. Потом снова перевел взгляд.

– Ты же читал заявочный лист?

– Она заполняла его.

– Значит, не читал?

– Она сделала это самостоятельно... я должен был подписать его, будучи ее опекуном?

Вишес прикурил самокрутку.

– Тебе же лучше быть готовым.

Абалон кивнул.

– Да, я готов. Будьте уверены.

Пэрадайз росла в нежных условиях и традициях аристократии. Она работала над своим физическим состоянием последние два месяца – весьма усердно, стоит признать – и он чувствовал ее предвкушение, когда она завершала здесь дела, готовясь покинуть должность. Но была очень высока вероятность того, что после завтрашнего сбора, когда начнется настоящая работа, она пойдет на попятную... или ее попросят уйти.

Его сердце разорвется при виде ее поражения.

Но лучше так, чем ее смерть на поле боя, в попытке доказать, что она – нечто большее чем то, что диктует ее аристократическое положение в обществе.

Братья всё не сводили с него глаз, и Абалон склонил голову:

– Я знаю, ей придется очень тяжело. Я вполне готов к этому. И я вовсе не наивен.

– Ладно. Твоя правда, – сказал Бутч спустя мгновение.

– Мой господин, есть что-то еще? – спросил Абалон у Короля.

Когда Роф покачал головой, Абалон поклонился каждому из присутствующих.

– Благодарю за вашу заботу. Пэрадайз – самое дорогое, что есть у меня ... все, что осталось от моей любимой шеллан. Я знаю, завтра она будет в добрых и щедрых руках.

Когда он отворачивался, Братья оставались мрачны, но, с другой стороны, он не был посвящен в дела войны... а там всегда что-то да происходило. Сражения и вопросы стратегического плана никоим образом его не касались, и за это он был признателен.

Также признателен он будет, если Пэрадайз покинет программу.

Воистину... была бы ее мамэн жива. Может, его шеллан смогла бы образумить девочку.

Открыв двойные двери, Абалон услышал шум, доносившийся из зала ожиданий.

– Пэрадайз?

Он пересек фойе и когда завернул за угол, входя в гостиную, его дочь, собиравшая красные ручки, которые столкнула на пол, выпрямилась.

– Все хорошо? – спросил он.

Она встретила его взгляд.

– Да? Ты разрешаешь мне поехать завтра вечером?

Абалон улыбнулся... пытаясь скрыть печаль в своих глазах и голосе.

– Ну конечно. Ты в программе, мы решили это несколько месяцев назад.

Она подбежала к нему и крепко обняла, будто на самом деле страшилась, что он откажет ей в том, чего она так сильно хотела.

Обнимая дочь, Абалон смутно осознавал, что Братья и Король уходили через парадную дверь. Он не обратил на них внимания.

Он был слишком занят сожалениями о том, что не сможет избавить свою дочь ото всех разочарований. Это не входило в набор родительских качеств, дарованным ему вместе с ее рождением.

О, как он жалел, что его шеллан была сейчас не с ними, а в Забвении.

Она бы лучше справилась со всем этим.

Стоя над изувеченной женщиной, Марисса с закрытыми глазами слушала, как в третий раз включается голосовая почта Мэнни. Что, *черт возьми*, происходит в клинике?

Она уже собралась нажать повторный вызов, как зазвонил ее мобильный.

– Слава Господи... Мэнни? Мэнни?

Что-то в тоне ее голоса заставило раненную женщину зашевелиться, ее окровавленное лицо дернулось на диванных подушках. Боже, от бурлящих звуков ее собственное сердце сбивалось с ритма.

– Нет, это Елена, – раздался голос возле ее уха. – Мэнни и Джейн экстренно оперируют Тора. У него открытый перелом бедра, и я должна вернуться в операционную. Что-то случилось?

– Как долго они будут заняты? – спросила Марисса.

– Они только начали.

Марисса закрыла глаза.

– Хорошо, пожалуйста, попроси их позвонить мне, как получится? У меня... – Она отвернулась и понизила голос. – Ко мне только что попала женщина с травмами. Не знаю, сколько у нас времени.

Элена выругалась.

– Мы не можем никого отправить. Ты можешь позвонить Вишесу? С его медицинскими знаниями у него может получиться стабилизировать состояние.

Марисса попыталась представить, как Брат вышагивает по дому. Не лучший выбор, и не потому, что она не доверяла мужчине. Лучший друг ее хеллрена был широко известный вампиром, во всех смыслах.

А его внешность просто внушала ужас.

С другой стороны, если все собрались в крыле Веллси...

– Хорошая мысль. Спасибо.

– Они наберут тебя, как освободятся.

– Спасибо.

Обрывая соединение, она набрала Ви. И, черт подери. Снова голосовая почта.

– *Дерьмо.*

– Когда они будут? – спросила Райм, прижимавшая полотенце к кровоточащей ране на плече женщины.

Близился конец ночи. Ви мог находиться в пути, между переулками Колдвелла и дорогой в особняк. Или... мог сражаться с теми, кто нанес Тору столь серьезное ранение.

Когда женщина на кровати зашла в кашле, решение пришло мгновенно. Она стала бы обращаться к брату только в крайнем случае, но она не простит себе, если ее личные проблемы будут стоять кому-то жизни.

Марисса набрала номер Хэйверса по памяти, надеясь, что он не изменил его. Один гудок, два...

– Алло? – раздался его голос.

– Это я. – Прежде чем повисла неловкая пауза или «привет», она продолжила: – В «Убежище» нужна срочная медицинская помощь. Нужно, чтобы ты был здесь... или отправь кого-нибудь. Терапевты Братства в операционной, а времени у нас почти нет.

Повисла небольшая пауза, словно главный врач расы переключался из режима «личное» в «профессиональный».

– Я буду через мгновение. Речь о ранении?

– Да. – Марисса снова понизила голос. – Ее сильно избили и... изувечили. Лужи крови. Я не знаю...

– Я приведу медсестру. Ты оградила остальных проживающих?

– Да.

– Отопри парадный вход.

– Я встречу тебя.

И все.

Похоже, сама вселенная хотела, чтобы брат появился в поле ее зрения этим вечером. Сначала этот идиотский звонок от светской львицы, теперь...

Марисса кивнула Райм.

– Помощь в пути.

Женщина попыталась сфокусировать не отекший глаз.

Наклонившись, Марисса взяла окровавленную руку.

– Мой брат позаботится о тебе.

На мгновение она засомневалась, стоит ли сообщать, что мужчина будет лечить ее. Но женщина, казалось, ничего не соображала.

Милостивая Дева, что, если она умрет прежде, чем Хэйверс доберется сюда?

Сев на корточки, Марисса заправила светлые пряди за уши.

– Ты в безопасности, все будет хорошо. – Один глаз зафиксировался на ее лице. – У тебя есть родственники, которым я могу позвонить? Мы можем кого-нибудь позвать?

Женщина качнула головой.

– Нет? Ты уверена?

Глаз закрылся.

– Ты можешь сказать, кто сделал это с тобой.

Лицо отвернулось.

Дерьмо.

Отступая, Марисса вышла в узкий холл. По обе стороны от двери располагались два высоких и узких окна, и она выглянула наружу. Деревья на газоне, всего несколько недель назад красовавшиеся своими ярко-красными, золотыми и желтыми листьями, сейчас, казалось, облиняли, тоненькие ветки напоминали кости заморенной голодом собаки.

Она не могла не посмотреть в зеркало рядом с дверью, удостовериться, что ее прическа в порядке, а макияж выдержал десятичасовой рабочий день.

Пока она жила с братом, она носила шелковые платья и массивные украшения, высокую прическу на голове. Сейчас? На ней были слаксы от Энн Тейлор, блузка со стоячим воротником, легкие тапочки «Коул Хаан», ведь они такие удобные. Из украшений только крошечный крестик, который она носила потому, что Бог был так важен для Бутча, и ее хеллрен подарил ей ожерелье на прошлое Рождество. О, еще гвоздики-жемчужины в ушах.

Несмотря на искусственное превращение Бутча, его статус Брата и родство с Королем, ее мужчина по сути своей оставался человеком во всем, начиная с католической веры до пристрастий в книгах и фильмах, и мнения о том, какой должна быть «жена»... результат воспитания в человеческой среде.

Прикоснувшись к золотой цепочке на шее, она нахмурилась, ощутив желание снять украшение, которое не одобрит ее брат.

Но, да ладно, неважно, носила ли она символ своего брака или нет, это ничего не изменит. В глазах брата она взяла бесхвостую крысу в качестве хеллрена и подобное падение непростительно.

Мгновение спустя, две тени материализовались на тротуаре: одна фигура повыше и мужеподобная, в белом халате, вторая поменьше, женственная и в сестринской форме.

Когда они подошли, попав под свет ламп, Марисса прошлась вспотевшими ладонями по брюкам. Хэйверс совсем не изменился, привычная бабочка и очки в роговой оправе, темные волосы с боковым пробором, идеальная прическа в стиле «безумцев».

Марисса в последний момент перекинула крестик за спину и открыла дверь. Пытаясь не выдать нервозность своим голосом, она громко сказала:

– Она в гостиной.

Ни тебе «Привет, как дела?» или «Хэй, ты перестал быть полным предубеждений придурком?»... но, с другой стороны это был медицинский вызов, а не социальный визит.

– Марисса, – произнес ее брат, кивнул ей и прошел мимо. – Это Кэннест, моя главная медсестра.

– Приятно познакомиться, – пробормотала медсестра.

Марисса на негнущихся ногах повела их вглубь скромного дома с весьма посредственной мебелью, и по неясной причине она представила себя в виде фламинго, чьи колени смотрели в разные стороны. Тем временем, на поверхности ее разума всплыли всевозможные воспоминания, и только психологический груз трагедии, имевшей место в соседней комнате, держал крышку эмоций закрытой.

Ее брат остановился перед арочным проемом и передал свою докторскую сумку помощнице.

– Осмотром займется моя медсестра, она расскажет мне о ее состоянии. Лучше так, нежели осмотр, который будет проводить мужчина.

Марисса впервые посмотрела Хэйверсу в глаза, отмечая, что его взгляд был того же голубого оттенка, что и ее. Будто это могло измениться?

– Очень внимательно с твоей стороны, – сказала она, а потом перевела взгляд на его коллегу. – Идите за мной.

Оказавшись в гостиной, медсестра направилась напрямик к дивану, и, занимая место Райм, была очень добра к пациентке. Жертва поморщилась, будто осознала, что перед ней появился кто-то другой, а потом застонала, когда начали измерять ее пульс и давление.

Марисса стояла в стороне, скрестив руки на груди и накрыв рот ладонью. Движение – это хорошо. Это значило, что бедняжка еще жива.

– Аккуратно, – выпалила она, когда медсестра отпустила руку, и на избитом лице слезы смешались с кровью.

Милостивый Боже, кто сотворил с ней подобное? Должно быть, это член расы... она не чувствовала на ней человеческого запаха.

Марисса опустила взгляд, когда осмотр приобрел интимный характер, и жестом позвала Райм присоединиться к ней и встать у арки, словно защищая добродетель женщины, к которой ее брат уже проявил уважение.

Спустя, казалось, вечность, медсестра тихо обратилась к женщине, а потом подошла к ним и кивком пригласила Мариссу выйти туда, где стоял Хэйверс со скрещенными за спиной руками. Он слушал медсестру, склонив голову.

– У нее значительные внутренние повреждения, – докладывала женщин. – Ее нужно оперировать немедленно, если мы хотим, чтобы она выжила. Рука – меньшая из наших проблем.

Хэйверс кивнул и перевел взгляд на Мариссу.

– Я взял на себя смелость и вызвал транспорт. Машина будет примерно через пятнадцать минут.

– Я поеду с ней. – Марисса приготовилась к спору. – Пока не появятся ее родные, я считаю ее опекуном.

– Разумеется.

– И я возьму расходы на лечение на себя.

– Это не обязательно.

– Это крайне необходимо. Позволь я соберу свои вещи.

Оставив их, она обратилась к Райм, а потом побежала в кабинет, чтобы взять телефон, сумочку и пальто.

Марисса подумала позвонить Бутчу, ведь была вероятность, что она не вернется домой на день, но она не знала наверняка. И, к несчастью, если бы она набирала номер своего хеллрена каждый раз, когда на работе случался кризис? Натерла бы мозоль на пальце.

На полпути по лестнице она осознала, что была и другая причина, почему она не связалась с ним.

Это было слишком похоже на произошедшее с его сестрой.

И была вероятность, что сходство могло стать идентичным, если женщина умрет от ранений.

Нет, подумала Марисса, вернувшись на первый этаж. На его долю выпало достаточно, нельзя позволить подобным воспоминаниям взбаламутить его мозги снова.

– Я готова, – сказала она брату, будто проверяя, не передумал ли он.

– Скорая прибудет через две минуты. Я должен быть рядом с ней... ей понадобится кровь, если у нее есть хоть какой-то шанс на выживание.

Хэйверс поклонился ей и вышел из дома. Когда он скрылся за углом, Марисса пораженно качнула головой.

Сама мысль, что он предложит свою кровь, чтобы помочь какой-то незнакомой женщине, вероятно, простой гражданской... мысль поражала... и, одновременно с этим, злила ее.

То, что мужчина может быть так добр к своим пациентам и столь жесток с ней лично, казалось нестерпимым противоречием.

С другой стороны, в этом вся Глимера. Там правят двойные стандарты.

От которых страдают, как правило, дочери, сестры и матери.

Глава 3

Стоя в огромном, цветастом фойе особняка БЧК, Бутч нахмурился и посмотрел на телефон. Он проверил время на своих «Адемар Пьяже»⁶ минуты три назад, но подумал, что его какой-то-там-Самсунг даст ему более приемлемый для мозга ответ.

Отрицательно.

А седьмой звонок Мариссе остался без ответа. Как и предыдущие шесть.

Словно издалека, из столовой, где проходила Последняя трапеза, доносились разговоры и тихий звон.

Он внезапно вспомнил первый раз, когда услышал подобные звуки. Тогда он еще был детективом убойного отдела, сорвавшимся с цепи и в поисках возможности свести счеты с жизнью.

А потом возникла кроличья нора.

Бэт свалилась в нее первой, ее засосало полу-человеческое, полу-вампирическое наследие. Его выход на сцену был совсем иным.

«Если вы планируете какие-то кровавые мероприятия с участием человека, тогда не могли бы вы делать это на заднем дворе?».

– Дозвонился до нее?

Услышав знакомый мужской голос, Бутч закрыл глаза. Хотя это не было даже отчасти правдой, но порой казалось, что он всю свою жизнь слышал язвительные нотки Ви в своей голове.

– Нет.

Брат шел к нему, но его опережал запах турецкого табака, и Бутч сделал глубокий вдох. Может, он забалдел от запаха, может, дело в присутствии злобного ублюдка, но кричащая паника в голове утихла на пару тонов.

– Ты набирал ее кабинет в «Убежище»? – спросил Ви на выдохе.

– Голосовая почта. Мэри я тоже звонил. Ничего.

– Ублюдок...

Тихое пиканье монитора заставило его резко повернуть голову. Когда он увидел изображение на экране, то кинулся к двери вестибюля и чуть не сорвал тяжелую панель с петель.

– Господи, где ты была...

Он так быстро и крепко вцепился в Мариссу, прижимая к себе, что сам не разбирал тарабарщину, вылетающую из его рта.

– Мне так жаль, – сказала она сдавленно. – У нас была проблема. Я не стала тебе звонить, потому что времени добраться до дома почти не оставалось.

Отстранившись, он обхватил ее лицо ладонями, внимательно осматривая.

– Ты в порядке?

– В полном. Прости...

Он поцеловал ее и вздрогнул, почувствовав ее руки на своей спине.

– Нет, нет, не извиняйся. Для меня важно одно – что ты цела.

Гребаный ад, солнце было поистине страшной вещью. Вампир, застигнутый рассветом, превращался в ходячий костер в одежде... и хотя в «Убежище» Марисса была в безопасности, могло случиться всякое: люди – непредсказуемые идиоты, а лессеры смертельно опасны.

Марисса с улыбкой отстранилась от него.

– Я в порядке, в полном.

Ага, как же, подумал Бутч, когда она отвела взгляд.

Он потянул ее за руку.

– Пошли.

– Но Последняя трапеза уже накрыта...

– Кому она нужна.

⁶ «Адемар Пьяже» - швейцарский производитель часов премиум класса.

Увлекая ее в бильярдную, он бы с удовольствием закрыл за ними двери, будь они в наличии.

– Что случилось? – требовательно спросил он.

Марисса прошлась по комнате, ее изумительное тело превращало простую одежду в творения высокой моды.

– К сожалению, все тоже самое.

Бутч закрыл глаза. Порой он ненавидел ее работу, очень сильно. Но чем сложнее становилось, тем отчаяннее Марисса боролась... и, хотя было невыносимо наблюдать, как она выматывается, устает физически и даже теряет веру, он чертовски сильно уважал ее за то, что она делала для расы. И не все было так плохо. Когда люди, которым она помогла, возвращались к независимой жизни. Марисса сияла словно солнце.

Взяв ее руку, он прислонился к одному из столов для пула, и притянул ее к себе.

– Все равно Расскажи мне.

Ее взгляд бродил по комнате, но он не сводил с нее глаз. И, Господи, даже после тяжелой, изнуряющей ночи, она вышибала дыхание из его легких. Марисса славилась своей красотой на всю расу, молва ходила многие поколения, перед ней до сих пор преклонялись, и понятно, почему. Ее лицо было сочетанием идеальных линий, кожа гладкая и сияющая, подобно жемчужине, глаза цвета ипомеи⁷, губы, такие розовые и мягкие. А еще ее светлые волосы ниже плеч, и да, эта фигура, которая сражала всех мужчин наповал... без возможности снова встать на ноги.

Он все не мог поверить, что она была с ним. С ним. С парнем из Саути, с щербатым зубом, темным прошлым и набором дурных привычек, с которыми он не мог совладать до встречи с ней.

А еще дерьмо Омеги.

И, тем не менее, его шеллан любила его, по какой-то абсолютно непонятной причине.

– Ты молчишь, – прошептал он, смахнув назад ее волосы и погладив шею, напряженные плечи и руки. – Ты же знаешь, как я ненавижу находиться в неведении.

Когда из столовой донесся взрыв смеха, Марисса прижалась к нему, ее бедра вошли в контакт с его причиндалами.

И, вот так сюрприз, эрекция была мгновенной, член тут же увеличился за шириной кожаных брюк.

Обвивая руки вокруг его шеи, она подалась вперед, прижимая грудь к его груди.

– Разве ты не голоден?

Издав гортанный рык, он обхватил руками ее роскошную задницу. По ладони на половинку, отточенным движением... о, Боже, он вспотел...

Но потом просто покачал головой.

– У тебя не выйдет. Ты не отвлечешь меня от...

А потом Марисса приоткрыла губы, обнажая клыки. Подавшись вперед, она провела клыком по его нижней губе, и Бутч застонал от ощущения острого кончика на своей плоти.

– Кажется, тебе что-то нужно, – прошептала она ему в губы. – Скажешь, что это? – Она вытянула язык и прошлась по его губам. – Что это, Бутч? Скажи, чего ты хочешь...

– Тебя, – простонал он. – Я хочу тебя.

После превращения, когда он раскабанел и превратился в огромную грудку мышц, он привык к появившейся силе... и той резонирующей слабости, когда дело касалось его женщины и секса. Еще будучи простым человеком, время от времени ему нужны были женщины, но это не шло ни в какое сравнение с бушующей похотью, которую Марисса будила в нем по щелчку пальцев. Один взгляд. Прикосновение... пару предложений... порой хватало ее запаха, напоминавшего об океане...

Бум! Словно кто-то взорвал его мозг.

– Марисса...

⁷ Растение. «Утренняя слава» или «утреннее сияние» - растение рода ипомея семейства вьюнковых.

Он заерзал бедрами, и тогда она отступила на шаг.

– Иди сюда.

Она могла приказать ему что-угодно... встать на голову, сбрить брови, отгрызть себе руку... он выполнит без промедления. Последовать за ней? С возможностью подарить ей оргазм... или даже шесть?

Да, благодарю, госпожа, буду рад услужить.

Марисса завела его за бар и толкнула к полкам с алкоголем. Ее проворные ручки потянулись к ширинке брюк, и, Господи помоги им, он схватился за гранитную столешницу, наблюдая, как Марисса расстегивает пуговицу за пуговицей, и его головка выбралась наружу.

А потом она обхватила его.

– Чеееерт... – Голова запрокинулась назад, но ему нужно было смотреть на нее...

Когда она погладила ствол, Бутч покачнулся всем телом.

– Тебе нравится наблюдать, как я делаю это? – Она ласкала его медленно и методично, вверх и вниз. – Нравится?

– Дааа, – прошептал он, растягивая слово. – Мне нравится... видеть на себе ... твои руки...

– А как насчет моего рта?

Яйца напряглись, оргазм уже подступил к головке, готовый выстрелить... и это было до того, как Марисса опустилась на колени перед ним, скрываясь за стойкой бара.

Он протянет недолго, но к черту, он хотел почувствовать ее теплый и влажный рот, даже на мгновение... но не смотреть. Ему пришлось зажмуриться. Если он увидит, как она выглядит, с широко открытым ртом, ее светлые волосы, разметавшиеся по его бедрам в кожаных штанах, ее голубые глаза, обращенные к нему, словно ей нравился вкус...

Что, конечно, правдой быть не может. Но с этой ложью он спорить не станет...

Ее имя вырвалось из его горла, когда она взяла его в рот, такой мягкий и влажный, такой теплый, что он распахнул глаза. Выровняв голову, он получил обзор диванов, столов для пула и арочный проем, ведущий в фойе. Если кто-нибудь войдет сюда... что было маловероятно, учитывая последнюю трапезу... то они увидят только его развратную рожу. Марисса была укрыта длинной барной стойкой. Еще хорошие новости? Его связующий запах выходил за пределы комнаты, пряный аромат, столь густой, что послужит хорошим предупреждением о происходящем здесь и необходимости уединиться.

Марисса ласкала головку и ствол своим ртом, так, как ему нравилось, и Бутч снова захлопнул глаза... думая об игре Патриотов с Гигантами⁸... том, что подавали на последнюю трапезу... заставит ли Лэсситер их смотреть «Холостяка»⁹ или это будет долбаная Рейчел Рэй¹⁰ с ее ОМХО¹¹.

Образ командующей поварихи срабатывал лучше всего, блокируя часть ощущений... небольшую, но достаточную, чтобы не кончить на свою шеллан.

На самом деле, этот страх срабатывал даже лучше.

Гребаный ад, ужас при мысли, что он может кончить в ее рот, или, Боже упаси, на лицо...

Нет, ни за что на свете.

Отцепляя пальцы от столешницы, Бутч мягко толкнул ее плечи.

8 Бейсбольные клубы США. The San Francisco Giants are an American professional baseball franchise based in San Francisco, California.

9 «Холостяк» — реалити-шоу. В каждом выпуске главный герой каждого из сезонов, встречается с одной или сразу несколькими девушкам. Эти свидания проходят в разных местах — в ресторане, в бассейне, на корабле, на вилле и так далее. Во время встреч девушки должны понравиться Холостяку, чтобы заинтересовать его и избавиться от конкуренток. Количество претенденток уменьшается с каждым выпуском: Холостяк сам решает, кого оставить, и с кем он хотел бы познакомиться ближе. В финале остаются только две девушки. После их знакомства с родителями Холостяка, герой делает свой важный выбор в шоу — предлагает одной из них руку и сердце.

10 Рейчел Рей — телеведущая, знаменитая шеф-повар, кулинарный писатель.

11 оливковое масло холодного отжима

– Стой... – выдавил он. – Нам нужно остановиться.

Ощущения ниже пояса кричали подобно детонации бомбы... даже с отвлекающими моментами и беспокойствами, чувства скоро возьмут верх над ним, утопят его под огромной волной высокооктанового экстаза.

Стиснув зубы, Бутч поморщился.

– Пора остановиться... время...

В самый последний момент он смог отстранить ее голову силой, и, повернув бедра в сторону, кончил на шкафчики, где хранились большие коробки с закусками от «Пэппердж Фарм». И пока он кончал, Марисса пыталась противиться его хватке, словно желая вернуться к члену, но он не отпускал ее, пока бедра не перестали содрогаться, а тело не обмякло.

– Ты должен был дать мне закончить, – сказала она тихо. – Ты никогда не даешь мне закончить.

Фокусируясь на своей женщине, он потянул ее вверх, его все еще стоящий член касался ее груди, живота, бедер...

Дверной звонок заставил их повернуть головы... и Бутч выдавил проклятье. Господи. Как он позволил произойти такому в общественном помещении? Когда он был ослеплен похотью, это казалось прекрасной идеей, но бильярдная – не то место, чтобы леди вроде нее отсасывала какому-то полукровке, даже будучи в браке с ним.

Бутч быстро поправил волосы Мариссы и застегнул ширинку.

– Это нужно спрятать в домик.

– Было весело.

– Ни капли.

Когда Фритц выпустил Хекс и Трэза в дом, Бутч вернулся к реальности.

– ...ты мой должник, – сказала Хекс, заходя внутрь.

– Еще какой! – крикнул Бутч. – Рассчитаюсь в любое время.

Хекс помахала ему, а потом ткнула в его сторону пальцем.

– Ловлю на слове.

– Можешь не сомневаться.

Бутч улыбнулся, а потом снова обратился к своей шеллан.

– Позволь накормить тебя. А потом мы тебя разденем и уложим в кровать.

– Хорошо. – Она поцеловала его, а потом отвернулась, чтобы вытереть...

– Нет. – Бутч остановил ее руки. Когда те коснулись бумажных салфеток. – Я сам.

Мягко отодвинув ее с дороги, Бутч чувствовал ее взгляд на себе, но проигнорировал его. Там, откуда он родом, было две категории женщин, и его была из тех, кого боготворили.

Ему ли не знать. Он на своем веку повидал достаточно отребья.

Последнее, что он сделает – это проявит неуважение к своей Мариссе. Это словно... сжечь церковь, вонзить нож в «Мона Лизу», без причины столкнуть 818-ый со скалы.

Так что, нет, она не будет убирать за ним его же дерьмо.

Когда Бутч настоял на том, чтобы вытереть все самому, Марисса отошла в сторону, качая головой. Она никогда не понимала его заскоки касательно секса, но всегда мирилась с ними. Что еще ей оставалось? Он не станет обсуждать с ней это... всякий раз, когда она спрашивала, почему он отстраняется от нее перед самым оргазмом, Бутч переводил тему.

К тому же, сейчас эта назревшая проблема отошла на второй план.

Та женщина с ужасными ранами после операции была на волоске от смерти ... и Марисса вернулась домой лишь потому, что ей ничего не оставалось, только сидеть возле палаты ИТ¹² и ждать, пока откажут органы. Или заработают без внешней помощи. Боже,

операция казалась сложной, судя по объяснениям медсестры, но на устранение внутренних ран и удаление селезенки ушло не больше часа.

К несчастью, женщина потеряла слишком много крови, и даже после того, как Хэйверс дал ей свою вену, показатели оставались нестабильными.

Когда брат вышел из операционной, он посмотрел ей прямо в глаза и сказал, что сделал все, что мог.

И отбросив личную неприязнь, она ему поверила.

Печальное в этой ситуации – воистину, трагедий здесь чересчур много – они до сих пор не знают ее имени, и ее никто не искал... Абалон, Первый советник Короля, по ее просьбе проверил электронный ящик и голосовую почту дома для аудиенций. Также никто не делал запросов в клинику или Безопасное место.

Эта девушка была в переносном смысле призраком... с перспективой стать призраком буквально.

– Пойдем? – протянул Бутч, предлагая свою руку.

Встряхнувшись, Марисса вернулась к реальности.

– Да, конечно.

Взяв его руку, она бок о бок с ним вышла в фойе, и они зашли в столовую. После той уединенности, что у них только что была, сейчас казалось, будто они попали в параллельную реальность, с раздававшимся повсюду смехом, болтовней и творившейся суетой, и Марисса была немного ошеломлена. Наполнена до краев. Хотя расписной потолок располагался высоко, как парящий в воздухе змей, а пространство пола было больше кегельбана, со стоящим в центре сорокафутовым столом, забитым Братями, их шеллан, другими бойцами и домочадцами, помещение было наполнено счастьем.

В дальнем конце стола два места пустовали, и они направились к ним.

Бутч пододвинул для нее стул и, сев рядом, поцеловал ее в губы со словами:

– Ешь быстро.

– Можешь не сомневаться, – ответила Марисса... хотя не чувствовала голода.

И, она с грустью призналась себе, что не особо торопилась вернуться в Яму. По правде говоря, она соблазнила его только потому, что знала, – это единственный способ отвлечь хеллрена от беспокойства за нее.

Когда доджен поставил перед ней тарелку с филе-миньон¹³, Марисса повернула блюдо, нарезала мясо и не стала есть, поковырялась в пюре, покатала вилкой зеленый горошек. А потом взяла бокал Каберне Совиньон¹⁴ и откинулась на спинку стула, наблюдая за людьми, прислушиваясь к разговорам.

– ... хочешь, чтобы я сделал?

Фокусируясь на своем мужчине, она наблюдала, как он наклонился, выглядывая из-за Джона Мэтью и обращаясь к Хекс с вопросом.

Женщина-воин рассмеялась.

– Тебе стоит меня бояться.

– Нужно быть придурком, чтобы тебя не бояться.

– Говоришь приятные вещи. И я не тороплюсь забрать должок. Полезно иметь мужчину вроде тебя в должниках.

Без причины Марисса отметила, насколько сильным было тело Хекс, ее плечи и торс испещрены мускулами под облегающей футболкой «Under Armour»¹⁵, которую она заправляла в кожаные штаны. Видя ее темные, короткостриженные волосы и чугунно-серые глаза, с ней нельзя было не считаться.

Марисса, тем временем, носила офисные брюки и старомодную, учительскую блузку.

¹³ стейк из говяжьей вырезки.

¹⁴ Каберне-совиньон (фр. Cabernet Sauvignon) — сорт винограда, используемый для производства красных вин

¹⁵ Under Armour - известный американский бренд спортивной одежды, главная особенность одежды и обуви Under Armour – это уникальная защита от экстремальных погодных условий.

Когда Бутч протянул ладонь, Хекс дала ему пять, и хлопок был громким даже в этой шумной комнате.

– Вот об этом я и говорю, – сказал Бутч, откидываясь на спинку стула. – Невероятно.

– Что такое? – спросила Марисса.

– Хекс была... ну, в начале, я был в переулке... так, дайте вспомнить... – Он провел руками по воздуху. – На самом деле, слишком долго объяснять. Ключевая мысль в том, что два лессера загнали меня в угол, а у Хекс был телефон Джей-Эма, когда я запросил подмогу. Она тут же появилась... – Бутч замолчал, а потом просто покачал головой. – Ну, в общем, да.

Марисса ждала, пока он продолжит.

– В общем, что..? Что случилось?

Бутч прокашлялся и сделал еще глоток Лагавулина.

– Да неважно. Знаешь, все как обычно.

– Вы были в беде, да?

Он снова сделал глоток.

– Все удачно разрешилось.

– Благодаря Хекс.

– Ты ничего не съела.

Она опустила взгляд на свою тарелку.

– О, точно. Я перекусила перед уходом из «Убежища».

Они оба замолчали.

Когда Братья начали подкалывать друг друга, Марисса почувствовала, как уходит в себя, прячась за невидимым экраном, приглушавшим звуки и чувства.

– Готова идти? – спросил Бутч немного погодя, когда народ начал выходить из-за стола.

– Да. Конечно. Спасибо.

На пути к арочному проему, Бутч остановился, чтобы переговорить с Ви, они сблизилась, перешептываясь. Тем временем Хекс вышла из-за стола со своим супругом, рука Джона спустилась вниз, на упругую задницу, упакованную в кожаные штаны, сжимая и притягивая женщину к себе. Он не сводил взгляда со своей женщины, его тело воина очевидно хотело выпустить пар.

В ответ?

Хекс зарычала, женщина, обнажив клыки, не сводила с Джона Мэтью глаз... подобно львице, готовящейся к продолжительному секс-марафону.

Очевидно, она тоже намеривалась унять со своим хеллреном мучивший ее зуд.

– Тогда, все решится завтра, – сказал Ви, протягивая руку Бутчу.

– Договорились. – Бутч сжал руку Брата, их головы снова сблизилась, и они понизили голоса, поэтому она услышала только часть разговора: – Да, все верно. Ага. До встречи в Яме?

– Заметано.

Бутч напоследок сжал огромное плечо Вишеса, а потом повернулся к Мариссе.

– Ты как?

– М-м, – пробормотала она.

Марисса собиралась уйти вместе с ним, когда осознала, что держит в руке фужер.

– Подожди, я верну бокал.

Двигаясь против течения, она улыбнулась Осени и Тору, кивнула Пэйн и Мэнни... помахала Белле и Налле. Наклонившись ко все еще полному, но лишенному былого порядка подносу, она поставила фужер, жалея, что Фритц с персоналом не принимают помощь в уборке со стола.

Отвернувшись, она помедлила.

Бутч стоял в арочном проеме, ноги в кожаных штанах широко расставлены, брови низко опущены. Ничего необычного. Но он достал невероятно огромный крест, который всегда носил под майкой, и сейчас теребил его.

Ее охватило дурное предчувствие.

– Марисса? – донесся женский голос.

Сосредоточившись, она улыбнулась Белле.

– Хэй. Я наблюдала за вами с другого конца стола. Ну, разве ты не милашка? – Она погладила щечку Наллы. – Еще какая.

– Ее становится тяжело носить. – Белла наклонилась и поставила малышку на твердые ножки. – Сейчас я инвестирую в кроссовки.

– Для тебя или для нее?

Налла бросилась бежать, но папочка, плотно сев на хвост, не отставал. Хотя Зейдист выглядел как громила-монстр со шрамом на лице, бритой головой и рабскими метками, Налла восхищенно захихикала, оглядываясь и улыбаясь своему папе, но, не прекращая бегать, вокруг стола, лавируя между додженами, убиравшими посуду.

– Найки нужны нам обеим. – Белла улыбнулась. – Слушай, я хотела просить. До меня дошел слух, что ты собираешься устроить Бал Двенадцатого Месяца...

– *Что?!*

Белла нахмурилась.

– погоди, я думала... я что-то не так поняла?

– Нет, все нормально.

Просто чудесно.

– Что ты хотела сказать?

– Что хочу помочь всем, чем смогу. Я удивилась, услышав, что ты подписалась на это, но я понимаю твои мотивы. Нам нужно... не знаю, кажется, пришло время, чтобы раса возродила свои традиции. Много ненужных обычаев, но празднества очень важны...

Раздался недовольный крик, когда Налла поскользнулась, и папа поймал ее как раз вовремя.

– Черт, мне пора, – сказала Белла. – У нее невралгические боли. Последние пару дней выдались трудными. Просто помни, я рядом, если понадобится.

Белла бросилась к своей семье и потянулась к Налле, которая, в ответ протянула ручку к своей мамэн. Вторая осталась у Папочки... они трое были едины.

Да, подумала Марисса. Невралгические боли – тяжкое время, по крайней мере, судя по разговорам. По неясной причине, дети вампиров страдали от быстрого взросления, в противоположность медленному и спокойному росту, каким наслаждались люди.

Еще одна клева штука у расы.

Как и празднества.

Потирая виски, Марисса вернулась к Бутчу.

– Господи, голова раскалывается.

– Да? Давай уложим тебя в кровать, – предложил он.

– Хорошая мысль. Мне не мешает поспать.

– Да, ты выглядишь уставшей.

– Так и есть.

Иииии таков был конец ее ночи: десять минут спустя она лежала в кровати, закрыв глаза, изображения последних двух часов мелькали в ее голове.

А Бутч вернулся в гостиную Ямы.

Сидеть в одиночестве.

Глава 4

Следующим вечером Пэрадаиз отправилась в школу на автобусе.

Образно выражаясь.

Было на самом деле два автобуса, в каждом примерно по тридцать человек, на этом схожесть с желтыми средствами по перевозке людей заканчивалась. Транспорт, на котором

Братство доставляло кандидатов в учебный центр, словно взяли из «Штурма белого дома»¹⁶, черный изнутри и снаружи, с толстыми затемненными стеклами, сто процентов пуленепробиваемыми, шины напоминали о снеговом плуге, а решетка радиатора – о Ти-Рексе¹⁷.

Как и все остальные, она материализовалась на участке свободной земли, на западе пригородной части Колдвелла. Отец хотел проводить ее, но для нее было важным начать путь именно так. Это было ее независимое решение, ей нужно было поступить также, как сделали другие... и она была уверена, что никто не возьмет с собой дуэнью.

Тем более дуэнью, которая по совместительству является Первым Советником Короля.

Она не удивилась, увидев почти шестьдесят незнакомых лиц: в объявлении четко прописали, что любой может присоединиться к программе, поэтому было полно гражданских. На самом деле, казалось, что здесь были одни гражданские, а соотношение женщин и мужчин – один к десяти.

Но, по крайней мере, ее пол вообще допустили к испытаниям.

Собравшись с мыслями, Пэрадайз сменила положение, убедившись, что не толкает локтем сидевшего рядом мужчину. Кроме обмена именами – его звали Акс¹⁸ – они ничего не сказали друг другу, и это задумчивое молчание прекрасно подходило его внешности: на мужчине было большими буквами написано «убийца». Черные взъерошенные волосы, черные пирсинги на одной половине лица, и зловещая татуировка на одной стороне шеи.

Если бы отец знал, что она оказалась в непосредственной близости к такому мужчине? Абалона бы пришлось подключать к системе жизнеобеспечения.

Именно по этой причине она хотела вступить в программу. Пришло время вырваться из оков ее положения... покончить с тепличной жизнью. Работа на Короля научила ее тому, что трагедия может настигнуть тебя вне зависимости от принадлежности к определенному классу, что справедливость не всегда побеждает, и что никто не выберется из этой жизни живым.

– Значит, ты правда зашла так далеко.

Пэрадайз посмотрела в черное стекло. Словно в отражении зеркала она увидела Принцепса Пэйтона, первого сына Пейтона, он ни капли не изменился: классическая красота, с яркими голубыми глазами и густыми светлыми волосами, зачесанными назад со лба. На нем были его фирменные солнечные очки без оправы и с синими стеклами, за которыми он всегда скрывал одурманенный взгляд, а его одежда в стиле только-сошел-с-яхты была пошита на заказ под его мускулистое тело. С аристократичным голосом, с хрипотцой, и мозгами, которые чудным образом умудрялись противостоять травке, он считался одним из самых желанных холостяков Глимеры, на одну половину Великий Гэтсби, и на вторую – Джек Воробей.

Сделав вдох, Пэрадайз почувствовала его одеколон и легкий душок травы.

– Как жизнь, Пэйтон, – пробормотала она.

– Ты бы знала, если бы ответила хоть на один звонок.

Пэрадайз закатила глаза. Хотя они дружили с пеленок, ублюдок всегда обладал неотразимым воздействием на женщин. И одна из его проблем – среди многих – что он прекрасно понимал это.

– Прием? – позвал он.

Пэрадайз повернулась к нему лицом.

– Мне нечего тебе сказать. Ничего удивительного, учитывая, что ты опустил меня до уровня ходячих яичников. Мне же больше нечего предложить этому миру, верно?

– Ты не извинишь нас? – сказал он парню, сидевшему рядом с ней.

16 «Штурм Белого дома» (англ. White House Down) — боевик режиссёра Роланда Эммериха по сценарию Джеймса Вандербилта. Главные роли исполняют Ченнинг Татум, Джейми Фокс и Джеймс Вудс. Премьера в США состоялась 28 июня 2013 года, в России — 18 июля 2013 года.

17 Ти-Рекс – сокр. Тираннозавр.

18 Топор, с англ.

– С гребаным удовольствием. – Акс, крутой парень, встал так, словно убирался подальше от бомбы-вонючки. Или визгливой девчонки в розовых кружевах и бантиках.

Пэйтон сел рядом с ней.

– Я же извинился. По крайней мере, по телефону. Чего еще ты от меня хочешь?

Она покачала головой, вспоминая первый год после набегов. Столько ее родных погибли во время ужасного нападения Общества Лессенинг, а те, кому повезло выжить, покинули Колдвелл, прячась в своих убежищах за пределами города, штата и Новой Англии.

Пэйтон уехал на юг со своей семьей. Она отправилась на запад с отцом. И они провели несметное число бессонных дней в разговорах по телефону, только бы остаться в здравом уме и справиться со страхом, ужасом, скорбью и потерями. Со временем она стала связываться с ним регулярно, в течение бесконечных циклов, состоявших из дней, недель и месяцев.

Он стал ее семьей.

Конечно, если бы времена хоть отдаленно напоминали «нормальные», они бы так не сблизились... особенно при личном знакомстве. Будучи незамужней женщиной из Семьи Основателей, ей не разрешили бы браться с неженатым мужчиной без дуэньи.

– Помнишь, те часы, что мы провисели на трубке? – спросила она.

– Да.

– Мне казалось, что я могу на тебя положиться. Ты не судил меня, когда я была напугана, слаба, когда нервничала. Ты просто... голос на другом конце провода не давал сойти мне с ума. Порой ты был единственной причиной, благодаря которой я доживала до заката. – Она покачала головой. – А потом ты сразил меня наповал своим глиммерским дерьмом...

– Подожди...

– Так и было. Ты посмеялся надо мной и сказал, что я не могу это сделать. – Она накрыла его рот ладонью, заставляя замолчать. – Просто помолчи, хорошо? Позволь выговориться. Да, возможно, ты будешь прав: я могу вылететь из программы. И пусть я плюхнусь на задницу... но я имею право находиться в этом автобусе, я могу попытаться, как и все остальные здесь. Из всех людей ты, ты, кто смеялся над каждой глупой женщиной, которую семья пыталась тебе сосватать, ты, кто считал празднества бесполезными, кто отвергал родительские ожидания касательно твоей карьеры... ты был последним человеком на свете, от кого я ожидала услышать в свой адрес подобные пережитки прошлого.

Откинувшись на спинку, он уставился на нее сквозь свои очки с синими стеклами.

– Закончила свою речь?

– К сведению, не умничай, это тебе не поможет.

– Просто хочу уточнить, если ты готова отбросить свою феминистскую чушь и послушать меня.

– Ты издеваешься?

– Ты не дала мне шанса объясниться. Ты слишком занята, объясняя мои мотивы, словно активистка движения за свободу сосков¹⁹. Зачем пускать кого-то в диалог, если ты прекрасно справляешься, оценивая и смотря свысока? Не думал, что ты можешь быть такой.

Добро пожаловать в параллельную вселенную, подумала Пэрадайз.

Она выпалила, не подумав:

– А я-то думала, что ты простой наркоман. Не знала, что ты еще и женоненавистник.

Пэйтон, покачивая головой, встал.

– Знаешь, что, Пэрри? Нам лучше взять тайм-аут.

– Полностью поддерживаю.

Он посмотрел на нее с высоты своего роста:

19 Движение Free The Nipple(букв. Свободу соску) - его сторонники борются за право женщин показывать обнажённую грудь — не важно, идёт ли речь о кормлении младенцев или желании сфотографироваться или выйти на улицу топлес. Глобально активистки выступают за то, чтобы женщина — даже женщина с обнаженной грудью — не воспринималась исключительно как сексуальный объект.

- Будь я проклят, раз решил, что тебе понадобится дружеская поддержка.
- Друг не пожелает тебе поражения.
- Я такого не говорил. Никогда.

Когда он отвернулся, Пэрадайз хотелось закричать ему вслед, но она позволила ему уйти. Разговоры ни к чему не приведут. Чего они добьются – так это внимания всего автобуса.

Блин, хорошее же начало.

Через час после заката, Марисса материализовалась в чаще леса по другую сторону Гудзона. Она задрожала под ветром, свистевшим между сосновыми ветками, и сильнее закуталась в свое шерстяное пальто от «Барберри». Глубокий вдох, и синусовые пазухи защищало от влажного и фантастически чистого воздуха, который дул с Канадской стороны.

Оглядываясь по сторонам, она подумала, что было в ноябре что-то мертвое. Разноцветные листья осени опали и сейчас хрустели под ногами, трава и подлесок пожухли, а радостное, обманчиво уютное снежное покрывало еще не опустилось на город.

Ноябрь был переходным периодом от одной версии красоты к другой.

Холодное и пустое время.

Она развернулась, ее острое зрение нацелилось на непримечательное бетонное строение примерно в пятидесяти ярдах от нее. Одноэтажное, без окон, с одной темно-синей дверью. Казалось, власти Колдвелла задумывали очистное сооружение, но потом забросили здание.

Она шагнула вперед, и под ее ногой хрустнула ветка... Марисса застыла от звука, а потом обернулась, проверяя, что за ней никого нет. Черт возьми, она должна была сказать Бутчу, куда направляется. Но он был так занят подготовкой к сбору новых рекрутов, что она не хотела его тревожить.

Все нормально, убеждала она себя. Впереди еще Последняя трапеза.

Тогда она и поговорит с ним.

На пути к двери, ее ладони вспотели в перчатках, грудь сжалась так сильно что, казалось, она была в корсете.

Господи, сколько лет прошло с тех пор, когда она в последний раз надевала корсет?

В попытке сосчитать, Марисса вспомнила свою жизнь до встречи с Бутчем. У нее был статус и положение, которое не пожелал бы ни один член Глимеры. Будучи ненужной нареченной Рофа, сына Рофа, она служила поучительной историей, красивым проклятьем, которое жалели и избегали на всех аристократических вечерах и празднествах.

Но брат всегда присматривал за ней и служил преимущественно безмолвным, но верным источником комфорта. Он ненавидел, что Роф всегда пренебрегал ею во всем кроме кормления... И в конечном итоге эта ненависть заставила брата покуситься на жизнь Короля.

Что стало одним из многих покушений на жизнь Рофа, как выяснилось.

Она страдала от своей горькой участи, ничего не ожидая от будущего, просто желая хорошей жизни... тогда она встретила Бутча в доме Дариуса. Ее судьба изменилась навечно, когда она увидела в гостинной в тот-момент-еще-человека, судьба подарила ей любовь, о которой она всегда молила. Но последствия были ужасны. Наверное, для соблюдения баланса Девы-Летописцы, все хорошее стоило ей очень дорого: брат выгнал ее из дома и своей жизни всего за пару минут до рассвета.

Так бывает, когда узнаешь, что дочь из Семьи Основателей встречается с человеком.

Как выяснилось, в Бутче было нечто большее, но ее брат не пробыв рядом достаточно долго, чтобы узнать об этом... а Мариссе было плевать. Она бы любила Бутча так или иначе, человеком или вампиром.

Не считая встречи Совета, она больше не натыкалась на своего брата.

До прошлой ночи.

Забавно, она вспоминала свою прошлую жизнь, что имела, где и как жила. Она абстрагировалась от всего, что было до ее супруга, жила настоящим и будущим.

Но сейчас, пересекая порог новой, навороченной клиники брата, она осознала, что пресловутый чистый лист был иллюзией. Движение вперед не означало, что удалось избавиться от прошлого, подобно старой одежде.

Прошное напоминало твою кожу: с тобой на всю жизнь, с красивыми родимыми пятнами... и шрамами.

Преимущественно шрамами, как было в ее случае.

Ладно, где здесь звонок? Пропускной пункт? Прошлой ночью они заехали на скорой через другой вход... но Хэйверс сказал ей заходить здесь, если она соберется дематериализоваться.

– Вы пришли на встречу с доктором? – раздался женский голос в спикере.

Дернувшись от испуга, Марисса откинула волосы назад и попыталась найти видеокамеру.

– Эм... на самом деле, мне не назначено. Я хочу увидеть...

– Милая, ничего страшного. Заходи внутрь.

Раздался глухой стук, и на двери появилась ручка. Толкнув ее, Марисса вышла в открытое пространство примерно двадцать на двадцать футов. Со встроенным в потолок светом и бетонными стенами помещение напоминало тюремную камеру.

Оглядываясь по сторонам, она гадала...

Красный лазерный луч был шириной с ладонь, но не толще пряди волос, и Марисса скорее ощутила его теплоту, нежели заметила взглядом. Луч медленно прошелся по ее телу с ног до головы, и он исходил из черного устройства, прикрученного к потолку в правом верхнем углу.

– Прошу, проходите, – сказала женщина через очередной невидимый спикер.

Прежде, чем Марисса успела сказать, что идти было некуда, стена перед ней разъехалась посередине, открывая лифт, двери которого плавно раскрылись.

– Круто, – выдохнула она, заходя внутрь.

Дорога вниз длилась дольше поездки на один этаж, поэтому она решила, что сооружение считалось подземным не просто номинально.

Когда лифт, наконец, остановился, дверь снова открылась и...

Суета, сплошная суета, подумала она, выходя из кабины.

Люди были повсюду, на стульях перед плоским ТВ-экраном слева, стояли у регистратуры справа, персонал в сестринской форме и халатах носились туда-сюда через центр огромного зала.

– Добрый день! У вас назначено?

До нее не сразу дошло, что к ней обращалась женщина в униформе, сидевшая за конторкой.

– О, нет, боюсь, нет. – Марисса подошла к ней и понизила голос. – Я формальный опекун женщины, которую привезли сюда прошлым вечером из «Убежища». Я пришла справиться о ее состоянии.

Администратор мгновенно застыла. А потом ее взгляд прошелся по Мариссе подобно лазерному лучу.

Марисса знала наверняка, какие слова всплывали в голове женщины: отвергнутая нареченная Рофа, ныне супруга Дэстройера, и, что важнее, изгнанная сестра Хэйверса.

– Вы могли бы сообщить брату о моем приходе?

– Я уже в курсе, – раздался голос Хэйверса позади нее. – Я видел тебя через камеру видеонаблюдения.

Марисса на мгновение закрыла глаза. А потом повернулась к нему лицом.

– Как состояние пациентки?

Он быстро поклонился, чем сильно удивил ее.

– Плохо... прошу за мной.

Она шла за его белым халатом к паре тяжелых дверных панелей, чувствуя на себе кучу взглядов.

Семейное воссоединение – та еще забава. Особенно на публике.

Хэйверс провел пропуском по считывающему устройству, и металлические панели разошлись в стороны, открывая взгляду медицинское пространство, настолько модернизированное и внушительное, что даже Шонде Раймс²⁰ не снилось: палаты пациентов, обставленные новым оборудованием, располагались вокруг центра управления в виде кучи медсестер, компьютеров и различных вспомогательных средств, а три коридора расходились в разные стороны и, очевидно, вели в специальные отделения.

Ее брат руководил всем лично.

Если бы она не знала его истинное лицо, то почувствовала бы перед ним трепет.

– Серьезное учреждение, – отметила она между делом.

– На планирование ушел год, постройка заняла того больше. – Он прокашлялся. –

Король был очень щедр.

Марисса метнула в его сторону взгляд.

– Роф? – Будто у расы был другой правитель? – В смысле...

– Я оказываю расе жизненно необходимые услуги.

Ее избавили от необходимости продолжать разговор, когда Хэйверс остановился перед остекленной палатой с задернутыми шторами по всему периметру.

– Соберись с духом.

Марисса бросила на него раздраженный взгляд.

– Будто раньше я не сталкивалась с насилием?

Сама мысль, что сейчас он пытался оградить ее от чего-то, была оскорбительна.

Хэйверс неловко склонил голову.

– Разумеется.

Он отодвинул стеклянную дверь, а за ней – бледно-зеленую ширму.

Сердце Мариссы упало в пятки, и ей пришлось собраться с силами, чтобы не упасть самой. Столько трубок и аппаратов было подключено к женщине, словно в научно-фантастическом фильме, смертная природа жизни была преодолена путем механизирования функций организма.

– Она дышит без помощи аппаратуры, – сказал Хэйверс, подойдя к койке и прочитав какой-то отчет. – Мы вытащили трахеотомическую трубку пять часов назад.

Встряхнувшись, Марисса заставила себя подойти к кровати. Хэйверс был прав, предупреждая ее... но что она ожидала? Она уже не раз сталкивалась с ранениями.

– Она... – Марисса не сводила глаз с изувеченного лица женщины. Синяки еще ярче окрасили кожу, огромные пятна фиолетового и красного цвета покрывали опухшие щеки, глаза, подбородок и скулы. – Ее... ее искала семья?

– Нет. И она не приходила в сознание, чтобы назвать нам свое имя.

Марисса подошла к изголовью кровати. Тихое пиканье и жужжание оборудование казалось невероятно громким, а ее зрение обрело чрезмерную четкость, когда она посмотрела на капельницу с раствором, спутанные каштановые волосы на белой подушке, фактуру вязаного синего покрывала поверх простыней.

Бинты были повсюду, подумала Марисса. Полностью покрывали открытые плечи и руки.

Худенькая, бледная рука женщины лежала возле ее бедра, и Марисса обхватила ладонь. Слишком холодная, подумала она. Кожа была слишком холодной, и ненормального цвета... серовато-белого, вместо здорового золотисто-коричневого.

– Ты приходишь в себя?

20 Отсылка к сериалу «Анатомия страсти», который стал наибольшим успехом в карьере Шонды Раймс, американского сценариста, режиссёра и продюсера. В центре сюжета жизнь интернов, врачей и прочего персонала больницы «Сизл Грейс» («англ. Seattle Grace Hospital», «SGH»), где разворачивается основное действие сериала.

Марисса нахмурилась, услышав комментарий брата... а потом заметила, что глаза женщины затрепетали, опухшие веки захлопали.

Марисса наклонилась к ней:

– Ты в порядке. Ты у моего бр... ты в клинике расы. Ты в безопасности.

Она поморщилась, услышав рваный стон. И какое-то бормотанье.

– Что? – спросила Марисса. – Что ты пытаешься мне сказать?

Слога были произнесены с паузами в тех же местах, и Марисса попыталась найти связь, расшифровать поток слов, ухватиться за смысл.

– Повтори...

Пиканье на заднем плане перешло в сигнал тревоги. И тогда Хэйверс широко распахнул шторы и крикнул что-то в коридор.

– Что? – спросила Марисса, наклоняясь еще ниже. – Что ты хочешь сказать?

Вбежали медсестры с тележкой. Когда кто-то попытался вклиниться между ней и пациенткой, Марисса хотела воспротивиться... но потом до нее дошло происходящее в комнате.

– Нет сердцебиения, – сказал Хэйверс, прижав стетоскоп к груди женщины.

Связь между Мариссой и пациенткой разорвали, их руки разъединили... но женщина не сводила с нее глаз, даже когда ее окружил персонал и оборудование.

– Начинаем непрямой массаж сердца, – сказал Хэйверс, когда медсестра запрыгнула на кровать. – Заряжайте тележку.

Марисса отступила еще дальше, не разрывая зрительного контакта. –

Я найду его, – услышала она свой голос поверх шума. – Я обещаю тебе...

– Все назад, – приказал Хэйверс. Когда персонал отступил, он нажал на кнопку, и грудь женщины взмыла вверх.

Сердце Мариссы гулко билось, словно за них двоих.

– Я выясню, кто это сделал! – закричала она. – Оставайтесь с нами! Помогите нам!

– Нет пульса, – сказал Хэйверс. – Еще раз. Разряд!

– Нет! – закричала Марисса, когда женщина закатила глаза. – Нет..!

Глава 5

Это что... коктейльная вечеринка?

Когда Пэрадайз зашла в спортивный зал размером с футбольное поле, то с удивлением обнаружила додженов в униформе, которые держали руками в белых перчатках подносы с разнообразными закусками, на столе с дамасскими скатертями был организован фуршет, а на заднем фоне звучала классическая музыка.

Скрипичные сонаты Моцарта.

Такие слушал ее отец, сидя перед камином после Последней трапезы.

Слева располагалась стойка регистрации, и после недолгих сборов все шестьдесят кандидатов выстроились в ряд перед женщиной-додженом с ноутбуком и счастливой улыбкой на лице. Не желая создавать впечатление, будто она ждет к себе особого отношения, Пэрадайз встала посередине очереди, терпеливо ожидая возможности назвать свое имя, подтвердить адрес, сфотографироваться и отойти в сторону для досмотра ее сумки и куртки.

– Не желаете канapé? – к ней услужливо обратился доджен.

– Нет, большое спасибо.

Доджен поклонился и подошел к мужчине, который стоял позади нее в очереди. Оглянувшись через плечо, она кивнула коллеге... и вспомнила, что встречала его на празднествах, которые устраивала Глимера до набегов. Как и все представители аристократии, они находились в дальнем родстве, но она не общалась с ним или его семьей.

Его звали Энслэм, насколько она помнила.

Мужчина кивнул в ответ и закинул канapé в рот.

Отворачиваясь, Пэрадайз окинула взглядом спортивные снаряды и оборудование, расставленные в открытой зоне. Параллельные бруссы, турник для подтягиваний, маты, козлы, жим для ног... о, классно, у них есть гребной тренажер.

Хоть в чем-то она не облажается.

Оглянувшись через плечо, она обнаружила других новобранцев, шарахавшихся от додженов с подносами, словно они видели прислугу впервые. Пэйтон жевал за обе щеки... не удивительно. Акс, потенциальный серийный убийца стоял в стороне, скрестив руки на груди, его глаза исследовали территорию так, словно он выбирал жертву.

Почему только половина тела в татуировках? И с пирсингом?

Не все ли равно?

И да, вау, в настоящий момент здесь была всего одна женщина, не считая ее. И судя по ее широким плечам и круче-только-яйца выражению на сухощавом лице, наверное, она подходила для этой программы больше, чем большинство мужчин.

Потирая вспотевшие руки о бедра, Пэрадайз встряхнула с себя чувство разочарования. Этот мужчина, Крэйг, приходивший в дом для аудиенций за заявлением, не был среди группы.

Но, да ладно, оно и хорошо. Он заполонил ее мысли сразу же, как подошел к ее рабочему столу... а ей нужно все внимание, чтобы пройти через это.

Если, конечно, сегодня вечером их ждет что-то большее, нежели вечеринка с канapé.

Где все Братья? – гадала она.

Она уловила движение краем глаза и повернула голову. Один из мужчин запрыгнул на козла и сейчас медленно вращал нижней частью тела, удерживая вес на массивных руках. Его ладони с глухими ударами приземлялись на кожаные подушки с постепенно нарастающим темпом.

– Неплохо... – пробормотала она, наблюдая, как стремительно вращаются сильный торс и ноги вокруг перекладки.

Он ни разу не сбился. Ни разу. И чем дольше он крутился, тем сильнее она убеждалась, что ей стоило провести в качалке последние восемь лет, а не восемь недель. Если остальные кандидаты были как этот парень? Она в заднице.

Но не одна она казалась запуганной. Весь класс перестал бесцельно прохаживаться и уставился на него, замороженный превосходным представлением в пустой части зала.

Бамс.

Она обернулась на звук закрывавшейся двери... и охнула, не успев сдержаться.

Вот он, тот, кого она ждала, кого надеялась увидеть снова.

Когда мужчина подошел к стойке регистрации, Пэрадайз ухватила за свои убранные в хвост волосы, какие-то связанные с эстрогеном рецепторы забились в панике и перешли в режим шестнадцатилетнего подростка.

Выше. Он был намного выше, чем она помнила. И шире... его плечи растягивали огромную толстовку с эмблемой «Сиракуз» до пределов. На нем снова были синие джинсы, в этот раз другие, но с похожими дырами и потертостями, что и предыдущие. На ногах – сбитые и грязные Найки. Кепки в этот раз не было.

Реально клевые темные волосы.

Он недавно подстригся, бока были почти выбриты, она могла видеть кожу черепа под короткими темными волосами вокруг ушей и на затылке, макушка была достаточно короткой, чтобы волосы стояли торчком. Его лицо... ну, едва ли казалось сногшибательным для всех остальных, нос крупноват, подбородок слишком острый, глаза посажены слишком глубоко, чтобы хоть немного казаться дружелюбными. Но для нее он был Кларком Гейблом; он был Марлоном Брандо; он был Скалой; он был Ченнингом Татумом.

Он казался ей настолько красивым, словно она была под алкоголем, какие-то химические процессы внутри нее преображали его в нечто большее, чем он являлся на самом деле.

Сделав глубокий вдох, Пэрадайз попыталась уловить его запах... и почувствовала себя маньячкой.

Ну, она таковой и была.

Когда его сняли на фото, мужчина повернулся к толпе, скользнув взглядом по собравшимся, его лицо ничего не выражало. Она смутно осознала, что встречавшие их доджены собрали их вещи и сейчас уходили... вместе со слугами, что разносили подносы – они, наверное, отправились за провиантом.

Но будто ее это волновало?

Посмотри на меня, она посылала свои мысли мужчине. Посмотри на меня...

И он посмотрел.

Его глаза скользнули по ней мельком... но потом вернулись. По всему телу Пэрадайз пробежал заряд тока, и она...

В спортзале разом погас свет.

Стало темно.

Хоть глаз выколи.

В это время, в клинике Хэйверса, Марисса бы упала, не прислонись она к стеклянной стене.

Особенно когда наблюдала, как ее брат натягивал белую простыню на застывшее лицо женщины.

Дражайшая Дева Летописца, она не была готова к гнетущему безмолвию смерти... к тому, как по приказу Хэйверса все остановились, сигнал тревоги выключили, все попытки были прекращены, и жизнь покинула тело женщины. Она также не была готова наблюдать, как убирают оборудование, которое поддерживало ее жизнь: одну за другой вытаскивали трубки из груди, руки и живота, а потом сняли схемы, следящие за показателями сердца. Последними убрали компрессионные гетры с ее худеньких ног.

Марисса быстро заморгала, наблюдая за нежными руками медсестер. Они были аккуратны с ней после смерти, так же, как и при жизни.

Когда персонал начал расходиться, Мариссе хотелось поблагодарить женщин в белых халатах и скромных скрипучих тапочках. Пожать им руки. Обнять.

Но Марисса оставалась на месте, парализованная ощущением, что не должна была стать свидетелем этой смерти. Здесь должна быть ее семья, подумала она. Боже, как же отыскать ее родных?

– Мне так жаль, – сказал Хэйверс.

Марисса уже собиралась спросить, о чем он сожалеет... когда поняла, что он обращался к своей пациентке: ее брат склонился над кроватью, положив руку на плечо, укрытое белой простыней, его брови были низко сведены над очками в роговой оправе.

Выпрямившись и отступив назад, он поднял очки и, казалось, стер слезы с глаз... но, повернувшись к ней, он был предельно собран.

– Я позабочусь, чтобы с ее останками поступили должным образом.

– Что ты имеешь в виду?

– Она будет кремирована с соблюдением ритуала.

Марисса кивнула.

– Я хочу забрать ее прах.

Хэйверс кивнул в ответ, и когда они договорились, что она заберет останки следующим вечером, Марисса ясно ощутила, что ее время на исходе. Если она не уберется подальше от брата, от этой комнаты, от тела и от клиники... она сломается прямо на его глазах.

А это недопустимо.

– Прошу меня извинить, – перебила она. – У меня остались неотложные дела в «Убежище».

– Разумеется.

Марисса посмотрела на тело женщины, рассеянно замечая красные пятна на простыне – несомненно в тех местах, откуда удалили трубки.

– Марисса, я...

– Что? – произнесла она устало.

В напряженной тишине она вспомнила то время, что провела, злясь на него, ненавидя его... но сейчас она не могла вызвать эти эмоции. Она просто стояла перед своим родственником, в позе, не выражавшей ни силу, ни слабость.

Дверь открылась, а штору снова отдернули. Медсестра, которая не участвовала в реанимации, заглянула внутрь.

– Доктор, мы готовы в четвертой.

Хэйверс кивнул.

– Спасибо. – Когда медсестра скрылась, он обратился к Мариссе: – Прошу меня извинить. Я должен...

– Позаботься о своих пациентах. Во что бы то ни стало. В этом твое призвание, и ты в этом хорош.

Марисса покинула палату, и спустя секунду сомнения, вспомнила, что ей налево. Было легче сохранить обладание и надеть маску в открытом пространстве, когда она направилась в зону приема пациентов... и все смотрели на нее, будто персонал успел обменяться слухами. Странно, она не видела знакомых лиц... что в очередной раз напомнило, сколько людей погибло в набегах, и как давно она не была на работе брата.

Какими они были чужими друг другу, несмотря на связывающие их кровные узы.

Поднявшись на лифте на поверхность, она вышла в похожий на камеру холл и, толкнув дверь, выпорхнула наружу.

В отличие от прошлого вечера, этой ночью луна светила ярко, озаряя весь лес... но, не освещая входы внутрь. До нее дошло, что на самом деле было несколько входов в подземный комплекс, некоторые для поставок, другие для пациентов, которые могли дематериализоваться сами, и еще одни – для машин скорой помощи.

Все было так логично организовано, без сомнений, благодаря вкладу и влиянию ее брата.

Почему Роф не рассказал ей, что он помогает клинике Хэйверса?

С другой стороны, это не ее дело.

Интересно, а Бутч в курсе? – задумалась она.

Мне так жаль.

Марисса слышала слова брата в своей голове, и ее гнев вырос в стократ, настолько, что от жжения пришлось потереть грудь.

– Прошлое не исправить, – сказала она себе. – Пора возвращаться к работе.

Но, казалось, она была не в силах уйти. На самом деле, при мысли о возвращении в «Убежище» ей хотелось бежать сломя голову в противоположном направлении. Она не могла сейчас рассказать персоналу о случившемся. Смерть женщины словно отрицала все, что они пытались сделать под крышей «Убежища»: вмешаться, защитить, научить, придать сил.

Нет, у нее не хватит на это сил.

Проблема в том... что она не знала, куда еще ей податься.

Глава 6

Окруженная темнотой, словно в гробу, Пэрадаиз слышала только грохот сердца за грудной клеткой. Щурясь, она попыталась заставить глаза привыкнуть, но, не было ни одного источника света... ни свечения из-за дверей, ни красных табличек выхода, ни аварийного

освещения. Вакуум вселял ужас и, казалось, отрицал законы гравитации, чувство, что стоя на ногах, она могла оторваться от пола, пугало ее и вызывало тошноту.

Классическая музыка тоже затихла.

Но едва ли воцарилась тишина. Заставив уши переключиться с кастаньет в ее груди, она смогла расслышать бормотанье, тяжелое дыхание, ругань. Кто-то, должно быть, начал двигаться, раздавался шорох одежды, шарканье ног, все звучало словно фоновый напев для внушительных вокальных партий.

Они не причинят нам вреда, сказала Пэрадайз себе. Братство ни в коем случае не посмеет их тронуть: да, она подписала согласие и отказ от претензий на оборотной стороне заявления... не то, чтобы она с особым интересом прочла мелкий шрифт... но, так или иначе, убийство есть убийство.

Невозможно подписаться под смертным приговором.

Братья просто решили появиться таким образом. В любой момент. Да, они выйдут из какой-нибудь двери, в лучах софитов и посреди белых клубов дыма, словно супергерои, обвешав свои нереально огромные тела навороченными пушками.

Да-да.

В любой момент...

Темнота не рассеивалась, и страх вспыхнул снова, было сложно противиться его приказу и не побежать. Но куда ей идти? Она смутно помнила, где располагались двери, где бар, где стол и стойка регистрации. Она также подумала, что помнит, где находился этот мужчина, Крэйг... нет, секунду, он сдвинулся. Он передвигался.

По неясной причине Пэрадайз чувствовала его среди остальных, словно он был маяком...

Ветер коснулся ее тела, заставляя подпрыгнуть. Но это был просто холодный воздух. Холодный, свежий воздух.

Ну, это исключало электрическое замыкание, раз вентиляции все еще работала.

Так, это смехотворно.

И, очевидно, не она одна была сбита с толку. Другие ругались еще больше, двигались, наступали друг другу на ноги.

– Будь готова.

Пэрадайз вскрикнула в темноте, но потом успокоилась, узнав голос Крэйга, его запах, присутствие.

– Что? – прошептала она.

– Приготовься. Сейчас начнется первое испытание... они открыли выход, вопрос в том, как они нас к нему подведут.

Ей хотелось казаться такой же умной, как и он, такой же спокойной.

– Но почему мы просто не выйдем через те же двери?

– Неудачная мысль.

Как раз в этот момент послышался скоординированный топот в сторону входа, словно несколько рекрутов образовали группу, согласовали стратегию и приводили план в действие.

И тогда Пэрадайз услышала первые крики этой ночи.

Высокочастотные и очевидно от боли, а не от испуга, ужасные звуки, которые дополняло непонятно откуда возникшее шипение.

Слепая... в прямом смысле... она выбросила руку, хватаясь за руку Крэйга... но нет, плоский и жесткий, это был его живот, а не рука.

– О, боже, прости. Я...

– Двери на электричестве, – сказал он, не замечая ее оплошность и извинения. – Здесь ничто нельзя считать безопасным. Ты пила то, что предлагали слуги? Ела что-нибудь с тарелок?

– Ой... нет, я не...

Слева, посреди хаоса, до них отчетливо донеслись чьи-то рвотные позывы, это было наверняка. А двумя секундами позже, словно птица отвечала на чирикание своих соотечественников, кого-то еще начало тошнить.

– Они не имеют права травить народ, – выпалила она. – Стой, это же... это школа! Они не могут...

– Это – выживание, – сказал он мрачно. – Не обманывай себя. Никому не доверяй, особенно так называемым учителям. И не думай, что дойдешь до конца... не потому что ты женщина, а потому что Братья задерут планку так высоко, что только один из десяти останется на ногах к концу этой ночи. Если не меньше.

– Ты не можешь говорить серьезно.

– Прислушайся, – сказал он. – Слышишь это?

– Рвоту? – ее желудок сочувственно сжался. – Сложно не расслышать.

И не почувствовать.

– Нет, тиканье.

– О чем ты... – И тогда она тоже услышала... на заднем плане, словно слуховой эквивалент кого-то, прятавшегося за шторами, раздавался ровный тикающий звук. – Что это?

– У нас осталось мало времени. Интервалы между сигналами становятся все короче. Удачи.

– Куда ты?

Не бросай меня, хотела она сказать.

– Куда...

– Я пойду за свежим воздухом. Туда всем положено направиться. Ни к чему не прикасайся. И, как я сказал, удачи.

– Стой!

Но Крэйг уже исчез, словно призрак испарился в темноте.

Внезапно Пэрадайз ощутила откровенный ужас, ее тело неконтролируемо затряслось, руки и ноги онемели, а на коже выступил холодный пот.

Отец был прав, подумала она. У меня не получится. О чем я думала...

И тогда разразился ад.

Сверху и со всех сторон загремели взрывы, словно весь спортзал был заминирован, хлопки были настолько громкими, что уши вместо шума регистрировали боль, а вспышки света настолько яркими, что одна версия слепоты перешла в другую.

Крича посреди этого водоворота, Пэрадайз обхватила голову руками и припала к земле, прячась.

Впереди себя она видела народ на полу, кто-то свернулся в защитной позе подобно ей, других рвало, кто-то находился возле дверей, прижимая к себе руки, словно от невыносимой боли.

Только один стоял на ногах и двигался.

Крэйг.

Среди прерывистых вспышек, Пэрадайз следила за его передвижениями до дальнего угла. И, конечно, там был выход, дверь, за которой стояла глухая темнота... но лучше так, чем попасть под бомбу.

Она сделала пару шагов вперед, но осознала всю глупость положения. Бежать. Ей нужно бежать... ее ничто не удерживало, и она не хотела, чтобы на голову что-то свалилось.

Не прикасаться к спортивным снарядам.

Учитывая, что произошло с теми, кто пытался открыть металлические двери?

Да ни за что.

Пэрадайз с великим облегчением бросилась вперед, но пришлось сдерживать скорость, потому что ее подводило зрение - приходилось ждать вспышек. Это единственный безопасный способ передвижения.

Вот вам пьяная походка: запинаясь, поскальзываясь, карабкаясь, она продиралась сквозь оглушительный шум и свет, угрозу своей жизни и обуявший ее ужас.

Пэрадайз как раз вошла в лабиринт из спортивных снарядов, когда наткнулась на первого человека на полу. Это был мужчина, и он со стоном хватался за живот. Инстинктивно ей захотелось попытаться помочь ему, но она остановила себя.

Это – выживание.

Что-то просвистело мимо нее... пуля? Они что, *стреляли* в них?

Нырнув вниз, она на животе поползла по скользкому полу, а потом на четвереньках пробиралась через царящий вокруг нее хаос.

Все бы ничего, пока она не наткнулась на полу на следующего мужчину, он извивался, обхватив живот руками.

Это был Пэйтон.

Двигайся дальше, сказала она себе. Доберись до безопасного места.

Когда раздался очередной взрыв, прямо возле ее головы, она рухнула на живот и закричала посреди хаоса:

– Черт!

Крэйг, сын Брала Младшего, бросился через зал, удивляясь тому, как сильно его напрягала мысль, что он оставляет эту девушку позади. Он не знал ее; он ничего ей не должен... это была Пэрадайз, управляющая из дома для аудиенций с Королем, именно она несколько недель назад дала ему распечатанный бланк.

Который был нужен ему, ведь он был слишком беден, чтобы иметь доступ к интернету, не говоря уже о компьютере с принтером.

В той гостиной она была... слишком шикарна, на нее было невозможно смотреть. А потом, когда он услышал, что она тоже хочет попытаться поспасть в программу? Он думал лишь об одном: что люди могут сделать с ней, если она попадет в их руки. Или лессеры. Или мужчина их расы с недобрыми мыслями.

Настолько красивая женщина была в постоянной опасности в этом мире.

Но, она казалась весьма наивной относительно испытаний, с которыми они столкнулись как новобранцы. Братья продумали каждую деталь окружающей их среды. Ничего не оставили на волю случая и ничто не поможет кандидатам. Сказать ей то, что она и так должна была понять – казалось, это был единственный способ помочь ей, но он не мог тратить ни минуты на размышления о том, что с ней стало.

Ему нужно сосредоточиться на вспышках.

Хотя с виду казалось, что они абсолютно произвольны, но на самом деле прослеживалась определенная схема. Как и с тиканьем перед световым и звуковым шоу, интервалы становились короче... значит, их время снова на исходе.

Он не представлял, в чем заключалась вторая фаза, но знал, что должен приготовиться.

По крайней мере, никто не умрет.

Несмотря на атмосферу опасности, он чувствовал, что Братство не причинит им вреда: «взрывы» – всего лишь сочетания света и звука, не было обломков, падающих элементов, запаха дыма. Как и то, что вызвало рвоту, не могло быть смертельным. Народ на полу спортзала едва ли наслаждался моментом... но сквозь световые вспышки он видел, что некоторые уже начинали подниматься на ноги.

Это был тест, тщательно продуманный, одному-Богу-известно-насколько-длинный тест... и, судя, какими темпами развиваются события, коэффициент приема будет ниже того, что он озвучил Пэрадайз.

Крэйг помедлил и обернулся назад. Не смог сдержаться.

Но в этом хаосе было невозможно найти ее. Слишком мало света, слишком много тел.

Продолжай двигаться вперед, сказал он себе.

Ты делал это раньше, сделаешь и сегодня.

Он в спешке пробирался к периферии за спортивным оборудованием. Очень плохая идея пытаться спрятаться за ними или под ними. Время от времени он замечал краем глаза, как какой-нибудь бедняга предпринимал попытку... только чтобы получить заряд тока, их тела, дергаясь в стробоскопическом свете, отлетали назад и падали.

Он очень надеялся, что Пэрадайз прислушалась к его словам.

Пригнув голову и двигаясь быстро, он, в конечном итоге, добрался до открытого дверного проема в дальнем углу зала. Запах свежего воздуха одурманивал, передышка зарядила его тело дополнительной силой. Но он не видел, что происходило по другую сторону... и выругался про себя, потому что не поддержал свои инстинкты, когда те подсказывали прихватить с собой фонарик.

Так, ладно, даже он не ожидал, что будет такая жесть.

– Мы должны идти туда.

Услышав низкий голос, он обернулся... и испытал шок, увидев женщину рядом с собой. Не миловидную блондинку, вовсе нет. На самом деле, эта женщина наводила на мысли, что понятие «слабый пол» – сильное заблуждение: она была почти его роста, мускулистая, в спортивной одежде. Женщина смело встретила его взгляд, и Крэйг понял, что она была не только сильной, но еще и очень умной.

– Я – Крэйг, – сказал он, протягивая ладонь.

– Ново.

Неудивительно, рукопожатие было коротким и крепким.

– Дальше сюда. – Она кивнула на дыру. – Почему я не додумалась захватить фонарик?

– Задаюсь тем же вопросом...

– Сюда! – закричал кто-то. – Нам сюда!

В мигающем свете Крэйг увидел, как трое мужчин кинулись к открытой двери, ведомые огромным парнем с предвкушением триумфа на роже, но Крэйг знал, что это выражение там не задержится.

Покачивая головой, Крэйг отступил в сторону. Напролом и на бешеной скорости – вот так бы он точно не стал туда заходить. Откуда им знать...

Один... второй... третий... тройка пробежала мимо него и женщины, которая тоже отошла в сторону.

Дверь закрылась прямо за ними с лязгом. А потом по другую сторону панели раздались крики.

Крэйг оглянулся по сторонам. Может, откроется что-нибудь еще? Или он что-то не учел? Была вероятность другого ответа...

И в этот момент он заметил пару веревок, висевших с потолка примерно в тридцати футах. Он мог поклясться, что раньше там их не было... кто знает.

– Вот другой вариант, – сказал он.

– Сделаем это.

Они вдвоем бросились к веревкам, огибая гимнастические снаряды прежде, чем кто-то еще успеет добраться туда. Невозможно было сказать, куда ведут канаты... он не видел так далеко... но свет мигал все яростнее, и других вариантов не было.

– Камень, ножницы, бумага, кто первый хватается, – сказала она, вытягивая кулак.

Он повторил за ней.

– Один, два, три.

Крэйг выбросил камень, она – бумагу.

– Ты первый.

– Хорошо.

Крэйг схватил левую веревку и дернул с такой силой, что ладони начало жечь. Она оказалась достаточно прочной. Но если он ошибся? Падать далеко, а внизу нет ничего мягкого.

Он и женщина шли рука за рукой, хватаясь, подтягиваясь, ногами цепляясь за канат, поднимаясь все выше... пока колонки, из которых доносился грохот взрывов, не оказались прямо над его головой, а лампы, генерировавшие мигающее освещение, не ослепили его.

– Что дальше, – рявкнул он, когда они были в шести футах от потолка.

– Лесá, – крикнула Ново в ответ, меняя позицию рук и куда-то показывая.

И да, там был какой-то помост, крепленный на металлических прутьях. Посмотрев вниз, Крэйг еще раз взмолился, чтобы платформа оказалась достаточно сильной, чтобы выдержать его вес.

– Я пойду первым.

– Камень, ножницы, бумага, – крикнула она. – На раз, два, три.

Он выбрал ножницы, она – бумагу.

– Я первый, – заявил он.

Но помост располагался на расстоянии, даже когда он поднялся на нужную высоту. Держась за толстую веревку, он сделал замах ногами... раскачиваясь на полную. Нужно идеально выбрать момент... он собирался пролететь пять футов по воздуху, не задев кольца²¹. И хрен знает, что его ждет после приземления.

Еще больше металла с электрическим током?

Крэйг в последний раз качнулся тазом, подтянул колени выше и послал свой вес в противоположную сторону от помоста; потом, когда инерция понесла его вперед, он изогнул спину, выбрасывая ноги впереди себя.

И в правильно выбранный момент он отпустил веревку.

По крайней мере... он надеялся, что верно выбрал время.

Глава 7

– Вставай! Пэйтон, поднимайся... живо!

Пэрадайз, забыв про инстинкт выживания, перевернула своего друга... врага или кем он там ей приходился... на спину, ругаясь на него, на себя, на Братьев, на все, что подходило под определение имени существительного.

Но он недолго пролежал мордой вверх. Когда он снова начал хватать ртом воздух, он перевернула его, чтобы он не задохнулся.

Оглянувшись по сторонам, Пэрадайз увидела... как много рекрутов валялось на полу. Словно на поле боя.

– Я умираю, – простонал Пэйтон.

Пэрадайз смутно осознала, что, хоть шум и оставался таким же катастрофическим, но света стало больше, вспышки происходили все чаще и задерживались дольше.

– Давай. – Она потянула его за руку. – Нам нельзя здесь оставаться.

– Брось меня здесь... просто оставь меня...

Когда Пэйтона снова стошнило, в этот раз рвоты было немного, и она посмотрела в дальний угол спортзала. Несколько людей собралось возле темного прохода, к которому направился Крэйг.

– Пэйтон...

– Мы все умрем...

– Нет, не умрем.

Она шокировано осознала, что действительно верила в это... это не просто ложная надежда для Красавчика с расстройством желудка. Дело в том, что грохот и вспышки света не оставляли за собой обломки, дым или пыль, какого-либо настоящего воздействия на помещение и людей в нем. Это было световое и звуковое шоу, подобно раскатам грома в театральной постановке... и ничего больше.

21 Термин из баскетбола, точный бросок, при котором мяч не задевает кольца (букв. ничего кроме сетки)

Она также чувствовала, что световые эффекты менялись, и это должно было что-то значить.

Вероятно, ничего хорошего.

– Пэйтон. – Она схватила его за руку и снова перевернула на спину. – Оторви свою задницу от пола. Нам нужно добраться до угла.

– Я не могу... это слишком...

Да, она его ударила. И она не гордилась этим, не чувствовала удовлетворения от резкого соприкосновения.

– *Вставай.*

Он выпучил глаза.

– Пэрри?

– А ты с кем, по-твоему, разговаривал? С Тейлор Свифт? – Она оторвала его торс от пола. – Поднимайся на ноги.

– Меня может стошнить на тебя.

– Будто у нас нет проблем посерьезней? Ты по сторонам смотрел?

Пэйтон что-то забормотал, и тогда она решила, что с нее хватит. Оседлав его ноги, он подхватила его за подмышки и с помощью новообретенной силы попятилась назад, ставя его на адидасы.

– Пэрадайз, меня сейчас...

О, блеск.

Прямо на ее одежду.

И он так сильно качался, что едва ли мог пройти по прямой линии. Бежать? Точно не в этой жизни.

– Пошло оно все, – пробормотала Пэрадайз, обхватив его вокруг талии и оторвав мертвый вес от пола.

Тяжелый. Офигенно тяжелый для ее плеч.

Сейчас тормозила уже она: она словно пыталась унести пианино... и Пэйтон только мешал... и блевал на ее правую штанину.

Пэрадайз двинулась вперед, игнорируя все кроме своей цели – добраться до той проклятой двери. Ее голова накренилась на один бок, шея горела от напряжения; плечо онемело от застоя крови; а бедра уже подрагивали от нагрузки.

Соблазн потеряться в этих физических ощущениях был велик, особенно когда боли стали сильнее и настойчивее. Но она хотела... ну, она хотела добраться до этой двери, до свежего воздуха, покончить с шоком и трепетом²². Тогда она сможет сделать глубокий вдох, скинуть с себя тушу Пэйтона и присесть в милом и чистом классе.

Может, даже посмеется вместе с Братством над тем, что она пережила худшее, и сейчас начнутся лекция и занятия по самообороне.

Мотивируя себя продолжать, она попыталась вспомнить аудитории, которые видела, пока новобранцев вели от парковки к спортзалу. Там были флуоресцентные лампы, ряды столов со стульями, выстроенные лицом к доске...

– Стой, – сказал Пэйтон. – Я сейчас сдохну...

– Ты можешь заткнуться и, наконец, успокоиться? – прохрипела она.

– Я сейчас...

О, ради всего святого, подумала она, когда его снова вырвало.

22 «Шок и трепет» – военная доктрина США. Авторы новой доктрины ставили основной целью быстрое достижение преобладания. По мнению авторов "Шока и трепета", главной целью операции должно быть подавление воли противника к сопротивлению. Эффект от операции должен быть примерно таким же, как после атомных ударов по Хиросиме и Нагасаки. Противник должен не только испытать психическое потрясение, но и потерять способность адекватно воспринимать поступающую информацию и принимать верные решения, а затем прийти к выводу о бесполезности дальнейшего сопротивления и подчиниться воле победителя. Такие удары авторы называют "шоковыми ударами". Важнейшим условием достижения целей "Шока и трепета" является навязывание противнику собственного ритма.

Пока она пробиралась вперед, задыхаясь от напряжения, лабиринт из спортивных снарядов был той еще занозой в заднице, разнообразные тренажеры оказались расставлены таким образом и под такими углами, что было невероятно сложно пройти мимо или обойти их.

Особенно с повисшем на ней Пэйтеном.

А еще была куча людей, валявшихся тут и там на полу.

Каждый раз, когда Пэрадайз проходила мимо кого-то, когда ей приходилось перешагивать через чью-то руку или ногу, ей хотелось остановиться, спросить, в порядке ли они, позвать на помощь... сделать что-нибудь. Ей хотелось кричать от того, что она не могла спасти ни кого, кроме себя и Пэйтона, ее легкие жгло в груди, а странный гнев мотивировал ее.

Она все искала кровь. Одержимо.

Но не было ни намека: не было красных пятен на одежде, на коже, красных разводов на половых досках медово-желтого цвета. Она также не чувствовала запаха крови... хотя было полно других ароматов, совсем неприятных.

Но крови не было. И значит, это хорошо... правда?

– Ааааай! – закричала она, когда ее сотрясла раскаленная вспышка боли.

Все планы. Псу под хвост.

Боль в локте дестабилизировала ее, тело сложилось пополам, словно раскладной столик, у которого выбили ножку... и, подобно чаше с фруктами на ранее ровной поверхности, Пэйтон рухнул наземь, его конечности рассыпались в стороны, как яблоки сорта Макинтош.

– О, Боже, – прохрипела Пэрадайз, схватившись за руку и потирая место, пораженное током.

Она слишком близко подошла к тренажеру для грудных мышц. И оценив количество оборудования, мимо которого ей еще предстояло пробраться, Пэрадайз подумала... *Я не смогу. Я не...*

– Ты в состоянии встать? – спросила она.

Невербальный ответ Пэйтон не просто означал категорическое «нет», а выразительно заявлял, что он все еще «при смерти».

Боже, неужели в его желудке осталось что-то еще?

– Я не могу это сделать, – простонала она, оглядываясь по сторонам и потирая локоть.

Когда ее глаза заматались по сторонам, Пэрадайз осознала, что ищет помощь, какой-нибудь спасательный жилет или спасителя. Должен быть кто-то, к кому она может обратиться...

Второй раз в жизни она взмолилась Деве-Летописице, сжимая веки, пытаясь подобрать нужные слова в раздражающем потоке фоновых звуков, запахов, образов и бритвенно-острых всплесков адреналина в теле. Каким-то образом у нее получилось попросить у божества послать ей кого-то, кто бы прекратил все это, позаботился о Пэйтоне, спас остальных, помог всем выбраться из этого ада...

Перестань тратить время впустую, приказал внутренний голос.

Это была таким шоком, что она обернулась, ожидая обнаружить кого-то позади нее. Пусто.

Может, это голос из колонок над головой?

Перестань тратить время впустую! Иди!

– Я не могу поднять его еще раз!

Придумай, как это сделать!

– Я не могу!

Ты должна, мать твою!

– Ладно, хорошо. Хорошо.

Она повторяла снова и снова, когда опять оседлала Пэйтона и снова закинула на себя. Во второй раз подъем этой огромной туши оказался еще более нескоординированным, ее

тело потеряло твердость в местах, крайне нежелательных... но Пэйтон, казалось, набирался сил, его руки уже цеплялись за ее бедра, держались за нее.

Ко времени, когда она прошла полосу препятствий, у нее заканчивались силы, и она быстро прикинула расстояние до двери... и добавила побочные факторы, например, насколько сильно деформировалось ее плечо под весом, и тот факт, что как назло ей так сильно захотелось в туалет, казалось, словно в живот втыкали пики.

Перейдя на шаркающий галоп, ее ноги пересекали благословенно пустой пол, и чем меньше она виляла из стороны в сторону, тем лучше для и ее тела, и для пассажира.

Секунду.

Дверь была закрыта.

Когда она приблизилась к пункту назначения, то нахмурилась, заставив свои глаза сфокусироваться в мелькающем свете ламп. Дерьмо, дверь *была закрыта*. Но здесь же стояла толпа народу всего пару минут назад?

Подойдя к панели, она позволила Пэйтона сползти с ее спины и едва ли одарила его взглядом, когда парень растянулся на полу.

Что случилось с долбаной дверью?

Ручки нет. Петель тоже. Стеклянных элементов, которые можно разбить.

Обернувшись, она осмотрелась... Господи, примерно в тридцати футах висело два каната. Толстые веревки казалось, устремлялись до самого потолка, и по ним взбирались два человека на такой скорости, что ей захотелось плюхнуться на пол и достать белый флаг.

– Пэйтон? – сказала она, повернув голову так, чтобы наблюдать за подъемом пары. – Я тебя туда не подниму.

Черт, она сомневалась, что сможет затащить даже свой вес по тем болтающимся веревкам.

Куда эти двое делись? – гадала она, когда новобранцы исчезли из виду.

– Пэйтон, нам нужно будет...

Одна за другой, обе веревки упали на пол, грохот от падения толстых канатов был слышен даже сквозь посторонний шум.

Куда эти двое исчезли?

Потирая глаза, ей хотелось кричать. Вместо этого она выдавила:

– Что, черт возьми, нам сейчас делать...

Поток свежего и холодного воздуха заставил ее вывернуть шею. Дверь снова распахнулась, открывая непроницаемую тьму за собой.

Будто она поглотила вошедших туда новичков и сейчас была готова к новой порции.

Пэйтон с усилием поднялся на ноги, вытирая лицо трясущимися руками.

– Я могу идти.

– Слава Богу.

Он посмотрел на нее.

– Я твой должник.

– Давай сначала выясним, к чему нас приведет эта дверь.

– Мы будем держаться вместе. – Он предложил ей локоть с горящим взглядом... словно они собирались войти в бальный зал, она – в шелковом платье, и он – в смокинге. – Я тебя не оставлю.

Пэрадайз смотрела на него мгновение.

– Вместе.

Взяв его за руку, она не удивилась, когда он использовал ее в качестве источника равновесия. Но все равно наблюдался существенный прогресс по сравнению с его рвотно-коматозным состоянием.

Они одновременно шагнули вперед, дверной проем был достаточно широким, чтобы уместить их обоих...

Дверь закрылась за ними, обрывая свет... она открыла рот, чтобы закричать, но потом сдержала крик внутри. К ней вернулось то чувство, будто пол ускользал из-под ее ног, снова

преподавая урок о важности зрения для таких вещей как равновесие, ориентация и положение тела в пространстве.

Пэйтон рядом с ней тяжело дышал.

Возникшие из ниоткуда грубые руки вцепились в ее волосы, дергая с силой. Она закричала что было мочи, страх заставил ее биться, сопротивляться захвату.

– Пэрадайз!

Их разлучили, ей на голову что-то накинута и завязали вокруг шеи. Ее свалили наземь и, связав ноги, поволокли по полу. Извиваясь как уж на сковородке, пытаюсь пинаться, дышать, сохранить хотя бы частичное спокойствие и попытаться подумать, Пэрадайз казалось, будто она задыхается.

Ей казалось... будто она умирает.

Находясь наверху на лесах, Крэйг на горьком опыте узнал, что ему же лучше сохранять равновесие... разряды тока, которые он славил каждый раз, когда его руки касались чего-то металлического, заставляли сердце биться быстрее и прерывали все мысли на пару секунд, а это непозволительная роскошь.

И, разумеется, эта гребаная платформа была старчески рахитичной, качалась из стороны в сторону, словно кто-то размахивал ею, как бейсбольной битой.

– Подстройся под мой ритм! – крикнул он Ново. – Иди по моим следам!

Сильные руки вцепились в его талию.

– Я держу тебя!

Они шли быстро, но соблюдая осторожность, покачиваясь из стороны в сторону, он покрылся потом от жара ламп и груды тел под ними. Вытягивая руки, Крэйг создавал противовес для себя и Ново, и даже начал увеличивать темп, направляясь одному Богу известно куда...

Внезапно леса стали недвижимыми как скала, и это плохие новости. То, что сработало на нестабильной поверхности, не прокатило на стабильной, и они оба налетели на серию электрических зарядов, накренились и врезались в друг друга, а потом снова ударились о металлические крепления, только чтобы опять поцеловаться с током. Мускулы сжимались и отказывались расслабляться, конечности не подчинялись командам мозга.

– Дерьмо! – рявкнул Крэйг, пытаюсь остановить реакцию тела на раздражитель.

– Что за хрень! – прокричала Ново.

Или что-то в этом духе.

Воздух.

В следующее мгновение он упал с края, которого он не видел, и оказался в свободном полете, крича, что было воздуха в легких. Мимо него проносился ветер, распахивая его одежду, сдувая волосы и кожу назад, создавая буферную зону вокруг ушей. Он ломает обе ноги, если приземлится на них, но не было времени, и расстояния... и не было даже причин придумать безопасное приземление ...

Бах!

Он врезался в неожиданную толщу воды, его тело оказалось в безопасных объятиях холодной, свежей жидкости. Но облегчение от того, что его бедра не вылезли через плечи, было кратковременным. Пробитые током, перегретые мускулы мгновенно сжались разом, все застыло, отсутствие жира в теле превратило его в якорь, а не буюк.

Он неожиданно пошел ко дну и от шока успел набрать полные легкие воздуха, но запаса кислорода хватит ненадолго. Ему нужно выбраться на поверхность.

Со скрюченными руками и всего одной подвижной ногой он забился, как он надеялся, по направлению кверху. Отсутствовала всякая зрительная ориентация, не видно ничего кроме черной бездны, которая поглотит его, если он себя не спасет.

Поверхность бассейна, пруда, озера, плавать... снова появилась с таким же неожиданным, необъявленным сюрпризом, как и момент погружения в нее. Кашель и попытка втянуть воздух – два взаимоисключающих себя действия, и ему пришлось заставить свой базовый инстинкт выживания разобраться со спазматической реакцией диафрагмы.

Хлорка. Они были в бассейне.

Он стал тратить много времени на обдумывание этой мысли. Боль в заклинивших мускулах была невыносимой, словно в его бедра, задницу и кишки вонзали кинжалы, и он пошел ко дну раньше, чем успел перевести дыхание... а такой путь даже не обсуждался. Иначе он умрет.

Сражаясь с импульсами своего тела, он с помощью разума пытался взять вверх над нервной системой: сделав огромный глоток воздуха, он выбрасывал руки в стороны и вниз, создавая искусственный поток, который нес его тело по поверхности воды. А потом он перестал... блин... *двигаться*.

И позволил воздуху в груди превратиться в спасательный жилет, которого на нем не было.

Но он не всплыл как по маслу. Его ноги продолжали тонуть, и ему периодически приходилось взбрыкивать, чтобы оставаться на плаву, но лучше так, чем пойти ко дну и утонуть.

Время от времени он выдыхал воздух и делал свежий вдох.

Крэйг не знал, как долго протянет в таком положении. Но придется выяснить в скором времени.

Боже... боль в его сведенных мускулах превратилась в целую пытку, и чтобы отвлечься от боли, Крэйг вспомнил тот помост. Братья были гениальны, решил он. Из жары в этот холод? После электрического тока?

Смоделированные условия, гарантировавшие участнику именно то, что нужно: сражение с естественными реакциями тела на определенные раздражители и внешнюю среду.

Что происходило с остальными? – задумался он.

Где была женщина?

Нет, не та, с которой он поднимался вверх... а другая? Пэрадайз?

Когда вода наполнила его уши, эффект напомнил светопреставление в спортзале, звуки доходили до него с задержкой. Он слышал плеск воды, рядом с ними и вдалеке... кучу криков и вздохи остальных в бассейне... эхо... должно быть, помещение достаточно большое с относительно низким потолком и кучей плитки.

Выпустив воздух из легких, он мгновенно наполнил их...

... ожидая, что будет дальше.

Глава 8

– ... двое на подходе. Время прибытия – четыре минуты. Расчистить вход и дальнюю половину бассейна...

Нажав кнопку на проводе наушника, Бутч тихо ответил:

– Понял.

Обходя бассейн вдоль бортиков, он следил за кандидатами через тепловизионные очки. Еще двое только что свалились сверху; оба всплыли на поверхность в позе мертвеца²³, поэтому сейчас были в норме и относительно тихими. Но случилось и по-другому. Ему с Тором уже пришлось вытащить четверых, значит, в бассейне осталось всего трое мужчин и новоприбывшая пара.

Все были далеко от входной точки Б, находящейся справа. И хорошо.

Бутч посмотрел на часы. У всех, кто остался в спортзале, время истечет через шесть минут. И все это дерьмо – прелюдия к тому, что он и его Братья называли Финальным Пунктом... и последней остановкой станет солнце на рассвете, поэтому было жизненно важно, чтобы кандидатам, которые пройдут через первые тесты, осталось достаточно времени снаружи.

Клиника Дока Джейн и Мэнни постепенно заполнялась. Легкое рвотное на основе трав более чем справилось со своей задачей, многих кандидаты загремели с разнообразными порезами, ссадинами, растянутыми мускулами и ожогами. Две партии бессознательных уже вывозили с территории, вскоре их станет больше.

В этом весь смысл меритократии²⁴: происходящее очень быстро должно принять серьезный оборот, потому что они с Ви не станут тратить время на тех, кто не в состоянии пройти отборочный тур.

– Моя очередь еще не настала? – раздался голос Лэсситера в наушнике. – Я с самого рождения готовился к этому.

– Почему из всех живых существ именно тебе даровано бессмертие? – пробормотал Ви.

– Потому что я шшшшикарен, – пропел ангел. – И я в твоей команде...

– Разбежался...

– ... по воплощению мечты!

Голова Бутча загудела еще сильнее.

– Лэсс, захлопнись. Я не в состоянии выслушивать сейчас твои вопли.

– Это из «Гадкого Я»²⁵, – прокомментировал ангел. Словно ему должно было полегчать от этого.

– Заткнись, – отрезал Ви.

– Заткнись. – Бутчу стоило великих усилий говорить тихо. – В зале у нас еще четыре минуты. Я дам знать, когда ты сможешь...

– Между прочим, я здесь теряю воздух, – трещал Лэсситер. – Мой круг сдувается.

Ви чертыхнулся.

– Потому что он не больше нашего способен выносить твою компанию.

– Продолжишь в том же духе, и я решу, что эта неприязнь между нами – взаимная.

– Самое время, черт возьми.

Верно, Бутч не получал кайфа, вытаскивая из бассейна мокрых, охваченных паникой сопляков... но, блин, он чертовски радовался тому, что не находился сейчас в задней части здания с двумя старыми склочницами.

– Лэсс, сиди и не рыпайся, – сказал он. – Я буду на связи... и, Ви, ради всего святого, выключи его микро...

– Эй! Стой! Что за нахрен, Ви...

Ииии воцарилась благословенная тишина.

Когда головная боль попыталась прошибить отверстие в его черепе, у Бутча возникло великое желание снять очки и потереть глаза, но нельзя было выпускать кандидатов из поля зрения ни на минуту. Последнее, что нужно их программе – кто-нибудь покалеченный или, того хуже, мертвый.

К тому же, ему хватало отвлекающих факторов и с гарнитурой.

С Мариссой что-то происходило.

Видит Бог, в его человеческие дни он прожил достаточно времени, будучи ходячим мертвецом, чтобы сейчас заметить ее оцепенелую озабоченность чем-то.

²⁴ Меритократия - система, при которой положение человека в обществе определяется его способностями

²⁵ «Гадкий я» (англ. Despicable Me) — полнометражный компьютерный мультфильм. В России фильм впервые был показан в июне 2010 года в рамках программы «Гала-премьеры» XXXII Московского международного кинофестиваля. В российском прокате — с 8 июля 2010 года, также в формате 3D.

Проблема в том, что она не говорила ему ни слова. Каждый раз, когда он спрашивал, что происходит и в порядке ли она, Марисса улыбалась и произносила стандартные отговорки о навалившейся работе в «Убежище».

Без сомнений, правда, но так было всегда. А такой он ее видит впервые.

Может, им стоит взять выходной... и не только в плане работы. Особняк – прекрасное место... внятный хавчик, а компания еще лучше. Проблема в том, что нет надежды на уединение. Не считая возможности укрыться в спальне – в их случае, это была обувная коробка в Яме, с тонкой дверью и тонкими стенами – ты никогда не был по-настоящему один. Кто-то периодически нарушал границы без предупреждения, будь то персонал, Братья или их пары.

Ирландскому католику из большой семьи, коим он являлся, это нравилось.

Обеспокоенный хеллрен в нем не разделял подобного энтузиазма.

Мне нужно на свидание, подумал он.

– Куда ты меняводишь? – прошептал Ви ему на ухо.

Дерьмо, он сказал это вслух.

– Не тебя.

– Ауч. Ты разбиваешь мне сердце, – раздался писклявый ответ.

– Мариссе и мне нужно...

– Если речь о сексе, думаю, вы разберетесь без чужой помощи. Если только причиной стонов из вашей спальни не является борьба на пальцах²⁶.

– Да ладно.

– Хочешь сказать, что оригами? Господи, а бумага нехило режется... ты даже представить не можешь, да?

– Прекрати.

– Постоянно повторяет Марисса.

– В последнее время дело в другом, – резко ответил Бутч.

– У вас проблемы?

– Я не знаю.

Повисло долгое молчание.

– У меня идея.

– Я открыт для всего...

– Так она и сказала! – встрял Лэсситер.

– Ви, я думал, ты забрал у него... – услышав схватку двух мужчин, Бутч вытащил наушник и поморщился.

Очевидно, Лэсситер получил взбучку, на которую напрашивался, и при других обстоятельствах Бутч бы нашел сладкую парочку, и не для того чтобы поиграть в рефери. Но у него хватало тем для беспокойства.

Особенно когда два новых гостя заявили на их водную вечеринку.

И когда Ви снова подключится, может, он даст ему хороший совет. Если, конечно, его лучший друг способен мыслить за пределами своего мира ошейников с шипами/черных свечей и воска/зажимов на соски.

Дерьмо.

Пэрадайз билась в путах на лодыжках, словно рыба металась по полу, по которому ее тащили, цеплялась руками. На голову накинули мешок, и она задыхалась от своего горячего дыхания... или, может, просто кончился кислород.

В ответ паника заправила все ее тело, заставляя мускулы сжаться, превращая мозг в шоссе со стремительным потоком мыслей, которые ни капли не успокаивали и не помогали ей. Какая-то ее частица хотела позвать на помощь Пэйтона, но он не спасет ее. Его тоже схватили. Другая часть обдумывала возможные варианты плохого исхода.

Что дальше! Что дальше! Что дальше что дальше что дальше...

«Дальше» настало также без предупреждения, как и все остальное: движение вперед прекратилось, второй человек схватил ее за плечи и оторвал от пола.

Пэрадайз закричала в своем мешке, пытаясь вырваться из удерживающих ее рук. Невозможно. Хватка была невероятно сильной, словно тиски впивались в ее кожу и кости...

Раскачивали.

Ее раскачивали из стороны в сторону, амплитуда нарастала, словно ее собирались выбросить.

– Нет!

Прямо перед тем, как ее отпустили в максимальной точке, с ее головы мешок сорвали. Она смогла сделать два больших глотка воздуха... а потом она падала, падала в темноту, из которой доносились странные звуки...

Бух!

Вода повсюду... заполняла ее нос, рот, окружала тело. Инстинкт взял верх, немедленно определив, что «вверх» был антонимом погружения в воду. Раскинув руки и ноги в стороны, она обнаружила, что путы на лодыжках исчезли.

Она всплыла на поверхность с такой силой, ее тело выскочило, словно пробка, и она зашлась в таком яростном кашле, что едва не лишилась сознания. Посреди агонии у нее получалось глотнуть воздуха... а потом она смогла сделать огромные вдохи кислорода, роскошь простого дыхания вызвала в ней прилив благодарности, от которого на глаза выступили слезы. Но долго это не продлилось. Вокруг себя она слышала, как народ барахтался в воде, как они кашляли, дышали, плюхались, пытаясь остаться наплаву.

Сколько их?

Это было второе испытание?

Держась на плаву, она захотела позвать Пэйтона, но сомневалась, что привлекать к себе внимание – хорошая мысль. Откуда ей знать...

– Пэрадайз!

Голос Пэйтона раздался по близости, справа.

– Да, – выдохнула она. – Я здесь... ты в порядке...

– В порядке ли ты?

– Я здесь. – Она сказала чуть громче. – Я в порядке...

Следующее, что она ощутила – как сильная ладонь накрыла ее руку и потянула к себе.

– Я могу стоять здесь, – сказал Пэйтон. – Давай, я буду держать тебя.

– Не нужно...

– Ты должна поберечь силы. Это только начало.

Он мыслил здраво, словно шоковое попадание в воду отрезвило его. А потом его руки накрыли ее талию, и Пэйтон развернул ее к себе спиной.

– Я держу тебя, – прошептал он.

Его рука сжалась вокруг нее, и Пэрадайз напряглась, чувствуя позади себя сильное тело. Когда Пэйтон просто продолжил медленно дышать, словно тоже восстанавливал силы, она начала понемногу расслабляться, хотя по-прежнему ничего не видела, и ее ноги касались его.

Она никогда не подходила так близко ни к одному мужчине.

Хотя, судя по ситуации, в которой они оказались, сейчас едва ли стоит тратить драгоценные секунды на подобную чушь: на уме у Пэйтона было только выживание.

Со слабым облегчением она обмякла в его руках, расслабляясь. Ее инстинкты оставались начеку, но, по крайней мере, ее тело получило короткую передышку, сердечный ритм замедлялся, ужасное жжение в легких утихало...

Бух! Бух!

Еще двое кандидатов... или жертв... рухнуло в воду вдалеке от них, что дало ей понятие, насколько большим был бассейн, пруд или озеро. Но... нет, это было не озеро. Вода была хлорирована.

Бассейн. Они были в подземном бассейне... наверное, недалеко от спортзала, если, конечно, ее тащили не целые мили.

– Что дальше? – спросила она.

– Я не знаю. Но мы будем держаться вместе.

– Да. – Она была поражена тому, как сильно его присутствие успокаивало ее... несмотря на то, что все еще ничего не было видно, и она не подозревала, что их ждет дальше...

Бух! Бух! Бух!

– Сколько нас здесь? – спросила она.

– Только что прибыло пятеро. Значит, нас семь, по меньшей мере.

– Из шестидесяти.? Должно быть больше. – Она не могла быть среди небольшого числа тех, кто зашел так далеко? – Однозначно, здесь...

Свалилось еще четверо... один упал близко к ним, трое других поодаль.

– Я не слишком тяжелая? – спросила она.

– О, да брось.

Когда он изменил хватку, передвинув ее тело в воде, что спина прижалась к его тазу, Пэрадайз не почувствовала там ничего... но она бы не знала, чего опасаться, даже будь он возбужден.

Еще один человек упал в бассейн.

А потом...

... очень долго никого не было. На самом деле, прошло всего пару минут, но по ощущениям – часы...дни.

Все это время страх не унимался, но ничего не происходило, и нервозность начала поедать ее рациональную сторону, всевозможные сумасбродства наполнили ее разум. Что, если это не учебная программа? Что, если это какой-нибудь... социальный эксперимент? Какие-нибудь похитители тел²⁷... или попытка... ну, чего-нибудь. Она не знала.

Волна ужаса прошла по ее телу. Она не могла ничего разглядеть, а рев в ее голове заглушал все звуки в бассейне, сама она слишком устала, чтобы унять охватившую ее дрожь.

– Что будет дальше? – простонала Пэрадайз.

– Я...

Прежде чем Пэйтон успел ответить, она осознала, как что-то начало меняться вокруг них. Другие тоже это поняли, тела в воде замерли, будто они пытались оценить, что изменилось.

Уровень воды опускался.

Покрытая рябью поверхность была на уровне их плеч... а сейчас уже касалась ее бицепсов, локтей.

Сердечный ритм снова подскочил, голова снова закружилась.

– Что они сейчас собираются сделать с нами? – выдохнула она.

Ниже... ниже... пока ее ноги не коснулись дна бассейна, как ноги Пэйтона. Но она осталась в окружении его рук... по крайней мере, пока он был позади нее, она знала, что ее спина прикрыта.

27«Похитители тел» (1993) (англ. Body Snatchers) — Американский фантастический кинофильм режиссёра Абеля Феррары. Экранизация одноимённого произведения Джека Финнея "Похитители тел" (1955). По сюжету инопланетяне похищают людей и заменяют их двойниками для захвата Земли.

Я просто хочу видеть, подумала Пэрадайз, всматриваясь в глухую темноту. Боже... прошу, позволь мне...

В углу появился яркий, ослепительный источник света.

Он был настолько мощным, что ей пришлось рукой закрыться от иллюминации, и под укрытием она увидела, что да, они были в бассейне, очень чистом и выложенном бледно-голубой и зеленой плиткой. А Пэйтон, извернувшись, смотрел позади нее. Как и остальные кандидаты в воде.

Отбросив мокрые волосы за спину, она, морщась, попыталась сфокусировать...

Что за...

— ... хрень такая? — закончил Пэйтон за нее.

На дальнем конце все еще спускаемого бассейна появился огромный мужчина со светлыми и темными волосами... и поначалу она решила, что он принес источник света с собой. На самом деле, его тело было светом. Он сиял, будто был живой, ходячей лампой накаливания.

Но, что сумасшедшее всего... не это шокировало.

На его красивом лице была маска для дайвинга с трубкой ... на ногах ласты, в которых он прошлепал по мокрому полу к краю бассейна... купальные трусы-рогатка²⁸ ярко-розового цвета... детский желто-голубой спасательный круг вокруг талии.

Абсолютно каждый полудохлый рекрут в бассейне смотрел на него, как на второе пришествие²⁹ во вселенной-кроссвере между Губкой Бобом³⁰ и Супер Майком³¹.

Он прошлепал к доске для ныряния, взошел на нее, с великим усилием вставил затычки в ноздри и прокашлялся.

После нескольких ма-мэ-ми-мо-му... словно он распевался для сольной партии... мужчина сделал глубокий вдох...

— Кава-ааа-бангааа³²! — он с криком побежал по доске.

Высоко подпрыгнув на краю, мужчина, придерживая детский круг, выполнил идеальный кувырок и нырнул в бассейн, словно груша для сноса зданий, поднимая столб воды до потолка.

28

29 Второе пришествие — отсылка ко Второму пришествию Иисуса Христа — событие, ожидаемое во всех христианских конфессиях, предвозвещённое в Новом Завете.

30 «Губка Боб Квадратные Штаны» (англ. *SpongeBob SquarePants*) — американский мультсериал производства телеканала «Nickelodeon», выпущенный в эфир 17 июля 1999 года и ставший одной из самых популярных анимационных программ телевидения. Действия анимационного сериала разворачиваются на дне Тихого океана в небольшом вымышленном городке под названием Бикини-Боттом, главными действующими лицами являются представители морской фауны.

31 «Супер Майк» (англ. *Magic Mike*) — фильм Стивена Содерберга. В главных ролях Ченнинг Татум, Алекс Петтифер, Мэттью Бомер, Джо Манганьелло. Фильм частично основан на реальных событиях из жизни Ченнинга Татума, который в 19 лет подрабатывал стриптизером в Тампе, Флорида. Мировая премьера состоялась 28 июня 2012 года. По сюжету опытный стриптизер — Супер Майк работает в клубе «Xquisite», который принадлежит некогда знаменитому стриптизеру Далласу.

32 Боевой клич. Кавабанга! — кричат Черепашки-ниндзя в одноименном мультипликационном сериале и комиксах. А также клич Кавабанга (*Cowabunga* и *Kowabunga*) стал распространенным криком восхищения среди сёрферов.

Увернувшись, чтобы не встретить цунами лицом, Пэрадайз подумала... аплодисменты Братьям.

Чего бы она ни ожидала?

Такого – точно нет.

Глава 9

Крэйг коснулся дна бассейна своими кроссовками в тот момент, когда... ну, это точно был мужчина... плюхнулся на воду подобно седану. Когда потоп затих, включилось ровное освещение. Свет исходил от чаши бассейна, оснащенной до абсурда и размером с олимпийский, превращая его в огромную лампу.

Парень был наполовину профессиональным рестлером, наполовину – ходячей рекламой «Детского мира».

Но Крэйг не стал заморачиваться этим сочетанием несочетаемого.

Вытерев лицо, сначала он определил местонахождение возможного выхода... было четыре или пять дверей, включая ту, через которую прошел этот ходячий надувной круг, но он был готов поспорить, что все панели заперты. На потолке ничего. На стенах тоже. Как и на дне бассейна.

Вторым делом он проверил, нет ли на сцене посторонних. Ага. На периферии стояли двое огромных мужчин в черных капюшонах и очках ночного видения. Они были вооружены до зубов, но их пистолеты лежали в кобуре... и казалось, будто они осматривают бассейн, выискивая немощных и в опасном для жизни состоянии.

Третьим делом он оценил, кто еще добрался до этого этапа. Десять, двенадцать... нет, тринадцать человек были с ним в бассейне, включая женщину, вместе с которой он падал с большой высоты.

И блондинка-менеджер, Пэрадайз.

Хотя она была не одна.

Она стояла с одним из мужчин, положив ладонь на покровительственную руку, обвивавшую ее вокруг талии.

Ничего удивительного. Такие женщины никогда не останутся без мужского внимания. Мотыльки, летящие на пламя, и тому подобное дерьмо.

Крэйг заставил себя отвести взгляд от парочки... секунды на три, не больше. Потом он оценил парня стратегическим взглядом, отмечая его габариты, силу в плечах, жесткий подбородок.

Будто им двоим еще светит конфликт.

Сумасшествие чистой воды.

У него нет никаких прав на эту женщину... и, что более важно, добраться до финишной черты, какой бы она ни была...

Обычные лампы включились по всей комнате, съедая все тени, показывая углы и закоулки, в которых не было иных угроз.

Но он знал, что еще ничего не кончено. На месте Братьев он бы этим не ограничился. Слишком много народу все еще стояло на ногах.

Дверь в дальнем углу помещения распахнулась так, будто ее открыли с ноги.

И тогда началась следующая волна.

Один за другим, внутрь вошла группа из примерно дюжины воинов... Братство, подумал он. Это должно быть Братство: огромные тела, на чьем фоне даже он смотрелся карликом, и, как двое других, на них были маски, а черная кожа укрывала их с головы до пят.

В отличие от двух других, эти держали пистолеты в руках.

Внезапно, тот, что эпично появился с детским кругом, испарился. А потом остатки воды спустили из глубокой части бассейна.

Народ вокруг него начал топтаться в мокрых шмотках, относительно уставший. Он не двигался... как и Ново, которая, казалось, как и он, почувствовала, что жесьть еще впереди.

Поэтому лучше приберечь силы для более существенного вызова.

Появление пушек – плохие новости.

Повинуясь стадному инстинкту, остальные кандидаты собрались в кучу, народ в мелководной части сдал назад, когда бойцы прошли вдоль длинной стороны бассейна и повернули к ступенькам, что вели сейчас не в воду, а к бетону и лужам.

И потом эти опасные мужчины с пушками спустились в чашу бассейна, их ботинки с грохотом приземлялись на пол, кобура скрипела от движений. Когда Братья остановились, было сложно сказать, на кого именно они смотрели, ведь их головы были обращены к группе в целом, а глаза спрятаны.

Оценив свое положение, Крэйг пришел к выводу, что сейчас лучше держаться со стаей, и он...

Один за другим, Братья подняли пистолеты, целясь в новобранцев. И потом самый высокий из них вышел вперед, описывая дулом медленный, ленивый круг, словно выбирая лучшую цель.

К слову о коллективной панике. Кандидаты взбесились, забегали, пытались спрятаться друг за друга, поскользывались, падали. Пара человек плюхнулось на колени, захлебываясь в слюнях и умоляя еще до начала стрельбы.

Крэйг ничего не делал. Если новичков обстреляют, то не смертельно. В этом месте уже было достаточно мер предосторожности. И однажды он словил пулю... если придется поймать еще раз, чтобы пройти в следующий раунд?

Стреляйте в него. Он не боялся боли.

Расправив плечи, Крэйг повернулся лицом... и осознал, что была еще одна причина для его резкой остановки. Но он отказывался признавать ее.

Давайте же, думал он. Вы там.

Вы там...

Но они нацелились не на него.

Нет... они выбрали кого-то другого.

Только не ее. Подумал он. Дерьмо, только не Пэрадайз.

– Эй, ты, – закричал он. – Эй, ублюдок!

Когда мужчины в черном ступили в чашу бассейна, Пэрадайз узнала Братьев. Проведя столько месяцев работы в их окружении, их запахи и аура были хорошо ей знакомы... и она привыкла считать их своими псевдо-папами, стремившимися защищать ее.

Но сегодня дела обстояли иначе.

Особенно когда они спустились в осушенный бассейн, поднимая пистолеты... и один из них нацелился на нее.

Рейдж. Это Рейдж направил на нее пистолет и двинулся в ее сторону. Она поняла это, ведь он был намного крупнее остальных.

Нет, подумала она. Нет. Ты не можешь это сделать. Мой отец...

Но он не колебался. Он подошел к ней и Пэйтону с оружием наперевес, держа палец на курке.

– Эй, ублюдок!

Краем глаза она заметила, как один из новобранцев вышел вперед, размахивая руками.

Это был ее мужчина... тот мужчина, Крэйг...

– Стреляй в меня! Эй! Говнюк! Попробуй лучше в меня.

Брат так и сделал.

Не поворачивая головы. Рейдж выбросил руку в сторону и нажал на курок. Пуля вылетела из дула.

Пэрадайз, закричав, забилась в руках Пэйтона, когда вокруг разразился хаос, пронзительные крики эхом отдавались от стен подобно птичьей стае.

– Нет! О, Боже... нет!

– Заткнись! – зашипел Пэйтон. Удерживая ее на месте. – Просто заткнись!

Новый мировой порядок.

Когда Крэйг упал, она вырвалась из хватки и бросилась на Брата. Напоминая муху, влетевшую в лобовое стекло, ей было плевать. Она не могла допустить, чтобы кого-нибудь ранили... особенно этого мужчину. Ударяя, пинаясь, она вцепилась в дуло пистолета что было сил, пытаясь завладеть оружием. Она проиграла. Прежде чем до нее дошло, ее опрокинули на мокрый бетон, прижимая к полу лицом и удерживая за затылок и поясницу. Повернув голову, она судорожно рыскала взглядом по дну бассейна, пытаясь выяснить, жив ли еще Крэйг.

Мужчина лежал на уровне ее глаз, и, хватаясь за бедро, извивался от боли. Вторая женщина в группе села рядом с ним, силой разжала его руки и осмотрела рану. Потом рывком выдернула майку из-под пояса и сорвала с себя, обнажая мускулистый торс и черный спортивный лифчик. Она оторвала край майки и наложила жгут на верхнюю часть его бедра, как будто ее учили этому.

– Отпусти ее! – потребовал Пэйтон откуда-то позади. – Отпусти ее, черт тебя дери!

– Или что? – раздался искаженный голос из колонок над ними... словно кто-то говорил в микрофон с синтезирующим устройством.

И тогда Пэйтон слетел с катушек. Изогнув голову, Пэрадайз увидела его в гневе, кулаки полетели в Рейджа, он пинался, обнажив клыки, пытаясь оттащить Брата от нее. И потом, внезапно к нему присоединились... тот мужчина, показывавший атлетическую гибкость на козлах.

Бах! Бах!

Их обоих снял другой брат. И двух других мужчин, которые пытались вмешаться. Тем временем, народ пытался забраться по стенам, выбраться из бассейна с помощью поручней из нержавеющей стали... получив заряд током, они рухнули на дно.

Дверь открылась.

Сверху из громкоговорителей раздался голос:

– Всякий, кто желает уйти, может быть свободным. Вам не причинят вреда. Все может кончиться... прямо сейчас. Вам нужно лишь выбежать через эту дверь.

В этот момент ее отпустили, и Рейдж отскочил назад.

Она на карачках подобралась к Пэйтону, во второй раз переворачивая его.

– Больно? Где?

– Рука... гребаная рука.

Здрав футболку. Пэрадайз последовала примеру другой женщины, оторвала кусок ткани и попыталась завязать ее прямо над кровоточащей раной на его трицепсе.

Она злобно посмотрела на Братьев.

– Вы совсем из ума выжили! Это вам школа, а не война! Что за херня!

– Вы можете уйти, – упорствовал голос над головой, – просто поднимитесь по лестнице с мелководья и избавьте себя от этого.

От внезапной и острой ярости она осатанела, и прежде чем поняла, она поднялась на ноги, вставая перед выстроившимися в ряд Братьями.

– Стреляйте в меня! Давайте! Сделайте это, кучка сопливых трусов!

Она не соображала, что несла. Что творила. Она никогда не видела столько пистолетов разом, тем более не вставала в упор... но она сорвалась, и в таком состоянии почувствовала невероятный прилив сил.

Братьям, казалось, было плевать. Они просто стояли там, не двигаясь, не реагируя, будто дожидались, пока она выдохнется.

Поэтому она повернулась к новобранцам, которые собрались на выход. – Куда вы! Вы должны сражаться! Это неправильно...

И тут дверь закрылась, и безошибочный глухой стук, с каким задвинули засов, эхом пронесся по комнате.

– Сейчас вы закончите посвящение, – резюмировал голос над головой – последний этап начнется через три... два...
– ...один.
И тогда свет сменился со слепяще-белого на фиолетово-синий.
Тогда же братья открыли по ним огонь.

Глава 10

Резиновые пули жгли нещадно.

Когда первая из бесчисленного множества пуль ударила Крэйгу в грудь, он откатился и подставил спину вместо более уязвимой части. Ниже пояса, рана от настоящей пули обжигала подобно клейму... как он и предполагал, профессиональный выстрел всего лишь задел его кожу, поэтому жгут оказался лишним. Но времени снимать его не было... он схватил Ново за руку и дернул, побуждая девушку рухнуть животом наземь. Прикрывая головы, они поползли от огневого вала, направляясь к подъему, ведущему на десятифутовую глубину.

Обернувшись, он обнаружил, что Братья, выстроившиеся и закрывшие собой ступени в неглубокой части бассейна, начали двигаться вперед, словно они гнали скот в загон для убоя. Гребаный ад... металлические лестницы высоко на стенах бассейна были заряжены током... а у этих воинов, казалось, был бесконечный запас гребаных игрушечных пуль. Хотя выстрелы были словно укусы гигантских пчел через его одежду, но при достаточном количестве они заденут его болевой порог и выведут его из строя.

Снова извернувшись, он оценил скорость, с которой Братья надвигались на них.

Достаточно быстро, значит, у него не больше шестидесяти секунд.

– Дематериализуйся, – сказал он скорее себе, чем кому бы то ни было. – Это единственный шанс.

Остановившись, он закрыл глаза и глубоко задышал. Первый пришедший к нему образ – той хрупкой блондинки, что кинулась на до невозможности огромного Брата с пистолетом.

Защищая его, после того как его подстрелили.

– Прекрати это, – прошипел он.

Контроль. Ему нужно взять под контроль разум и эмоции, сфокусироваться и дематериализоваться отсюда. Сосредоточься... *сосредоточься*...

Боль в его теле: в ноге, от других ран на плечах, спине, бедре. Голова гудела. Ребра сжались. Локоть пульсировал в том месте, где он напоролся на ток на помосте.

Новобранцы вокруг него бились в панике, рыдали, ругались. Запинались. Падали.

А пули продолжали сыпаться на него. На всех них.

Чем сильнее он пытался игнорировать страх и панику, тем громче становился хор дискомфорта и отвлекающих факторов.

Ему нужен конкретный образ, место, куда можно перенаправить мозг.

Внезапно для себя он представил ту администраторшу в их первую встречу. Она сидела за маленьким опрятным столом в роскошной комнате. Его сбивало с толку решительно все... шелковые обои, дорогуший ковер, чистый запах... она.

Но она не обращалась с ним как с отбросом, коим он и являлся. Она посмотрела на него взглядом, от которого его сердце замерло в груди... и потом назвала свое имя.

Пэрадайз.

Ее голос был таким красивым, что он плохо ее расслышал. И потом он капитально облажался, когда не пожал ее протянутую ручку. Проблема в том, что его мозг застыл, когда она...

Тело само дематериализовалось. В одно мгновение он страдал в своей телесной форме... в следующее молекулами летел над бассейном. Без конкретного пункта назначения, он пронесся по воздуху со скрипом, как в первые разы после превращения... а потом взял себя в руки и появился в дальнем углу, у стены.

Когда он материализовался, Ново была уже на месте, наготове, но разминала плечо так, будто либо растирала рану, либо проверяла, не вывихнула ли она конечность.

Один за другим, еще четыре промокших до нитки новичка выбрались из бассейна: атлет с козлов. Тот, что выглядел как убийца, с пирсингами и татуировками на одну сторону лица и тела. Парень, положивший лапу на Пэрадайз. Другой такой же, высокий и сильный.

Он понятия не имел, что случилось с...

Администраторша появилась последней, и Крэйгу пришлось отвернуться, чтобы скрыть неприемлемые эмоции. Чтобы отвлечься, он попытался разглядеть, что происходило в бассейне с оставшейся пятеркой...

Дверь рядом с ними открылась, и когда жесткий ветер коснулся них, Крэйг принялся...

За дверьми, что бы там ни находилось, было темно.

– Кто первый, – спросил Пэйтон.

– Я пойду, – ответил пирсингованный, похожий на гота парень. – Мне нечего терять.

Крэйг нахмурился, внезапная тишина вокруг казалась дурным предзнаменованием: стрельба прекратилась. И значит, эта часть испытания окончена... или Братья снова прицеливались.

Сейчас они исчезли... в бассейне осталось всего пара новобранцев, сложившихся пополам, промокшие насквозь, рыдающие фигуры сидели на мокром бетоне, накрыв голову руками, в позе эмбриона.

Дерьмо. Где сейчас Братья?

– Я с тобой, – сказал он готу.

Они были самыми крупными в группе, на острие атаки, образно выражаясь... и, хотя изначально он придерживался тактики одиночного выживания, сейчас он начал пересматривать свою категоричную позицию. По крайней мере, на какое-то время.

Если на них нападут, то двое лучше одного.

– Я прикрою со спины, – сказала Ново.

Атлет встал рядом с ней.

– Я помогу с этим.

– Вы трое, – Крэйг приказал блондинке и ее – супругу? дружку? – и слащавому красавчику. – Пойдете в середине.

Так, по крайней мере, он не будет переживать за нее.

Не то, чтобы он переживал.

– Пошли, – сказал Крэйг.

Они с неформалом вместе пересекли дверной проем, их плечи едва прошли в – как выяснилось – туннель... и, оказавшись в нем, мелькающий свет вдалеке стал целью, в сторону которой они начали медленно продвигаться.

– Как тебя зовут? – прошептал Гот.

– Крэйг.

– Я – Акс. Охренеть как рад знакомству.

Пэрадайз понимала, что может произойти что угодно, пока они шли по туннелю. Окруженная со всех сторон, движимая страхом, еле волочившая ногами и выжатая как лимон, она ждала, что еще произойдет, кто на них выпрыгнет, что на них упадет, свалит наземь.

Когда они просто выбрались наружу, к костру, ее натянутые нервы не знали, как реагировать на отсутствие нападения.

А потом ее мозг не мог переварить наличие стола, на котором стояли бутылки с водой, энергетические батончики и фрукты.

Это конец? – гадала она, окидывая взглядом сосны, подлесок, звезды над головой.

– Я умираю с жажды, – выдохнул Пэйтон, нацелившись на бутылки «Поланд Спринг». Мужчина, от которого она не могла отвести глаз, остановил его.
– Это может оказаться ловушкой, – сказал Крэйг, подходя к столу.
– Ты параноик.

– Пробовал пищу до этого? Понравилось блевать?

Пэйтон открыл рот. Закрыл. Выругался.

Крэйг проверил стол. Потрогал землю носком влажного кроссовка. На корточках обошел по периметру. Подойдя ближе, он сел, оказавшись взглядом на уровне аккуратно расставленных бутылок. Поднял скатерть на столе и посмотрел под нее.

Потом медленно взял одну бутылку.

Сердце Пэрадайз гулко билось. Она тоже была обезвожена... несмотря на, казалось, половину всей воды в бассейне, которую она проглотила. Но она также боялась яда.

Боже, она раньше не бывала в подобной ситуации... охваченная жаждой, стоя перед водой и все же застыла в шаге от желанной влаги.

– Эта не запечатана, – заявил Крэйг.

Он взял еще одну. Другую. На третьей раздался треск, когда он скрутил крышку. Понюхав открытое горлышко, он сделал глоток.

– Эта нормальная. – Он передал бутылку назад не глядя... и как только Пэйтон схватил ее, Крэйг продолжил, проверяя крышки у других, выискивая нераспечатанные. Пэйтон делил их между новобранцами, пока всем не досталось по бутылке.

Крэйг взял и себе, но не стал все выпивать, а заткнул бутылку за пояс. Потом, без комментариев, он перешел к энергетическим батончикам, отбрасывая те, что были с порванной упаковкой, и делясь запечатанными.

Пэрадайз поела, даже не будучи голодной, потому что не знала, когда они снова остановятся, сколько сил ей понадобится на следующей фазе... и да, еда была топливом. Энергетический батончик представлял мерзкое сочетание картона, подсластителя и какой-то слизи, но плевать. Ей понадобятся калории.

Только чтобы поддерживать тепло, подумала она, задрожав на холоде. Ноябрьская ночь и мокрая одежда. Ничего хорошего для температуры тела, если находиться на улице.

Или даже застрять надолго.

– Что дальше? – спросила она у всех и ни у кого в частности.

Дверь в здание позади них захлопнулась, и щелкнул замок.

Акс, парень с внешностью серийного убийцы, протянул:

– Ну и ладно. Я все равно не горю желанием повторить тот бассейн.

– Там есть ограда, – сказала другая женщина в отряде, указывая налево.

– Там тоже, – вторил ей атлет.

– Спорим, подключено к току, – пробормотал Пэйтон. – Как и все металлическое ранее.

Сомнения разрешились, когда кто-то поднял палку и бросил в проволочную сетку... дерево поджарилось со снопом искр.

Благодаря последующему изучению, они выяснили, что находятся в каком-то загоне, предлагавшим один выбор: идти вперед, через темный лес.

– Мы пойдем вместе, – сказала она, смотря поверх оранжевого огня костра. – Снова.

– Ненавижу работать в команде, – пробормотал Акс.

– Ну а я в восторге от перспективы поработать с тобой, – протянул Пэйтон в ответ.

Без дальнейших обсуждений, группа выстроилась в порядке, в каком они шли по туннелю. А потом они двинулись вперед строем, старательно держась подальше от забора из рабицы, когда ограда сужалась по обе стороны.

Ветки ломались под их ногами. Кто-то чихал. Ветер дул с одной стороны, так что у Пэрадайз заledenела рука.

Но все это едва ли ощущалось. Пока она шла, ее тело было оголенным проводом, энергия текла по ее венам, инстинкты были наготове принимать информацию откуда угодно:

она была настороже, выискивая подозрительные вещи, слишком громкий треск с земли, неловкое движение Пэйтона рядом с ней, хруст ветки слева... от всего, что она не могла сразу же отнести к категории «не представляет угрозы», ее подрагивающие мускулы и взбудораженный мозг стремились застыть и начать оценку. Или побуждали рвануть в сторону выхода.

Но они шли. Все шли. И шли.

Время шло, подумала она, оценив положение звезд.

Они не останавливались, их группа в лохмотьях плелась вперед, по земле, хромя, спотыкаясь, каждый со своими ранами, но все держались на ногах.

Несколько миль спустя... или даже сотню? – ничего не изменилось.

Но им ее не одурачить.

Братья вернутся, все это – часть их плана.

Ей просто нельзя отставать, нужно держаться с группой и...

Впереди, Крэйг и Акс остановились.

– Что это? – спросила она, схватив Пэйтона за руку.

Почему она чувствовала... запах огня?

– Мы вернулись к началу, – тихо ответил Крэйг. – Отсюда мы начали.

Когда он указал на землю, она увидела следы на земле, их следы. Но стол с водой и продуктами исчез... и костер потушили... вот откуда запах... а ограду передвинули.

Это было похоже на петлю или кольцевую трассу.

– Они водят нас кругами? – требовательно спросил Пэйтон. – Что за хрень?

– Но зачем? – спросила Пэрадайз у Крэйга, обращаясь к нему как к лидеру де-факто. – Зачем им это?

Благодаря зрению, приспособившемуся к темноте, она смогла разглядеть его сильные черты лица, когда мужчина нахмурился, оглядываясь по сторонам. Потом он покачал головой, и она ощутила, как сердце рухнуло в пятки.

– Что? – спросила Пэрадайз.

Ответила вторая женщина в отряде:

– Они хотят нас вымотать. Вот зачем...

Выстрелы раздались слева, очередной раунд хаоса пулями накрыл группу, они врезались друг в друга, в плече и ноге Пэрадайз вспыхнула боль.

– Двигайтесь! – закричал Крэйг. – Продолжайте двигаться, и они остановятся!

И он оказался прав. Как только они устремились в направлении, в котором шли раньше, обстрел закончился, а шум стих.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: если они остановятся, то получат очередную порцию резиновых пуль.

Пэрадайз сделала успокаивающий вдох. Все не так плохо, сказала она себе. Темп был медленным и ненапряженным, и она любила гулять.

Уж лучше так, чем быть мишенью.

Все будет хорошо.

Это лучше бассейна. Лучше того, как ее свалили наземь, связали и накиннули пакет на голову. Лучше взрывов в спортзале.

Ей всего-то нужно переставлять ноги, одну за другой.

Чтобы скоротать время, она сосредоточилась на Крэйге, который шел впереди, следила за движениями его большого тела, широкими плечами и движениями бедер при каждом шаге. Когда ветер периодически менял направление, она улавливала его запах, признавая, что он лучше любого одеколona.

Кто его семья? – гадала она. Откуда он?

У него была пара?

Забавно, что от последнего вопроса она ощутила острую боль в груди. С другой стороны, учитывая все, через что она прошла этой ночью, неудивительно, что ее мысли и чувства рассеивались...

Они все шли по кругу, и Пэрадайз начала замечать знакомые деревья и конкретные ветки, их ноги вытоптали тропу в земле, а в ее голове заела пластинка: никто не напал на них, не стрелял в них, не выпрыгнул из-за забора.

Это не значило, что этого не произойдет... но чем дольше продолжалось затишье, тем сильнее ее мозг изъедал себя, перепрыгивая с мыслей о Крэйге к безосновательной панике, изображениям ее отца... беспокойствам о том, что будет дальше.

Подняв взгляд на небо, она жалела, что не умела разбираться в положении звезд. Она не представляла, сколько времени прошло с момента их приезда в спортзал и сколько они уже бродят в лесу. Казалось, вечность прошла с тех пор, как она зарегистрировалась и позволила себя сфотографировать. Еще больше – с ее спора с Пэйтоном в автобусе. Но это же было не так.

Три часа? Нет, слишком мало. Пять или шесть, прикинула она.

Хорошие новости в том, что рассвет положит всему конец. Солнце не поддавалось обсуждению даже для Братьев... и, очевидно, никто не стремился в могилу. Да, пистолеты пугали, но те из них, в которых стреляли настоящими пулями, были на ногах, их раны оказались очевидно поверхностными... и то же верно в отношении тех, кто ел и пил отравленную еду.

Столько человек отсеялось. В начале их было шестьдесят. Сейчас осталось семь.

И она была поражена тому, что еще держалась. На самом деле, если бы она знала, что эта прогулка в лесу станет последним испытанием? Все было бы намного проще.

Учитывая, насколько плохо могло все быть? Это детский сад.

Глава 11

Один за одним все оказались на земле.

Первым упал мужчина, которого она встречала на празднествах Глимеры, ее очень дальний кузен, Энслэм. Спустя какое-то время он начал отставать, подкошенный хромотой, которая постепенно стала настолько выраженной, что влияла на все тело. А потом он просто остановился.

Кто-то в группе пытался ободрить его, но он просто покачал головой и, сев, ослабил шнурки на левом кроссовке.

– Я выжат. Пусть хоть пристрелят, но с меня хватит.

Даже в темноте она видела кровь на его белом носке.

– Пэрадайз, пошли, – сказал Пэйтон, подталкивая ее. – Нам нужно идти дальше.

Вглядываясь в глухой лес, она гадала, где скрывались Братья. Что произойдет с ним.

Когда группа возобновила путь, она последовала за всеми, потому что не хотела сдаваться, а еще... даже если было стыдно признаться... потому что ей никогда не нравился этот парень. Он славился дурной репутацией среди женщин.

Вскоре еще один свалился на обочине. А потом все они шли, один за другим. Дело в ногах. Или в бедре. Плече. Один за другим... все оказались на земле, на тропе, которую они вытоптали бесчисленным количеством шагов. И Пэрадайз хотелось помочь каждому, особенно когда Пэйтон, шедший рядом с ней, зашатался... а потом покачнулся, словно уже не был уверен в том, что видел впереди себя.

Его сломили последствия рвоты. Выпитая им вода отказывалась задерживаться в желудке, а от обезвоживания он начал бредить.

Она должна была попытаться помочь ему, потянула его за руку, побуждая подняться с колен, когда он, наконец, рухнул.

– ...домой, – бормотал он. – Сейчас я пойду домой. Кровать, мне нужно... поесть... смотри, я возле дома.

Было жутко наблюдать, как он указывал на лес впереди, а в глазах плескался восторг, словно он действительно видел свой особняк.

И тогда она поняла, что не станет заставлять его.

– Пошли, – позвала другая женщина. – Если ты способна стоять на ногах, значит, должна идти.

Пэрадайз посмотрела в лазурные глаза.

– Ненавижу все это.

– С ним ничего не случится. Вспомни, не было выстрелов ... в тех, кто уже сдался.

– Иди, – сказал Пэйтон, внезапно сфокусировавшись. – Со мной все будет в порядке.

В итоге, она не могла понять, почему снова начала переставлять ноги. Может, неспособность к самоанализу была симптомом ее собственного истощения. Может, она по-своему бредила, следуя за тем, что осталось от отряда, потому что мозг принимал их за своего рода «дом».

Может, ее тело просто включило режим автопилота.

Потом осталось двое.

Другая женщина, с ярко голубыми глазами, скоро попала под уже знакомую Пэрадайз закономерность. Сначала, она начала замедляться и запинаться, потом вообще остановилась. Она не рухнула наземь, и Пэрадайз вернулась в надежде, что не все потеряно.

– Нет, – сказала она, обрывая возможные уговоры. – Я останусь здесь. Ты идешь дальше.

Пэрадайз посмотрела на последнего мужчину – Крэйг все еще был впереди. Всегда лидировал.

Он не остановился ни ради кого.

Никого не подбадривал.

Он просто шел вперед в своем темпе, не сбиваясь и не отвлекаясь.

– Не трать на меня силы, – сказала женщина. – Я приняла решение. Я не чувствую ног, и, кажется, плечо сломано. Если ты можешь идти вперед, то должна продолжить. Ты слишком устала, чтобы нести меня, но даже будь оно иначе, я не сяду никому на шею.

Глаза Пэрадайз защемило от слез.

– Что ж... черт.

Женщина слегка улыбнулась.

– Ты победишь.

– Что?

– Просто иди вперед. Девочка, ты всем утрешь нос.

Тааак, очевидно, у кого-то начались галлюцинации.

Толкнув ее, женщина кивнула.

– Докажи парням, что мы не просто равны, что мы лучше их. Не подведи меня.

Пэрадайз покачала головой. Если кто-то и мог выиграть войну полов, то скорее женщина перед ней.

– Иди. Ты справишься.

Ругаясь себе под нос, Пэрадайз отвернулась и продолжила путь. Сумасшествие. Полное.

Пока ее ноги плелись по утоптанной земле, она снова посмотрела на небо. Звезды сияли невероятно ярко, сообщая ей, что до рассвета еще далеко.

Как долго они уже идут? – задумалась она. И сколько еще осталось?

К этому моменту Крэйг шел уже на расстоянии. Время от времени она улавливала его запах на ветру, легкий намек. К слову о победителях: именно он займет первое место. Он был сильнее и выносливее... и она верила, даже если это противоречило всем ее убеждениям, что его прямолинейная, решительная преданность себе поможет ему пережить это намного больше, чем ей – сострадание к окружающим.

Груз – физический, ментальный, эмоциональный – замедляет.

И, продолжая идти вперед, на холодном ветру, который она перестала замечать, Пэрадайз чувствовала каждую потерю в их небольшом отряде... и всех остальных, кто страдал раньше, в спортзале и бассейне...

Нет, этот мужчина впереди нее будет последним, кто останется стоять на ногах.

Завернув за угол по дороге, она заметила впереди преграду. Далеко от нее, это определенно было препятствие в центре дороги.

Не просто препятствие.

А... Крэйг.

Ее мозг мгновенно включил высокую передачу, приказывая бежать к нему... но тело, однако, не отреагировало на всплеск адреналина. Хотя мозг бил на всевозможные тревожные кнопки, ее темп не изменился, паника не повлияла на шаркающие ноги и накренившийся торс.

Подойдя к нему, она обнаружила, что Крэйг рухнул лицом наземь, его руки были раскинуты по сторонам, словно ему не хватило силы и сознания, чтобы приготовиться к падению. Его ноги обмякли, найки были направлены внутрь стоп.

– Крэйг?

Она хотела наклониться, но сама упала, колени отказывались сгибаться... а потом, когда она попыталась перевернуть его, ее руки соскальзывали с его одежды, плеч, рук.

Хотя, может, потому, что он весил в два раза больше Пэйтона.

Пэрадайз смогла повернуть его только отчасти на бок, и Боже, он был таким бледным, лицом напоминая призрака. По крайней мере, он дышал, и спустя мгновение Крэйг кое-как открыл глаза.

Странно, но ей сразу захотелось предложить ему свою вену... такого никогда раньше не было, даже когда Пэйтон рухнул наземь.

Желание было столь сильным, что она поднесла запястье к своему рту...

Он остановил ее, шлепнув по руке.

– Нет... – прохрипел он.

– Ты истекаешь кровью. – Она кивнула на большое красное пятно на его джинсах. – Тебе нужны силы.

Он сцепился с ней взглядом, и странное туннельное зрение обрезало весь мир вокруг, остались только они: лес, строение, ад, которым они бродили, их испытание... все растворилось вместе с болью в теле и голове.

Его взгляд освежил ее. Обновил. Придал сил.

– Брось меня здесь, – пробормотал Крэйг, качая головой на земле. – Иди дальше. Ты последняя...

– Ты можешь встать. Ты можешь продолжить...

– Прекрати тратить время. Иди...

– Ты должен подняться.

Он закрыл глаза и отвернул от нее голову, будто заканчивая разговор. Но потом он сказал:

– Речь о твоём выживании. Выживание означает способность идти вперед, чего бы это ни стоило, несмотря на все жертвы. Поэтому перестань тратить силы, поднимайся на ноги и двигайся вперед.

– Я не хочу оставлять тебя здесь. – Также она не хотела выяснять, почему оставив Пэйтона, ей казалось невыносимым бросить абсолютного незнакомца. – Я тебя не оставлю.

Его взгляд устремился к ней, и он был зол.

– Как тебе такое: я не нуждаюсь в помощи от тебе подобных... не хочу, чтобы меня спасала какая-то бестолковая женщина... бестолковая, слабая, мямлящая женщина, которую изначально нельзя было допускать к программе.

Пэрадайз рухнула на лесной настил, острая боль прошла по ее груди. Но потом она покачала головой.

– На самом деле, ты в это не веришь. В вечер нашей первой встречи ты сказал совсем другое. Ты сказал, чтобы я приходила, даже если отец запретит мне.

– Я солгал.

– Ты лжешь сейчас.

Он снова закрыл глаза.

– Ты меня не знаешь.

Когда он замолк, ее накрыла волна истощения.

– Нет. Не знаю.

Посмотрев на дорогу за ним, она попыталась представить, как встает на ноги и снова идет... и не смогла. Непонятным образом, между тем моментом, когда она была на своих двоих, и текущим положением на заднице, она умудрилась набрать семь тысяч фунтов... и это еще не все. Кто-то отбил ей обе ноги молотками. И приложил по голове. И плечу.

Пэрадайз посмотрела назад, туда, откуда они пришли. Она реально решила, что небольшая прогулка – не так уж плохо?

– Тебе здесь не место, – услышала она слова Крэйга.

Пэрадайз закатила глаза.

– Мне надоело это выслушивать. Если бы ты на самом деле в это верил, то не дал бы мне тот совет в самом начале вечера.

– Мне стало жаль тебя. Я тебя пожалел.

– Значит, у тебя все же есть сердце.

– Нет.

– Тогда как ты можешь чувствовать к кому-то жалость? – Когда он просто стиснул зубы, Пэрадайз осознала, что они оба были доведены до грани, поэтому мало что соображали. – Окей, тогда проясни кое-что. У тебя нет сердца, тогда зачем проверять для всех бутылки? Энергетические батончики. Ты сделал это не ради меня одной.

– Ради тебя.

Пэрадайз застыла. Его лицо было отвернуто в другую сторону, но у нее возникло странное ощущение, что он говорил правду.

– Но я для тебя чужая, – сказала она.

– Сказал же. Я тебя пожалел. Остальные могли сами позаботиться о себе, да и один в поле не воин.

– Подскажи, кто ты все-таки... женоненавистник с чувством совести или напарник-несмотря-на-то-что-я-девчонка? Ты мечешься из лагеря в лагерь как политик.

Застонав, Крэйг поднял руку.

– У меня голова трещит от тебя.

– Думаю, дело в испытании на выносливость. Не во мне.

– Можешь просто меня оставить? Продолжим разговор, и меня стошнит, как твоего дружка.

– Моего др... Пэйтон? Ты говоришь о Пэйтоне?

Так, они что, правда сидят здесь и разговаривают, как ни в чем не бывало?

Ну, скорее спорят.

– Сделай мне одолжение? – сказал мужчина. – Видишь вон тот камень?

Она посмотрела налево.

– Этот? Размером с мини-холодильник?

– Да. Можешь поднять его и уронить мне на голову? Было бы чудесно. Спасибо.

Пэрадайз потеряла глаза, а потом опустила обе руки, когда стало слишком тяжело держать их на коленях.

– Как твое полное имя? Если я собираюсь убить тебя по твоей же просьбе, мне нужно знать, что выбить на могильной плите.

Он снова обратил на нее свой взгляд. Небесно-голубой. Его глаза были невероятно яркого, голубого цвета.

– Как насчет компромисса? – пробормотал он. – Ты просто оставишь меня здесь, а я сам сдохну, и тебе не придется беспокоиться о крови на твоих руках... или моем имени.

Пэрадайз отвела взгляд.

– Тройка – несчастливое число.

– Что?

Она ждала, когда он назовет ей свой род. Когда он не ответил, Пэрадайз списала все на истощение... и его простое происхождение.

– Ну а сейчас, ты можешь уйти? Пожалуйста? – прошептал он. – Как бы я не наслаждался нашей милой беседой, я отключусь... прямо сейчас. Мне нужен сон.

– Ты можешь это сделать... ты в состоянии продолжить.

Он не прокомментировал и никак не отреагировал на ее слова... и она почувствовала, что он отвергнул ее щедрый дар. До какой степени надо быть заносчивым?

– Значит, все? – сказала она... обращаясь, в основном, к себе.

Крэйг снова ничего не ответил, но она не думала, что он потерял сознание.

И потом, как и раньше, он заговорил, когда она уже не ожидала этого:

– Пришло время. Ты должна решить, кто ты. Это происходит в такие моменты. Ты все бросишь... или пойдешь вперед?

Я всегда останавлиюсь, чтобы помочь тебе, подумала она. А помогать другому не значит сдаваться.

– Ты не хочешь выяснить кто ты... ты не просто менеджер.

Она нахмурилась.

– Всякая работа важна.

– И может, тебя ждет величие... только если ты встанешь и продолжишь путь.

Боже, она не знала... вообще ничего в настоящий момент.

Жар ее гнева рассеивался, у нее осталось только истощение, от которого скелет грозился рассыпаться на части.

Кто я, – задумалась она.

Хороший вопрос.

И она не представляла, каков будет ответ. Что она знала наверняка? Пэрадайз, урожденная дочь Абалона, Первого советника Рофа, Слепого короля, не станет сидеть подле незнакомца, который не желал ее компании и не просил спасти его, в то время как была возможность пройти еще один фут, ярд, милю в этом соревновании.

Она опустила взгляд на Крэйга. Как и ее одежда, его была запачкана кровью, потом и грязью, его волосы высохли торчком, тело обмякло, напоминая мешок.

– Береги себя, – сказала она, пытаясь подняться на ноги.

Он не ответил. Может, он, наконец, отключился? Или, наверное, просто радовался тому, что она уходила. Так или иначе... это не ее забота.

Когда она попыталась сделать шаг правой ногой, то обнаружила, что всё в ее телесной форме... от шеи и до спины, икр, суставов... представляло сплошной комок боли. Но она поставила ногу перед собой. Снова. И снова. И...

Пэрадайз не представляла, что заставляло ее двигаться вперед. Ее не волновала победа. Она делала это не для того, чтобы доказать чью-то неправоту или что с женщинами нужно считаться. В голове не было ни одной сознательной мысли.

Пэрадайз просто шла вперед... просто шла.

Жжение.

Спустя какое-то время жжение стало всем, что она чувствовала: в ногах и ступнях... в животе и легких... в горле... Боже, ее горло горело... в черепе... на лице.

Ее охватил огонь, словно в ее венах горел бензин, и мускулы обугливались изнутри и снаружи.

И перед глазами был яркий свет.

Ослепительной яркий.

Слишком яркий.

Но это был не рассвет. Небо оставалось темным... по крайней мере, она так думала...

Смутная мысль пробилась сквозь агонию.

Это Забвение? – задумалась она. Это свечение, эта боль? Жар?

Она умерла?

Она не помнила, чтобы умирала... такое же нельзя пропустить? Но как еще можно объяснить обжигающую агонию?

Шла... она все еще шла. А, может, это мир двигался под ее ногами, а она стояла на месте? Сложно сказать. В глазах двоилось, деревья подбирались ближе к ограде с обеих сторон, тропа, которой она шла, двоилась перед глазами, ей казалось, что нужно было выбирать лево или право... но когда она опускала взгляд, тот видела всего одну дорогу.

Огонь... Забвение.

Нет! – взметнулась мысль. Боже, ее отец! О, это было ужасно... Абалон останется совсем один в том огромном Тюдоровском особняке, потеряв шеллан и дочь...

Пэрадайз остановилась.

Дорога больше не была пуста.

Когда она сосредоточилась на высокой, непроницаемой преграде впереди себя, ее двойное зрение слилось в более точное представление реальности... и она увидела выстроившихся мужчин.

Дюжина, может и больше.

Все в черном, в капюшонах, обвешанные оружием.

Братство приветствовало ее на входе в Забвение?

Чепуха какая-то.

Когда она покачнулась на ногах, то осознала, что группа невероятно огромных тел надвигалась на нее.

Беги! – приказал внутренний голос. *Беги! Это очередное испытание!*

Но у нее совсем не было сил. Не осталось сил даже на панику.

Качаясь на воздухе, охваченная огнем изнутри и снаружи, она подумала... пошло все нахрен. Она нарушит все временные рамки, не выполнит задание... это был конец игры. Не будет перезагрузки, и не осталось мотивации, ни внутренней, ни внешней. Если они пристрелят ее, нарежут на кусочки, задавят? У нее нет сил, чтобы сопротивляться.

Значит, это ее конец, да? Блин, папа будет в бешенстве, когда они убьют ее.

Мужчины скоординировано остановились, словно ведомые единым мозгом, Братья замерли перед ней и подняли руки. Приготовившись к очередной боли, она...

Они начали хлопать.

Один за другим, они хлопали ей, не сводя глаз. Когда аплодисменты все продолжались, мужчины сняли маски, открывая ей свои лица.

– Что? – пробормотала она. – Я не понимаю.

Точнее, это она хотела сказать. У нее не осталось голоса, ничего, что могло выразить ее мысли.

Бутч, Брат с бостонским акцентом, вышел вперед.

– Поздравляем, – сказал он мрачно. – Ты – Примус³³.

Пэрадайз понятия не имела, что это такое. И не могла спросить у них.

Словно кто-то выключил провод из сети... свет погас для нее в одно мгновение.

Глава 12

Ожидая снаружи смотровой Дока Джейн, Бутч прижал задницу к бетонной стене коридора в учебном центре и свесил голову. Время от времени он потирал глаза.

Что не особо помогало.

Точнее, не помогало вовсе: каждый раз опуская веки, он видел, как Пэрадайз плелась, пошатываясь, по той тропе, которую они сделали для новичков; она выглядела так, будто побывала на войне: волосы потускнели, грязь на лице, одежда в беспорядке, кровь на руках. А когда она, наконец, сфокусировала взгляд на Братях, ее глаза были пустыми, как черепная коробка, тело представляло кучу болтающихся, немощных конечностей, ее дух был сломлен.

³³Досл. с лат. «старший», «первый», «лучший»

Черт подери, он не мог не представить ее такой, какой видел прошлым вечером, когда она заканчивала работу для Абалона в доме Рофа для аудиенций. Одета с иголочки. В сознании, проворная, счастливая, немного нервничавшая, боявшаяся, что отец, Братство или Король завернут ее заявление.

Гребаный ад. Наверное, им стоило отказать ей.

Но это было бы несправедливо.

Хорошие новости в том, что программа, разработанная совместно с Ви, работала. Их цель – сократить класс с шестидесяти претендентов до десяти, максимум.

Они будут работать с семерыми.

Все, кто добрался до трассы, были приняты.

Но он едва ли был рад этому. Может, если бы победителем стал один из тех здоровых парней. Например, Крэйг, прирожденный лидер. Этот парень идеально подходил для жизни солдата... если бы он пережил всех остальных, Бутч был уверен, что сейчас его бы не грызла совесть.

Дело не в том, что он не верил, в способность женщин справляться с трудностями. Он просто...

Открылась дверь в клинику и оттуда вышел Ви. Когда брат сразу же закурил, Бутч задумался, а не парит ли их одно и то же. Хотя суровый парень никогда не признается.

– Ну, это было весело, – мрачно сказал брат. – Повторим завтра вечером?

– Она в порядке?

– В полном. – Выпустив струю дыма, Ви убрал зажигалку. – Обезвожена. Ноги изранены. Местами ссадины. Элена поместила ее на каталке в комнату для сна.

– Она еще без сознания?

Блин, это плохо. Очень, очень плохо.

– Периодически приходит в себя. Мы же не хотим, чтобы она свалилась где-нибудь на ходу?

– Да.

Повисла пауза.

– Что с тобой происходит? Слушай, с ней все будет нормально.

Бутч покачал головой. Без сомнений, учитывая опыт Ви с садо-мазо, он был привычен к женщинам... и мужчинам... которые будучи вывернутыми на изнанку, вполне нормально уходят с сессий. Но как бывший детектив убийного отдела, Бутч смотрел на это несколько иначе: он видел жертв.

В памяти всплыли места преступлений с женскими телами, изувеченными, напоминавшими смятые тачки... и нет, они не уходили, они не были «в порядке».

Ради всего святого, он помнил, как выглядела его сестра, когда она смотрела из заднего окна машины своего убийцы. Больше ее никто не видел.

Так что да, ассоциации были совсем другими.

– Хочешь выпить? – спросил Ви.

Понимай как: ты выглядишь как сбита собака.

Бутч достал телефон. Он написал Мариссе сразу же, как они занесли Пэрадайз внутрь, но нет, она не ответила. Очевидно, у его супруги выдалась тяжелая ночь.

– Не возражаешь, если я свалю? – спросил он у напарника.

– Снова собрался в церковь?

Блин, сукин сын знал его чересчур хорошо.

– У меня еще два часа до рассвета. – Он хлопнул друга по плечу. – Увидимся на Последней трапезе.

Он был на полпути к офису, где располагался выход в туннель, когда Ви окликнул его.

– Ты не сделал ничего плохого этой ночью.

Бутч кивнул. Потом оглянулся через плечо.

– Это не значит, что я счастлив, познакомив кучку детишек с войной.

– Либо мы покажем им, либо война сама найдет их, уже на своих условиях.

– Да, это дерьмо может быть необходимо... может, даже пойдет им на пользу. Но мне это не по нраву.

Он чувствовал бриллиантовый взгляд на своей спине, и порадовался тому, что уходит от парня, а не двигается навстречу. Вишес видел его насквозь. А ему хотелось оставить при себе все, что выбивало его из колеи.

И да, поэтому он направлялся в церковь. Так поступают хорошие, богобоязненные католики, когда в голове творится сущий ад.

Пэрадайз проснулась как от рывка, не плавно вернувшись на поверхность сознания, ее туда катапультировали, руки заметались по тому, на чем она лежала, торс устремился вверх, глаза широко распахнулись.

Она была готова ко всему...

Кроме чистой, хорошо освещенной комнаты, заставленной двухъярусными кроватями, где никто не мог причинить ей вреда.

– Что... за..?

Она собралась осмотреться по сторонам, и ее шея хрустнула, открывая дорогу всевозможным неприятностям: ее ступни пульсировали, бедра болели до жути, ноги горели, одну икру свело судорогой, а живот ныл так, словно кто-то дал ей под дых.

Сбросив ноги на пол, она обнаружила, что ее переодели в больничную сорочку и мягкий халат.

– Не волнуйся, и доктор, и медсестра – женщины.

Она резко повернула голову к двери.

– Пэйтон?

Ее друг стоял в проеме лишь на половину, его испорченная одежда исчезла, сменившись свободным халатом с поясом. Он, очевидно, принял душ и поел... парень выглядел почти как обычно, приятная внешность, саркастичная улыбка, глаза с тяжелыми веками снова казались живыми.

– Можешь звать меня Сантой, – друг подошел и протянул ей кружку. – В конце концов, я к тебе с подарком.

– Стой... где мы? Что...

– Вот, выпей. – Пэйтон уселся на койку рядом с ее. – И прежде чем ты спросишь, в нем ничего нет, кроме двойной порции сливок и сахара. Все, как ты любишь.

– Который час? – она взяла кофе из простого приличия. – О, Боже... мой отец...

– Я сам позвонил ему. Мы в учебном центре Братства Черного Кинжала. Мы семеро приняты... особенно ты. Поздравляю, Пэрри. Ты это сделала.

Нахмурившись, она сделала глоток... и застонала.

– О, че... ничего лучше в жизни не пробовала.

Он снова встал и подошел к прикроватной тумбочке.

– Последняя трапеза, миледи.

Когда он взял поднос с накрытыми блюдами, она чуть не выронила кофе.

– Где остальные?

– В комнате отдыха, месте для перекусов прямо за этой спальней. Почти все спят. Я заставил медсестру положить тебя здесь, по очевидным причинам.

– Очевидным...

А, ну да.

– Спасибо.

– Да, никаких компаньонов. Но я проверял тебя каждые пятнадцать минут.

После всего, через что она прошла этой ночью, ее добродетель, казалось, последнее, о чем ей следовало беспокоиться. Но по щелчку пальцев не избавишься от многолетнего воспитания.

– Поешь, – сказал Пэйтон. – Станет лучше, когда наполнишь желудок.

Перед тем, как накинуться на еду, она не могла не спросить:

– Все семь прошли? Ну, все... с кем мы шли? Все мы?

– Акс, Бун, Ново, Энслэм и Крэйг.

На последнем имени она опустила взгляд.

– Значит, это наш класс?

– Ага.

Взяв вилку с ножом, она повернула тарелку и застонала, ребра издали громогласное
ТЫЧТОТВОРИШЬ?!

– Дерьмо, я не могу двигаться...

– Адвил³⁴. Я попрошу принести тебе еще. – Пэйтон направился на выход, но у дверей помедлил. – Я задолжал извинение.

– За что?

– За то, что думал, что ты не справишься с этим. – Он посмотрел на нее. – Ты была права, когда разнесла меня в пух и прах в автобусе. Ты доказала, что я был неправ. Прости меня.

Пэрадайз выдохнула.

– Спасибо. Это много для меня значит.

Он кивнул.

– Выходи, как будешь готова. Мы там просто болтаем о том и сем.

– Эй, Пэйтон? – окликнула она, когда он потянулся к ручке.

– А?

– Можешь сделать одолжение?

– Говори.

– Не рассказывай им о... ну, кто я. Я не хочу, чтобы ко мне относились иначе. Я хочу быть как все остальные.

– Энслэм знает. Но я скажу, чтобы он держал рот на замке.

– Спасибо.

После его ухода, Пэрадайз съела так много, как смогла... вышло так, что она уничтожила все, что было на тарелке, включая свежую булочку и горох. Она также допила кофе и опустошила обе бутылки воды, которые шли вместе с подносом. Потом прохромала к ванной, расположенной в углу комнаты.

Она приняла душ, такой горячий, что удивительно, как она не расплавилась краску на стенах, но, ох, как ее тело расслабилось под струями воды. Волдыри на ступнях щипало, как и некоторые другие места, например, кожа на правом локте и левом колене была содрана, и почему-то плечи. Ей было все равно. Это рай.

Свесив голову, она позволила воде стекать по затылку.

Она была рада, что Пэйтон позвонил ее отцу. Уже почти наступил рассвет, она не хотела, чтобы мужчина беспокоился, но была не готова обсуждать с ним произошедшее. Ей нужно время... подумать, переоценить, переварить.

Здесь был шампунь. Она воспользовалась им, не глядя на этикетку. Та же песня с кондиционером. И мылом.

Когда она вышла из душа, то почти чувствовала себя прежней... но все изменилось, когда она посмотрела на свое отражение в зеркале над раковиной.

Наклоняясь вперед, Пэрадайз оценила черты лица, словно оно принадлежало кому-то другому... казалось, она похудела, и даже без макияжа ее большие глаза выделялись на лице, как у ребенка.

– Кто я? – прошептала она отражению.

34 Адвил – болеутоляющее при воспалениях.

Глава 13

Собор Святого Патрика в Колдвелле напоминал почтенную старую леди, вырастая из асфальта как доказательство Божьей благодати и способности людей склеивать камни между собой. Припарковав свой новый «Лексус» параллельно дороге, Бутч подумал, насколько это забавно, что среди всех человеческих черт, что пережили его превращение в вампира, вера оказалась самой прочной.

Сейчас католик из него лучше, чем в человеческие дни.

Низко натянув на лоб кепку «Рэд Сокс», он прошел через главный вход, который был больше его родного дома в Саути.

Собор был открыт круглые сутки, словно духовный аналог «Старбакса», готовый услужить потерянными и споткнувшимся душам.

Монсеньёр, мне, пожалуйста, большую чашку прощения, спасибо. И булочку, которая волшебным образом подскажет мне, что, черт возьми, творится с моей женой.

Охранник, сидевший в кресле, оторвался от «Спортс Иллюстриейтед» и кивнул ему. Он часто бывал здесь, поэтому парень знал его.

– Добрый вечер, – сказал охранник.

– Как жизнь, в порядке?

– Да. Как сам?

– В норме.

Всегда один и тот же разговор, обмен двусложными фразами стал частью ритуала.

Шагнув на красный ковер, Бутч сделал глубокий вдох и мгновенно расслабился, ощутив знакомый запах ладана, пчелиного воска, лимонного средства для мытья полов и свежих цветов. И толкая резные двери в величественный храм, ему не нравилось, что приходилось заходить с кепкой на голове, но инкогнито никто не отменял.

Его мать бы удар хватил... если, конечно, ее деменция отступила бы в сторону на какое-то время.

Она лишилась рассудка, и от этого ему было легче покинуть человеческий мир... к тому же они с Мариссой периодически бывали у нее, дематериализуясь в ее комнате в доме престарелых в Массачусетсе. Они навещали ее, зная наверняка, что она не вспомнит об этом...

Затормозив, Бутч сделал глубокий вдох, его кровь забурлила, по коже расползлись мурашки. Резко обернувшись, он нахмурился, увидев одинокую фигуру на задних рядах.

– Марисса?

Хотя голос не дошел до нее, его супруга подняла голову, почувствовав его присутствие.

Бросившись по каменному полу, он устремился между боковыми проходами к ее ряду, пытаясь не сшибить стулья для молитв.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, уловив запах ее слез.

Ее глаза были влажными, когда он подошел к ней, и Марисса попыталась выдавить улыбку, но не смогла.

– Я в порядке, правда, я...

Он сел рядом с ней... точнее, рухнул... и взял ее холодные ручки. На ней все еще было ее пальто от «Барберри», ее волосы спутались на концах, словно она была на ветру.

Бутч покачал головой, его сердце билось через раз.

– Марисса, ты должна поговорить со мной. Ты пугаешь своего мужчину до усрачки.

– Прости.

Она больше ничего не сказала, но прислонилась к нему, опираясь на его тело... и это само служило достаточным объяснением: что бы ни произошло, его вины в этом нет.

Бутч закрыл глаза и обнял ее, поглаживая спину.

– Что стряслось?

Рассказ вышел обрывистым: молодая женщина... газон в «Убежище»... изувечена... Хэйверс оперировал... все равно умерла... без имени, никакой информации, без семьи.

Боже, ему было ненавистно, что его драгоценная шеллан имела дела с ужасами жизни. И, п.с. – в жопу ее брата.

– И сейчас я не знаю, что делать с ней. – Марисса, задрожав, выдохнула. – Я просто... кажется, что я сделала недостаточно, пока она была жива, а сейчас она ушла и... я знаю, она абсолютная незнакомка, но это неважно.

Бутч хранил молчание, позволяя своей супруге продолжить... и в ожидании он подумал... черт, ему знакомо это чувство необоснованной ответственности. Во времена его службы в убийном отделе ОПК, он чувствовал то же самое по отношению к каждой жертве. Удивительно, как незнакомцы порой становятся своеобразными родственниками.

– Это так несправедливо по отношению к ней. Все это. – Марисса повернулась к сумочке, достала клинекс и высморкалась. – И я не хотела ничего рассказывать тебе, потому что ты был очень занят...

– Неверно, – прервал он ее. – Нет ничего важнее тебя.

– Но...

Он повернул ее лицо к себе.

– Ничего на свете.

Когда Марисса снова заплакала, он смахнул слезы с ее щек.

– Как можно сомневаться в этом?

– Не знаю. Мысли путаются. – Она прижала платок к носу. – И я пришла сюда, потому что ты постоянно посещаешь это место.

Окей, его сердце растаяло от нежности.

– Помогло?

Она слегка улыбнулась.

– Ну, это свело нас вместе, разве нет?

Устроив Мариссу возле себя, он обнял ее и уставился на ряды скамеек, ведущих к величественному алтарю с золотым крестом и двадцатифутовой статуей Иисуса на распятии. Благодаря уличному освещению витражное стекло сияло в огромных рамах, протянувшихся ввысь до готических контрфорсных³⁵ арок. И приделы, посвященные почитаемым святым, мерцали от множества моельных свечей, зажжённых полуночными посетителями, мраморные статуи Девы Марии, Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила дарили благодать всем страждущим.

Он не хотел, чтобы его супруга страдала, но также испытывал облегчение, что она обратилась к нему. Будучи связанным мужчиной, первым его инстинктом была защита своей шеллан, а ее отстраненность, пусть она и продлилась всего день, ощущалась подобно ампутации.

– Иянехотелаговоритьиззатвоейсестры.

– Что? – пробормотал он, целуя ее макушку.

– Твоя сестра...

Бутч напрягся, не смог сдержаться. С другой стороны. Любое упоминание о его прошлом напоминало удар батареей по голове.

– Все нормально, – сказал он.

Марисса выпрямилась.

– Я не хотела расстраивать тебя. В смысле, ты никогда не говоришь о... том, что случилось с ней.

Он посмотрел на руки своей женщины. Она сжимала их на коленках. Теребила платок, который сейчас превратился в шар.

35 Контрфорс (фр. contre force — «противодействующая сила») — вертикальная конструкция, представляющая собой либо выступающую часть стены, вертикальное ребро, либо отдельно стоящую опору, связанную со стеной аркбутаном.

– Не беспокойся обо мне. – Он перекинул ее волосы за спину, поглаживая гладкие пряди. – Это последнее, что должно тебя заботить.
– Я могу спросить кое-то?
– Что угодно.
Когда она не ответила сразу же, Бутч придвинул лицо к ее.
– Что такое?
– Почему ты никогда не рассказываешь о своей жизни до встречи со мной? В смысле, я знаю некоторые подробности... но ты никогда не говоришь об этом.
– Сейчас ты – вся моя жизнь.
– Хм.
– Что ты имеешь в виду?
Посмотрев на него, Она пожала плечами.
– Не знаю, что говорю. Это кажется детским лепетом.
В ее сумке раздался звонок, и Марисса поставила ее на колени. Когда она достала телефон, он наблюдал за ней словно издалека, хотя она была совсем рядом.
– Сообщение от Хэйверса, – сказала она. – Можно забирать останки.
Бутч поднялся на ноги.
– Я поеду с тобой.
Марисса посмотрела на него.
– У тебя точно есть время?
Он просто покачал головой на ее слова.
– Давай. Я перевезу тебя через реку. У нас еще час до рассвета.

Крэйг сидел на относительно удобном стуле с мягкими ручками и спинкой. И все тело болело так сильно, словно он целую ночь разгружал вагон с каминными принадлежностями. Отчасти виноват он сам. Когда его принесли сюда на носилках, он отказался от болеутоляющих, которые ему предложили после осмотра. Однако он воспользовался предложенной ванной, едой и напитками.

На этом все. С тех пор, как их шестерых запихнули в этот кафетерий, отделанный в стиле студенческого общежития, с декором из сплошного бетона и ковриков, ТВ и кухней-столовой, он оставался в стороне. Он только узнал имена собравшихся, а потом держался подальше от группы, слушая их рассказы, но, не сообщая ничего о себе.

Хотя, ему нечем поделиться. Он единственный выжил из своей семьи и не собирался делиться личными воспоминаниями о набегах.

На что он обратил внимание – на постоянную беготню этого Пэйтона. Ублюдок каждые десять минут подскакивал со своего дивана, ныряя в спальную комнату.

Почему парень просто не останется внутри...

В этот раз, когда Пэйтон засунул голову в комнату, состоялся какой-то разговор. Потом он полностью вошел внутрь и плотно закрыл дверь. Когда парень вернулся спустя какое-то время, то подошел к Энслэму и что-то сказал на ухо. Что бы там ни было, Энслэм согласно кивнул и пожал плечами.

А потом Пэйтон снова уселся посреди комнаты.

Прошло немного времени, прежде чем вышла Пэрадайз... и как только она показалась в дверях, то все сразу посмотрели на нее, забыв про обсуждение «Тош.0»³⁶.

Крэйг отвернулся от нее, преимущественно потому, что его чертовски бесил тот факт, что при виде этой женщины его давление подскакивало, а сердце стучало как сумасшедшее.

Черт возьми, все эти люди его не касаются. А тем более она.

– Дамы и господа, – объявил Пэйтон. – А вот и наш Примус.

36 «Тош.0» - американский ТВ-шоу, который ведет комик Дэниэл Тош, комментируя в каждом выпуске популярные вирусные видео, клипы и ролики.

– Не называй меня так, – выдавила она, опережая возможные аплодисменты. – Никогда.

– Почему? – возразила Ново. – Ты нас уделала. Продержалась дольше всех. Черт возьми, ты должна гордиться этим.

Окей, вот женщина, к которой его должно тянуть... хотя он и не заинтересован в сексе и отношениях в настоящий момент. Тем не менее, Ново – «дама» как раз его типажа... она знает, как преодолеть любое препятствие, и, обычно, сначала бьет обидчика, а потом задает вопросы, после того, как ему вправят сломанную челюсть.

Ново также была чертовски сексуальна в своей свободной футболке из «Хайнс» и врачебных штанах, которые она получила взамен испорченных шмоток.

И не он один это заметил. Энслэм, Акс и даже говнюк Пэйтон исподтишка поглядывали на нее... казалось, ей было плевать, либо она просто не замечала взглядов.

Администраторша, с другой стороны, без сомнений привыкла к тому, что на нее пялятся. Блондинки вроде нее всегда находятся в центре внимания.

Отчего легко становятся мишенями.

И да, об этом он и думал, стоя перед ее рабочим столом и предлагая ей вступить в программу. Да, таких женщин защищала семья, но это не всегда срабатывало.

Его сестра была бы сейчас жива, будь это правдой.

– ... с нами?

Крэйг поднял взгляд на Ново.

– Что?

– Мы поищем кого-нибудь, кто принесет нам еще хавчика. Холодильник и шкафы мы уже опустошили. Ты с нами?

– Нет.

– Тогда я принесу тебе еще «Орео». Ты все уничтожил.

– Ты не обязана.

– Я знаю, – сказала она, отворачиваясь.

Скрестив руки на груди, он поморщился и еще больше сполз на стуле, вытягивая ноги. Закрыв глаза. То, что ему было нужно... и, услышав стук двери, он облегченно выдохнул.

– Ты не голоден?

Он резко открыл глаза, поворачивая голову. Пэрадайз все еще была у двери в спальное помещение, и она выглядела такой же расслабленной, каким он себя чувствовал: стояла, обняв себя руками в талии, сведя полы халата до самого горла.

– Нет, – рявкнул он.

Черт, не было оснований грубить ей.

– В смысле... нет.

Чудесно, сейчас он похож на идиота.

– Как твои ноги?

– Превосходно. – Повисла пауза, словно Пэрадайз ждала ответного вопроса. – Слушай, почему бы тебе не присоединиться к остальным...

– Знаешь, ты не можешь выгнать меня отсюда.

Он опустил веки.

– Тебе нужно оставить попытки завязать со мной разговор.

– Почему? Что я такого...

Крэйг вскочил со своего стула и сократил расстояние между ними. Нарушая ее личное пространство, он убедился, что она успела оценить его огромные габариты.

– Говорить будешь? – протянул он тихо. – Или уйдешь, наконец?

Ее голубые глаза широко распахнулись.

– Ты мне угрожаешь?

– Просто предлагаю передислокацию, удобную для нас обоих.

– Тогда почему сам не уйдешь?

– Я пришел сюда первый.

– Потому что облажался... точно. Проиграл девчонке... ну конееееечно.

Крэйг стиснул челюсти.

– Не провоцируй меня, хорошо? У меня выдалась не менее тяжелая ночь.

– Это ты подскочил ко мне как бешеный бык. И я уйду... потому что сейчас ты мне нравишься меньше, чем я думала. Но, правда в том, что мои ноги болят так сильно, что я едва могу ходить, и я слишком гордая, чтобы просить инвалидное кресло.

Колоссальный.

Козлина.

Да, именно так он себя чувствовал, когда опустил взгляд и увидел ее босые ноги во всем своем окровавленном не-великолепии: красные рубцы виднелись на коже, правая нога так сильно опухла, казалось, она не могла принадлежать такой стройной лодыжке.

На мгновение он закрыл глаза. Отойди. Просто вернись на свой маленький стул и припаркуй там свой зад, позволяя ей прохромать к дивану, на котором можно было вытянуться, или... вернуться в спальную комнату... или раскрыть крылья и улететь подальше от его жалкой злобной персоны.

Вместо этого он приземлился на пол. Его колени подогнулись так резко, казалось, что в комнате хрустнули две ветки, а его бедра и ноги закричали от смены положения.

– Выглядят очень плохо, – сказал он тихо.

Он не собирался прикасаться к ее коже. Правда. Но почему-то его рука потянулась вперед, и он погладил ее левую ступню... на единственном целом участке кожи.

Он услышал резкий вздох над собой и, по неясной причине, не доверял себя достаточно, чтобы посмотреть на нее.

– Я сделал тебе больно?

Немного погодя она выдохнула:

– Нет.

Он пробежал указательным и средним пальцами по ее ступне легонько, просто чтобы почувствовать тепло ее кожи.

Дрожь сотрясла все его тело. И он сказал неровным голосом:

– Мне ненавистно видеть эти ссадины.

Наверное, у нее много ранений по всему телу. Ушибы, синяки, ссадины, содранная кожа. Он хотел прикоснуться к каждой ранке.

Это плохо, подумал он. Господи Иисусе, это очень плохо...

Его либидо дремало очень долго, и последнее, что ему нужно – разбудить его, особенно учитывая все обстоятельства. Особенно с женщиной вроде нее.

Необязательно происходить из аристократической семьи, чтобы быть леди. Даже гражданские девушки, работавшие, как и все остальные, могли иметь стандарты и хранить целомудрие до брака с достойным мужчиной.

А это не брак с осиротевшим сыном паркетчика.

О, и она, очевидно, на сто процентов была девственницей.

Он понял это по тому, как Пэрадайз держала себя с ним. Как Пэйтон – тот еще плейбой – уважал ее пространство.

Но, преимущественно, по ее резкому вздоху, по «нет» шепотом.

Все очень, очень плохо.

Глава 14

Сердце Пэрадайз словно вошло в состав ударной установки, а вспышки жара, проносившиеся по ее телу, были яркими и энергичными, словно пара кимвалов³⁷.

37 Кимвалы - инструмент, состоящий из двух металлических чаш, издающих при ударе друг о друга резкий звенящий звук

Крэйг сидел на полу перед ней, его огромное тело приняло неудобное сидячее положение, мускулы его плеч были напряжены под тонкой белой футболкой, и он склонил темную макушку, пробегая кончиками пальцев по ее ступне.

Несмотря на полное истощение, она чувствовала каждый нюанс его прикосновений... и также болезненно осознавала свою наготу под халатом и больничной рубашкой.

Блин... к черту боли в теле. Какая агония?

Единственное, что регистрировало ее тело, – какой-то огромный, скрытый потенциал, который она не до конца понимала, но все-таки осознавала.

Это... сексуальное влечение. Похоть. Желание.

Прямо здесь, прямо сейчас.

Неприкаянное, неумолимое, бескомпромиссное химическое притяжение.

– Я не имею права прикасаться к тебе вот так, – прошептал Крэйг.

Нет, подумала она. Не имеешь.

– Не останавливайся.

Он поднял голову, встречая ее взгляд.

– Это плохая идея.

Определенно нет. Сто процентов точно – нет.

– Я словно пьяная.

Поморщившись, Крэйг закрыл глаза.

– Я должен остановиться.

Но не остановился. Он просто скользнул пальцем вверх по ее лодыжке и выше, к икре.

– На мне ничего нет, – выпалила она.

Сейчас он склонил голову и потер лицо свободной рукой.

– Прошу, не говори мне такие вещи.

– Прости. Я не соображаю, что несу.

– Я вижу.

Казалось, он задрожал всем телом, и Пэрадаиз прошептала:

– Поэтому я тебе не нравлюсь? Из-за этой связи?

– Да.

– Значит, ты тоже это чувствуешь.

– Не почувствует разве что мертвый, – пробормотал он.

– Об этом все говорят, да? Об этой жажде.

Застонав, Крэйг покачнулся, весь мир содрогнулся, хотя он крепко сидел на земле.

– Не...

– Что «не»?

Крэйг просто покачал головой и оттолкнулся от нее. Оторвав колени от земли, он поставил на них локти и, казалось, пытался взять себя в руки. Спустя мгновение он пару раз неловко повел бедрами, будто что-то мешало там или топорщилось.

– Я не стану связываться с тобой, – сказал он низким голосом. – Учебная программа – все, что у меня есть. Это мой единственный шанс на достойное будущее... поэтому я останусь в ней и преуспею не из тщеславия. И я не пытаюсь что-то доказать своим родителям, у меня нет потребности в сражениях. Меня в прямом смысле ничего не ждет впереди. Поэтому я не позволю никому и ничему встать на моем пути.

– Ты не сможешь совмещать? – спросила она, не совсем уверенная, что предлагает.

О, на хрен это. Она прекрасно понимала, что предлагала ему: когда он прикоснулся к ее лодыжке, она захотела узнать, какого это, чувствовать его руки на всем своем теле.

– Нет, – повторил он. – Не смогу.

С проклятием Крэйг заставил себя подняться на ноги, и, прикрывая руками что-то в районе бедер, он вернулся на свое место. Но он не опустился на стул. Он стоял, смотря на мягкое сиденье, все тело было напряжено.

– Ты не обязан защищать меня, – сказала она.

Спустя мгновение он посмотрел на нее через плечо... его лицо было мрачным.

– К черту. Я защищаю себя.

Пока Бутч вез их в Лексусе через реку, Марисса смотрела в пассажирское окно. Крепления моста образовывали узор, перемежавшийся с видом воды, чем напоминал о движениях дворника на замедленном повторе. Находясь так высоко, сложно было сказать, были ли на поверхности воды волны. Наверное, нет. Выдалась тихая ночь.

По неясной причине она продолжала вспоминать, как они полюбили друг друга... наверное, потому что ее мозг не мог справиться с тем, куда они сейчас ехали, поэтому спасался в прошлом, наполненным радостью, восторгом и счастьем.

Ничто не сравнится с первым прикосновением. С первым поцелуем. С моментом, когда вы впервые занимаетесь сексом, и ты смотришь на лицо над собой и думаешь: *«Я не верю, что это происходит на самом деле!»*.

– О чем ты думаешь? – спросил Бутч, сжимая ее руку.

– Помнишь наш первый поцелуй?

Ее супруг тихо рассмеялся.

– Боже, да. На веранде второго этажа, в особняке Дариуса. Я сломал ручку того плетеного кресла.

Она улыбнулась, посмотрев на него.

– О да.

– Я не ожидал, что ты будешь такой... сильной.

В легком свете от приборной панели черты его лица казались такими же сексуальными, как и всегда, и Марисса вспомнила его лицо, когда он возбуждался, наполовину закрывая карие глаза, он становился таким серьезным, а тело замирало перед оргазмом.

– Я хочу заняться сексом, когда мы вернемся домой, – сказала она.

Он повернул голову так резко, что седан съехал с полосы.

– Ну, вот так дела. Это мы точно устроим.

– Меня грызет совесть из-за этого.

– Не надо. – Он встретил ее взгляд. – Это вполне естественно. Перед лицом смерти ты хочешь почувствовать себя живой... это не значит, что ты не скорбишь по девочке, или каким-то образом оскорбляешь ее память. Твое желание не исключает этого.

– Ты такой умный.

– Просто опытный в подобных вопросах.

Откинувшись в кресле, она позволила знакомым, сексуальным ощущениям прокатиться по ее телу... и представила, как опускается в его объятия, расстегивает ширинку на брюках и обхватывает его плоть, пока он управляет автомобилем.

Но он никогда не позволит ей.

К тому же, когда они перебрались через Гудзон, ее мысли пошли в ином направлении.

– Пожалуйста, не трогай его.

– Кого? Твоего брата?

– Да.

– Я буду джентльменом от и до.

Она посмотрела на него.

– Я серьезно.

– Я тоже. – Он сжал ее руку. – Тебе не о чем беспокоиться. Я не поступлю так с тобой... и значит, он чертовски везучий парень.

Бутч следовал указаниям, направленным ей по смс, когда она спросила, как проехать на машине, и примерно через пятнадцать минут они уже тряслись по грунтовой дороге, пробираясь сквозь лес. В этот раз входным зданием служил скромный двухэтажный фермерский домик, на подъездной дорожке из гальки было припарковано несколько седанов.

Они вышли из машины и направились к, казалось, хозяйственному блоку для тракторного оборудования, который на самом деле оказался ларьком, который она видела ранее этим вечером.

Процедура была стандартной: проверка через камеру, внутрь, сканирование лазерами. А потом стена с инструментами отъехала, открывая лифт, ведущий под землю.

– Наверное, эта постройка влетела в круглую сумму, – пробормотала она, когда они оба уставились на мигающие цифры над дверью. – Четыре этажа вниз? Вау.

– Клинику было необходимо выстроить.

Она посмотрела на него.

– погоди, ты знал о новой клинике? Почему мне не сказал?

Бутч пожал плечами:

– Я не хотел расстраивать тебя напоминанием о брате. – Он многозначительно посмотрел на нее. – Скажи, Хэйверс хорошо себя вел, когда ты приехала сюда в первый раз?

– Да.

Его супруг кивнул и подтянул свои добротные черные брюки. Как и всегда бывало, когда он не был на смене, ее хэллен-коп-из-Саути одевался словно с обложки каталога «Нейман Маркус»³⁸, кипенно-белая рубашка и тончайший пиджак из замши был таким же дорогим, насколько выглядел. От него также очень хорошо пахло, благодаря связующему запаху, а не одеколону... и его часы от «Пяже» и большой золотой крест были сексуальны и без излишеств.

И все же, Бутч был прав. Если бы он захотел, то убил бы ее брата голыми руками... а он, наверное, этого хотел. Но она верила ему, когда он сказал, что никогда бы не сделал такого у нее на глазах.

– Он удивительно внимателен к своим пациентам, – пробормотала Марисса.

– С этим никогда не было проблем.

Да, с этим – не было.

Лифт рывком остановился, и они вышли в другой зал для ожиданий, меньше и более обособленный, чем тот, в котором бывала она.

Регистратор сначала посмотрела на Бутча... потом еще раз окинула его взглядом. Хотя он на это не обратил внимания.

– Добро пожаловать, – сказала женщина. – Доктор знает, что вы прибыли. Я могу сделать вам кофе, пока вы ожидаете?

«Или что-то по серьезнее?» – предлагал ее тон.

– Нет, спасибо. – Бутч взял Мариссу под руку и провел к стульям, выстроенным в ряд у дальней стены.

Они устроились, и Марисса обрадовалась, когда Бутч взял ее руку.

– Так, как прошла первая ночь учебной программы? – спросила она, чтобы завязать разговор и потому, что ей было интересно.

Его брови сошлись на переносице.

– Хорошо... никто серьезно не пострадал. По результатам отбора осталось семь новобранцев. Они проведут у нас этот день... в основном потому, что мы не хотим, чтобы их родители видели их такими потрепанными. Также это хорошая возможность для ребят познакомиться поближе. Я проведу первое занятие завтра вечером, потом их отпустят домой после тренировки.

– Я очень рада, что все прошло хорошо.

– Поживем-увидим. Хм, ты же знаешь дочь Абалона, Пэрадайз? Которая помогала нам с аудиенциями?

– О, милая девочка.

– Она продержалась дольше всех. У нее железный характер.

– Абалон, должно быть, гордиться ею.

38 «Нейман Маркус» - один из самых успешных продавцов одежды класса «люкс».

– Он будет.

Они замолчали. Потом Марисса снова заговорила:

– Кажется, меня сейчас стошнит.

Бутч мгновенно подскочил, но она похлопала его по руке. – Это скорее выражение такое, а не реальное действие.

– Хочешь вернуться в машину? Я заберу прах за тебя.

Марисса покачала головой.

– Нет, она моя. Пока мы не найдем ее семью, я за нее отвечаю.

Бутч обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Будь готова, что ничего не изменится, даже когда ты вернешь останки ее родным.

– Так всегда было... когда ты работал, ты всегда это чувствовал?

– Абсолютно с каждой из моих жертв. – Он медленно и устало выдохнул. – Они никогда не отпускали меня. Даже сейчас, когда я не могу уснуть, я вижу их лица на потолке над нашей кроватью. Я помню, как они выглядели при жизни и не могу забыть их мертвые тела. Это выжжено в моем мозгу.

Смотря на его профиль, его жесткий, далеко не идеальный профиль, Марисса призвала всю свою любовь:

– Почему ты не будишь меня, не говоришь со мной, когда такое происходит?

Натянутой улыбкой он старался преуменьшить всю важность этого.

– У тебя тоже есть работа.

– Да, но я...

– Не важно. Сейчас все в прошлом.

Нет, если оно не отпускает тебя, подумала она.

– Мы с тобой так похожи, – прошептала Марисса. – Мы оба спрятали в шкафу наши прошлые жизни.

– Звучит так, будто это плохо.

Прежде чем она успела ответить, дверь напротив открылась, и оттуда вышла медсестра в белой униформе с черной коробкой в руках, которая абсурдно... и неуместно... напомнила Мариссе о шпильках от «Стюарт Вайцман»³⁹, которые ей привезли на днях. Того же размера.

Она ожидала, что контейнер будет больше. Или меньше. Другой.

Боже, она не знала.

– Мы скорбим о вашей потере, – сказала медсестра, протягивая коробку Бутчу.

Марисса вышла вперед и взяла ее. Казалось, она весила меньше, чем она ожидала. С другой стороны, в ней ведь только прах.

– Спасибо.

Медсестра покраснела от несоблюдения обычая: Марисса, происходившая из Семьи Основателей, не должна прикасаться ни к чему, связанному со смертью: в Старом Свете подобное прикосновение было не к добру, особенно для беременной и женщины детородного возраста.

Но к черту все.

– Что-то еще осталось из ее вещей? – спросила Марисса.

Медсестра прокашлялась, будто пыталась проглотить неодобрение и подавилась.

– На самом деле, есть кое-что. – Она посмотрела на Бутча, ожидая, что он вразумит свою супругу. – Эм...

К его чести, Бутч удивленно выгнул бровь, будто не понимал, к чему она клонит.

Медсестра снова прокашлялась.

– Ну, кое-что осталось. Единственная личная вещь, которую мы нашли... ее засунули в ее...

– В ее что? – настаивала Марисса.

39 «Стюарт Вайцман» - американский обувной брэнд.

– В ее бюстье. – Медсестра запустила руку в карман своей формы и достала что-то черное, длинное с кисточкой из красной ткани.

– Вы уверены, что хотите...

Марисса взяла вещь из ее хватки:

– Спасибо. Мы уходим.

Прежде чем женщина успела что-то добавить, Марисса направилась к лифту и нажала стрелку «вверх» на стене. Лифт, будто помогая ей с экстренным выходом, сразу открыл двери и пустил их внутрь. Бутч, как всегда, следовал за ней.

Только на пути вверх она посмотрела на то, что забрала у медсестры.

– Что это? – спросила она, протягивая кусок черного металла в четыре дюйма. С одного края свисала красная шелковая кисточка, другой, заостренный и с зазубриной, казалось, мог подойти к замку.

– Это ключ?

Бутч взял у нее вещицу и осмотрел.

– Знаешь, вполне может им оказаться.

Глава 15

К закату следующего вечера Пэйтон решил, что ему не нравится ни один из них.

Ну, дело не в том, что он считал себя лучше... Просто за каждым значился какой-то косяк.

Акс, аутсайдер с внешностью панк-гота и да-да-мы-в-курсе-что-ты-суровый-засранец повадками? Очевидно же. Ублюдок был в одном кухонном ноже от статуса серийного убийцы. Бун, Адонис с грудой мускул? Да-да, мы в курсе, что ты можешь ходить на руках и вертеть задом так, словно он прикреплен к твоему котелку на веревке... всем насрать. Ты здесь для сражений, тут вам не Цирк дю Солей, чтобы прыгать в пачке. Энслэм? Неудачник из Глимеры, даже не из Семьи Основателей. Серость, удивительно, как он вообще прошел.

Но больше всего ему не нравился этот Крэйг... хотя, скорее всего, потому, что все, включая Пэрадайз, относились к нему, будто он был провозглашенным лидером группы.

Пэйтон не напрашивался, но блин. Они еще ничего толком не видели. Рано подниматься на пьедестал.

И не только это напрягало его в парне. Было в нем что-то подозрительное, что-то, на что он не мог указать пальцем. Может, инстинкт? Чувство какой-то угрозы?

А еще была та женщина, Ново.

Растянувшись в своем кресле в комнате отдыха, Пэйтон исподтишка поглядывал в ее направлении. Она лежала на диване слева, скрестив невыносимо длинные ноги в лодыжках, руки сложены поверх плоского живота в позе трупа. У нее были радужно-черные прямые волосы, заплетенные в тугую, словно веревку косу. Ее кожа была медово-коричневого цвета, и он никогда в своей гребаной жизни не видел женщину с настолько развитой мускулатурой.

Он провел почти весь день, изо всех сил пытаясь не смотреть на ее грудь... в основном из опаски, что она отрежет ему яйца, если застукать.

Потирая свои глаза, ему так сильно хотелось курить, что тряслись руки.

Может, Пэрадайз была права относительно наркомании.

С другой стороны, выдалась чертовски длинная ночь и невероятно странный день. Убедившись, что Пэрадайз очнулась и поела, вся группа – за исключением Крэйга Великого Клыка, который был лучше всех остальных – отправилась изучать помещения в поисках доджена и еды. Когда они вернулись, Пэрадайз снова спала в комнате, а Крэйг сидел на стуле с закрытыми глазами.

Наверное, размышлял, насколько грязь в его пупке превосходила по важности их всех.

В этот момент без дальнейших разговоров каждый выбрал себе место в скромной комнате, и все перешли ко сну – короткому и/или поверхностному. Как бы ему ненавистно было признаваться в слабости, он все еще каждый раз подпрыгивал при посторонних звуках,

его надпочечники не выходили из режима гипер-осторожности, хотя медсестра, осматривавшая его, сказала, что испытания закончились, и никто больше не будет их бить током или кулаками...

Без предупреждения Пэрадайз высунула голову из двери, словно ожидала обнаружить, что ее здесь бросили.

Когда Пэйтон открыл рот, чтобы позвать ее, он заметил, как Крэйг скользнул по ней взглядом... классическим, с головы до пят, так смотрят ублюдки с развратной натурой.

Ради всего святого, это его фирменный взгляд, в конце концов.

Прежде чем он успел рывкнуть на парня, дверь во внешний коридор открылась, и двое гигантских парней зашли внутрь так, будто владели этим местом.

Братя.

К слову о привлечении внимания. Все шестеро бездельничавших новобранцев подскочили со своих мест, словно кто-то ущипнул их за зад. У спальни комнаты Пэрадайз выпрямилась, сводя полы халата еще теснее.

Брат слева был одет в джинсы и черную футболку... и, наверное, он был самым большим существом, которое Пэйтон видел в своей жизни, за исключением разве что слона. Он также был настолько красив, что невольно задумываешься, почему Дева-Летописца вывалила весь этот секс на одного парня... вместо того, чтобы распределить равномерно между тысячей.

Рядом с ним стоял мужчина пониже и с кофе в руках, напоминавший сложением бульдога, в толстовке «Бостон Ред Сокс».

– Королеву красоты рядом со мной зовут Рейдж, – сказал парень в толстовке. – Я – Бутч. Кто вы – нам прекрасно известно. Сейчас ровно шесть часов вечера. У вас час на то, чтобы принять душ в раздевалках, переодеться в униформу, которую вам принесут и вернуться сюда на трапезу. После вы должны выстроиться в коридоре. Опоздавшие будут отчислены.

Бутч? – удивился Пэйтон. Брата зовут *Бутч*?

Как в человеческом мире..?

Минутку.

– Ты – Дэстройер, – услышал Пэйтон свой голос. – Срань Господня, я тебя знаю. Ты состоишь в браке с Мариссой, урожденной дочерью...

– Есть вопросы? – Бутч обратился к нему. – Хорошо. Я так не думаю. У вас час. Не больше.

Сказав как отрезав, мужчина развернулся и вышел.

Брат Рейдж улыбнулся им.

– Попробуйте вырезку. Пальчики оближешь. И ягненка. Про пюре не забудьте. На салат не заморачивайтесь, пустая трата времени. Покеда.

По крайней мере, не казалось, что они хотели их убить, подумал Пэйтон, когда дверь снова захлопнулась.

– Интересно, что за униформа, – пробормотала Пэрадайз.

– Здесь тебе не показ мод, – отрезал Крэйг.

Пэйтон зарычал на парня, обнажив клыки.

– Козел, у тебя проблемы? Я могу быстро устроить.

Крэйг повернул голову в его сторону.

– Я не к тебе обращаюсь.

Пэйтон не понял, как начал двигаться и как оказался нос к носу с сукиным сыном.

– Давай проясним на берегу. Ты на нее не смотришь. Ты с ней не разговариваешь. И ты уж точно, черт подери, не станешь проявлять к ней неуважение. Усек?

Мужчина перевел взгляд на Пэрадайз.

– Твой мальчик немного ревнует. Не отзовешь его, пока он не поранился?

Ииииииии понеслась.

В голове не было ни одной осознанной мысли о том, чтобы кинуться на парня, но следующее, что он понял – он прилип к нему словно слой краски, выбрасывал кулаки, хватался руками, пинался.

Прежде он не был ни в одной настоящей драке, однако его тело, казалось, знало, что нужно делать... но по роже он получил. Крэйг был выше и тяжелее, а его замах – как у Резинового Армстронга⁴⁰, удары прилетали со всех сторон, по лицу, животу, груди.

Народ кричал вокруг них. Летала мебель. Он врезался в стену... на что он ответил, развернув Крэйга и вписав его в дверь так сильно, что разбил панель на щепки, дерево разлетелось в стороны, когда они вылетели в коридор.

Они все продолжали драку.

Будучи полумертвым всего двенадцать часов назад, Пэйтон обнаружил в себе удивительно много сил.

Что-то подобное она видела у «Мори»⁴¹. Наблюдая за дракой в коридоре, Пэрадаиз словно испытывала астральное переживание. Половина ее была поглощена драмой, пытаясь ухватиться за летавшие руки, закричать, в надежде достучаться до кого-нибудь из них двоих. Другая пребывала в земле «О-мой-Боже»... потому что она не могла поверить в то, что происходило перед ней, из-за нее.

Пэйтон был много кем, но жестоким он не был.

И Крэйг... ну, она его плохо знала, но казалось, у него было больше самоконтроля над собой.

– Хватит! – кричала она. – Прекратите!

Мужчины влетели в бетонную стену, и что-то сломали, судя по треску... нет, на самом деле, треснул шлакобетон. Тем временем, из носа Пэйтона лилась кровь, забрызгивая ярко-красным цветом белую стену, футболка Крэйга была порвана надвое, свисая с его...

Окей, ВАУ. Парень был сухощавым, но хорошо сложенным, огромные пучки мускул выделялись на его спине, плечи бугрились при каждом ударе, его невероятно прокачанный пресс...

Так, это неуместно.

Но, *черт*.

Встряхнувшись, она кинулась вперед, пытаясь ухватиться за что-нибудь и замедлить действие, и она нацелилась на правую руку Пэйтона, потому что обнаженный Крэйг – это уж слишком...

Ново схватила ее и оттащила назад, прежде чем она успела схлопотать по лицу.

– Пусть сами разбираются, – сказала женщина.

– Они же покалечат друг друга!

– Лучше себя, чем тебя. – Ново закатила глаза. – Мужчины – идиоты. Они дерутся за доминирование. Лично я бы поберегла силы для настоящей работы, а не тратилась на выяснение социального уровня.

Пэрадаиз, тяжела дыша, выругалась.

– Они добьются, что их исключат!

– Их проблемы.

Рядом с дерущимися Энслэм смеялся и хлопал в ладоши.

– Вмажь ему, Пэйтон!

Пэрадаиз возмущенно посмотрела на парня.

– Знаешь, это не петушинный бой.

– Черта с два.

40 Резиновый Армстронг – большая, наполненная гелем фигурка, выпущенная в 1976г. Фирмой «Кеннер».

41 «Шоу Мори Повича» - ток-шоу, в котором ведущий Мори Пович поднимает разные волнующие общественность темы – насилие, гомосексуализм, подростковая беременность и т.д.

Добавив его имя в ее растущий Список Ослов, Пэрадайз посмотрела по сторонам. Никого в коридоре не было, но, учитывая несколько закрытых дверей, скоро это изменится....

Внезапно Крэйг поменялся местами, схватив Пэйтона за плечи, он развернул его и толкнул к стене так, будто намеривался проломить бетон.

– Полный бред, – протянул мужской голос.

Обернувшись назад, она увидела Акса, стоявшего в проеме комнаты отдыха, скрестив руки на груди, на лице царило скучающее выражение человека, наблюдавшего как сохнет краска.

Пэрадайз, посмотрела на него, сузив глаза.

– Ты должен остановить это!

Он поднял черную бровь.

– Разве?

– Да! И как это касается лично меня?

Она с усилием остановила себя, чтобы не съездить по его полу-пирсингованному лицу.

– Тебе пригодится чья-нибудь помощь.

– Я бы не стал драться из-за тебя. Без обид, но трахать тебя – что заниматься сексом с манекеном. Ты красивая, но абсолютно бесполезная в койке.

У Пэрадайз отвисла челюсть.

– Я грубее ничего в жизни не слышала.

– Значит ты жила легкой жизнью, как я и думал. Обиделась ты или нет, это правда.

Поворачиваясь к Буну, она открыла рот... но он просто покачал головой, «нет-я-мимо».

– Народ, да что с вами? – возмутилась она.

По крайней мере, драка шла к концу... о, нет, еще в самом разгаре: Крэйг обхватил Пэйтона вокруг талии и свалил на пол, мужчины цеплялись друг за друга, босые ноги метались по полированному полу.

И в этот момент Бутч и Рейдж показались в коридоре.

Схватившись руками за голову, она ждала криков. Если учебный центр хоть немного напоминал человеческую армию, о которой она читала и смотрела в фильмах, их, наверное, накажут за это. Может, ее тоже вышвырнут как зачинщика, хотя она не сделала ничего, не считая своего нервного комментария.

Может, Пэйтона и Крэйга просто подвергнут дисциплинарному наказанию.

Когда с одного или с обоих снимут гипс/гиспы.

Когда драка просто продолжилась, она сквозь пальцы посмотрела на Братьев. Они оба стояли в стороне, наблюдая за действием и тихо переговариваясь. А потом Рейдж кивнул... и они пожали руки.

Пэрадайз оглянулась на остальных новобранцев... и обнаружила, что все скрылись в комнате отдыха.

Немного погодя Пэйтон наконец потерпел поражение.

Один непродуманный удар головой послал его лоб прямо в бетонный пол. Раздался ужасный звук, словно шар для боулинга уронили на мрамор... и тело парня обмякло, его кости словно растеклись под кожей.

Крэйг отпихнул его и сам рухнул на спину, тяжело дыша, кашляя, вытирая кровь с глаз.

– Сколько с меня? – спросил Рейдж у Бутча.

– Пятерка.

– Черт. Я думал, мой парень лучше справится. – Рейдж засунул руку в карман и достал черный бумажник. Выудив банкноту, он сунул ее в ладонь Бутча. – В следующий раз удвоим ставку.

Пэрадайз пораженно отшатнулась, когда они отвернулись и ушли, так, будто не произошло ничего особенного.

– Вы надо мной издеваетесь? – выдохнула она под нос.

Она хотела крикнуть им, что Пэйтон все еще был без сознания... но, минутку. Он со стоном перевернулся на спину.

По крайней мере, он жив, подумала она, подходя к нему.

– Что с тобой не так? – требовательно спросила Пэрадайз. – Добиваешься, чтобы тебя исключили?

Эта угроза имела бы вес, если бы два учителя сделали что-то более строгое, а не заключили гребаное пари.

Двое мужчин посмотрели на нее окосевшими взглядами. Боже, они выглядели так же плохо, как и прошлой ночью... наверное, даже хуже. Черт, у обоих сверкали синяки под глазами, губа Крэйга была разбита так сильно, что придется накладывать швы.

– Я... в порядке, – пробормотал Пэйтон, сплевывая кровь.

– Ага, – прошепелявил Крэйг. – Полном порядке.

Что вышло как *поллнопорядке*.

– Скажите, – рывкнула она, – сколько пальцев я показываю?

Выставив средний, она дала двум ослам время сфокусироваться и понять, что она посылала их обоих на хрен. А потом ушла на поиски кого-нибудь в сестринской форме... врачебном халате...

Костюме дворника, черт подери.

Видит Бог, коридор нуждается в уборке... и любой с метлой в руках может начать с двух огромных мусорных мешков, которые устроили такой бардак.

Глава 16

Спустя двадцать пять минут, два шва на нижней губе и быструю Первую Трапезу, Крэйг стоял на передовой в спортзале, вместе с другими шестью учениками его класса. Ну, не совсем на передовой... скорее сбоку и ближе к концу ряда.

Его также штормило на своих двоих.

Последнее, в чем нуждалось его тело – так это в полноценном, контактном, кулачном бою до хруста костяшек, но отступить не в его стиле. А что до Пэйтона, так называемого «не бойфренда» Пэрадайз? Ага, как же.

Кобель.

Не ее, в принципе.

Хорошие новости: как бы хреново ему ни было, Пэйтон вообще не стоял на ногах. Его прикатали на инвалидном кресле как кусок мяса.

Прикатали.

Ну, мудак, и кто победитель?

Кстати, никого не исключили. Очевидно, не считая того пари, Братья не собирались вмешиваться...

Распахнулась одна из дверей в спортзал, и в этот раз, когда вошли Братья Бутч и Рейдж, они были одеты в свободные хлопковые штаны и футболки, как и все остальные.

Брат Бутч, встав перед группой, не стал тратить время на прелюдии:

– В свете произошедшего недавно поединка Мейвезер⁴²/Пакьяо⁴³, мы начнем с рукопашного боя вместо того, чтобы засесть за учебники.

42 Флойд Мейвезер Младший (англ. Floyd Mayweather Jr.; урождённый Флойд Синклер, (англ. Floyd Sinclair); род. 24 февраля 1977, Гранд-Рэпидс, штат Мичиган, США) - непобеждённый американский боксёр-профессионал, выступавший в полусредней весовой категории. Лучший боксёр вне зависимости от весовой категории по версии журнала Ring (2005—2007, 2012—2015). 13 сентября 2015 года завершил карьеру проведя последний победный 49 бой против Андре Берто.

43 Эммануэль Дapidран «Мэнни» Пакьяо (англ. Emmanuel Dapidran "Manny" Pacquiao, род. 17 декабря 1978 года в Кибаве, провинция Букиднон, Филиппины) - филиппинский боксёр-профессионал, выступающий в полусредней весовой категории. Первый и, на данный момент, единственный боксёр, становившийся чемпионом мира в восьми весовых категориях.

– Прошу обратить внимание, что ваша униформа белого цвета, – вставил Рейдж с улыбкой.

– «Оксиклин»⁴⁴ чертовски хорошо удаляет пятна крови, но мы запаслись «Клороксом»⁴⁵ на всякий случай.

Крэйг проглотил проклятье. Как назло. Этого ему не хватало.

– Мы разобьем вас на пары, – продолжал Бутч, – чтобы оценить ваши умения. Раз один из вас уже на носилках, можете не бояться спарринга с Голливудом.

– Лично я расстроен до слез, – сказал Рейдж. – Значит, Ново с Буном... Акс, ты с Энслэмом. Значит, Крэйг с Пэрадайз.

– Постой, – возразил Крэйг. – Я не могу... я этого не сделаю.

– Что? Не ударишь ее? Почему? Потому что не в состоянии поднять руку? Не моя проблема.

Крэйг подался вперед и понизил голос:

– Я не стану ее бить.

Рейдж пожал плечами.

– Отлично, тогда тебе снова надерут зад.

Бутч вмешался:

– На самом деле, он выиграл в той драке, забыл? Ты проспорил мне пятерку.

– Только потому, что золотой мальчик в углу сам себя вырубил.

– Проигрыш – он и в Африке проигрыш. – Бутч обратился к Крэйгу. – Но мой брат прав. Ты либо будешь защищать себя, либо вернешься к Доку Джейн за нитками. Тебе решать.

На этих словах им приказали рассредоточиться по разным секторам огромного спортзала, и Пэйтон откатился в сторону.

Крэйг наблюдал, как все расходится, пытаясь придумать способ отмазаться. Забавно, когда он сказал Пэрадайз, что она должна поступить в программу, чтобы научиться самозащите, он не подумал, что ей придется защищаться именно от него.

Пусть и в аудиторных условиях.

– Ну, – сказала Пэрадайз, подходя к нему. – Мы начинаем или как?

– Я подожду, пока освободится кто-нибудь из парней.

– Ты серьезно?

Он посмотрел на нее с высоты своего роста.

– Я не стану причинять тебе боль.

– Ты не так легко побил Пэйтона, – пробормотала она. – Возился почти полчаса.

– Ты серьезно сравниваешь себя с взрослым мужчиной? Которого я уложил на носилки?

– О, ты прав. Это будет нечестно. Ведь по сравнению с вами двумя, у меня, черт подери, талант выше.

Когда она уперлась руками в бедра и уставилась на него, Крэйг гадал, что, черт возьми, ему ответить на это? Он не хотел делиться правдой... что он все еще помнил, насколько нежная ее кожа... какой маленькой кажется ее лодыжка на фоне его большой ладони... представлял, как много всего хотел сделать с ней, причем ненасильственного характера.

Но с участием пальцев, губ... языка.

Крэйг скрестил руки на груди.

– Я не буду с тобой драться.

– Значит, если я влуплю тебе, ты не отреагируешь?

Он выгнул бровь.

– Я не боюсь потерять сознание.

– Да ладно?

44 OxiClean - моющее средство

45 «Клороксом» - универсальное чистящее средство

– Да. Не считая твою выносливость, ты не...

Следующее, что вылетело из его рта – это высокочастотный визг, который привлек к себе внимание всех в зале.

И он бы рассказал им, что за хрень случилась... но был слишком занят, ухватившись обеими руками за яйца и согнувшись в талии.

Она врезала ему между ног.

Между ног. Коленом.

– Что за херня?! – выдавил он. – Ты зачем это сделала?!

Пэрадайз казалась не менее удивленной, чем все остальные. Но быстро пришла в себя... схватив его за голову, снова подняв свое колено и врезав ему по лицу так сильно, что он увидел больше звезд, чем видала рождественская елка.

Когда он, в очередной раз взыв, потерял равновесие, Пэрадайз сомкнула ладони, вытянула руки и описала ими круг, словно бросая диск... ударяя его в висок с достаточной силой, чтобы свалить с ног.

Бум! И он рухнул на синие маты.

Народ сбежался к ним, когда Пэрадайз встала над ним, готовая к последствиям... пока он попытался подняться с пола.

Упершись руками в пол, Крэйг поднял свой торс и уставился на нее:

– Ты серьезно хочешь, чтобы я это делал?

– Ты еще ничего не сделал, – пошутил кто-то.

– Скажи, – вторил другой голос, – а ты, случаем, не ссышь сидя?

– Теперь точно будет, – донесся ответ.

Пэрадайз просто следила за каждым его движением, каждым рывком, дыханием и глазами. Но она не понимала, что творит. Он видел это по ее трясущимся рукам и по тому, как сильно вздымались ее ребра от приложенных усилий.

Она также была немного возбуждена.

А вот это уже конкретная проблема. Запах ее возбуждения разбудил в нем все мужские инстинкты... ему хотелось, чтобы она побежала, чтобы он смог догнать ее, поймать ее, подмять под себя и жестко взять. Он хотел, чтобы кончая, она расцарапала ему всю спину... чтобы обнажила клыки и вонзила в его вену на шее.

Похоть была такой сильной, что он мог трахнуть ее даже на глазах у всех... и будто почувствовав перемену в нем, Пэрадайз отступила назад.

Внезапно смех и шутки затихли.

Бутч встал между ними.

– Эй, здоровяк, полегче. Как насчет спарринга со мной?

Брат принял боевую стойку, вскидывая кулаки на уровень груди и сузив глаза.

Но Крэйг плевать хотел на мужчину. Он посмотрел поверх громадных плеч на Пэрадайз, которая уставилась на него с непроницаемым выражением на лице.

В этот раз, когда в него полетел удар, Крэйг переключился полностью в боевой режим, чего не было с Пэйтоном. С другим учеником он выкладывался процентов на шестьдесят, сдерживая силы, потому что боялся пришибить говнюка или нанести непоправимый вред... и тем самым вылететь с программы. Сейчас? Бритвенно-острое возбуждение обрезало все его внутренние оковы, когда он оказался в контактном бое, уклоняясь, нанося удары, снова уклоняясь, пинаясь. Брат был смертоносно быстрым, беспощадно мощным, натренированным в высшей степени.

Ни капли не похож на Пэйтона.

И бой набирал обороты, они обменивались ударами, обманными выпадами, захватами, и еще больше народу собралось вокруг них, толпа из десяти... пятнадцати... двадцати человек.

Минут через пятнадцать им бросили кинжалы.

Два бритвенно-острых, с черными рукоятками и серебряными лезвиями, их кинули непонятно откуда. Бутч поймал один кинжал в полете. Крэйг – второй. А потом они кружили, выискивая брешь в обороне, размахивая оружием... выпрыгивая, отступая, повышая ставки.

Бутч дышал легко и непринужденно. Крэйг, с другой стороны, задыхался как конь... и потел так же.

Первая кровь пролилась, когда Крэйг недооценил один замах всего на миллиметр, и его полоснули по щеке. Когда он не прочел другой, то зацепили его плечо. Третий – и вспороли бедро.

И тогда он осознал, что Брат давал ему те самые шестьдесят процентов того, на что был способен: точность, с которыми были нанесены раны, говорили Крэйгу, что его противник знал намного больше него самого, был сильнее его и был готов проложить себе дорогу к победе, которую обеспечит кровопотеря.

Но Крэйг не отступит. Ни за что, ни в коем случае. Пока он еще может стоять, видеть, шевелиться.

Его воля не примет меньшего.

Пэрадайз сразу поняла, что этот бой полностью отличается от той безумной, неуклюжей потасовки, что развернулась в коридоре часом ранее. На самом деле, тогда Крэйг по неясной причине сдерживал себя с Пэйтоном, а сейчас – больше нет. Координация, с которой он встретил Брата с поднятыми кулаками – и, Боже, кинжалом – сказала ей и всем остальным в спортзале, что он был выдающимся бойцом, обладающий великой силой, балансом, подвижностью и выносливостью.

Только этого хватало, чтобы ее тело вспыхнуло, словно спичка.

И нет, подумала она. Как бы она ни уважала Ново и ее девиз «женщины и мужчины равны в возможностях», было очевидно, что она бы не смогла противостоять тому, что сейчас показывал Крэйг. Он бы нокаутировал ее одним ударом огромного кулака. Или снес голову с плеч. Легким движением руки сломал ногу.

Конечно, она могла научиться способам самозащиты и контратаки, это просто пока она еще ничего не знала... а Крэйг, в действительности, был готов напасть на нее: когда он присел и обнажил огромные клыки, она отшатнулась... и все же, по непонятной и безумной причине, она не боялась его. Чистое сумасшествие. Он весил больше на добрую сотню фунтов и жаждал крови.

Поэтому да, что самое безумное? Ей внезапно захотелось убежать от него... но не так, чтобы быстро. Она хотела, чтобы он преследовал ее, поймал ее в прыжке... и...

Ну, она возвращалась к тому, что они пережили в той комнате отдыха.

Но, Господи, я с ним не справлюсь, думала Пэрадайз, наблюдая за его движениями. И не только в бою: любая женщина, спровоцировавшая его на погоню, не получит в конце сладкий поцелуй в щечку... ей не предложат священное обещание помолвки, у ее отца не попросят руки и сердца его дочери.

Это был не воспитанный мужчина, которому нужно отдать свою девственность в первую ночь после бракосочетания в присутствии Девы-Летописицы и всей семьи.

Нет, это было животное, в котором осталось мало разумного.

И то, каким взглядом Крэйг на нее смотрел... было ясно, что его мозг полностью отключился.

Ей следовало бояться, сказала Пэрадайз себе.

Но вместо страха, она хотела, чтобы он поймал ее...

Толпа вокруг зашипела, когда Крэйг поймал очередной порез, в этот раз через всю грудь. У него кровоточило несколько ран, его спортивная форма окрасилась, кровь стекала с его подбородка из пореза на щеке, сочилась из бедра, груди.

Снова мелькнул кинжал Брата, зацепив другое плечо. Потом сторону шеи. Другое бедро, живот, поперек спины.

– Хватит, – выдохнула Пэрадайз. – Прекрати на него нападать!

После каждого удара смертоносного кинжала Брата, Крэйг возвращался за добавкой, снова и снова, пока не начал поскальзываться на лужах собственной крови, а его окровавленная униформа прилипла к телу.

Он не отступит.

И Бутч не щадил его, но и не добивал.

– Крэйг! Стой! – закричала она, не в силах удержать себя.

Накрыв ладонью рот, Пэрадайз почувствовала панику, думая, что он не остановится, пока не потеряет столько крови, что будет поздно.

– Крэйг! Это сумасшествие!

Но он все продолжал, пока не стал оседать на колени и крениться вместо выпадов, а потом, качаясь, отступать. Движения стали неуклюжими.

Боже, он был слишком бледным.

– Хватит!

Даже Пэйтон закричал со своей каталки:

– Крэйг! Чувак, брось... он убьет тебя!

Среди учеников прокатился ропот беспокойства, но не среди Братьев, собравшихся посмотреть на шоу. Медицинский персонал, наоборот, не выглядел довольным... однако, когда светловолосая женщина-врач захотела вмешаться, Брат Вишес покачал головой, и она осталась в стороне.

Крэйг упал в последний раз спустя сорок пять минут и много-много литров потерянной крови.

Он просто рухнул на колени, покачнувшись... и потом упал лицом в собственную кровь. Так же, как это было на той трассе.

Пэрадайз бросилась вперед, но Рейдж поймал ее и оттащил назад.

– Нет. Позволь ему самому принять почести.

– О чем ты вообще? – прошипела она.

Бутч мгновение стоял над падшим воином, давая ему возможность встать. Когда он не поднялся, Брат подождал, когда Крэйг посмотрит на него.

Расфокусированный взгляд на пепельно-белом лице попытался сосредоточиться на Брате. Когда у него вышло, Бутч взял кинжал в другую руку... и нанес себе глубокий порез на ладони.

Пэрадайз пораженно охнула, а Брат протянул ладонь Крэйгу... который, непонятно где, нашел силы поднять руку и взять предложенную ладонь.

Брат рывком поднял Крэйга на ноги... и обнял его.

– Хорошая работа, сынок. Я горжусь тобой.

Крэйг быстро заморгал, словно от подступивших слез. Потом, казалось, перестал противиться эмоциям, опустил голову и обмяк в руках Брата.

– Вот это по-нашему, – сказал Рейдж громким, одобрительным голосом.

Глава 17

Марисса сидела за своим столом в «Убежище», и ее ждал целый список дел: нужно прочитать файлы пациентов, утвердить приемные документы, обработать счета. Вместо того, чтобы взяться за решение этих вопросов, она просто сидела в своем кресле, уставившись на кусок черного металла с красной кисточкой.

После того, как они с Бутчем вернулись домой, она показала странный, похожий на ключ предмет нескольким Братьям, и никто не узнал его, даже не смог предложить адекватное название этому. Потом Вишес поискал предмет в интернете... и ничего не нашел.

Когда они с Бутчем добрались до кровати, она была так вымотана, что заснула сразу же, как голова коснулась подушки.

Но ненадолго.

Она открыла глаза примерно в три часа дня и так и осталась лежать, уставившись в темноту, пока Бутч тихо посапывал рядом.

Все было так, как рассказывал ее хеллрен. На черном потолке проносились изображения той женщины, и от подобного фотомонтажа хотелось плакать. И, что самое печальное, подумав о ней и Бутче, хотелось плакать еще сильнее.

Сумасшествие.

В их отношениях не было ничего плохого. Он не мог проявить больше поддержки, когда отвез ее к Хэйверсу, пытался выяснить вместе с ней о ключе, понимал все, что она чувствовала.

– Я схожу с ума, – прошептала она...

– Поэтому я и пришла.

Марисса резко вскинула голову.

– Мэри... привет. Прости. Я разговариваю сама с собой. В голове творится полный бардак.

Шеллан Рейджа вошла в кабинет и закрыла за собой дверь.

– Да, я вижу... я позвала тебя по имени три-четыре раза, но не получила ответа.

Марисса откинулась на спинку, и, перекинув волосы за спину, изобразила улыбку.

– Чем я могу помочь тебе?

– Ты можешь поговорить со мной. – Женщина села в кресло напротив нее. – Я беспокоюсь о тебе.

– О, Боже, даже не трать на это время. У нас здесь полно женщин, которые серьезно нуждаются в твоей помощи...

– У добрых самаритян вроде нас с тобой возникают проблемы с выполнением обязанностей, если мы не проговариваем тяжелые случаи. Это факт. Я также хочу напомнить, что я твоя подруга.

В повисшем молчании Марисса не стала рассказывать обо всей бумажной работе, на которой не могла сконцентрироваться из-за путаницы в голове. Потом она промолчала о том, что не спала полдня. И, наконец, ни словом не обмолвилась о том, как она странно отделилась от Бутча...

– Я не могу выбросить ее из головы, – выпалила она.

Внезапно полились слезы, и Марисса с проклятьем потянулась за клинексами.

– Я не хочу говорить об этом.

– Я знаю, – нежно сказала Мэри. – Поверь мне, у меня много личного опыта с замалчиванием проблем. Это плохая стратегия.

– О, я не верю, ты самый самореализовавшийся человек из всех, кого я встречала. Десять из десяти баллов.

– Марисса, ты видела только снимок моей жизни. Ты не знала, какой я была раньше. И я все еще мучаюсь. Как и все остальные.

Марисса промокнула слезы под глазами, борясь с желанием откровенно разрыдаться.

– И как ты справляешься с этим?

– С проблемами? Я разговариваю с людьми. Говорю с Рейджем. Записываю переживания.

– Нет... полный разрыв.

– Что?

Марисса помахала платком.

– Я несу чепуху. Забудь...

– Ты про то, что после встречи с Рейджем для меня закончилась одна жизнь и началась другая?

Боже, ее сердце гулко билось без веской причины.

– Да. Я об этом.

Скрестив ноги, Мэри закусилла нижнюю губу, и пока она собиралась с мыслями, Марисса изучала ее симметричное лицо, недавно подстриженные под боба каштановые волосы, ауру спокойной уверенности.

Да, подумала Марисса, Рейдж был прав. Эта женщина была великолепна... не в очевидном смысле, как королева красоты, не как угловато-анорексичная, без-капли-жира модель и даже не по стандарту соседской девчонки. Мэри напоминала сияние от костра посреди морозной зимы, теплая, живительная, пленяющая и озаряющая.

Неудивительно, что Брат души в ней не чаял.

Выдохнув, Мэри сказала:

– Думаю, со мной все иначе, потому что я умирала... я знала, что покидаю этот мир. Хотя какое-то время я жила, не зная, что рак вернулся, я готовилась к тому дню, когда они сообщат мне о рецидиве. Поэтому я заранее простилась. Упаковала свой эмоциональный и мысленный багаж, купила билет, приготовилась к дороге. В смысле, моя мама умерла, и меня никто не держал на Земле... у меня ничего не было, поэтому я ничего не теряла, понимаешь?

Марисса вспомнила ночь, когда брат выгнал ее из дома из-за связи с Бутчем.

– Если я все правильно понимаю, – сказала Мэри, – то у тебя все было иначе? Да?

Марисса отвела взгляд.

– Нет. Я вернулась домой к Хэйверсу, провела там ночь, и прямо перед рассветом он... – Сейчас слезы хлынули рекой, капая на блузку, брюки. Марисса промокнула глаза, прежде чем продолжить. – Они упаковали все мои вещи. Он сказал, что ему все равно, куда я отправлюсь, он просто не хотел видеть меня в доме. Он положил деньги... – Марисса прокашлялась. – Он положил деньги на столик. Будто не хотел прикасаться ко мне.

Она достала следующий платок и высморкалась.

– Я оставила эти деньги. Порой, когда я наталкиваюсь на столонларовые купюры в шкафчике, то спрашиваю у себя, зачем я сохранила их? Почему я... о, ради всего святого. – Она достала третий платок. – Что со мной не так? Та женщина мертва, а я не могу найти ее семью или убийцу... и сижу здесь и ною о том, какой набитый дурак мой брат, что далеко не свежие новости. Это смешно.

– Это посттравматический стресс, – спокойно сказала Мэри.

– Я раздражаю сама себя.

– Так, ты думала о том, что на самом деле произошло прошлой ночью?

– Ты шутишь? Я не могу выбросить это из головы.

– Нет, я спрашиваю «ты думала об этом»?

– Если ты о том, что мне пришлось наблюдать, как молодая женщина умерла на моих глазах, о том, что это трагичная смерть, и что я, очевидно, никак не могу это исправить, то да, конечно думала.

Мэри покачала головой.

– Со всем уважением, но ты меня не понимаешь. Прошлой ночью, впервые с тех пор, как Хэйверс порвал с тобой все связи, тебе пришлось обратиться к нему за помощью. Ты не могла спасти женщину, поэтому тебе пришлось обратиться к своему брату, надеяться и молиться, что он поможет ей.

– И он помог. – Марисса выругалась. – В смысле, он сделал все возможное.

– И что ты чувствуешь при этом, учитывая, насколько плохо он с тобой обращался?

Иииииииии еще больше слез.

– Я думала об этом. Когда пришла проведать ее, перед самой ее смертью.

– Вот, что я знаю точно. Мы можем похоронить наше прошлое. Можем использовать тысячу отвлекающих факторов, чтобы держать дверь на замке. Некоторые идут нам на пользу, другие – во вред... но когда что-то должным образом не пережито, оно сто процентов вернется и даст пинка под зад. У тебя была сложная жизнь до того, как вы с Бутчем полюбили друг друга, и, без сомнений, это огромное облегчение – оставить все позади и начала заново. Но ты не можешь убежать от прошлого. Помни, Марисса, мы всегда носим с

собой груз пережитых лет, словно багаж. Рано или поздно, проблема с твоим братом всплыла бы снова. Такова жизнь.

Марисса снова промокнула глаза.

– Мы с Бутчем отдалились друг от друга.

– Это естественно. Ведь он стал причиной этого разрыва.

Марисса отшатнулась.

– Подожди, минутку, стоп... он не сделал мне ничего плохого...

– Марисса, не в этом дело. Ты шла одной тропой, потом он пришел в твою жизнь и увел на другую. Я не осуждаю его и даже не говорю, что он сделал что-то плохое... я просто констатирую факт.

По неясной причине Марисса вспомнила, как не могла заснуть, и что не стала будить Бутча. Такого бы не случилось еще год назад.

– Что я должна сделать?

– Тебе не понравится мой ответ.

– Кажется, хуже быть не может.

– Тебе нужно помириться со своим братом.

Марисса закрыла глаза.

– Я никогда не смогу простить его.

– Помириться не значит забыть все его ужасные поступки. И, честно говоря, он не единственный, с кем ты должна наладить контакт. Глимера относилась к тебе отвратительно, твое положение среди аристократии было невыносимым, и Роф вел себя как королевская задница... я говорю это с любовью. Ты пережила невероятную боль и неприятие, сначала ты молчала об этом, потому что только так можно было выжить, потом отложила в долгий ящик, потому что смогла вырваться и получила шанс на хорошую жизнь. – Мэри кивнула на бумаги на ее столе. – Если ты хочешь вернуть свою продуктивность в работе, ты должна заглянуть под каждый камешек, осознать свои чувства и вернуться из этого путешествия.

Марисса достала платок номер четыре из коробки, но в итоге не воспользовалась им по назначению. Она просто крутила его в руках.

– Я не хочу забывать эту женщину. Я не хочу, чтобы все крутилось вокруг меня.

– Никто не говорит тебе прекратить попытки выяснить, кто она, и поступить по совести. Просто не используй это в качестве оправдания, чтобы собрать все свое грязное белье и запихнуть подальше в ящик. Это краткосрочная перспектива, весьма ненадежная... и когда проблема всплывет снова... а так и будет... все будет намного хуже, потому что ты также переживешь этот ужас с той женщиной. Понимаешь, именно так люди оказываются парализованными. Они все копят и копят, потом что-то нажимает на курок, а слои продолжают нагромождаться, пока вес не становится слишком огромным, и все падает.

Марисса все теребила платок в руках.

– Ты права.

– Я знаю.

Сделав глубокий вдох, Марисса посмотрела вверх стола.

– Я могу обнять тебя?

– Шутишь? Конечно!

Они встали, и Марисса подошла, чтобы обнять женщину ниже себя ростом. Когда ее обняли в ответ, крепко и уверенно, она снова расплакалась.

– Ты всегда рядом, когда нужна мне, – выдавила Марисса. – Я люблю тебя слишком сильно, чтобы выразить словами.

– Для этого и нужны друзья. – Мэри отстранилась. – И когда-нибудь ты сделаешь то же самое для меня.

Шмыгнув носом, Марисса закатила глаза.

– Сомневаюсь.

– Поверь мне.

– У меня в голове ужасный бардак.

– Но ты же человек. – Мэри покачала головой. – Прости, профессиональная фраза. Ты живешь, ты борешься и ты прекрасна, изнутри и снаружи... и я тоже тебя люблю.

– Я все еще не знаю, как поступить дальше.

– Подумай об этом. Решение придет само. Просто помни, простить не значит забыть, прятки – плохая стратегия в долгосрочной перспективе, а убегая от проблемы, лучше не станет. Встретиться с ней лицом к лицу... и знай, я всегда тебя поддержу, хорошо?

После того, как женщина ушла, Марисса вернулась к своему креслу и снова села. По неясной причине ее взгляд зацепился за телефон... стационарный, а не сотовый.

Прошрое. Брат. Бутч. женщина. Глимера.

Мэри права. Она столько всего избегала.

И для начала она выбрала самое меньшее из зол. Или... ну, может, самое выполнимое.

Сняв трубку, она перебрала бумаги и нашла розовый стикер, который ей передали пару ночей назад. Набрав городской номер, она сняла жемчужные сережки и откинулась на спинку кресла.

Ей ответила прислуга и попросила подождать... а потом раздался заносчивый женский голос:

– О, добрый вечер! Я так рада, что вы позвонили!

Марисса стиснула зубы. – Я возьмусь за это. Я проведу празднество.

– О! Это чудесная новость! Как замечательно...

Слушая избитые фразы, Марисса закрыла глаза и услышала голос Мэри в голове: *Тебе нужно помириться с твоим братом*

О, Боже, подумала она. Она не представляла, как этому произойти... но знала, как устроить вечеринку.

Начни с малого. Потом переходи к решению крупных проблем.

Глава 18

Пэрадайз выбила палец, когда блокировала удар тыльной стороной ладони. Она хотела увернуться и защититься с помощью предплечья, как Рейдж ее учил, но руки и ноги не всегда действовали согласно указаниям... и в результате она словила удар раскрытой ладонью.

– Дерьмо! – вскрикнула Пэрадайз, увернувшись и прижимая к себе раненную конечность.

– Дай посмотрю, – сказал Брат.

– А-я-яяй. – Так, ладно, она вопила как девчонка, но почему же так больно? – Боже!

– Пэрри, дай мне посмотреть.

Она вытянула руку, и его большие ладони, сейчас очень нежные, осмотрели изогнутый под немыслимым углом ее средний палец.

– Что с ним? – спросила она, и так зная ответ.

– В клинику, пошли.

Когда он выводил ее из зала, Пэрадайз оглянулась через плечо. Энслэм устроил Буну адскую взбучку, чем сильно удивил ее. Пэйтон сидел, охлаждая свое плечо и смотря на нее так, будто хотел знать, что случилось. Ново и Акс кружили относительно друг друга, а Брат Тор инструктировал их.

– Все будет нормально, – сказал Рейдж, открывая перед ней тяжелые двери. – Скоро вернешься к ним.

Она издала ммм-хмм, выходя в коридор... понимая, что он прав. Если не смотреть на палец, то боль была вполне терпимой.

– У вас остался всего час, потом мы вас отпустим, – сказал Брат, когда они подошли к дверям-створкам, ведущим в медицинское крыло. – Завтра большую часть времени вы проведете в классе.

Очередное ммм-хмм.

- Крэйга уже отпустили?
- Он все еще проходит лечение.

Смотровая комната была выложена плиткой от пола до потолка, заставлена шкафчиками из нержавеющей стали со стеклянными дверцами, дорогущим медицинским оборудованием и всевозможными компьютерными экранами. В центре стоял огромный стол под лампой настолько большой, что она могла устроить день посреди ночи на участке в несколько акров.

Высокий темноволосый мужчина отвернулся от рентгеновского снимка, вроде бы колена. В синей хирургической форме и белом халате он казался очень большим, очень широким и... очень не-вампиrom.

- Хэй, кто тут у нас?

Пэрадайз сделала шаг назад. Не смогла удержаться.

– Да, я один из них, – сказал мужчина, сверкнув зубами без выступающих клыков. – Но я нормальный, клянусь.

Рейдж подошел к парню и сжал его плечо.

– Хирург от Бога. Клевый чувак. К нашему несчастью, прекрасный игрок в покер, но, по крайней мере, лагает в бильярде. Познакомься с доктором Мэнни Манелло.

- Так, что у нас стряслось?

– Вывихнула палец, – сказал Брат.

Оба мужчины... ну, вампир и человек... посмотрели на нее.

Пэрадайз прокашлялась... и хотела сказать «да, мой палец...», но вместо этого выпалила:

- Я никогда раньше не видела людей.

Доктор Манелло улыбнулся, вытянул руки в стороны и медленно повернулся.

- Не сильно отличаюсь от вас. Кстати, я видел тебя пару раз в доме для аудиенций.

Наверное, она не заметила его потому, что была увлечена работой... и окружена одними вампирами.

- Я не хотела вести себя невоспитанно, – прошептала она.

– Я не обиделся. У меня была хуже реакция, когда я узнал о вас, поверь. – Когда она удивленно посмотрела на него, мужчина пожал плечами: – Не забывай, в моей культуре вы – отрицательные персонажи. Ну, знаешь, клыки, кровососы, Хэллоуин и все такое.

Рассматривая его лицо, она с удивлением обнаружила, что он был красивым... и также казался умным. Совсем не похож на бесхвостую крысу.

- Он оперировал меня дюжину раз, – добавил Рейдж.

– Тринадцать. Мы залатали твое плечо на прошлой неделе.

– Вылетело из головы. – Когда Пэрадайз посмотрела на него, он пожал плечами. – Сбился со счета. Всякое дерьмо случается.

Сделав глубокий вдох, Пэрадайз протянула разбитую руку вперед.

- Будет больно? В смысле, лечить будет больно?

Доктор Манелло снова улыбнулся и взял ее руку так легко, что она едва ощутила прикосновение.

- Приятно познакомиться, Пэрадайз. Не волнуйся, я хорошо о тебе позабочусь.

И, вот неожиданность, так и было.

После того, как Рейдж вернулся к классу, Доктор Манелло сделал рентген, показал ей, что ничего не сломано, заморозил участок и вправил сустав среднего пальца.

– Шину проносишь недолго, – сказал он, упаковывая ее палец в металлический футляр, мягкий изнутри, и закрепляя его клейкими белыми полосками ткани. – На вас все заживает, как на собаках... это не перестает меня восхищать.

Когда он отошел назад, Пэрадайз осмотрела его работу.

- Большое спасибо.

– До конца ночи ты признана недееспособной. Вы с Пэйтоном можете потусить в больничном крыле.

В дверь слева постучали.

– Войдите, – сказал мужчина, подходя к красной корзине и снимая свои синие хирургические перчатки. – Ты уже знакома с Эленой, нашей медсестрой? – Мужчина нахмурился, увидев напряженное лицо женщины. – Он все еще отказывается?

Медсестра закрыла дверь за собой и только потом ответила.

– Он прогнал Избранную.

Доктор Манелло выругался под нос.

– Я не выпишу его, пока он не покормится.

– Вы о Крэйге? – спросила Пэрадайз. – Он...

Улыбнувшись, мужчина обратился к ней:

– Ну, мы закончили. Почему бы тебе не вернуться в спортзал? Наверное, все уже закончили на сегодня.

– Я покормлю его, – хрипло сказала она. – Если ему нужно, то я покормлю его.

Что. За. Хрень. Она. Творит.

Будучи из Семьи Основателей, она не должна давать свою вену никому. Никогда. Она предназначалась для ее суженого. Если ей самой понадобится кормление, то это должно происходить в присутствии родственника мужского пола и нескольких свидетелей.

Если она сделает это, то это можно сравнить с потерей невинности до замужества.

– Все нормально, – сказал доктор Манелло. – Мы разберемся с этим.

Пэрадайз вывели в коридор, и когда за ней закрылась дверь, она услышала их разговор шепотом.

Вернись в спортзал, – сказала она себе. Вернись, сейчас же. Прямо сейчас вернись к классу и...

Оглянувшись по сторонам, она обнаружила, что осталась одна в коридоре, не было слышно шагов или голосов.

Ей, правда, лучше вернуться к остальным.

Но, прежде чем она успела понять, ноги понесли ее налево, прочь от места, где учили контактному бою. Подойдя к соседней двери, она прижалась ухом к закрытой панели, прислушиваясь.

Сделав глубокий вдох, она уловила легкий запах Крэйга.

Он был там.

Правда, ей очень-очень нужно вернуться к...

Рука толкнула дверь, и она заглянула внутрь... и да, вот он, лежал на белых простынях на невероятно огромной больничной койке, на которой даже он казался карликом. Его глаза были закрыты, дыхание – неглубоким. Его кожа... не сильно отличалась от белых простыней... не считая ужасных порезов на его лице, горле, его... всем теле, повязки накрывали самые страшные из ран.

Заходя в комнату, Пэрадайз захлопнула дверь быстрее, чем планировала, и принялась ждать, пока он обратит на нее внимание.

– Что? – спросил он, не открывая глаз.

Она подошла к кровати... инертно задумалась, сможет ли когда-нибудь ее сердце не стучать так бешено в присутствии этого мужчины?

– Почему ты отказываешься от кормления? – спросила она.

– Почему ты меня достаешь?

– Ты отверг Избранную?

– Почему ты не с классом?

– Я травмировалась. Меня не пускают туда.

Ее слова заставили его повернуть голову и поднять веки.

– Ты в порядке?

– Я бы показала, не будь это средний палец.

– Ты врезала мне по яйцам, забыла? Думаешь, меня волнует твой палец?

– И это будет не первый раз. Я уже показывала средний палец тебе и Пэйтону в коридоре.

– После удара по яйцам у меня провалы в памяти.

Она хотела сесть на край койки, но боялась того, что предлагала ему.

– Ты можешь взять мою вену. Правда.

Крэйг уставился на нее.

– Я могу задать вопрос?

– Прошу.

– Ты родилась в семье спасителей? У тебя это в генах? Потому что я еще не встречал большей занозы, а это поведение в духе Матери Терезы не может быть приобретенным. Мир – слишком ужасное место для этого.

– Они не отпустят тебя домой.

– Они не могут удерживать меня силой.

Она рассмеялась.

– Это Братство. Я твердо уверена, что никто не выйдет отсюда без их разрешения.

Стиснув зубы, он замолчал.

– Брось, тебе станет лучше. – Пэрадайз подняла левое запястье. – И меня перестанут мучать угрызения совести за... ну, в общем, да.

– Ты же в курсе, что я отослал Избранную.

Пэрадайз закатила глаза.

– У тебя поразительная способность вести себя в стрессовых ситуациях по-идиотски. Ты вырос в семье придурков или это «ужасный мир» научил тебя такой самозащите?

– Ужасный мир убил всю мою семью. Двоих – прямо на моих глазах. Так что да, эта реакция пришла с опытом.

Уронив руку, Пэрадайз опустила взгляд.

– Прости. Я не...

– И к тому же, ты не боишься, что я сделаю что-то недозволенное?

– Что, прости?

– Ты видела, что произошло в спортзале, когда довела меня. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Пэрадайз ощутила, как ее тело начало разогреваться... и тогда она призналась, по крайней мере, себе, что пришла сюда, предлагая свою вену, потому что хотела еще... что бы это ни было... с ним. Этой связи. Этого... электрического притяжения.

Этой сексуальной нужды.

Была всего одна возможность, чтобы наверняка добиться этого – предложить истощенному мужчине свою вену: она, конечно, была девственницей, но не наивной душой.

– Девочка, тебе нравится играть с огнем? – прорычал он. – Потому что если продолжишь на меня так смотреть, то я спалю тебя дотла.

Даже не открывая рта, Пэрадайз поняла, что лишилась дара речи. Поэтому вместо ответа она просто и молча предложила свое запястье.

Когда Крэйг не взял ее руку, она повысила ставки, поднеся запястье к своему рту и пронзив плоть собственными клыками.

Это все решило.

Когда воздух наполнился запахом ее крови, Крэйг закатил глаза, а его тело дернулось под укрывавшим его покрывалом, бедра и ноги заерзали.

– Возьми мое запястье, – сказала она хрипло. – Это поможет тебе.

Выбросив руку, он грубо сжал ее предплечье, дергая к себе запястье. Но прежде чем укусить, Крэйг посмотрел на нее диким взглядом.

– Тебе придется звать на помощь.

– Почему? – выдохнула она.

– Прямо сейчас. Давай.

Но он не стал дожидаться ее ответа. Он дернул ее на себя... а потом с животным рыком прокусил ее кожу, хотя она уже сделала для него ранки. Когда он начал пить большими глотками, Пэрадайз ощутила эротический разряд, пронзивший ее тело. Открывая рот, чтобы дышать, она уперлась рукой в кровать, чтобы не рухнуть на мужчину. Ее разум отключился, остались только инстинкты, и тело точно знало, чего оно хотело... обнаженной кожи на обнаженной коже, его мужественность в ее лоне, вбивающуюся... кончающую.

На хрен девственность.

Буквально.

И он думал о том же. Пока Крэйг кормился, его взгляд блуждал по ее лицу, горлу, груди... и что-то происходило под покрывалом, его бедра двигались, грудь выгибалась, на лице застыло выражение боли, словно желание было невыносимым.

Нет, она не станет звать на помощь.

Да, это было чистым безумием, но все было неважно... и смутно, на задворках сознания мелькнула мысль, что именно поэтому кормление так тщательно надзиралось для женщин ее класса: никаких криков о помощи. Она не хотела, потому что не желала останавливать все, что произойдет дальше... этот жаркое, дикое мгновение не касалось ее происхождения из семьи Основателей. Не касалось особняка, в котором она жила, ее отца или денег на банковских счетах. Положения в обществе и престижа.

Это было необузданно и честно, только между ними.

И поэтому... это было красиво.

Потому что оно – настоящее.

Глава 19

Пэрадайз⁴⁶ оправдывала свое имя.

Делая большие глотки из самого божественного источника в своей жизни, Крэйг мог думать лишь о том, насколько ей подходило ее имя.

Ну... он думал не только об этом.

Его тело очнулось с космической скоростью благодаря силе, что она ему подарила, крепкое вино, стекавшее по задней стенке его горла в желудок, чтобы потом разлиться по всему телу, служило тонизирующим огнем: под его израненной кожей, в глубине ноющих от боли костей, он начал наполняться силой.

А с этой силой пришла грызущая, мучительная нужда.

Член под покрывалом встал, жесткий как сталь и длиной с его ногу... прекрасное доказательство того, что ее крепкий удар в пах не кастрировал его. А мозг между его ушей так же крепко вцепился в желание войти в нее, как он держался клыками за ее вену.

Но он был порядочнее, чем думал.

Вместо того, чтобы разорвать ее штаны и дернув на себя, усадить на свои бедра, Крэйг заставил себя остаться на месте... только в таком случае Пэрадайз останется на своем.

Но его таз не собирался подчиняться.

Вращаясь и ерзая, он потирался о простынь и покрывало, с каждым толчком дразняще касаясь ткани, слишком нежно, чтобы добиться чего-то существенного, контакт сводил его с ума, каждый раз распаяя все больше.

А потом у него зачесалась рука.

Ну уж нет. Даже если Пэрадайз признается в этом только под дулом пистолета, Крэйг знал, что она влипла. Если он достанет член и начнет мастурбировать? Она станет свидетелем такого шоу, о котором едва ли можно рассказать отцу, кем бы он ни был... даже если рукоблудие намного лучше, нежели вбиваться в нее так жестко, до звезд в ее глазах.

Именно этого он хотел сейчас.

Черт подери, почему его должно тянуть именно к хорошей девушке?

46 «Рай» с англ.

– Ты можешь... – начала Пэрадайз. Пауза, и потом она посмотрела через плечо, будто хотела убедиться, что дверь все еще закрыта. – Ты можешь сделать то, что хочешь.

Он нахмурился, охваченный жадой крови, пытаясь понять, о чем она говорила.

– Я вижу, где твоя рука. Я же не дура.

Крэйг попытался покачать головой, но не вышло, потому что его рот отказывался разрывать контакт.

Пэрадайз кивнула.

– Все нормально... давай. Позаботься о себе.

И тогда к безмозглому пришло озарение... дерьмо, она хотела, чтобы он...

Его сознание на короткое мгновение подняло табличку «черта-с-два», но потом сдалось, когда Пэрадайз встретила его взгляд, и он уловил запах ее возбуждения.

Вот вам «слушаю и повинуюсь, мэм».

Опьяненный ее вкусом, натянутый от похоти, с обессиленным телом и вывернутыми наизнанку мозгами, в нем все же осталось достаточно силы воли, чтобы запереть замки на всех дверях... даже в уборную. Но двери не удержат посторонних надолго... на достаточное время, чтобы ее добродетель не погибла бесповоротно...

Пэйтон.

Когда в голове всплыло имя другого мужчины, Пэрадайз нахмурилась, словно прочитав его мысли.

– Что ты сказал?

Видимо, он говорил вслух... умудрился.

Крэйг ослабил хватку достаточно, чтобы четко произнести:

– Пэйтон.

– Я же говорила, между нами ничего... Боже, нет. Да никогда. Он мне как брат.

Смотря на нее, Крэйг решил, что либо она совсем простодушна и говорит известную ей правду... и действительно не понимает, что парень ее хочет... либо она лучшая актриса, которую видал Голливуд, и водила его за нос.

Он сделал вдох, но не уловил запаха обмана... а потом подумал о надменном поведении Пэйтона, его идеальном акценте и дорогих часах. Он мог и вправду оказаться аристократом... в таком случае, мужчина не сможет связать себя долгосрочными отношениями с простой администраторшей.

И, очевидно, убудку хватало чести, чтобы не вводить ее в заблуждение. И был достаточно убедительным, раз она купилась на это, несмотря на его очевидную ревность в комнате отдыха.

Похоже, Крэйгу не обязательно так сильно ненавидеть его.

– Между мной и Пэйтоном ничего нет, – повторила Пэрадайз. – И никогда не будет.

Этого было достаточно для его ладони.

Следующее, что он понял – что его свободная рука исчезла под покрывалом...

Застонав, Крэйг выгнулся, обхватив член ладонью. Замедлившись с кормлением, он обнаружил, что хочет растянуть мгновение между ними. Он хотел от нее секса и ее крови.

И на короткое мгновение казалось, что он получит и то, и другое.

В первый и последний раз он допускает нечто подобное.

Было в этом что-то неизбежное.

Эта мысль проносилась в голове Пэрадайз снова и снова, пока она наблюдала, как рука Крэйга двигается под покрывалами. Он ласкал себя, его огромное тело изгибалось под странными углами на волнах удовольствия.

И все же, каким бы неизбежным все ни казалось, также было столько всего неожиданного.

Она не думала, что почувствует подобную... власть: у нее возникло ясное чувство, что каким бы огромным и сильным он ни был, она все контролировала... все, что она захочет получить от него, все, в чем она нуждалась... он предоставит ей, сделает для нее, найдет для нее.

После того как закончит с сексом.

Глаза Крэйга, смотревшие на нее с избитого лица, были полуприкрыты, его взгляд – настолько горячим. Напряженные мышцы его шеи и груди, казалось, готовы проступить сквозь кожу. А его запах бушевал ароматами чего-то пряного и восхитительного.

А потом он застонал.

Боже, она хотела, чтобы это ее рука ласкала его... она никогда не делала ничего подобного, но, да ладно, что ей мешало двигать ладонью вверх-вниз... проблема в том, что ее здоровая рука была у его лица, а с шиной на пальце она не сможет ни за что ухватиться...

Без предупреждения, Крэйг отпустил ее запястье и издал звериный рык, в котором не было ничего цивилизованного. Потом его свободная рука вцепилась в простыни рядом с его бедром, комкая их. Его грудь взмыла вверх раз, другой... он снова выгнулся, в этот раз со стоном... а потом его бедра с силой забились, хриплые стоны вырывались из его рта, пока он не сводил с нее глаз.

Затем наступило затишье, которое удивило ее не меньше всего остального: после, казалось, вечности, его тело обмякло, и он рухнул на кровать, глаза плотно закрыты, дыхание рваное, пот блестел на его груди.

– Оближи... – пробормотал он.

– Что? – Боже, ее голос был таким хриплым. – Что ты сказал?

– У тебя... идет кровь...

Пэрадайз опустила взгляд на запястье. Точно. Несколько ранок закрылись только частично. Поднеся руку ко рту, она зализала...

Она застыла, услышав тихий рык.

Его горячий взгляд переместился на ее губы.

Но потом он отвернулся.

– Ты должна уйти.

– Что?

– Ты меня слышала. Уходи.

Пэрадайз выдохнула, когда волна злости словно цунами смыла возбуждение.

– Почему ты всегда прогоняешь меня?

– Потому что тебе вряд ли понравится, если кто-то сейчас войдет в палату.

Она оглянулась по сторонам. Так, ладно, было немного крови на кровати возле его рта, но кроме этого – ничего бросавшегося в глаза.

– Здесь ничего...

– Тут пахнет сексом, – пробормотал он. – Я только что обкончал здесь все... и если кто-то пройдет через эти двери, они узнают, что дело в тебе. Сохрани себе толику благодетели, что у тебя еще осталась.

Пэрадайз нахмурилась, пораженно раскрыв рот.

– Прощу прощения?!

– Мы закончили. – Он пожал плечами. – Ты попросила, чтобы я ублажил себя. Я выполнил просьбу... ты узнала, как это выглядит, когда мужчина кончает. Значит, мы оба кое-что поимели от этого представления. Чего ты ждала, предложения руки и сердца?

Боль полоснула по груди, и Пэрадайз мгновенно лишилась дара речи. И потом в ее голове пронеслись всего три слова «пошел» и «на хрен».

Оттолкнувшись, она расправила плечи и отошла от него. Подойдя к двери, она удивилась, обнаружив запертый замок. Она этого не делала.

Он, наверное.

Да плевать.

Открыв замок, Пэрадайз оглянулась через плечо.

– Я не могу претвориться искушенной или опытной в сексе, но одно знаю наверняка: нужда унижить другого в моменты страха – признак трусости, а не героизма. Желаю хорошего отдыха. Увидимся завтра в классе... если ты осмелишься появиться.

Выйдя в коридор, она позволила двери закрыться позади себя, и отошла на пару футов, ярдов... на полпути к спортзалу.

Она собиралась пойти дальше.

Ноги отказывались покрывать оставшееся расстояние до класса.

Выругавшись, она прислонилась к бетонной стене, скрестив руки на груди, и уставилась на полированные камни, формировавшие коридорный пол... потом на флуоресцентные лампы над головой... на двери, целую кучу дверей. Словно издалека, до нее доносились крики оттуда, где продолжались спарринги. Также было слышно гудение вентиляционной системы. Спустя мгновение заурчал ее желудок, напоминая, что калории, которые она перехватила во время Первой Трапезы, давно исчерпали себя.

Это было ее первым сексуальным опытом.

И это было удивительно, восхитительно, провокационно.

Но Крэйг все разрушил. Всего лишь парой предложений он все заporол и заставил ее стыдиться...

– Прости.

Резко повернув голову, она отшатнулась.

– Почему ты встал с койки?

Крэйг вышел из своей комнаты, казалось, он больше полагался на штатив для капельницы, нежели на собственные ноги. Но он намеревался подойти к ней... и, видит Бог, он уже доказал, что остановится, только если свалится с ног.

Подойдя к нему, Пэрадайз выставила обе руки, желая остановить его.

– Тебе нужно вернуться...

– Слушай, я... – Он прокашлялся. Провел рукой под носом, хотя там ничего не было. Потер большим пальцем бровь, затеребил больничную сорочку. – Я не могу притворяться тем, кем не являюсь. Может в другое время, если бы не произошли определенные события... может, у меня нашлись бы силы сгладить свою резкую натуру. Проблема в том, что сейчас у меня совсем нет сил... и мне всегда не хватало теплоты и заботливости. – Он ткнул себя в грудь, его шнур капельницы пересек его тело. – Я не утверждаю, что я прав, или что горжусь собой. Просто говорю, как оно есть. И это все, что я могу предложить тебе... сегодня, завтра... через неделю. Это все, что я могу предложить кому бы то ни было.

Когда он посмотрел на нее, его взгляд был ровным и серьезным.

И нельзя было сомневаться в его мрачном голосе или аккуратно подобранных словах.

В повисшем молчании, она вспомнила фразу выдающегося человеческого писателя и оратора Майи Энджелу⁴⁷: «когда человек показывает свое истинное Я, не ставьте это под сомнение».

Или что-то в этом роде.

– Если тебе нужен мужчина, обрати внимание на своего дружка, Пэйтона, – продолжил он. – Ты такая невероятная, может, есть шанс, что он преодолет тупые глимеровские заскоки. И ты не будешь всю свою жизнь менеджером. А я и близко не могу предложить тебе то, что может он... даже если кардинально изменюсь.

Он продолжил говорить, но она почти не улавливала его слов. Она все думала о том, насколько это несправедливо – наконец встретить мужчину, который ей понравился, в

47 Майя Энджелу (англ. Maya Angelou, настоящее имя Маргарит Энн Джонсон, англ. Marguerite Ann Johnson; 4 апреля 1928 года, Сент-Луис, США — 28 мая 2014 года, Уинстон-Сейлем, США) — американская писательница и поэтесса. Её перу принадлежит семь автобиографий, пять книг очерков, несколько сборников стихов. Её имя значится в числе авторов целого ряд пьес, кинофильмов и телевизионных шоу, выходивших в свет на протяжении более пятидесяти лет. Майя Энджелу — обладательница множества наград и более тридцати почётных докторских степеней. Книга «Я знаю, отчего птица поёт в клетке» (англ.)русс., хроника её жизни до 16 лет, принесла ей всемирную известность.

абсолютно неподходящее время в абсолютно неподходящем контексте, чтобы это вылилось во что-то серьезное/значимое. А еще его поведение в духе я-рак-отшельник. Она хотела назвать это полной дурью, но, наверное, это вполне могло оказаться правдой.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Спасибо за твою честность.

Повисла неловкая пауза... словно он ожидал какие-то возражения от нее, негодование, может, резкие слова.

Потом он опустил веки, словно не хотел видеть то, что было за пределами.

Его рука, которая не держалась за штатив, поднялась к ее лицу. Но потом он опустил ее и покачал головой.

– Я много о чем жалею в своей жизни. В следующий раз, когда спросишь, нравишься ли ты кому-нибудь... вспомни, что ты в моем списке.

Крэйг отвернулся и прохромал назад в свою палату.

Она наблюдала за ним, пока он не скрылся внутри.

Гордость заставила ее пойти своей дорогой.

Собравшись с силами, Пэрадайз направилась в спортзал, к классу, к обучению и самопознанию. В конце концов, как и его, ее будущее было связано с учебным центром. Там не было несбыточных мечтаний о незнакомце, которые никогда не исполнятся по множеству разных причин.

Глава 20

Два часа спустя Пэрадайз покидала учебный центр на автобусе. Они уезжали вшестером, ведь Крэйга еще не выписали по медицинским показаниям.

Посмотрев через проход, она встретила взгляд Пэйтона. Он растянулся на целый ряд сидений, спиной прислонившись к затонированным окнам, ноги полностью вытянуты и скрещены в лодыжках.

Казалось, прошла вечность с их спора в автобусе прошлым вечером.

Ты норм? – прошептал он губами.

Она кивнула и спросила в ответ: *А ты?*

Пожав плечами, он поерзал и закрыл глаза.

Никто особенно не разговаривал.

Впереди в нескольких рядах от них сидел Бун, заткнув уши и отрешившись от всего мира. Казалось, он не мог найти более-менее любимой песни. Его палец щелкал по экрану айФона как заведенный каждые пару секунду, обложки альбомов быстро сменяли друг друга. Энслэм напротив него спал в сидячем положении. Ново была ближе всех к водителю и всматривалась в окна, через которые ничего не было видно.

Акс, устроившись в самом конце, погрузился в себя.

Пэрадайз время от времени меняла положение и, как Пэйтон, периодически морщилась. Она была истощена, все тело болело, а разум терзало беспокойство о том, что ждало их следующей ночью по части тестов.

Она также продолжала думать о том, что сделала в палате Крэйга. И что было сказано потом в коридоре.

– Перестань, – пробормотала она, обращаясь к себе.

Невозможно изменить результат, снова и снова прокручивая в голове события, и, если быть честной с собой, она не хотела этого. Это было изумительно – по своей воле пережить подобную связь.

Но больше ей это не грозит.

Надеясь отвлечься, она посмотрела на кожаный ранец от «Бэлли», который досматривал доджен во время регистрации. Она точно помнила, что лежало внутри: протеиновые батончики, запасные носки, сменная одежда и белье, ее кошелек, телефон, фотография родителей в старой позолоченной раме. Она также четко помнила, как

упаковывала вещи... выдвинутые ящики в ее гардеробе, муки выбора, вещи, которые хотела взять с собой, но все же оставила дома.

Что ее беспокоило... ощущение, словно это ей больше не принадлежит.

Казалось, что это вещи сестренки или вроде того, какой-нибудь младшей родственницы, которая издалека была похожа на нее, но вблизи была совсем другим человеком.

Пэйтон скинул ноги на пол и перекинул тело через проход. В этот раз, когда он сел рядом с ней, она обрадовалась этому.

– С виду не скажешь, что ты в порядке, – сказал он тихо.

Беспокойство угрожало обрушить плотину, которая сдерживала ее эмоции, но она держала стены на месте, боясь расклеиться на глазах у одноклассников.

Я же, черт подери, *Примус*, подумала она.

– Не знаю. – Она покачала головой, когда слова вырвались из ее рта. Она не хотела так отвечать. – Правда, я в порядке.

– Мы столько всего пережили прошлой ночью.

– Мы справились, – пробормотала она. – Мы молодцы.

– Ну да.

Когда ее друг снова затих и уставился на подголовник сиденья впереди себя, ей оставалось только догадываться, о чем он думал: тошнота, мешок на голову, бассейн... самая долгая прогулка в их жизни.

Та драка с Крэйгом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – Кажется, тебе уже лучше.

– Мне нужно кормление.

Когда он потерял лицо, будто пытался стереть воспоминания о школе, Пэрадаиз захотелось выругаться... потому что в отличие от Крэйга, которому она так настоятельно и срочно подсунула свою вену, ей даже в голову не пришло помочь другу.

К тому же, она сомневалась, что сможет пройти через это с Пэйтоном... если у него будет такая же реакция, как у Крэйга.

Не то, чтобы она была лакомым кусочком для мужчин, а потому что, наверное, подобная похоть – естественный эффект кормления, и она не хотела пересекать эту грань в их дружбе.

– Я написал отцу. – Пэйтон похлопал по переднему карману пальто. – Он договорился для меня. Это будет первый раз, когда я возьму вену не во время секса. – нахмурившись, он посмотрел на нее. – Прости. Ненужные подробности.

О чем он говорил? А, точно.

– Все нормально. Ты не оскорбил меня.

Хочешь ненужных подробностей? – подумала она. Например, то, что она сделала это с Крэйгом в клинике. Или, точнее... что он сделал себе.

Она отвела взгляд, чтобы он не заметил румянец, выступивший на ее лице.

– Ты какая-то другая, – заметил он.

Она быстро повернула голову.

– В смысле?

– Я не знаю. Может, я просто помню, что ты была неподражаема.

Когда он посмотрел на нее, Пэрадаиз знала, что он снова извинялся перед ней, и не думая, она подалась вперед и обняла его.

– Спасибо за...

Пара кочек, а потом осязаемое снижение скорости заставило ее отстраниться.

– Уже приехали?

Пэйтон достал телефон и посмотрел на время.

– Мы выехали сорок пять минут назад. Да, наверное.

Доджен за рулем объявил в громкоговоритель, что они прибыли на место, и все пассажиры один за другим, встали и вышли из автобуса.

Ночь выдалась холодной, очень холодной... и по неясной причине она подумала, что если бы светло-голубой цвет имел запах, то так он бы и ощущался ее носом, вдыхавшим морозный сухой воздух.

Повернувшись к остальным, Пэрадайз обнаружила, что все просто стояли посреди открытого фермерского поля, словно никто не знал, что делать дальше.

Энслэм попрощался первым и только с Пэйтоном, а потом исчез. Акс ни с кем не обмолвился и словом, прежде чем дематериализоваться.

– Ну, до завтра, – пробормотал Пэйтон, посмотрев на Ново и Буна.

Прежде чем раствориться, он подошел к ней:

– Я свяжусь с тобой через пару часов. Очень надеюсь, что ты поднимешь эту трубку.

– Подниму.

– Хорошо.

И он исчез, бросив напоследок легкую улыбку.

Пэрадайз сказала что-то остальным; она не помнила, что именно... ей что-то ответили – она не уловила.

И потом она накинула сумку на плечо и растворилась, уносясь рассеянным клубком молекул, которые, почему-то, лучше представляли ее ментальное и эмоциональное состояние в настоящий момент, чем ее телесная форма

Когда она вернулась в свое тело на газоне перед особняком отца, то осталась стоять на месте, уставившись на великолепный Тюдоровский фасад. В доме горели огни, маслянистый свет струился сквозь окна, создавая иллюзию теплоты камина. Время от времени между раздвинутыми шелковыми шторами мелькала фигура доджена с серебряными подносами, щеткой для пыли или букетом цветов.

Ветер здесь был свирепым, и чем дольше она стояла на пожухшей, подмерзшей траве, тем сильнее он забирался под ее куртку, одежду, кожу.

Они с отцом жили здесь очень долго, и с каждой комнатой у нее было связано какое-то воспоминание... даже с потайными.

Но этой ночью особняк казался ей таким же чужим, как вещи в ее сумке.

Удивительно... как путешествие, которое началось и кончилось в родном доме, даже не покидая пределы штата, могло так сильно отдалить ее от прошлой жизни.

Задрожав от холода, Пэрадайз заставила себя шагнуть вперед. Было почти два часа утра... и она, испытывая стыд, обрадовалась, что ее отец все еще работал в доме для аудиенций. У нее просто не было сил на то, чтобы рассказать ему об ее «учебе».

Более того, она сама еще не осмыслила всего... было еще рано рассказывать о пережитом кому-то еще.

Подойдя к дверям, она потянулась к звонку... но потом остановила себя.

Да ладно, подумала она. Ты серьезно собралась жать на звонок собственного дома?

И, тем не менее, она чувствовала себя чужой, нажимая пальцем на считывающую панель и открывая замок.

Заходя в тепло, Пэрадайз закрыла тяжелую дверь за собой и сделала пару глубоких вдохов. Окидывая знакомые картины маслом и ковровые дорожки, она испытывала не спокойствие, а жуткую тревогу...

– Хозяйка! Вы вернулись! – к ней подбежал их дворецкий, Федрика, с улыбкой на лице... и он поклонился так быстро, что почти стер всю пыль с пола своим лбом. – Что я могу сделать для вас? Вы желаете на трапезу... или нет, наполнить ванну? Я попрошу Вучи включить...

– Пожалуйста, нет, – она вскинула обе руки, когда он так низко опустил лицо, что говорил, уткнувшись подбородком в бабочку на шее. – Братство очень хорошо нас накормило... и честно, мне нужно прилечь. – Слова. Ей нужно подобрать нужную комбинацию слов. – Ты мог бы передать моему отцу, что это был потрясающий опыт... скажи ему, что я в порядке... я в полном порядке, на самом деле, и меня приняли. У нас начались занятия. Все безопасно.

Ну, последние два предложения технически не были ложью. Рейдж сказал, что завтрашнюю ночь они проведут в аудитории, и никто не получил серьезных ранений.

– О, ну конечно, моя госпожа! Он будет так рад! Думаю, он не спал весь день... но, прошу, позвоните, если вам что-нибудь понадобится.

– Позвоню, обещаю. Спасибо.

Она быстро взбежала по лестнице, какой-то иррациональный страх того, что отец вернется домой раньше, нес ее в спальню. Закрывшись внутри, она окинула взглядом кровать с балдахином, ковры и антиквариат...

...и на самом деле пожалела, что не отправилась спать в безликий, полупустой гостиничный номер.

Подойдя к своей кровати, Пэрадайз села на супер мягкий матрас и бросила ранец у ног. Потом положила руки на колени и устала на стену перед собой.

Она думала не только о Крэйге. Но он занимал много эфирного времени в ее мозгу.

Черт. Сейчас, скрывшись в своей комнате, она почувствовала себя словно в клетке...

Когда в сумке зазвонил телефон, она поморщилась. Несомненно Федрика позвонил ее отцу в ту же секунду, как она вернулась домой, и вопрос в том, что будет хуже: если он наткнется на голосовую почту... или она попытается выдавить из себя «все хорошо».

«Поговорим позже» – тоже не лучший вариант, решила она: если она не поговорит с ним сейчас, то он начнет стучать в ее дверь сразу по возвращении домой. И тогда придется говорить лицом к лицу.

Выудив айФон, она нахмурилась, увидев изображение пятиконечного листа марихуаны на экране.

– Пэйтон?

– Хэй. Я не вытерпел два часа. Мне как-то не по себе.

Хотя он не мог видеть ее, она кивнула.

– Мне тоже.

Когда повисла пауза, она ждала привычного звука затяжки. Но вместо этого – тишина.

Спустя мгновение он сказал:

– Кажется, меня не было дома лет десять.

– Мне тоже.

– Я даже курить не хочу. Вообще атас, представляешь?

Она откинулась назад, падая на подушки.

– Может, это и хорошо.

– Очередная странность. – Раздался шорох, будто он сделал то же самое. – Окей, так что за херня творится с этим Аксом? В смысле, ты видела его в спарринге с...

Когда ее друг продолжил сыпать комментариями, Пэрадайз прикрыла глаза и сделала медленный, глубокий вдох.

Забавно, это напоминало время сразу после набегов. Они говорили по ночам, соединенные двумя телефонами, невидимая связь была не менее осязаемой.

Он был ее единственным другом, осознала Пэрадайз.

И она была очень рада, что они пережили свои разногласия... и первую ночь обучения.

Внезапно все перестало казаться таким чужим.

– Черт, с меня хватит, – сказала Марисса, откидываясь назад и разглядывая стопку карточек пять на семь дюймов перед собой.

Ушло несколько часов, но у нее получилось создать на компьютере сотню цветных приглашений на Бал Двенадцатого Месяца. Да, было бы намного лучше, если бы приглашения были с гравировкой, но совсем не оставалось времени: до события, которое

должно состояться в первое полнолуние декабря, всего четырнадцать дней, поэтому пришлось пренебречь мелочами.

Следующий шаг – подписать конверты, и Мэри с Беллой предложили помочь с этим в особняке. После, Марисса попросит Фритца заняться меню и поспрашивать, где можно пригласить музыкантов из Старого Света.

О, и пусть Дева Летописца благословит Абалона: мужчина разрешил им использовать бальный зал в его поместье. Этот вариант лучше второго варианта: особняка богатого старика и той вымогательницы: эта пара принимала у себя тайный Совет, который строил заговор против Рофа, поэтому Братья вернутся туда только в одном случае – с огнеметами наперевес. И, если уж на то пошло, она сомневалась, что Бутч обрадуется, если она будет проводить время под конкретно той крышей.

Итак, приглашения. Место проведения. Меню. Развлечения.

Она подписалась на это, но не питала иллюзий. Она точно знала, почему ее попросили организовать событие, и дело не в ее способностях: настаивавшие на этом люди испытывали проблемы с тем, чтобы выманить Глимеру на свет после драматических событий, развернувшихся вокруг демократического избрания Рофа. Аристократы больше всего на свете любят хороший скандал, а что может быть веселее, чем наблюдать за ней в действии на этой вечеринке?

Ее присутствие повысит коэффициент посещаемости под этой крышей.

И это было забавно. В каком-то извращенном смысле она с нетерпением ждала возможности высоко поднять голову перед стаей акул... по крайней мере, Бутчу не придется иметь дело с этой придурью. Он будет занят преподаванием. К тому же, ему никогда не хватало терпения на подобные мероприятия.

Она вернется в прошлое в одиночестве.

Посмотрев на часы, Марисса отметила, что было уже три часа. Обычно она ждала до четырех, чтобы вернуться домой, но если они с женщинами успеют подписать приглашения до того, как все вернутся, то Фритц отправит их человеческой почтой, и они дойдут до получателей через сутки.

Марисса быстро собрала приглашения и конверты в сумку «Неверфул»⁴⁸ от «ЛВ», которую подарил ей Бутч, и выключила компьютер.

Ее чувство удовлетворения было недолгим.

Поговорив с персоналом и сообщив, что уходит, Марисса покинула крыло Велси и призраком вернулась домой. Ожидая, пока откроется внутренняя дверь в вестибюль, она снова вернулась к беспокойству о женщине.

По-прежнему ничего с тем «ключом». На основные ящики «Убежища» и дома для аудиенций также не поступало запроса на пропавшую женщину. Ничего в социальных сетях. Ни звонков, ни сообщений.

Но ведь ее наверняка ищет семья?

Фритц, их любимый дворецкий, открыл дверь с широкой улыбкой на лице.

– Госпожа, как прошла ваша ночь?

Хреново, спасибо, что спросил.

– Очень хорошо, а ты как? – Марисса покачала головой, когда он потянулся к ее сумке.

– Я сама, спасибо. Ты видел...

– Мы готовы! А Мэри уже в пути!

Марисса посмотрела на арочный проем в бильярдную. Белла, Отэм и Бэт стояли вместе, с бокалами вина и перьевыми ручками в руках.

– Мы готовы к писанине, – сказала Белла. – И мы договорились, чтобы нам отдельно накрыли Последнюю Трапезу, потому что мы будем смотреть фильм в кинотеатре наверху.

– «Супер Майк XXL»⁴⁹ только вышел на ДВД, – пропела Бэт. – Это наша моральная обязанность поддержать искусство, пусть и человеческое.

– Я не видела первую часть, – пробормотала Отэм. – Они сказали, что у него феноменально гибкие бедра. Это правда?

Бэт подошла к ней и взяла сумку.

– Пошли, по твоему лицу видно, насколько тебе нужно расслабиться и потусить с девчонками. Пэйн и Хекс тоже будут. А также Кормия, Лейла, Док Джейн и Элена. Мы соберемся все вместе... самое время.

На короткое мгновение Марисса почувствовала укол вины за то, что отдалась в дружеские руки. Это казалось... слишком легкомысленным, когда она думала обо всем, что не могла сделать для той незнакомой женщины.

Белла подалась вперед.

– Мы предупредили мужчин, что им вход воспрещен. В основном потому, что если они увидят Ченнига на большом экране...

Бэт закончила:

– ... нам предстоит капитальный ремонт кинотеатра после того, как они закончат.

– Вернемся к гибким бедрам, – встряла Отэм. – В смысле, как он ходит?

– Очень хорошо, подруга. – Ответив шеллан Тора, Белла обняла Мариссу за плечи. – Очень даже хорошо.

Марисса позволила завести себя в бильярдную... где на одном из кофейных столиков были расставлены чернильницы, и ее ждал бокал... она быстро заморгала. Отчасти потому, что погибшая женщина никогда не получит чего-то подобного... если ей повезло, и она была окружена хорошими людьми при жизни.

Отчасти – от настолько сильной признательности, что ее грудь едва справлялась с этим чувством.

– Дамы, – сказала она, обнимая Беллу за талию. – Давайте быстро разделаемся с открытками.... И перейдем к стриптизу.

Глава 21

– Прости... *чем-чем* они занимаются?

Бутч окинул взглядом чисто мужскую компанию, собравшуюся за обеденным столом. Никто из братьев или солдат не смеялся, не было разговоров на всю столовую. Кучка унылых неудачников просто сидела перед полупустыми тарелками и нетронутыми стаканами с водкой, бурбоном и виски, словно на переключке бассендхаундов, потерявших свои антидепрессанты.

Не это он ожидал увидеть, вернувшись к Последней Трапезе.

Когда Марисса написала ему, что работает с женщинами над чем-то там, ему показалась хорошей идея разобраться с вопросами учеников.

Он не ожидал подобного траура потому, что леди работали над каким-то проектом.

– Прием? – требовательно спросил Бутч. – Лишились не только яиц, но и слуха?

Роф вздохнул, словно собирался сообщить новость о смерти родственника:

– У них ночь кино.

Закатив глаза, Бутч прошел к своему стулу. Да, было странно сидеть здесь без Мариссы, но, ради всего святого, это не повод для истерики. К тому же, он был рад, что у его женщины были подруги...

– Они смотрят «Супер Майка», – сказал кто-то.

49 «Супер Майк XXL» - сиквел фильма «Супер Майк», в центре фильма – стриптизер по кличке Супер Майк.

– Что это, детское шоу? – Он откинулся на спинку стула, когда Фритц поставил перед ним огромную тарелку с ягненком. – Спасибо, дружище... о да, я бы выпил. Плесни Лагавулина...

Бутч замолк, когда осознал, что на него пялился весь стол.

– Чего еще?

– Ты не слышал про Супер Майка? – спросил Рейдж.

– Нет. – Он словно откинулся на спинку, выпив предложенное. – Спасибо. Что-то типа Барни⁵⁰?

– Фильм о стриптизерах, – ответил Голливуд.

Нахмурившись, Бутч отнял стакан от губ.

– Чего?

Ви появился из кладовой с толстым кисетом табака, пачкой бумаги и таким оскалом, словно кто-то спер батарейки от его любимой секс-игрушки.

– Голые, – пробормотал Вишес, садясь на место Мариссы. – С голыми задницами. И они – люди. Господи, нас словно стая собак уделала.

– В стрингах, – истерил кто-то. – Собак в стрингах.

В этот раз Бутч допил порцию, жидкость опалила горло и разогрела желудок. Так, ладно, удивительно, что он не утомился, пока не допил весь стакан, но, блин, ему было о чем подумать. С одной стороны, его шеллан со своими подругами смотрела кино, пусть и с обнаженкой, ничего страшного.

С другой стороны, ему хотелось найти щиток и обесточить ту часть особняка.

Потом спалить ДВД. И экран.

И утащить свою шеллан в кровать, чтобы показать ей пару трюков, которые и не снились какому-то актеру... о, Боже, в стрингах?

– Все нормально, – услышал он себя, жестом попросив доджена наполнить стакан. – В смысле, во-первых, они любят нас... и, во-вторых, рейтинг ведь не 18+.

– Они там имитируют секс, – заметил Лэсситер с широкой улыбкой, словно пытаясь помочь. – В движении. Ну, знаете, есть член и возвратно-поступательные...

Вишес достал кинжал откуда-то и направил ангелу в голову.

– Продолжишь, и я обкромсаю тебе волосы. С закрытыми глазами.

Лэсситер рассмеялся.

– Да ладно тебе, здоровяк. Я думал, в тебе достаточно сексапила, чтобы не париться из-за такого пустяка. Терзает неуверенность?

– Неуверенности хочешь? Так я тебе устрою...

– Ладно, хватит, – встрял Бутч. – Ви, оставь его. Все нормально, все хорошо... они просто весело проводят время. Что в этом плохого? Они же не спят там с этим парнем.

– Ты так уверен в этом? – Лэсситер улыбнулся. – Думаешь, они не фантазируют о...

Братство издало настолько громкий коллективный рык, что зазвенел хрусталь на люстре, висевшей над столом. И падший ангел, конечно, был идиотом, но далеко не тупым.

Двигаясь медленно, словно на него наставили кучу пушек, он покорно поднял руки.

– Простите. Да пофиг. Я заткнусь прежде, чем меня убьет ваш беспонтовый дискомфорт.

– Мудрое решение, – сухо ответил Бутч. – Хотя я бы с радостью тебе треснул. Не обязательно по этой причине.

Лэсситер вернулся к трапезе, запихивая еду в свою хлеборезку.

Но Братья не так быстро остывали, их прищуренные глаза и оскалившиеся клыки все еще были направлены на болтливую ангела.

50 «Барни и Друзья» (англ. Barney & Friends) — детский телевизионный сериал. Производство PBS, США. Барни — персонаж сериала: это плюшевый Тираннозавр, наделенный человеческим качествам, который своими действиями учит детей вести себя в окружающей среде. Автор идеи – Шерил Лич (Sheryl Leach) при участии компании Public Broadcasting Service.

– Парни, да ладно вам, все нормально. – Бутч отрезал кусок ягненка и закинул в рот. – М-м, божественно.

На самом деле мясо напоминало картон, но он смаковал на публику. Недолго.

Две минуты спустя он отодвинул полную тарелку в сторону и вылакал вторую порцию вискаря.

– Серьезно. Им нужно немного независимости. Они не обязаны ходить за нами по пятам, и, слушайте, жизнь в особняке крутится вокруг нас. Самое время для них заняться чем-то своим. Действительно. Это чудесно.

Рядом с ним Ви прикурил толстенную самокрутку.

– Да ладно? Тебе нравится мысль, что Марисса смотрит на причандалы какого-то мужика?

– Фильм не 18+... – Когда его голос перешел на скрип, он прокашлялся. – В смысле, не может же быть... нет, не...

– Я уже проверил, – пробормотал Фьюри. – У них ДВД... наверное, они смотрят расширенную версию без цензуры.

– Значит, стриптизеров не обрезали? – Лэсситер вскинул руки прежде, чем послышалось очередное рычание. – Господи, парни, вы такие чувствительные.

Покачивая головой, Бутч решил, что не будет защищать ангела.

– Так вот, да, ну подрыгаются немного... грудь покажут. Нечего беситься. Фритц, ты можешь подлить еще?

Дворецкий поспешно взял пустой стакан.

– Кто-нибудь желает десерт? У нас домашнее мороженое и *пети гато*⁵¹.

Бутч перевел взгляд на Голливуда:

– Что скажешь, старина?

Когда Рейдж просто опрокинул стакан с имбирным элем, Бутч с проклятьем обратился к Фритцу.

– Этот слопает, даже если все откажутся.

– Принеси мне десерт, – сказал Рейдж.

Фритц поклонился со стаканом Бутча в руке.

– Хорошо, мой господин. Я заменю вашу тарелку...

– Нет. Я хочу целую порцию. Весь пирог и все мороженое.

Ииииииии в итоге угрюмая аудитория из скольких-то там свидетелей созерцала, как Голливуд уничтожает пятнадцать маленьких шоколадных пирожных и два галлона ванильного мороженого.

Словно наблюдать, как сохнет краска, но не было слышно запаха химии, и расцветка комнаты не изменилась.

Хорошие новости – алкоголь сделал свое дело, затуманив мозги Бутча, делая его тело онемевшим и одновременно возбужденным.

– Можно еще? – попросил он доджена, который убирал последнюю тарелку, измазанную шоколадом. – Большое спасибо.

Когда стакан вернулся на место, Бутч отодвинул стул от стола.

– С меня хватит. У меня осталась работа.

Не в обиду остальным, но тусоваться в такой компании значит загонять себя в еще большую депрессию. Еще немного, и он полезет в петлю.

Выйдя из столовой, Бутч помедлил в фойе. Посмотрел на лестницу. Попытался представить, как Мариса пялится на какого-то актера в исподнем...

– Ну, правда. Все нормально. Это ей на пользу.

Он достал телефон и открыл их переписку. Помедлив, он подумывал просто отправить ей сообщение, ну, напомнить...

Вау.

51 Пети Гато – десерт, состоящий из маленьких шоколадных капкейков с хрустящей корочкой и жидким центром, десерт подается с ванильным мороженым на тарелке.

В свою человеческую бытность, ему всегда было плевать на подобные вещи. Марисса была не просто единственной любовью в его жизни, она была достойной женщиной, которая никогда не изменит ему. И, алло, она же не побежала в паршивый мотель с парнем, ради всего святого. Она тусила со своими подругами, как он порой зависал с парнями.

Это смехотворно.

Он был не из ревнивых...

Услышав топот ботинок, он посмотрел через плечо. Это был Рейдж, и в руке брата пенился стакан с Алказельцером.

Голливуд посмотрел на лестницу. И, сто процентов, он думал о том же, что и Бутч.

– Я наверх, – заявил парень.

– Так, стой, стой, тпру! – Бутч схватил огромную лапу и с силой сжал. – Ты не можешь туда вломиться.

– Это еще почему?

– Это девчачьи посиделки.

– Ну так я платье надену.

– Гребаный ад, Рейдж. Ты серьезно?

В фойе вышли Ви, Джон Мэтью и Тор. И все остальные, включая Рофа... даже Мэнни – стопроцентный человек – был среди несчастных ублюдков.

– Мы туда не пойдем, – объявил Бутч. – Сейчас мы поиграем в бильярд, напьемся, поболтаем о тех говнюках, которых прикончили в Браунсвике. Мы чертовски клево проведем ночь... день или что там, плевать. А сейчас поднимайте яйца с пола, вспомним, как ведут себя настоящие мужики.

– Опытный парень. Это я так, к слову.

Услышав слова Дока Джейн, замороженная аудитория, не сводившая глаз с большого экрана, выразила безмолвное и коллективное согласие.

Пэйн издала еще один, ставший уже ее фирменным, восхищенный свист.

Хэкс выругалась и закинула в рот порцию «Милк Дадс», воскликнув:

– Черт, сынок, а ты крут! Нереально!

Марисса снова рассмеялась. Она не могла определиться, что было чудесней – фильм или компания... наверное, компания. Хотя, она была вынуждена признать, на людей было не так уж противно смотреть.

А потом раздалось очередное улюлюканье и свист.

Боже, она не могла вспомнить, когда в последний раз так смеялась. Было что-то особенное в женской компании, шутки казались и плохими и хорошими одновременно, смех – громче, а глупость – еще более невообразимой.

Как выяснилось, все это было прекрасно.

И напонило, насколько это чудесно, когда тебя принимают такой, какая ты есть, когда на тебя не накладывают внешних ожиданий, не сдерживают никакие дефекты и недостатки, с которыми она родилась. Никакого осуждения, только любовь.

Прибавить количество мужчин, почти настолько же горячих, как ее хеллрен? Просто сказка.

Когда закончился фильм и на экране появились титры, женщины захлопали, словно актеры могли слышать их в самой Калифорнии.

– Ты научишь меня такому свисту? – спросил кто-то у Пэйн.

– Просто вставляешь два пальца в рот и дуешь, – ответила женщина.

– Похоже на цитату из фильма, – рассмеялся кто-то.

– Они снимут третью часть...

– Майк Супер Гигант...

– Тогда нужно будет пересмотреть первую и вторую часть... нужно поддерживать эту традицию...

– Кто-нибудь пересматривал недавно «Девять с половиной недель...»

– Что это...

Одна за другой, они встали из мягких кожаных кресел и потянулись, в тусклой комнате без окон захрустели позвоночники, плечи. И было забавно... Мариссе захотелось встрять в разговор и сказать что-то весомое и значимое, как-то обозначить важность происходящего. Но она не могла подобрать нужных слов.

Вместо этого, она сказала:

– Хэй, мы сможем повторить?

Может, именно это она и имела в виду.

Ну, вот так сюрприз, компания оказалась всеми руками «за»: радостные возгласы были такими же громкими, как и гул на танцевальных сценах, и она испытала облегчение при мысли, что это прекрасно проведенное время – не разовое мероприятие.

– Думаю, в следующий раз мы устроим марафон Криса Прэтта. «Стражи Галактики», – сказала Бэт.

– Это парень, который с братом? – спросила Белла.

– Нет, с братом Хэмсворт, – ответил кто-то.

Двинувшись по среднему пролету, Марисса скомкала пустую упаковку «Милк Дадс» и точным броском в обод отправила ее в корзину. Она внезапно осознала, что ей не терпится увидеть Бутча... и не из-за того, что насмотрелась на полуобнаженные тела, она соскучилась по нему... смехотворно, учитывая, что они совсем недавно виделись.

Направившись к двери у стеклянной витрины с конфетами, она открыла ее с улыбкой...

– Милостивый... Боже, – выпалила Марисса, отшатнувшись.

Коридор был заполнен мужчинами, Братья, солдаты и Мэнни сидели на полу, прислонившись спиной к стене, вытянув ноги, скрестив в лодыжках или коленях.

Очевидно, они много выпили, пустые бутылки от водки и виски были разбросаны вокруг, бокалы покоились либо в их руках или на бедрах.

– Ну, все не так жалко, как это смотрится, – заметил Бутч.

– Лжец, – пробормотал Ви. – Именно так оно, черт подери, и есть. Думаю, что сейчас я точно начну вязать, уже по-настоящему.

Когда женщины вышли вслед за ней, каждая из них испытала шок, неверие, а потом изумление.

– Это я один такой, – прохрипел кто-то из мужчин, – или мы тут все устроили массовую само-кастрацию?

– Думаю, это прекрасно описывает ситуацию, – согласился кто-то. – С этого дня я ношу нижнее белье. Кто со мной?

– Лэсситер уже носит, – сказал Ви, поднимаясь на ноги и подходя к Джейн. – Привет.

А потом пришло время для масштабного воссоединения.

Пока пары находили друг друга, Бутч улыбнулся, когда Марисса подошла к нему и протянула руку, чтобы помочь ему встать с пола. Когда они обнялись, он поцеловал ее в шею.

– Сейчас ты меня точно разлюбила? – пробормотал он. – Я же гребаный подкаблучник.

Она прильнула к нему.

– Почему? Потому что ты чахнул по мне, пока я смотрела с подружками пошлое кино, которое, в действительности, было не таким уж пошлым? Я думаю, что, на самом деле – приготовься – оно было вполне милым.

– Я все еще мужик.

Она потерлась о его тело, и, с протяжным мммм, ощутила эрекцию.

– Да, я чувствую.

Когда в воздухе вспыхнул связующий аромат Бутча, он взял Мариссу под локоть и увел глубже в крыло для персонала. Не считая Ви и Джейн, остальным было не так далеко идти: Яма располагалась в другой части внутреннего двора, но сейчас стоял день, а значит, придется спуститься вниз, потом туннель и под землей до самой спальни.

Он столько не вытерпит.

Едва ли.

Первая доступная и свободная комната оказалась незанятой спальней для персонала, с задернутыми шторами, двумя парными кроватями без простыней и очень удобным медным замком.

Бутч не потрудился включить свет, он просто прижал свою женщину к себе и запечатал рот в крепком поцелуе, пинком закрыв дверь и мысленно заперев замок как истинный профи.

– Ты так сильно нужна мне, – прорычал он.

– Возьми меня, – выдохнула она ему в губы.

Идеально, черт подери, проревел его член в штанах. И к слову о выполнении приказов: Бутч проворно подвел Мариссу к кровати, усадил и сам опустился на колени перед ней. Сделав глубокий вдох, он рассмеялся.

– Что? – пробормотала она, с полуопущенными веками, невероятно аппетитная.

– Ты возбуждена.

– Это естественно.

– Не была, когда вышла из кинозала.

– А должна была? Почему? Мы с девчонками просто хорошо провели время. Словно в музей сходили. Ты оценишь искусство, но не понесешь же домой.

– Значит, Я все еще первый среди твоих любимчиков?

– Мой единственный.

Ну, от этого его грудь вздулась как у петуха, член довольно дернулся в штанах. Сверкнув клыками, Бутч сказал:

– Об этом я и говорю.

– Ты ревновал? – спросила она. – К фильму?

– Ага.

Ее смех был таким непринужденным и расслабленным, счастливым, и он надеялся, что они с девчонками соберутся снова, чтобы, да, посмотреть, как сексуальные человеческие парни вращают бедрами на экране, если благодаря этому его супруга способна так расслабиться. Конечно, он не напишет этому Тэннингу Чатуму письмо с благодарностями, но он был более чем признателен женщинам и их дружбе.

Все, кто заботятся о его шеллан, были в его списке.

Сосредоточившись на деле, он раздвинул бедра Мариссы и плавно толкнул ее на кровать. У него была куча планов на последующие два часа, проведенные между ее ног... но его член столько не вытерпит.

Он хотел войти в нее. Сейчас.

Нацелившись на ее брюки, Бутч быстро расстегнул их и стянул с этих длинных, изумительных ног. Потом его ладони поднялись вверх по ее икрам, бедрам. Марисса со стоном раздвинула ноги еще шире, будто хотела этого также отчаянно, как и он, открывая блестящее лоно... и тогда Бутч совсем слетел с катушек.

Достав член, он устремился прямо к ее сердцевине, без преамбулы, без прелюдии... они оба были за гранью.

– Марисса, – простонал он, погружаясь в нее, глубоко, ощущения были одновременно знакомыми и электрическими.

Выругавшись на выдохе, он отпустил себя, и его бедра взяли верх, потираясь, входя, погружаясь... и ему нравилось, как Марисса держалась за его шею и плечи.

– Возьми мою вену, – приказала она.

Его клыки уже выступили из челюсти, и Бутч с шипением раскрыл рот. Укусив ее в свое любимое местечко, с левой стороны шеи, он сделал глубокий глоток, и вкус ее крови вкупе с сексом вынесли ему остатки мозгов.

Но долго он не протянет. Ниже пояса все развивалось слишком интенсивно, слишком быстро. Зализав ранки, Бутч изменил позу, чтобы войти еще глубже... потом обхватил ее бедра и подался вперед, насаживая на себя, так жестко, что металлический подголовник, который бился о стену, и пружинный матрас вторили единой симфонии скрипов.

Он услышал, как добился своей цели: Марисса кончила, его обычное, ничем не примечательное имя вырвалось из ее рта в наполненный сексом воздух... и он хотел остановиться, чтобы почувствовать, как стенки ее лона ритмично сжимали его член. Но он давно потерял контроль. Яйца покалывало, таз перешел в режим автомата, поэтому он мог сдерживать его так же успешно, как остановить биение своего сердца... а член испытывал странную комбинацию онемения и суперчувствительности...

Оргазм вышел таким сильным, что перед глазами замелькал фейерверк, и даже тогда Бутч знал, что еще не закончил.

Он продолжал вбиваться в нее, снова сменив позу, его вес уже держался на пальцах ног и руках, чтобы не раздавить ее.

Еще глубже. Невероятно.

Кровать была в меньшем восторге, начав миграцию по комнате.

Но остановиться было невозможно. Он просто пошел за ней следом... пока каркас услужливо не уместился в дальнем углу.

А вот и упор.

Гребаный ад. Идеально.

Бутч продолжал вбиваться в нее, тело двигалось само по себе, недели... если начистоту, то месяцы... ощущения, что их разделяло что-то, исчезли, словно он вытрахал разделявшую их дистанцию из этого мира.

Куча оргазмов. Того фантастически ужасного типа, когда скрючивает лицо, а по утру, после пробуждения, ниже пояса ждут весьма неприятные последствия.

Когда все, наконец, кончилось, он рухнул на Мариссу. Он хотел перекатиться, чтобы ей было легче дышать. Правда. Хотел.

Нужно перекатиться.

Ага.

Через три... два...

...один.

Но у него ничего не вышло, казалось, будто на позвоночнике припарковали Хаммер.

Марисса скользнула ладошками по его рукам.

– Ты *невероятный*.

Бутч попытался поднять голову. И обнаружил, что тот же паскудник с Хаммером оставил внедорожник на его затылке.

– Нет, это ты. – По крайней мере, именно это он хотел сказать. Из рта вышла речь пережившего инфаркт пациента.

– Нет... это ты, – повторил он.

– Что?

Он мог лишь рассмеяться, и внезапно Марисса рассмеялась в ответ... и тогда Бутч заставил себя слезть с бедной женщины. Она последовала за ним, а потом, после ерзанья они устроились на кровати. Тела все еще излучали огромные волны жара, поэтому им было тепло даже без одеяла.

– Бутч, я люблю тебя, – сказала Марисса.

В крошечной темноте он знал, что она смотрела на него, и ему это жутко нравилось. Он хотел ее безраздельного внимания, жаждал и нуждался на каком-то жалком, к-слову-о-кастрации уровне. Но он никогда не потребует этого от нее... и для нетерпеливого сукина

сына, он был более чем настроен ждать. Но когда что-то дарили по доброй воле? Ее любовь, ее внимание были подарком, к которому он никогда не сможет привыкнуть, как и она сама.

Закрыв глаза, он чувствовал, насколько сильно Марисса любила его... и забавно, что порой, когда состоишь в отношениях, в браке, так долго живешь с любимым человеком, подобные мгновения остаются такими же удивительными и волшебными, как и невероятный миг, когда впервые было произнесено «Я тебя люблю».

– Боже, я тоже тебя люблю.

Сейчас он поцеловал ее мягко и нежно, и не потому, что выдохся... на самом деле, если бы Марисса захотела второй раунд, он бы с охотой пробежал дистанцию. Нет, он целовал ее нежно потому, что эмоциональная связь между ними была одновременно сильной, как стальной трос, и тонкой, словно травинка.

Марисса кончиками пальцев пробежала по его груди.

– Ты бы хотел что-нибудь во мне изменить?

– Невозможно. Идеал невозможно сделать лучше. И нет, никогда.

– Ты милый.

– Такого обо мне точно нельзя сказать.

– Ну, ты милый со мной. – Пауза. – Я могу попросить помочь кое с чем?

– Я буду очень зол, если ты этого не сделаешь.

Опять длинная пауза. Настолько, что он перевернулся на бок и подпер голову рукой. Сейчас он пожалел, что в комнате было мало света, полосы из-под двери не хватало.

– В чем дело?

– Я знаю, как ты занят с работой и учебной программой...

– Стой. Ты серьезно? – Он нахмурился, хотя, наверное, Марисса и не видела. – Ты хочешь сказать, что есть что-то важнее тебя?

Она выдохнула проклятье, словно сдаваясь.

– Ты можешь помочь мне найти убийцу той женщины? Выяснить, кто она, что случилось с ней, кто сделал это с ней?

Он не колебался.

– Да, помогу. Почту за честь.

Ее облегченный вздох послужил еще одним комплиментом, к которым он никогда не привыкнет.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Я собирался сам предложить, но решил уважать твои решения.

– Я не могу оставить ее в безымянной могиле.

– Этого не случится. Я об этом позабочусь. – Он снова нахмурился в темноте. – Но ты должна кое-что иметь в виду.

– Что?

– Я не смогу спустить все на тормозах.

– О, я знаю. Мы будем копать, пока все не выясним.

Бутч покачал головой.

– Я не об этом. У вампирской расы нет полиции. Нет тюрем...

– Есть исправительная колония где-то на западе. По крайней мере, раньше была. Не знаю, что с ней случилось...

– Вот именно. Нет процессуальных норм и наказания за преступления внутри расы. Способа наказать виновного или разобраться с ложными обвинениями. Роф, вернувшийся к традиции аудиенций, очень помогает в решении определенных споров, но он и судья, и суд присяжных одновременно... ничего страшного, пока дело не касается особо тяжких убийств и преступлений. И они еще будут. Это справедливо для любого общества, с клыками или без.

– Тогда что ты хочешь сказать?

Он понизил голос до рыка:

– Если я выясню, кто сотворил это с невинной женщиной, я не оставлю это безнаказанным. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Глава 22

Мучительный. Стояк.

К закату следующего дня, проснувшись от настолько интенсивного, практически осязаемого сна, Крэйга мучил огромный стояк в районе бедер: он лежал на боку, очевидно во сне перевернувшись в любимую позу, рука лежала в трех дюймах от члена... а на задней стороне век мелькало слайд-шоу с фотографиями Пэрадайз, с расчетом на то, чтобы подтолкнуть его к действиям с определенным финишем.

Разумеется, его совесть затеяла перебранку, но заведомо проигрышную.

Но он не станет дрожить в койке. Медсестра проверяла его каждые пятнадцать секунд, и, зная его удачу, она выберет нужное время, чтобы заглянуть в палату и проверить, что он все еще дышит.

Собравшись с силами, чтобы подняться, он...

Двигался без каких-либо усилий. Скинул ноги с кровати. Встал. На самом деле, казалось, он проспал целый месяц.

М-да.

Конечно, это все кровь Пэрадайз. И почему-то из-за этого он начал немного опасаться ее.

Шаг за шагом, он отцепил себя от различных машин и пакетов с жидкостями, а когда раздался вой сирен, начал жать по кнопкам монитора, пока тот не замолк. Потом направился в ванную, включил душ и закрылся внутри, решив, что медсестра вломится сюда как пожарная машина в горящий дом, когда обнаружит, что он покинул койку.

И, да, только он успел скинуть больничную сорочку и встать под струю воды, как раздался стук в дверь.

– Крэйг? – спросила она. – Все в порядке?

– Да. Приму душ и на завтрак.

– Хорошо. Но будь аккуратен... тебе нужна помощь?

Он опустил взгляд на громадную эрекцию, выпирающую прямо из его бедер.

– Нет. Думаю, я сам справлюсь.

– Окей, но ты знаешь, где тревожная кнопка? Дай нам знать, если почувствуешь слабость?

– Да. Спасибо.

Он выждал мгновение, на всякий случай. Когда воцарилась блаженная, без-вопросов-тишина, он взял мыло... но направился не к члену с яйцами. Намыливая грудь и плечи, шею и лицу, ноги и ступни, он дал своему телу возможность одуматься.

Не-а. От ощущения мягкой пены на теле он вспоминал, как сидел на коленях у ног Пэрадайз, лаская ее нежную кожу.

Мытье волос тоже не помогло. А когда воздух ванной переполнился влагой, и он вымыл уже все мыслимые места, Крэйг признал поражение, прекратил переговоры и сдался на волю неизбежного.

– Вот черт, – простонал, обхватывая себя.

Упершись одной рукой в плитку на стене, он наклонился вперед, уткнувшись лбом в предплечье. Поглаживание было чертовски кайфовым... на самом деле, он не мог вспомнить, чтобы раньше мастурбация была настолько невероятной. Это был... рай.

Точнее, Пэрадайз, в его случае.

Жестче, быстрее, пока он не уронил вторую руку и сжал яйца с силой...

С серией вспышек, его член начал содрогаться в хватке, он снова и снова кончал на стенку душевой.

Наконец, обмякнув, он не переставал сыпать проклятиями.

После всего пережитого, почему сейчас? Почему именно сейчас какая-то женщина застряла в его мыслях?

Это все стресс, сказал он себе. Влечение было реакцией на стресс, отвлекающий фактор, на котором он мог сосредоточиться, чтобы окончательно не свихнуться.

Из душа. Вытереться. Потом побриться, дезодорант на подмышки и расческа для волос. Все, он готов.

Черт, ему нужна одежда.

Выходя...

Он обнаружил свободную майку и штаны на койке, а также пару кроссовок, да, его размера. Он рассеянно задумался, сколько комплектов они приготовили для кандидатов. Информация о весе/росте/размере обуви входила в процедуру регистрации, и тем не менее.

Пару минут спустя он вышел за дверь, пересек коридор и зашел в комнату отдыха.

К слову о размахе. Первое, что он увидел, зайдя в помещение – стол, ломящийся от еды, которой можно было накормить целую роту. Тарелки, выстроенные в ряд, ожидающие своей очереди, свернутые салфетки из дамасской ткани с приборами внутри, зона «бара», где можно найти безалкогольные напитки на любой вкус... включая шейкер для молочных коктейлей.

Очевидно, Братство постепенно улучшало их условия.

– Вся еда вполне съедобна, – раздался голос позади него.

Крэйг резко развернулся, вскидывая кулаки, словно готовясь к нападению. Брат Бутч сидел за круглым столом в углу, закинув ноги на пустой стул, тарелка еды стояла сбоку. Аккуратными, выверенными движениями он поднес омлет ко рту, не проронив ничего с вилки.

– Вперед, – сказал он с набитым ртом. – Еда там. Садись рядом. Никакого подвоха.

Кивнув, Крэйг подошел к ряду. И не стеснялся в размере порций... он не представлял, что их ждало сегодня, но догадывался, что запастись энергией – лучшая подготовка к чему бы то ни было.

Он устроился в двух стульях от Брата, с хорошим обзор на дверь: всегда нужно знать расположение выхода. Так он смог пережить нападение лессеров на свой дом.

– Слушай, я не стану ходить вокруг да около, – сказал Брат прежде, чем Крэйг успел поднести вилку ко рту.

Блеск. Значит, Брат все спланировал, зная, что Крэйг ночевал в учебном центре и, вполне вероятно, раньше остальных придет к завтраку.

Нахмурившись, Крэйг забыл о еде и сосредоточился на двери.

– Что?

– Я считаю, что ты должен жить в учебном центре.

– Что? – Он перевел взгляд на Брата. – У меня есть дом.

Парень передвинул ноги так, чтобы оказаться лицом к лицу с Крэйгом.

– Я знаю, где ты живешь.

Что-то взбесило его в этом прямолинейном взгляде, поэтому он устроил шоу из пережевывания пищи.

– Ну да. Я не солгал о своем адресе.

– Там не безопасно.

– Я живу там со времени набегов.

– В этой многоэтажке жалкий водопровод. И там нет укрытия от солнца.

– Я сплю в подвале.

– Пожар быстро исправит дело, заставив тебя выбирать между кремацией в огне или под солнечным светом.

Крэйг разрезал сосиску пополам и закинул в рот.

– Я не перееду.

– Здесь у тебя есть еда и вода, койка. Не нужно ничего платить.

– Мне не нужны подачки. – Так, сейчас он откровенно злился. – Я здесь чтобы научиться сражаться, а не для того, чтобы вы могли потешить самолюбие.

Бутч подался вперед.

– Думаешь, мы тебе задницу подтирать собрались? Серьезно? Думаешь, в этом весь смысл?

– Слушай, мне не нужна...

– Придурок, – отрезал Бутч. – В следующий год мы собираемся инвестировать в тебя пару сотен тысяч долларов, безвозмездно... и ты хочешь пустить все на ветер лишь от того, что у тебя возмущена гордость? Это не благотворительность, и это не обсуждается. Сегодня ночью, после занятий, я отвезу тебя домой, ты соберешь свои пожитки, а потом я верну твой жалкий зад обратно, либо можешь катиться на все четыре стороны. Так, здоровяк, что ты выберешь?

Крэйг длинно и трехэтажно выругался, но себе под нос.

Удар по больному.

– Отлично, – пробормотал он.

Бутч хлопнул его по плечу.

– И чтобы доказать, что я не держу зла на твой кретинизм, я организую тебе ТВ, интернет и календарь на год с фотографиями Рейджа, чтобы было на что пялиться.

На этом Брат встал из-за стола, забрав с собой наполовину полную тарелку.

Значит, смысл его «трапезы» в том, чтобы показать, что еда здесь безопасна.

– До встречи в классе, – сказал Бутч у дверей, предварительно скинув тарелки в раковину. – Аудитория, сегодня вечером. Бомбы, детонаторы, нейтрализация. Клевая тема.

Предоставленный своему прекрасному одиночеству, Крэйг уронил голову на руки.

Планы, а ведь у него были свои планы.

Что за нахрен?

– А что было дальше?

Когда ее отец, задав вопрос, намазал свой мягкий тост мармеладом, Пэрадаиз попыталась сформулировать очередную ложь. Что было сродни попытке застегнуть в темноте рубашку с кучей мелких пуговиц, учитывая, что она проспала всего два часа и не до конца восстановилась.

– Эм... – Она отломила круассан и намазала клубничным джемом. – Ну, после того как мы зарегистрировались, примерно час заняла коктейльная вечеринка.

Блевотная.

– Мы ходили по залу, познакомились друг с другом.

Нас чуть не поубивали электрическим током в темноте.

– Потом плавали.

Нас пытались утопить.

– По завершении была прогулка.

Марш смерти Диккенса.

– Потом всех ждал физический осмотр.

Резаниция при остановке сердца.

– Выдалась трудная ночь, поэтому все остались ночевать там.

Полумертвые и едва дышащие.

– Вот и все.

Чудесно. Она открыла в себе Мистера Подсознание⁵².

Ее отец кивнул.

– Братство было так любезно и сообщило мне... Пэйтон тоже звонил. Они сказали, что ты хорошо постаралась... что ты стала лучшей в классе.

52 Мистер Подсознание (англ. Mr. Subliminal) – герой американского тв-шоу «Субботним вечером в прямом эфире». Данный персонаж закладывал в каждую свою фразу определенный посыл для подсознания. Действующие на подсознание фразы означали истинные отношения героя к тому или иному вопросу, когда он не мог напрямую высказать свое мнение.

– Я сама удивилась.

И до сих пор чувствовала себя потерянной даже в собственном доме. Сидя с отцом, на тех же местах, что и всегда, под той же хрустальной люстрой, с теми же фарфоровыми тарелками и блюдами, под надзором тех же картин маслом с изображением их предков, ей казалось, словно она была в дорогой гостинице, обставленной как в средневековом замке, с персоналом, обученным предугадывать ее желания... в чужой стране.

А еще ее отец.

Абалон сидел во главе длинного, блестящего стола, его красивое лицо сияло от облегчения и гордости... в основном, от облегчения... и от этого ей было еще хуже. Тот факт, что ее ложь возымела желанный, преуменьшающий эффект отдалил ее от отца еще сильнее... к тому же был добавочный слой вины.

Не связанный с учебой.

Было невозможно не вспоминать и не думать с одержимостью о том, чем она занималась с Крэйгом, и что он сделал себе. Часть ее непрерывно проигрывала каждую подробность пережитого опыта, зрительный контакт, звуки, запахи... выражение на его лице, когда он...

Так. Она не станет думать об этом за гребанным обеденным столом.

Но что ей оставалось? Боже, как бы ни было ненавистно признавать, она боялась, что эта интерлюдия, даже на один раз, сделает ее нежеланной парой в глазах Глимеры. Да, в сексуальном плане она была чиста, но Крэйг основательно приложился к ее вене, что стало поводом к определенным... действиям с его стороны.

Воистину, ее бесило, что она даже секунду тратила на мысли о кучке субъективных зазнаек... но сидя здесь, со своим отцом, это было неизбежной ношей.

Невозможно так быстро отмахнуться от своего воспитания.

Особенно когда думаешь о том, какое будущее желает тебе твой ближайший родственник.

– Пэрадайз?

Она встряхнулась и выдавила улыбку:

– Прости, что?

– Дорогая, думаю, достаточно джема.

Опустив взгляд, она обнаружила, что выложила половину банки на кусочек круассана размером с палец. Красная сладкая масса капала на ее тарелку, покрывала нож и руку.

– Вот же неряха. – Она начала вытирать беспорядок. – Так, как прошла твоя рабочая ночь?

К счастью, Абалон углубился в обсуждение работы и грядущего праздника, и она смогла сосредоточиться достаточно, чтобы периодически кивать в нужных местах.

Что Братья устроят им этой ночью? – гадала она. И как, черт возьми, она сможет вести себя естественно в присутствии Крэйга?

Полчаса спустя Пэрадайз надела свою форму, собрала сумку и вышла через парадную дверь, дематериализуясь на место сбора. Автобус уже ждал их на лесистом участке, и дверь раскрылась сразу же, как водитель заметил ее.

Преодолев три ступеньки, она расстегнула куртку и встретила взглядом свой класс. Ново тусовалась в хвосте, заткнув уши наушниками, с айФоном в руках. Бун тоже. Акс снова спал в конце, несомненно, ему снились вещи, которым лучше оставаться в его голове. Энслэм что-то набирал на телефоне, наверное, обновлял статус на «Фейсбук» – «в отношениях с Порше», который подарил ему отец в награду за поступление в учебную программу. А Пэйтон потирал лицо, словно пытался растормошить себя ото сна.

– Привет, – сказал он, когда она подошла к нему.

Пэрадайз села напротив него, с другой стороны прохода, и он сменил положение, прислонившись спиной к затемненному окну и вытянув ноги.

– Ты готова? – спросил он.

– Ответила бы, если бы знала, что нас ждет.

Он стиснул зубы.

– Ладно, сменим тему. Знаешь, что я услышал?

Пэйтон был главным сплетником... всегда. Именно он рассказал ей о новой игрушке в семейном гараже Энслэма, о последнем скандале с участием его двоюродной кузины и том, что она солгала родителям, где ночует в городе, о женщине, которая вышла замуж за какого-то старикана и оргиях с множеством мужчин в гостевом коттедже ее имени.

Но это, должно быть, преувеличение.

– Что? – по крайней мере, разговор отвлечет ее от мыслей о Крэйге. – Можешь рассказывать в красках. Дорога займет полчаса, как минимум.

– Не волнуйся, у меня в запасе полно историй.

– Слава богу. – И это несмотря на все те часы, что они провисели на телефоне днем. – Я упоминала в последнее время, как тебя люблю?

– Да, но если хочешь доказать, то придется сделать ту татуировку.

– Я не стану набивать твой портрет на своей заднице.

– Когда ты будешь проходить мимо, мне будет на что посмотреть.

– Нет, если я буду носить штаны. И, блин, мне стоило оскорбиться на этот комментарий?

– Да, прости, что приходится говорить тебе это, Пэрри, но блондинки с идеальными фигурами и умными голубыми глазами ничего не добьются в этом мире. Пора бы уже привыкнуть к этой печальной правде.

Запрокинув голову, она рассмеялась.

– Ладно, давай свою историю.

– Мой троюродный кузен рассказал, что Бал Двенадцатого Месяца будет проведен в твоём особняке. Черт, почему ты ничего не рассказала мне?

– Я тоже слышал, – встрял Энслэм, не поднимая взгляда от телефона.

Пэрадайз оглянулась. Бун и Ново не могли ничего услышать, Акс спал. Понизив голос, она сказала:

– Пэйтон, давай потише о таких вещах, забыл уже?

Ее друг размял костяшки.

– Прости. Но официально мы с тобой одиночки... а это важное событие. Пойдешь со мной? Или я могу с тобой. – Он одарил ее победной улыбкой. – Развратно звучит, не так ли?

Пэрадайз выразительно посмотрела на него, но не почувствовала себя оскорбленной.

– Свинья. И да, прошу, будь моим сопровождающим. Мне понадобится помощь, чтобы пережить эту ночь.

– Я буду примерным джентльменом... ну, большую часть вечера. Часов до двух ночи. Я напьюсь в стельку. Предупреждаю заранее. Иначе мне не дожить до утра.

Наклонившись к проходу, она протянула ладонь:

– Дай пять.

Когда их руки встретились, Пэрадайз подумала: «Спасибо, Милостивый Боже, по крайней мере, я пойду с другом».

Глава 23

Гребаная Бритни Спирс.

Сидя в конце аудитории, Крэйг мог думать лишь о том тупом доисторическом клипе «Baby One More Time». Он видел эту хрень всего раз, когда старший, прошедший превращение кузен смотрел видео с непонятным Крэйгу восторгом. В то время Крэйг не врубался, как глупая школьница с парой косичек, клетчатой юбкой и открытым пупком может кому-то понравиться.

Сейчас? До него дошло.

– ... запал этого детонатора состоит из азида свинца, стифната свинца и алюминия, и нужно закладывать сюда, в районе основного заряда, в нашем случае этот тетрил. – Когда Бун поднял руку, Брат Тормент кивнул.

– Да?

– Есть другие воспламеняющие заряды?

– Хороший вопрос. Есть диазодинитрофенол, также можно использовать гремучую ртуть с бертолетовой солью. Но в Братстве пользуются АСА⁵³.

Лекция продолжилась, Тор – так представился Брат – объяснял им основы изготовления бомб... и Бун, ответственный за поднятую руку, время от времени прерывал его с очередным «хорошим вопросом».

Если бы парень не был так хорош в рукопашке, а в другое время молчаливым и неконфликтным, его можно было отнести к разряду всезнаек.

Тем временем, его правое и левое полушария танцевали польку, и он наблюдал, как поочередно загорались лампочки творческая половина/аналитическая половина.

Его аналитическая сторона была погружена в происходящее в начале аудитории, где на длинном столе были разложены химические смеси разных форм и в разных контейнерах, а доска на стене была исписана каракулями и схемами.

«Творческая» сторона или «кобелиная сущность, забитая пошлостями», заставляла смотреть на Пэрадайз. Она сидела впереди, за столом справа, и в отличие от него, девушка была очень сосредоточена: она сидела, подавшись вперед, поглощенная информацией, и что-то записывала в своем блокноте.

Часть ее волос была убрана назад и собрана в свободный узел, перетянутый какой-то плотной черной резинкой, на ней была такая белая форма как для восточных единоборств. Но, гребаный Ад, с таким же успехом Пэрадайз могла сидеть в стрингах и с распущенными волосами, разметавшимися по ее плечам и груди...

Прекрати.

Хрен тебе, – ответило либидо.

Блеск. Сейчас он окончательно отвлекся и спорил сам с собой. Если не завязать с мыслительными процессами, то в его черепе разразится катастрофа, по масштабам сравнимая с «Тримайл»⁵⁴.

И, вот неожиданность, он снова пялился на нее.

Корень его проблемы – не считая оргазмов в душе – ее затылок.

Кожа на затылке должна быть такой же мягкой, как и на ее ноге.

Должна быть.

Поерзав на стуле, Крэйг тайком запустил руку под парту и поправил штаны. Ад и преисподняя. Ему на самом деле нужно покончить с этим дерьмом.

И, даже заставив себя посмотреть на Тора и прислушаться к лекции о бомбах, он представлял, как поднимается со стула, заходит к Пэрадайз со спины и скользит губами по бледной коже между линией волос и воротником свободной белой футболки...

– Крэйг?

– Что? – пискнул он Тору. Потом, прокашлявшись, попытался вернуть более мужественный голос: – В смысле, что?

– Подойди сюда и расскажи нам про это.

Крэйг посмотрел вниз. И представил, как его стояк натянет штаны перед всем классом, если он встанет из-за парты. Огромный. Как цирковая палатка. Ага.

А потом он почувствовал на себе взгляд Пэрадайз... и его член дернулся с такой силой, что подпрыгнули бедра.

Точно. Учитель имел в виду не такую детонацию, это наверняка.

53 Сокр. от «азид свинца, стифнат свинца и алюминий»

54 Авария на атомной станции «Тримайл-Айленд» в 1979, в результате которой произошел частичный расплав урановых стержней. Сегодня понятие стало синонимом крупной катастрофы в атомной энергетике и из технического языка вошло в разряд бытовой лексики.

– Крэйг?

Когда неловкая пауза заставила замереть весь класс, Пэрадайз собралась с духом и оглянулась через плечо.

Она болезненно осознавала то место, которое занял Крэйг, чувствовала так, словно достала пудру и навела зеркало, чтобы смотреть одновременно и на него, и на учителя. Бред какой-то. Она была уверена, учитывая его «не с тобой и не сейчас» речь с прошлой ночи, что он точно не думал о ней... поэтому казалось смехотворным тратить и секунду на мысли о парне, если они не касались обучения.

К тому же, он ничем не пытался привлечь к себе внимание.

В отличие от других учеников. Бун задавал кучу вопросов... начав с «Почему нельзя делать заметки на ноутбуке?», на что Брат ответил «Потому что от долбёжа по клавиатуре моя рука сама тянется к пистолету. Желаеть схлопотать пулю в череп к концу занятия?». И заканчивая последним вопросом пару секунд назад, который, честно говоря, был полезен для класса.

Бун был очень умным.

Акс просто сидел сам по себе, соединив пальцы рук в форме конусу, брови низко опущены, он ничего не записывал... но мрачная аура заявляла о его присутствии в аудитории, хотя парень не произнес ни слова. Ново тоже была немногословна, но когда что-то говорила, то слушали все. И Пэйтон, да, Пэйтон периодически отпускал шуточки.

И все же ее внутренняя антенна была настроена именно на Крэйга, молчаливого, задумчивого Крэйга.

И, п.с., она не могла понять, почему, черт подери, он не вставал.

И дело не только в этом. Он сидел там, как олень в свете фар, уставившись на классную доску, словно забыл, как это вообще – встать со стула.

– Крэйг? – позвал Тор. – Ты вышел из реальности? Забил на меня?

Пэйтон встал на ноги.

– Можно я попробую? – спросил он, выходя из-за парты и направившись к доске, мимо стола со взрывчаткой. Он поднял кусок мела, словно мертвого паука, и посмотрел на Брата: – Я думал, что эту хрень запретили на рубеже веков?

– Хочешь, чтобы я писал на доске твоим носом? – протянул Тор.

– Вам разрешено говорить такое студентам?

– А ты достаточно хороший боец, чтобы помешать мне?

Пэйтон покачал головой.

– Нет. И близко не стоял.

– Умный ответ, сынок. Далеко пойдешь. – Тор хлопнул его по спине. – Почему бы тебе не спасти твоего стеснительного друга на задней парте и не показать всем, что ты знаешь?

Пэрадайз снова опустила взгляд на записи в тетради. В начале ночи ей было трудно войти в комнату отдыха, где собрались все, и попытаться вести себя естественно в присутствии Крэйга. Он, с другой стороны, казалось, не смутился при ее появлении и вообще никого не замечал... он почти никому не смотрел в глаза и произнес от силы три слова.

Все как она ожидала. Но, тем не менее, учитывая, сколько она сил прикладывала, просто чтобы ровно дышать в его присутствии, это казалось несправедливым.

Вернись он-лайн, сказала она себе. Нужно сконцентрироваться на обучении. Это не только уместно и более продуктивно, но и являлось причиной, по которой она сидела в аудитории... это также не даст ей сойти с ума.

И она почти преуспела.

Спустя два часа им разрешили встать, размять ноги и сходить в туалет. Пэрадайз собиралась в женскую раздевалку одна, но к ней присоединилась Ново.

– Можно, я спрошу кое-что? – сказала женщина, толкнув дверь и придерживая ее, пропуская Пэрадайз вперед. – О личном.

– Ну... да. – Она выбрала одну из пяти кабинок, стянула штаны и уселась на унитаз... пытаюсь не сосредотачиваться на том факте, что она и относительно незнакомая женщина собирались писать в одном месте. – Что такое?

Давай же, сказала она мочевого пузыря.

Как правило, у Ново не было проблем. У женщины, наверное, вообще никогда не возникали проблемы, ни с чем.

– Ты когда-нибудь спала с женщинами?

Пэрадайз резко повернула голову к стене кабинки. Первая мысль? Дерьмо, с таким же успехом можно было натягивать штаны. После такого она точно не справит нужду.

– Я шокировала тебя? – спросила женщина со смешком, прежде чем Пэрадайз успела покраснеть.

Раздался шум открытой металлической двери, потом – бегущей воды.

– Алло? – позвала Ново.

– Эм... – Пэрадайз оглянулась по сторонам, словно металлические стенки кабинок персикового цвета, белый потолок или бледно-серый пол помогут ей выкрутиться.

– На самом деле, я ни с кем еще не спала.

– Да, я так и подумала.

Пэрадайз нахмурилась.

– Тогда почему спрашиваешь?

– Люблю, когда мои догадки подтверждаются.

Уткнувшись взглядом в серую плитку под ногами, Пэрадайз подумала, «Что за черт?».

– А ты? В смысле, с женщинами?

– В прошлом. И с мужчинами. Не важно, кого я люблю. Пол не важен.

– Вау.

Голос Ново приобрел резкие нотки.

– В этом нет ничего неправильного, ты в курсе?

– Нет, я не... я не критикую и не осуждаю. Я просто думаю...

– Что это грязно и плохо, да?

Пэрадайз подумала обо всех ограничениях, в которых жила, будучи аристократкой. И потом представила, каково это будет, просто быть собой, без объяснений и полумер.

– Нет, – ответила Пэрадайз. – Я думаю, что это прекрасно.

И, вот неожиданность, на этой ноте, она справила нужду. Смыв воду, она открыла дверь и с удивлением обнаружила, учитывая тишину, что женщина все еще стояла у раковин.

Ее лицо было внимательным, словно она хотела оценить, насколько Пэрадайз была честна.

Пэрадайз смело встретила ее яркие зеленовато-голубые глаза, подойдя к раковинам и сполоснув руки теплой водой с лимонным мылом.

– На самом деле, я завидую тебе, – пробормотала она, смотря на свое отражение в зеркале.

Отсутствие макияжа и флуоресцентные лампы – не лучшее сочетание, когда пришлось провести два дня без сна... пережить тщательно спланированную пытку.

– Чем ты от меня отличаешься? – спросила Ново.

– Что, прости?

– Если тебе нравятся женщины.

– О, нет. – Она вспомнила свою реакцию на Крэйга. А потом насладились мысленными снимками той руки, двигавшейся под простыней. – Да, я предпочитаю мужчин.

Ново пожала плечами, выпрямившись.

– И тем не менее. Чем ты от меня отличаешься?

Пэрадайз уставилась на свое отражение, думая о своей кровной линии. Об отце.

– Долгая и скучная история.

– Долгие истории, которые не хочется рассказывать, как правило, не бывают скучными.

Заметив перемену в ее голосе, Пэрадайз посмотрела на женщину. Ново уперлась взглядом в дверь ванной комнаты, ее сильное тело напряглось, руки стиснули края раковины так, что побелели костяшки.

– Что с тобой произошло? – прошептала Пэрадайз.

Ново встряхнулась.

– Ничего, что бы имело сейчас значение. Мы идем в качалку, да?

– Они так сказали?

– Да.

Пэрадайз, видимо, была занята, созерцая, как Крэйг выходил из аудитории.

– Я схожу с ума.

– Все нормально. Сполосни лицо холодной водой. Вернешься к реальности... мне всегда помогает.

Пэрадайз смотрела вслед женщине... а потом повернула синий вентиль на кране.

Можно попробовать.

Может, вода также остудит ее либидо.

Глава 24

Сидя в офисе за столом Тора, Бутч поставил длинный тонкий металлический ключ с красной кисточкой на край... и позволил вещице свалиться на блоттер. Гравитация сделала дело с внушительным бряканьем. Выругавшись, он поднял ключ, поставил на другую сторону... и снова уронил. И снова. И снова...

– Ты готов?

– Он посмотрел на Тора, который заглянул через стеклянную дверь. – Привет. Да, конечно. Кого отправишь первым?

– Аксвелл. Решил, что лучше начать оценку с того, кто больше всего подходит под категорию социопата.

– Идеально. – Бутч повернулся к компьютеру и нажал пару кнопок, включая запись на скрытой камере. – Выдерни его прямо с тренировки.

– Заметано.

Когда стеклянная дверь закрылась, Бутч просто принялся наблюдать, как пальцы снова затеребили ключ с кисточкой. Он не хотел говорить Мариссе, но для него и Ви было вполне очевидно, что это такое. В чем проблема? Интернет ничем не помог. Ви подергал за ниточки в вампирском подполье... но также не всплыло ничего, связанного с секс-клубами или группировками.

Ключ для входа в рай, чтобы кайфануть там на полную. Образно выражаясь.

В обычное время, Бутч бы задумался, а не врут ли они, или, может, скрывают что-то, но Ви был законным членом волшебной страны извращений... к тому же, брат не гнушался использовать силу для получения информации, в случае необходимости.

Еще одна причина, почему они так хорошо ладят.

Чем еще это может быть? Где еще он может...

Услышав стук по стеклу, Бутч поднял голову и жестом пригласил войти.

– Здорово, приятель. Заходи, садись.

Когда Аксвелл вошел, парень руками провел по штанам, будто привык прятать их в карманах джинсов, а в тренировочных штанах было невозможно удовлетворить данный импульс.

– Я могу постоять?

– Не-а. – Бутч кивнул на стул напротив стола. – Сюда. И это не предложение, а приказ.

Лицо новобранца должно располагаться анфас к камере за его спиной.

Аксвелл... или Акс, как он называл себя... скрестил руки на груди и плюхнулся на стул. – В чем дело?

– Просто хотел поболтать с тобой. Узнать получше. – Бутч нахмурился и подался вперед. Потом помахал ключом за красную кисточку. – Узнаешь это?

– Нет.

– Тогда почему неводишь взгляда?

– Потому что он в твоих руках, и больше там ничего нет. На столе тоже пусто.

Бутч взял кисточку между большим и указательным пальцем и покачал ключ на весу.

– И это единственная причина?

– По мне видно, будто мне есть какое-то дело до ключей?

– Откуда ты узнал, что это ключ?

Аксвелл, не отрываясь, посмотрел ему в глаза глазами, почти такими же желтыми, как и у Фьюри.

– А что еще это может быть?

– Ты мне расскажи.

– Я думал, ты хотел познакомиться. Какое, черт возьми, я имею дело к этой непонятной хрени?

Бутч рассматривал лицо паренька, в поисках того, что может его выдать. Ага. Даже за татуировками на пол лица и пирсингами видно, что парень мог быть вполне симпатичным. И, судя по его непроницаемой маске, он мог неплохо играть в покер.

Акс придвинул рожу почти вплотную к ключу.

– Я все еще смотрю на него. Как, работает?

Бутч с удовольствием тянул время, не меняя темы. В чем фишка с лжецами? Время и бездействие зачастую подвергало серьезному испытанию их маску, и Бутч ждал тика, моргания, подергиваний.

В конце концов, он улыбнулся.

– Ты когда-нибудь видел, как кто-нибудь умирает?

Такого вопроса не было в списке, который ему вручила Мэри, чтобы подтвердить психологическое состояние. Но он был хорош в импровизации.

– Что ты имеешь в виду?

Образ Мариссы, рыдающей над мертвой женщиной, сделал его агрессивным, словно бык, но он придержал коней.

– Просто спрашиваю. – Бутч посмотрел на ключ, давая парню немного «личного пространства». – Хороший способ узнать тебя получше, не так ли? Сломаем лед, как порой говорят, когда люди встречаются на слепом свидании и заводят разговор.

– Ты хочешь узнать, убил ли я кого-нибудь в своей жизни.

– Не тот вопрос, не так ли? Я спросил, ты когда-нибудь видел смерть?

Не получив ответа, Бутч поднял взгляд. Акс больше не смотрел на ключ. Парень сфокусировался на пространстве перед своим носом.

Попался, подумал Бутч.

Намеренно смягчая голос, он пробормотал:

– Аксвелл, кто это был?

– Не называй меня так.

– Почему, это твое имя.

– Я не стану отвечать.

– Почему?

На Бутча направили откровенно злой взгляд, словно дуло пистолета.

– Не отвечу и все!

– Ладно, вернемся к старухе с косой. Расскажи свою историю.

– Пошел ты.

При других обстоятельствах за такое отношение Бутч бы кинулся через стол и схватил ублюдка за шею, но нужно было кое-чего добиться от парня.

– Хммммм, – он всего лишь протянул в ответ.

Акс с силой откинулся на спинку стула и снова скрестил руки. Когда его плечи вздулись, было трудно не одобрить массив мускул. Сила без мозгов и полное отсутствие психической уравновешенности не принесет им ничего хорошего.

– Сейчас я свободен? – требовательно спросил Акс.

– Нет, сынок, я так не думаю. И прежде чем ты начнешь дуться на меня, я хочу отметить, что это чудесное свидание – как минимум первое из трех.

– Ты – мозгоправ?

– Черт, нет. Шутишь что ли? – Он рассмеялся. – Более того, я горжусь своим собственным видом безумия.

В конце концов, он был очень религиозным, вкладывая свою веру и судьбу в руки религиозной системы, которая не была достоверно подтверждена. Это ли не дурь?

С другой стороны, его религия обогащала его смертную оболочку, направляла его и вносила смысл в его жизнь даже после «превращения» в другой биологический вид, и это служило достаточным доказательством.

Пожав плечами, Бутч сказал:

– Единственный способ выйти из этого офиса – рассказать, что произошло. Как только – так сразу можешь вернуться в зал и качаться до тошноты и слабости в коленях. Прекрасные перспективы, не так ли?

Крэйг думал, что сидеть позади Пэрадайз было хреново? Это ничто по сравнению с ее подтягиваниями.

В другом конце матов, и под аккомпанемент бряканья весов, Пэрадайз поднимала свое тело в идеальном положении, касаясь перекладки подбородком и потом опускаясь... поднимаясь... и опускаясь. Ее колени были согнуты до параллели с полом, ее задница была... до боли напряженной (до его боли, не ее, очевидно же), и она контролировала мышцы торса от пресса и до плеч.

Каждый раз, когда она оказывалась в нижней точке, ее груди выпирали в свободной футболке, которую носили все они...

– Дерьмо, – Крэйг с ворчаньем лег на скамью и ухватился за гриф над головой.

Сняв четыреста пятьдесят фунтов со стойки, он опустил вес до груди, потом оттолкнул вверх так, словно штанга оскорбила его покойную матушку.

– Подстраховать? – спросила Ново.

Когда он смог ответить только хрипом, она встала позади его головы, поддерживая руки под сейчас опущенной штангой.

– Три... – считала она. – Еще два. Один... хорошо. Молодец.

Когда она помогла вернуть вес на подставку, руки рухнули на грудь, и он перевел дыхание.

Лицо Ново показалось в поле его зрения.

– Думаю, тебе надо сделать перерыв.

– Ну на хрен.

– Я серьезно.

– Меня хватит еще на четыре подхода как минимум.

– Твоя выносливость заботит меня меньше всего. – На этом она опустила взгляд на его бедра. – Я, конечно, наслаждаюсь картиной. Но не уверена, что подумает девственный объект твоих нежных чувств.

Крэйг поднял голову. Потом быстро сел.

Ново рассмеялась.

– Да, почему бы тебе не позаботиться о себе, а потом уже вернуться?

– Черт, – прошипел он, подсакивая на ноги.

На пути к двери он бросил взгляд на Брата Вишеса:

– Мне нужно в уборную.

– По тебе заметно, – мрачно рассмеялся Вишес.

Толкнув дверь в коридор, он гадал, заметил ли кто-то еще его стояк. Единственная хорошая новость? Пэрадайз казалась рассеянной... и значит, либо она невероятно хорошо скрывала свои эмоции, в чем он сомневался, либо до нее не доходила его маленькая проблемка, как он и надеялся

В данном случае он чувствовал себя тройным мудаком.

Крэйг толкнул дверь в мужскую раздевалку с такой силой, что та влетела в стену, и поймал ее рукой прежде, чем панель треснула его по морде на обратном пути.

– Не это, только не это.

Расхаживая по комнате, уперев руки в бедра, он осознал, что ему вообще не следовало брать ее вены. Этот обмен кровью создал некую связь между ними, так, что он осознавал каждое ее движение, где бы она ни находилась... и, учитывая как именно он улавливал это?

Мистер Счастливчик с нетерпением ждал возможности пожать ей руку.

Чего. Никогда. Ни за что. Не случится.

Опять ходьба. Еще ругань.

По-прежнему твердый.

– На хрен все! – заорал он.

О да, пожалуйста, ответил член, дернувшись.

Какое-то время целая куча фантазий проносилась в его голове: треснуть по штучке тяжелой книгой. Уронить цементный блок. Дверь автомобиля, молоток, бревно.

Это не могло происходить с ним. Самой сложной частью в становлении солдатом под руководством Братства, чтобы отомстить за свою семью... не могла стать какая-то блондинка. Он отказывался в это верить.

Невозможно...

Его член, казалось, смеялся над ним, снова дернувшись в штанах.

Опустив взгляд на штаны, он рявкнул:

– А ну заткнулся!

Глава 25

Бутч следил за каждым движением парня. От серии мускульных спазмов под левым глазом Акса и чесавшегося подбородка и до хруста затекшей шеи.

– Расскажи, и я отпущу тебя, – повторил он.

Блин, в ОПК было легче. Правило Миранды⁵⁵? Да, плевать. Незаконное задержание? Бла-бла-бла. Применение силы?

Ну, на самом деле, он еще в те деньки практиковал насилие во время допроса.

Он вспомнил Билли Риддла, который напал на Бэт перед тем, как она попала в мир вампиров и утянула Бутча за собой. Блин, ему, правда, понравилось втирать сукина сына носом в линолеум. Хм... технически, это не был насильственный допрос... потому что он не стремился получить информацию. Это была откровенная месть за то, что ублюдок наехал на невинную женщину в темном переулке, пытаясь изнасиловать вместе с друзьями.

Да, потому что до подобного животного можно достучаться только с применением грубой силы.

Говнюк.

Фокусируясь на Аксе, Бутч пробормотал:

– Я жду.

55 Правило Миранды (англ. Miranda warning) — юридическое требование в Соединённых Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

Акс пожал плечами.

– Выгони меня, если хочешь, делай что угодно... но я не обязан тебе. Ты не смеешь лезть ко мне в душу... не заслужил.

Звучит логично, подумал Бутч... он бы сам сказал то же самое, сидя на его месте. Бутч подался вперед.

– Рано или поздно, до официального зачисления, тебе придется все рассказать.

– Тебе какое дело?

– Никакого.

Ну, на его слова парень выпучил глаза.

– Тогда с какого хрена спрашиваешь?

Бутч уперся локтями в стол и махнул руками в жесте «тоже мне».

– Мне нужно знать, как ты справишься с этим, если опять столкнешься. Вот почему. И оценка будущего поведения – оценка прошлого поведения. То, что ждет вас здесь, в учебном центре, даже близко не сравнится с внешним миром. Ты должен быть готов к ситуациям, когда не будет времени на раздумья, когда тебе придется спасти свою жизнь или жизни твоих товарищей, и все, что у тебя будет в распоряжении – твои инстинкты и воля к жизни... и я гарантирую тебе, в такие моменты последнее, что тебе захочется, – это полный ступор. Чем сильнее ты открыт травмирующим событиям прошлого, тем более закаленным ты становишься, и тем безопаснее для тебя. Дебильное уравнение, но это правда, черт подери.

Акс опустил глаза на свои руки.

– Возвращайся в качалку, – велел Бутч. – Подумай об этом. Но знай, что у тебя мало времени. Мы не станем тратить...

– Я солгал.

– Что, прости?

Весь из себя крутой, мужчина с внешностью гота и дегенерата сделал медленный вдох.

– Я не видел смертей. Не знаю... как это выглядит. Я не знаю, каково это.

Изменение в поведении, с враждебной маски к глубокой печали, тревожило, но так всегда бывает. Когда кто-то ломался, решал снять маску, становясь другой версией себя, самозащита и откровенность становились взаимоисключающими понятиями.

– Тогда почему ты здесь? – прошептал Бутч. – Расскажи... почему ты пришел к нам?

– Не знаю.

– Нет, знаешь.

Бутч незаметно протянул руку и убедился, что телефон стоял на беззвучном режиме, а офисная трубка была снята. И когда Тор показался по ту сторону стеклянной двери, Бутч поднял ладонь... и Брат ушел.

– Почему ты здесь, Акс?

Минуты тянулись с черепашной скоростью, тихие шорохи в офисе, казалось, из уважения стали еще тише.

– Мой отец был никем, – раздался хриплый голос. – Он ничего не добился в жизни. Он был плотником, ну... работал руками. Ма не хотела иметь ничего общего с нами... она ушла еще до моего превращения. Ей было плевать на нас. Но мой отец, он остался, и без него я бы оказался на улице, а всем известно, как долго там протянул бы претранс. – Темноволосый, с разукрашенным 50-на-50 лицом парень медленно покачал головой. – Я не был... нормальным, понимаешь? Никогда. Наверное, он не ушел, потому что у меня никого не было.

Бутч не двигался, не издавал ни звука. Если он вмешается, то может напомнить парню о том, что тот говорил, а не просто внутренне переживал прошлое.

Было очевидно, куда шла история.

– Я люблю героин. Кокс. Прочее... хардкорное дерьмо. Два года назад я ушел в загул. На неделю. В одну ночь отец пытался связаться со мной по телефону. Оставил мне сообщения... я был в таком угаре, что взбесился на него. – Низкий голос затих. – Я... взбесился.

Акс замолк, и на лице появилось затравленное выражение, на что было больно смотреть.

– Сынок, что ты сделал? – тихо спросил Бутч, не сдержавшись.

Акс прокашлялся пару раз. Потер кожу под носом, словно он чесался от сдерживаемых слез.

– Я удалил сообщения. – Он пару раз прокашлялся. – Я удалил... все сообщения, даже не прослушав их.

– Что было дальше?

– Они убили его. Лессеры. Он работал в доме каких-то аристократов, когда случились набеги. Он... умирал, когда оставлял мне те сообщения. – Акс покачал головой. – Я вернулся и просмотрел журнал вызовов, когда обнаружил, что случилось, и тогда сложил два плюс два.

Бутч на мгновение закрыл глаз.

– Сынок, мне очень жаль.

– Я узнал не сразу... похоже, сын одного из работяг отправился туда и обнаружил всех? Тот парень, кем бы он ни был, позаботился... обо всем. Когда я, наконец, вернулся домой... ну, три дня спустя... на двери была записка. Кто-то звонил на домашний телефон, оставил сообщения, но не получив ответа, они оставили все... в записке.

– Жестко. Чертовски жестоко.

– Я сохранил записку. – Шмыгнув носом, Акс покачал головой. – У меня есть записка, которую они оставили. Останки до сих пор в том особняке... наверное, сейчас им владеют люди?

– Ты хочешь вернуть их?

– Не знаю. Нет. Нет, не думаю. Еще один способ почувствовать себя плохим сыном.

– Где твоя мама?

– Слышал, она добилась успеха, вышла за какого-то богача, хорошо зажила. Не знаю... мне все равно. – Когда мужчина резко поднял взгляд, лицо Акса вернуло себе прежнюю собранность, лишилось всяких эмоций, замкнулось, словно от непрошенного гостя. – Так что, нет, я не видел смерть вблизи. Эту вишенку я еще не сорвал. Сейчас я свободен?

Бутчу казалось, что он должен сказать что-то существенное. Но Акс хотел уйти, а не поболтать по душам. – Да. Свободен.

Он толкнул стул назад, дерево заскрипело по бетонному полу, и потом Акс бросился к двери. Перед тем как открыть ее, он остановился. Посмотрел через плечо.

– На что это похоже?

– Смерть? – Увидев кивок, Бутч сам сделал медленный вдох. – Уверен, что хочешь знать об этом дерьме?

– Ты сам сказал, что нам нужно иметь представление.

Один-ноль в твою пользу, хотел сказать Бутч. Но вместо этого он представил, как парень возвращается в скромный дом, в котором жил в одиночестве, чтобы напиться и вскрыть себе вены. Вколоть смертельную дозу. Или выпрыгнуть из окна.

Нельзя сказать наверняка, учитывая громадную боль, что виднелась за частичными татуировками и металлом.

– Ты переедешь сюда. – Бутч потер золотой крест на груди. – Крэйг будет жить с нами, ты тоже должен.

– Что, боишься, что я повешусь в ванной?

– В точку. – Когда Бутч посмотрел поверх стола, темные брови парня снова взметнулись вверх. – Акс, ты останешься здесь. Так безопасней, ты будешь под защитой и сможешь сконцентрироваться на деле.

Конечно, он начнет спорить. Такие упрямцы всегда...

– Ладно, но периодически мне нужно пару ночей для... ну, ты знаешь.

Интересно, подумал Бутч. Значит, несчастный сукин сын на каком-то уровне осознавал творившееся в голове дерьмо... и был напуган.

– Вопрос в сексе? – протянул Бутч.

– Да.

– Не виню тебя... можешь договариваться с додженем, чтобы тебя увозили. Это не станет проблемой.

– Так... каково это?

Бутч затих и уставился перед собой, на пронесившиеся картины... жуткие, страшные картины... в своем мозгу. На мгновение он задумался, стоит ли рассказывать пареньку, но потом понял, что такую правду необходимо произнести вслух, какой бы страшной она ни была. Может, если она была ужасной, то это жизненно необходимо.

И ее нужно рассказать тому, кто хотел участвовать в этой войне.

Если у Акса не получится справиться со своими демонами, то худшее, что они могут сделать для всех – дать ему пистолет с кинжалом и послать в переулки Колдвелла.

Бутч пожал плечами.

– Когда-то я служил в убойном отделе человеческой полиции... не спрашивай... поэтому я многое повидал. Отвечая на вопрос: в зависимости от срока давности и обстоятельств. Свежее убийство... особенно жестокое... грязное дело. Части тела не любят, когда их режут, прокалывают или нарезают на кусочки, и в отместку создают кучу грязи. Господи, мы же на семьдесят процентов состоим из воды? Ты осознаешь это, когда оказываешься на свежем месте преступления. Море крови. Подтеки. Пятна. Еще есть грязная одежда, ковры, простыни, стены, полы... или, если на улице, то земля, бетон, асфальт. А еще запах. Кровь, пот, моча и прочее дерьмо. Сочный букет на долгие часы заполонит твой нос. – Он снова покачал головой. – Старые случаи... запах хуже всего. Вздувшиеся утопленники просто уродливы... а если накопленный газ выходит? Вонь сбивает тебя с ног. И, не знаю, погорельцы не лучше. В такие моменты осознаешь, что ничем не отличаешься от других животных... поджаренное мясо – оно и в Африке пожаренное мясо. Но я никогда не видел, чтобы вполне себе взрослый мужчина выблевывал кофе с пончиками на обычный стейк. – Бутч посмотрел на парня. – Знаешь, что я ненавидел больше всего?

– Да.

Он указал на голову.

– Волосы. Волосы... Господи, гребаные волосы, особенно женские. В крови, грязи, с камешками... спутанные, свалявшиеся... на серой коже. Ночами, когда я не могу уснуть, я вижу именно волосы. – Бутч на автомате начал потирать руки. – Знаешь, всегда приходится носить перчатки.... Чтобы не оставить своих отпечатков после себя. В старину использовали латексные, позже перешли на нитриловые. И порой, когда осматриваешь тело, волосы прилипают к перчаткам... словно хотят забраться внутрь тебя. Словно... от убитого можно заразиться смертью. – Он покачал головой. – Эти перчатки чертовски тонкие. И они не помогают.

Акс нахмурился.

– Тогда зачем ты носил их?

– Нет, с отпечатки все нормально. Но я всегда оставлял частицу себя на тех телах. В каждом из них... остался я.

Начиная с моей сестры, подумал он. И, если быть точнее, она забрала от него самый большой кусок.

Повисло молчание.

– Ты жил в человеческом мире? – спросил Акс. – В смысле... звучит так, будто ты был...

– Да, давно. Сейчас... я кое-что особенное. – Бутч прокашлялся. – Давай, дуй отсюда. Тебе нужно на тренировку. Ты, я и Крэйг заедем за твоими шмотками... может, мне будет легче, если ты будешь в машине с тем сукиным сыном. Кажется, мне придется постараться, чтобы не дать ему выпрыгнуть из окна и дать деру.

– Да. Конечно. Не вопрос.

– Мне жаль твоего отца. И он не был ничтожеством. Он заботился о тебе, поэтому был очень важным.

Отвернувшись, Акс снова помедлил, словно собирался с духом. Потом толкнул дверь и вышел в коридор.

Когда стеклянная панель тихо захлопнулась, Бутч уставился перед собой. Он не хотел так открываться перед мужчиной... ни с кем не обсуждал это дерьмо раньше.

Положив голову на руки, он сделал несколько глубоких вдохов... молясь, чтобы остальные собеседования не были похожи на первое.

Глава 26

Пэрадайз, наконец, поставила ноги на пол, но не отпустила турник. Легкие горели, плечи и бицепсы кричали в возмущении, а по задним лямкам ее спортивного топа на спину стекала струя пота. Но, что классно, она узнала, что это чувство недомогания быстро проходит, и потом она сможет начать следующий подход.

Поискав взглядом Пэйтона, она обнаружила его на беговой дорожке и была впечатлена увиденным. Он бежал как бешенный, его огромное тело пребывало в отличной форме, голова поднята, взгляд отсутствующий, но острый. Она никогда не считала его атлетом... с другой стороны, до этого он поднимал только кальян для травки.

Вопрос в том, где...

– Хэй.

Ново подошла к ней, и Пэрадайз улыбнулась.

– Круто ты с подъемом корпуса. Сделала сколько, пятьсот?

– На самом деле, пятьсот восемьдесят два. Слушай, Крэйг только что вышел. Он выглядел расстроенным. Я подумала, что ты захочешь помочь ему с его проблемой.

Пэрадайз повернулась к двери, но потом остановила себя.

– Я не... в смысле, я с ним не так близко знакома.

– А кто из нас? И я уверена, ты – единственная, с кем он захочет поговорить.

– Почему это?

– Интуиция подсказывает.

– А... ну ладно, спасибо.

Направившись к выходу, она посмотрела на Брата Торmenta:

– Я могу посетить дамскую комнату?

– Да, конечно.

Выскользнув в коридор, она посмотрела влево и право, ожидая найти Крэйга расхаживающим туда-сюда или сидящим на полу. Не-а. Пусто.

Ее тело хорошо остыло на пути к мужской раздевалке. Делая вдох, Пэрадайз уловила его запах, понимая, что он внутри... и, не почувствовав больше ничьего запаха, она потянулась к металлической ручке и постучала.

– Крэйг?

Не получив ответа, Пэрадайз потянула дверь и уперлась взглядом в бетонную стену. Заглянув внутрь, она обошла ее, оказавшись в большой открытой комнате с кабинками. Вау. В десять раз больше женской, но без диванов и удобного места, чтобы сделать прическу и макияж. При необходимости, конечно.

Блин, она так нервничала, что думала о всякой ерунде.

Что-то новенькое.

– Крэйг? – позвала она чуть громче.

Послышался шум бегущей воды... в раковине, не в душе... и она прокашлялась.

– Крэйг!

– Черт возьми!

Ругань продолжалась, пока он не вышел из отдельной секции ванной. С его лица и рук стекала вода, на футболке виднелся мокрый полукруг в районе шеи.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил он, запустив руку в мокрые волосы, зачесывая их назад.

Боже, его глаза были невероятными, глубоко посаженные и прозрачно-голубые. Плечи – такими широкими. А его грудь...

– Ново сказала, что тебе нужна помощь.

– Что она сказала?

– Она попросила тебе по...

– Нет... нет. – Он провел рукой по воздуху, словно стирая собственный вопрос. – Зачем ей... – Крэйг замолк. Потом пробормотал что-то вроде «я надеру ей зад».

– За что? – Пэрадайз нахмурилась. – Ты в порядке? Тебе нужно повторное кормление...

– Нет. – Он пальцем указал ей в лицо. – И от тебя – больше никогда. Никогда.

Пэрадайз отшатнулась.

– Прошу прощения?!

– Ты меня слышала, – качая головой и расхаживая по узкому кругу, он не отрывал глаз от пола, выложенного плиткой. – А сейчас, будь добра покинуть...

– У меня столько же прав находиться здесь, сколько у...

Крэйг зло посмотрел на нее.

– Ты в мужской раздевалке. И если ты не отравила причиндалы за ночь, то у тебя нет на это тех же прав, что и у меня.

Она открыла рот. Закрыла.

И она уже собиралась уйти, когда он повернулся и направился в ее сторону.

Тогда она и увидела, в чем заключалась его «проблема».

Ее тело ответило мгновенно... и когда Крэйг споткнулся на месте и посмотрел на нее, было вполне очевидно, что он уловил ее возбуждение.

Странная капитуляция, которая противоречила всей его сущности, отразилась на лице Крэйга и заставила расслабить плечи.

Они очень долго смотрели друг на друга.

– Не обязательно говорить вслух, – прошептала Пэрадайз. – Я знаю, что ты этого не хочешь. Я знаю, что время неподходящее. Знаю... что сложности – последнее, что нам нужно. Но я провела весь день в мыслях о тебе, и что ужасного может случиться? Наши тела просто... хотят этого.

В этот раз, когда он зачесал волосы назад, его рука дрожала.

Она же дрожала вся целиком – ноги, руки, торс. С головы до пят.

Крэйг медленно подошел к ней, будто давая ей возможность передумать, сдать назад, уйти. Ни за что. Она осталась на месте, высоко подняв голову и смело встречая его взгляд.

– Если я поцелую тебя, – прорычал он, – то назад пути не будет. Я, может, и не трахну тебя прямо сейчас, но уложу на лопатки при первом удобном случае.

Пэрадайз поняла, что своей грубой речью он пытался заставить ее передумать, и у него получилось на мгновение... но не потому, что он выражался. Это только завело ее еще больше. Нет, ее глимеровское воспитание вылезло с криками, моральные устои, ожидания и правила всплыли на передний план, притупляя похоть. Если она отдаст кому-нибудь свою девственность, это будет огромной проблемой... особенно, гражданскому? Позор на всю жизнь. Ее никто не возьмет в жены. Она очернит своего отца, кровную линию, свой класс.

С другой стороны, не принимая в расчет кого-то вроде Пэйтона, ее и так не сочтут подходящей парой после прохождения учебной программы. Даже если она не будет участвовать в войне, данное обучение не вписывается в закулисные игры, которые должны вести образованные женщины в гостиных.

Решение, подумала она, – никогда не выходить замуж...

Когда мысль осенила ее, опьяняющее облегчение прошло волной по телу, душевный подъем был настолько мощным, что ей захотелось подпрыгнуть... и тогда она услышала голос Ново в голове:

«Чем ты отличаешься от меня?».

Встречая пылающий взгляд Крэйга, она удивилась, насколько трудным может быть самое простое из решений. Но если она никогда не выйдет замуж, тогда она вольна сама принимать решения, которые ей даже не снились.

И это лежало в основе той силы, что помогла ей решиться.

Пэрадайз отступит.

Нависая над девушкой, Крэйг чувствовал это своим нутром. Несмотря на ее возбуждение, она одумается и спасет их обоих от капитальной головной боли. Она оценит его габариты, огромное тело и ревущую эрекцию, и осознает, что ей не нужны осложнения и стресс...

Эlegantным, но ужаснувшим его жестом она подняла руки и положила на его огромные плечи... нет, на его грудь, ведь ей не хватало роста. Когда она еще сильнее запрокинула голову назад, Крэйг был сражен наповал красотой ее лица, белокурых локонов, выбивавшихся из резинки, и ключиц, на которые падал свет от флуоресцентных ламп.

– Так поцелуй меня, – ответила Пэрадайз.

Он услышал, как на задворках разума два грузовика от «Шевроле» столкнулись в лобовую.

Черт. Никакого «назад» не будет.

Выругавшись, он закрыл глаза. Покачнулся. Осознал, что это на самом деле произойдет.

Потом он снова раскрыл веки и потянулся к ней. Он мгновение испытывал неожиданную неловкость, будто не знал, куда положить руки... ее плечи? Шею? Лицо?

Его секс всегда был грубым и быстрым, с человеческими женщинами или вампирами, которые раздвигали ноги направо и налево. Пэрадайз была совсем другой... и в этом проблема. Как бы сильно он не желал ее, он хотел поступить с ней благородно.

М-да, в нем внезапно проснулся гребаный джентльмен.

В итоге, он прошелся дрожащими пальцами по линии ее подбородка, и когда она приоткрыла рот, наклонил голову и сократил расстояние между их губами.

Почти.

Когда их разделяло несколько миллиметров предвкушения, Крэйг прошептал:

– Последний шанс.

– Я жду.

И он поцеловал ее.

Со стоном, отчасти голодным, отчасти поверженным, и на задворках разума Крэйг смутно осознал появление нового аромата в воздухе, чего-то неотделимого от влечения между ними, что стало для него откровением.

Неважно, Пэрадайз была мягкой и сладкой, несмелой и сильной. Все, как он представлял.

Потершись губами о ее губы, он вытянул язык и скользнул внутрь. И тогда весь самоконтроль вылетел в трубу... он рывком обхватил ее руками, притягивая вплотную к себе, давая ей почувствовать его... даже в бедрах, где член рвался в бой, несмотря на два оргазма в душевой кабинке перед ее появлением.

О, Боже, Пэрадайз была намного меньше него, но когда она прижалась к нему грудью, и всем весом оперлась на него...

Он знал, что она все контролировала.

Они целовались очень долго, и этого едва ли было достаточно... но какая-то внутренняя тревога смогла прорваться сквозь рев его жажды секса.

Отстраняясь, Крэйг ощутил огромное мужское удовлетворение, когда увидел ее раскрасневшееся лицо и приоткрытый рот, тяжелое дыхание.

Он попытался представить, когда сможет оказаться с ней, когда они найдут уединение, где.

– Скажи свой номер? – спросил он гортанным голосом.

Продиктовав цифры, Пэрадайз посмотрела на него.

– Ты не запишешь?

Зачем. Семь цифр оказались выбиты в его мозгу.

– Я позвоню тебе. – Еще одна причина радоваться переезду сюда, не считая гадостной угрозы быть испепеленным солнцем... у него не было своего телефона. – В семь утра.

– Чтобы договориться о встрече? Я не могу выходить в течение дня. Отец убьет меня... и ускользнуть не получится. Он сразу узнает.

Да, он помнил, каково это – жизнь с семьей в маленьком доме.

Он поцеловал ее. И еще.

– Просто ответь на гребаный звонок.

– Я рада, что ты хочешь поговорить.

– Разговоры меня не интересуют. – Он скользнул взглядом по ее горлу и груди. – Я научу тебя кое-чему.

– Например?

Склоняясь в талии, он потерся носом о ее горло.

– Чувствуешь эту тянущую боль? Между ног?

– Да... – выдохнула она.

– Я покажу, как самой позаботиться об этом. И ты заставишь меня кончить, когда я буду слушать, как ты это делаешь, – выпрямившись, он отступил, кивая на дверь. – Иди. Пока тебя не застучали здесь.

Незачем подвергать ее участие в программе риску. В заявлении не было ничего сказано о неформальных отношениях, но, да ладно. Лучше сохранить все в тайне.

– Ступай, – повторил он, когда она не двинулась с места.

Она просто смотрела на него своими огромными, пылающими глазами.

Черт. Он мог думать лишь о том, чтобы взять ее здесь и сейчас, стоя, с широко раздвинутыми бедрами, обернув ее ноги вокруг его талии, его член погружался бы в нее так глубоко, до упомощения.

– Пэрадайз, иди.

Наконец, она отвернулась. Но перед тем, как она успела скрыться за бетонной перегородкой, он прорычал:

– Ответь на проклятый телефон.

– Я отвечу, – сказала она. – Сразу.

Оставшись в одиночестве, Крэйг закрыл глаза. Гадая, как, черт возьми, ему дотянуть до утра.

Глава 27

Три часа спустя Крэйг сидел на пассажирском сиденье «Хаммера». Или, если точнее, высовывался из машины: пока Бутч увозил его и Акса из учебного центра через подземный гараж, Крэйг приклеился к лобовому стеклу, пытаясь разобраться со странным мутным ландшафтом.

– Плохая погода? – спросил Акс с заднего сиденья.

– Не-а, – ответил Брат, когда они подъехали к огромным, замысловатым воротам, словно из «Парка Юрского периода», двадцатифутовой бетонной стене с огромными

металлическими засовами и баррикадами, которые на сто процентов были подключены к току.

Да, потому что Братство уже доказало, как они любят играть с шокотерапией.

Крэйг покачал головой.

– Парни, а вы не шутите с мерами безопасности, да?

– Не-а.

Проезжая по густому лесу, они миновали несколько пропускных пунктов, которые становились все менее навороченными и создавали меньше препятствий. Последний напоминал ворота заброшенной фермы, словно больные рахитом, они были специально сконструированы таким образом.

Очень умно.

Когда Бутч, наконец, выехал на чистое пространство и свернул налево, на асфальт, странная мутность ландшафта волшебным образом рассосалась. Но было странно, глаза Крэйга быстро приспособились: мозги – нет. Куда они едут, на запад? Восток?

– Разумеется, ты в курсе, где я живу, – пробормотал Акс.

Бутч бросил скептический взгляд в зеркало заднего вида.

– Куда там, конечно нет.

Дорога куда-бы-там-ни-было заняла сорок пять минут, и Крэйг вынес из этой поездки только одно – как мало он знал о Колдвелле. Проведя период до превращения в доме со своей матерью, он также не получил возможности хорошо узнать город после превращения... набеги случились спустя полгода. А после резни, после того, как он наблюдал, как убивали его мать и сестру, и затем узнал о смерти своего отца, у него настал период чистого безумия... который плавно перешел в тупой рабочий график, чтобы платить по счетам и арендовать крышу подальше от родительского дома.

Он не был там с тех пор, как все отмыл и похоронил своих женщин и останки отца... которые привез из дома тех аристократов.

Боже, его отец. Он любил его... и обнаружить, что достойный мужчина погиб из-за кучки глимеровских вырожденков, которые заперлись в укрытии, оставив на погибель остальных слуг и рабочих?

И у него еще спрашивали, за что он ненавидел богатых ублюдков.

– Акс, хочешь, чтобы мы подождали снаружи? – спросил Бутч.

Встряхнувшись, Крэйг увидел, что они припарковались перед...

Это был дом гребаных Гезнел и Гретель⁵⁶. Единственное сравнение, которое родил его мозг. В свете фар «Хаммера» расписной коттедж будто сошел с поздравительной открытки, выбеленный, с покатою крышей, причудливой резьбой по дереву под карнизами, замысловатой, словно кружево.

– Ты, – выпалил Крэйг. – Ты *здесь* вырос?

– Да. – Акс распахнул дверь. – Какие-то проблемы?

– К черту, мы идем с тобой, – заявил Бутч, заглушив двигатель. – В основном потому, что я хочу рассмотреть все фигурки «Хюммель»⁵⁷.

Крэйг собирался остаться в джипе, но потом решил, что да, к черту все. Как еще убить время?

56 «Гёзель и Грётель» (нем. Hänsel und Gretel; уменьшительные немецкие имена от Иоганнес и Маргарет) — сказка братьев Гримм. История о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка, живущая глубоко в лесу, в доме, построенном из хлеба и сладостей.

57 Знаменитая компания «Гебель» (Goebel) была основана в Германии в 1871 году. Ее основоположники, Франц Детлефф (Franz Detleff) и Уильям Гебель (William Goebel), создали одно из престижнейших производств по обработке фарфора, которое широко известно по всему миру своими уникальными изделиями и коллекциями. К одной из таких удивительных коллекций принадлежит знаменитая серия статуэток «Hummel-Figuren», изготовленная талантливыми мастерами торговой марки «Гебель» по эскизам монахини Марии Иннокентии Хюммель.

Акс провел их через боковую дверь, которую открыл медным ключом. Когда он вошел в дом, раздалось пиканье сигнализации, но он быстро выключил ее на панели, вмонтированной в стену.

Когда парень включил свет, Крэйгу осталось лишь моргать словно корове.

– Дева Мария, мать... – выдохнул Бутч.

– Он думал, что она вернется, ясно? – ворчал Акс, швырнув ключи на выдающийся стол из дерева. – Он сделал это для матери.

Крэйг никогда в жизни не видел столько розовых и красных роз: стены причудливой кухни были покрыты с пола до потолка обоями, усыпанными цветами и зеленой лозой. И, чтоб вы знали, занавески на алькове и окнах над раковиной были того же узора.

– Оставайтесь здесь, – пробормотал Акс. – Я спущусь с гребаной сумкой.

Топот тяжелых ног пронесся по первому этажу дома, а потом на втором этаже, сотрясая стропила над их головами.

– Ты только глянь на столярную работу, – сказал Бутч, скользнув рукой по резному молдингу дверного косяка. – Изумительно.

Крэйг подошел к резному столу и сел на изящный стул, пожалев, что столько съел за Первой трапезой. Смотря на тонкую работу мастера на потолочном плинтусе и дверях, шкафчиках, даже на подоконниках, ради всего святого, он обнаружил, что ансамбль формировал общий органичный узор, который вторил выюнам на обоях, элегантно и красиво извиваясь и переплетаясь вокруг ламп и входов/выходов. Покрытый прозрачным лаком, клен, сосна или что там за дерево было, блестел так, как могла блестеть только качественная древесина, обработанная рукой мастера.

– Остальные комнаты, должно быть, такие же, – сказал Бутч, выглядывая из кухни. – Да. Шедевр...

Акс появился с черной вещевой сумкой и рюкзаком.

– Готов на выход...

– Твой отец сам занимался резьбой? – спросил Бутч.

– Да.

– Охренеть. Он точно не был «ником».

– Мы едем?

– Стой, – встрял Крэйг. – Твой отец был столяром? Мой укладывал полы.

– О, да?

Повисла пауза, когда они сцепились взглядами.

– Он умер в «Энделвью»? – выдавил Крэйг, называя имение, на которое напали в ту ужасную ночь.

Мрачное лицо Акса стало откровенно черным, так, что его татуировки казались зловещими.

– Да.

– Мой тоже. – Крэйг изучал лицо парня, гадая, сколько ему известно о произошедшем в том имении. Черт... было ужасно осознавать, что он хоронил тело его отца. Но уведомления оставил кто-то другой. К тому моменту его уже не было. – Ужасная ночь.

– Да. – Акс прокашлялся и отвел взгляд.

– Так мы идем?

– Нет, – возразил Крэйг. – Вы подождете здесь, пока я смотаюсь. Я вернусь со своими вещами.

– Значит, возьмешь мало? – протянул Акс.

Крэйг встал и направился к двери.

– У меня мало вещей.

Когда он опустил ногу на крыльцо, его окликнул Брат.

– Не вернешься через двадцать минут, вылетишь из программы.

– Да в курсе я, – пробормотал он.

Когда автобус остановился, Пэрадайз взяла рюкзак и приготовилась покинуть свой ряд.

– Так, ты придешь ко мне? – спросил Пэйтон, поднимаясь. – У нас еще пара часов в запасе, и Энслэм тоже будет.

Отвернувшись, чтобы спрятать румянец, она претворилась, что ищет свой мобильный, хотя прекрасно знала, где он лежал – в кармане парки.

– Я хочу побыть дома, с отцом.

– Иииии побудешь. После рассвета, – отметил он, надевая очки с цветными стеклами. – Через два часа.

Так, ладно, неважно, который был час, она не станет распространяться о том, что хотела лишь наблюдать, как стрелки часов на ее прикроватном столике окажутся на своем месте – большая на двенадцати и маленькая – на семи.

– Прости, у меня полно дел. Позвонишь мне? – Черт, на самом деле, она этого не хотела. Не сегодня. – В смысле...

– Да ладно. – Пэйтон повернулся к Энслэму. – Готов улететь с марихуаны?

Мужчина бросил ему похабную улыбку.

– Как штык.

Когда они двинулись вдоль прохода, она покачала головой и встала со своего сиденья. Похоже, что-то вернулось к норме... и забавно, учитывая весь стресс на учебе, она не могла винить Пэйтона за желание расслабиться. Наверное, именно этим она занималась с Крэйгом?

К слову о пагубных привычках. То, как она себя чувствовала в присутствии мужчины, когда он смотрел на нее, прикасался к ней, целовал, было настолько изумительно, что она быстро могла подсесть на это... и считать минуты до звонка. Проблема в том, что он – не предмет, который можно купить и употребить как травку, мороженое или вино. Он был отдельной независимой личностью, и забавно, тот факт, что он выбрал ее, пусть и ради разговора по телефону, был частью экстаза.

Он выбирал ее. Из всех на планете...

Пэрадайз замерла посреди прохода. Что-то упало у нее на глазах, и она подняла листок. Это была фотография, снятая на старый полароид, блестящий квадрат в центре, с белой матовой рамкой, узкой с трех сторон и широкой снизу, чтобы держать снимок.

Фотография была настолько размытой, почти неразборчивой, что-то красное и розоватое с полосками.

– Пэйтон, да ладно, – пробормотала она.

Одному Богу известно, чем он занимался под кайфом. От него можно ожидать странных, психоделических вещей и поступков... о чем он, разумеется, с радостью делился с ней.

Держа снимок в руке, она прошла к выходу, поблагодарила доджена-водителя и потом собралась было окликнуть своего друга. Но он уже дематериализовался с Энслэмом, поэтому она убрала в карман снимок его покрывала, ковра, банного халата или гребаного мартини.

– Ты помогла Крэйгу с его проблемкой? – спросила Ново, стоя в тени.

Пэрадайз обернулась, когда автобус отъехал, камни скрипели под ее ногами.

– Ты солгала.

– Разве? – Женщина улыбнулась в холодном лунном свете. – Я так не думаю. И я оказалась права, не так ли? Ему нужна ты и только ты.

Вспыхнув, Пэрадайз вспомнила, как тело Крэйга прижималось к ее, его эрекция вжималась в ее живот.

Проблема не такая уж и маленькая, подумала она. Вовсе нет. Огромная и толстая и...

– Итак? – подсказала Ново.

– Это не твое дело.

– Такая правильная, такая чопорная. Но это хорошо. Я рада, что вы, ребята, клево провели время. В этом смысл жизни... и я решила, что вы не разберетесь без чужой помощи.

Пэрадайз рассмеялась.

– Ново, ты не похожа на сводницу.

– Я осваиваю новые горизонты. – Женщина пожала сильными плечами, укрытыми кожаной курткой. – Для этого мы здесь, разве нет?

На короткое мгновение Пэрадайз хотелось пригласить женщину к себе. У нее никогда не было настоящей подруги. У аристократов социальное положение определяет, с кем тебе дозволено общаться... и, видит Бог, ни одна из ее кузин, с кем представилась возможность вести светскую беседу, не заинтересовала ее. К тому же, им нельзя доверять. Подобные женщины соревновались за узкий круг желанных мужчин... поэтому они были настолько же беспощадны, как стая пираний.

Как в «Холостяке», только стократ хуже.

К тому же, Ново вроде как знала о Крэйге, поэтому Пэрадайз казалось, что она могла сильно не прятаться... и женщина так же казалась достаточно сексуальной, чтобы иметь определенный опыт в части соблазнения. Может, даже багаж опыта. Открыв рот, Пэрадайз...

Вспомнила, где жила.

– Увидимся завтра, – пробормотала она.

– Ты же на меня не злишься?

– Нет. Вовсе нет. – Когда она вспыхнула, Пэрадайз обрадовалась, что было темно, и лесной массив обрезал большую часть лунного света. – Честно говоря, я даже благодарна.

Ново еще раз пожала плечами.

– Желаю хорошо отдохнуть. До завтра.

– Пока. – Пэрадайз помахала ей.

Оставшись в одиночестве, она запрокинула голову и посмотрела на звезды. Потом прижала рюкзак к груди и сама дематериализовалась.

Появляясь на газоне в том же месте, что и прошлой ночью, она надеялась почувствовать себя не настолько чужой на родной земле.

Ииииии, большое-жирное НЕТ.

Подходя к парадной двери, она ощущала ту же дистанцию, что и вчера. Но в этот раз она была связана с Крэйгом.

«Чувствуешь эту тянущую боль? Между ног? Я покажу, как самой позаботиться об этом. И ты заставишь меня кончить, когда я буду слушать, как ты это делаешь».

Только воспоминание его низкого, хриплого голоса, говорившего эти слова, превратило ее тело в доменную печь... так, что ей хотелось скинуть парку, несмотря на сорок градусов⁵⁸. В этот момент она подняла взгляд на горящие окна... и ее затошнило. От мысли, что она собиралась взять трубку, и, наверное, в итоге раздеться, пока мужчина, которого бы не одобрил ее отец, давал ей указания? В комнате, в которой она выросла? Пока ее отец был дома? Женщинам вроде нее не положено...

– О, да к черту, – прошептала она, заходя в дом.

Жизнь была чертовски короткой, и Крэйг был слишком горяч, чтобы тратить время на чувство вины, когда она не делала ничего криминального.

Помни, сказала Пэрадайз себе. Тебя никто не возьмет в жены. Ты свободна.

Глава 28

– Я солгал.

Услышав слова Акса, Бутч посмотрел через кухню, усыпанную розами и вьюнами. Мужчина прислонился к плите, скрестив руки на груди, низко склонив голову, так, что под глазами залегли глубокие тени.

– О чем.

Парень ответил не сразу, какое-то время он теребил ряд черных колец вдоль уха.

– О ключе. В том офисе.

И вот так сразу, Бутч пришел в состояние полной внимательности... не показав ничего своим видом.

– Хм, да? И что там?

Акс потер нос, и Бутч запомнил этот жест на будущее.

– Откуда ты достал его? – спросил парень.

– Друг дал. – Незачем раньше времени выкладывать все карты и рассказывать о мертвой девушке. – Хороший друг.

– Нельзя передавать ключ. Это против правил.

– Значит, если я пойду туда, то нарвусь на неприятности? – спросил Бутч, играя ва-банк.

– Не знаю. Зависит от ночи. Если ты в маске, то, может, пронесет. Я никогда никого не приводил, но принцип «плюс один» действует, если приглашенный подчиняется правилам. В противном случае ты несешь полную ответственность. Тогда тебя выгонят.

– Как давно ты участвуешь в этом?

– Начал перед набегами. Там была тусовка, когда... ну, то дерьмо случилось с моим отцом. Там люди, они не знали... до сих пор не знают... кто я. Там зависает столько разных неформалов... они просто решили, что я подражаю вампирам.

– Когда ты был там в последний раз?

– Три-четыре ночи назад. Я не знал, как все выйдет с учебной программой. Решил, что это будет последний раз перед длинным перерывом.

Примерно тогда девочку нашли на газоне «Убежища».

– Что тебя прет? – Бутч закатил глаза. – И прежде чем ты решишь, что я подкатываю к студенту, скажу: я состою в счастливом браке с женщиной, которая чересчур хороша для меня... мы сейчас просто болтаем, практически о погоде, за неимением лучших вариантов.

Акс заметно расслабился, и лицом и телом.

– Мне нравится подчинять их себе.

– Мужчин или женщин?

– Всех.

– Тогда ты прекрасно поладишь с Ви. Хотя сейчас он тоже остепенился. – Бутч вытянул руки над головой, пока спина не хрустнула. – Когда ты собираешься в следующий раз?

– Когда у нас следующий выходной?

– Ты возьмешь меня с собой, покажешь все? Чтобы я не опозорил своего приятеля, у которого взял ключ.

– Ты только что рассказывал про свой счастливый брак.

Бутч бросил на парня взгляд «не тупиии»:

– Мне нравится смотреть. Это не измена, пока не участвуют твои руки, язык и член.

Акс кивнул, словно одобряя эту логику.

– Да, я отведу тебя. Но только в маскарадную ночь. Если ты накосячишь, я не собираюсь отвечать за это.

Бутч вспомнил одну ночь с Вишесом, определенную ночь откровений, после того, как Бутч сделал... что нужно было для своего лучшего друга.

– Я умею держать себя в руках, – сухо сказал он. – Не беспокойся.

Топот тяжелых ног по низким ступеням сообщил о возвращении Крэйга.

– Быстро ты, – пробормотал Бутч, когда мужчина вошел с одним потрепанным вещевым мешком.

– Я же сказал, – ответил Крэйг. – У меня мало вещей.

Марисса вернулась раньше, потому что у нее разболелась голова. И нет, это не было похоже на мигрени Трэза, просто тупая пульсация за глазами, от которой было невозможно сконцентрироваться, читать документы или сфокусироваться на компьютерном экране.

Преодолев каменные ступеньки к парадному входу в особняк, она поняла, что было неправильно: она пропустила Первую Трапезу и пропустила перекус, который подавали в полночь в «Убежище».

– Глупая, – прошептала она, зайдя в вестибюль и посмотрев в видео-глазок.

Когда замок открылся, она зашла в величественное фойе и улыбнулась Фритцу.

– Очень не хочу беспокоить тебя, но ты можешь принести мне что-нибудь поесть?

Древний дворецкий хлопнул в ладоши и чуть не брякнулся в обморок, словно она вручила ему выигрышный лотерейный билет или самый лучший подарок на день рождения.

– О, госпожа, ну конечно! Я могу приготовить вам яичницу с тостом? Сэндвич? Суп? Что-то более питательное...

Она рассмеялась.

– Сделай мне сюрприз.

– Я сейчас! Да, да, уже бегу!

Скорость, с которой он скрылся, и припрыжка в его походке говорили, что у него впереди еще долгие столетия, и это было прекрасно...

– О, привет, красавица.

Она повернулась к бильярдной. Лэсситер стоял, прислонившись к арочному проему, с чашей попкорна в руках, в огромном леопардовом балахоне, укрывавшем семьдесят процентов его торса, оставляя сильные голые предплечья и голые ноги мелькать из-под пол.

– Привет... – Она нахмурилась, ее осенило кое-что. – У тебя что-нибудь есть под накидкой?

– Разумеется. – Он забросил в рот полный кулак попкорна. – Не хочешь посмотреть со мной ящик? Сейчас я завис на «МакГайвере»⁵⁹, но готов к компромиссам.

Марисса раскрыла рот, чтобы отказаться, но потом подумала, «черт, а почему нет?». Она просто собиралась перекусить и дожждаться, пока Бутч закончит дела в учебном центре. Она написала ему, что вернулась раньше с работы, он ответным сообщением попросил дожждаться его, он вернется через двадцать, максимум тридцать минут.

– Конечно.

– Клееееево. – Ангел выпрямился. – Какой предпочитаешь яд по части ТВ?

Когда он отвернулся, она пискнула.

Потому что уставилась на его голый зад.

– Что такое? – спросил он обеспокоенно.

Прикрывая глаза, Марисса воскликнула:

– Ты же сказал, что одет!

– Я же в «ракушке»⁶⁰. Ну да.

В этот момент появился Фритц с ее подносом, нагруженным кучей накрытых тарелок, таким количеством можно было накормить и Рейджа.

– О... – Марисса потерла брови, головная боль вспыхнула с прежней силой.

– Она поест здесь, – крикнул Лэсситер. – И да, Марисса, я надену джинсы.

59 «Секретный агент МакГайвер» (англ. MacGyver) — американский телесериал (1985—1992) в жанре приключенческий боевик.

– Спасибо, Милостивый Боже, – прошептала она, заходя в игровую комнату.

Пока Фритц устраивал поднос на барной стойке слева, Лэсситер натянул «Ливайсы» и плюхнулся на диван, стоявший напротив гигантского экрана, встроенного над камином.

– К твоему сведению, если я натру себе пах, то это будет на твоей совести.

Она заняла один из высоких стульев.

– К твоему сведению, мой супруг будет здесь в любую секунду. Поэтому ты только что спас себя от позорной смерти.

Лэсситер направил пульт на экран ТВ и включил кабельное меню.

– Пффф, плевать. Я с ним управлюсь.

– Сильно сомневаюсь.

– На самом деле, на остаток ночи у меня нет занятий поинтересней. Поэтому если он захочет драки? Я не против размяться.

Марисса рассмеялась, услышав надежду в его голосе, и, откинувшись на спинку, позволила Фритцу поднимать крышки, описывая, со всей грацией и точностью официанта из «Нобу»⁶¹, что он подал.

– Большое спасибо, – прошептала она, взяв вилку и попробовав рисовый плов.

– Мммммм.

Она не съест и половины, но это, казалось, никогда не беспокоило дворецкого. С другой стороны, ему больше всего нравилось обслуживать.

– О, Боже, – выдохнул Лэсситер, резко садясь.

– Что? И если это снова марафон «Пляжа», то можешь сразу забыть об этом. – Она потерла центр груди свободной рукой. – Я не стану смотреть, как кто-то умирает, пусть и на экране.

И без того смертей достаточно. Милостивая Дева-Летописица, что, если у них не получится выяснить...

– «Мелроуз Плейс»⁶². Обожаю эту серию... в нем Кимберли слетела с катушек.

– Подожди, она же по жизни истеричная?

– Ну, это да, но в этой серии она снимает парик и показывает шрам. Одна из самых важных и влиятельных сцен в истории телевидения.

– Только подумать, а я-то думала, что это высадка на Луну или что-то в этом духе.

Лэсситер посмотрел на нее:

– Стой, бесхвостые крысы первыми добрались до Луны? Ты шутишь. Они не в состоянии определиться, который час, туда-сюда переводят время в разные времена года. И еще чепуха с их здоровьем, мол, съешь это и будешь жить дольше... а нет, ошибка вышла, от этого ты умрешь, поэтому ешь другое. Интернет-тролли. Тупые проповедники и политиканы. И, знаешь, не вынуждай меня упоминать про выбоины. Почему они не разберутся с дорогами?

Запрокинув голову, она рассмеялась.

– Ты даже не сидишь за рулем. Тебя все это не волнует.

Падший ангел пожал плечами, золотые пирсинги и цепи сияли при движении.

– Просто повторяю то, о чем говорят в вечерних новостях.

Марисса покачала головой, улыбаясь. И только она собиралась спросить, чем еще он занимался, не считая того, что он затмевал своей выдающейся личностью дневное солнце, просиживая штаны на диване перед телевизором... но он встретил ее взгляд, и его глаза были

61 Первый ресторан, положивший начало Всемирной Империи Nobu, был открыт 22 года назад в Нью-Йорке известным американским актером Робертом де Ниро и поваром Нобу Матсукиса – человеком, заново создавшим японскую кухню. С тех пор блюда от Нобу сводят с ума голливудских звезд, знаменитостей, светскую публику и сильных мира сего. В Империю Nobu входит 33 ресторана в 28 городах мира – в Лондоне, Лас-Вегасе, Мельбурне, Токио, Пекине, Майами и других.

62 «Мелроуз Плейс» (англ. Melrose Place) — американский телесериал, продолжение сериала середины 90-х — «Мелроуз Плейс». Шоу представляет собой уже четвертое продолжение во вселенной персонажей «Беверли-Хиллз, 90210», созданного Дарреном Старром (после «Мелроуз-Плейс», «Агентство моделей» и «90210: Новое поколение»).

невероятно серьезными. Потом, когда он снова обратился к экрану, Марисса осознала, что ангел уловил ее состояние и всячески пытался помочь ей.

– Лэсс, ты хорош, – сказала она тише. – Знаешь это?

– Я более чем просто хорош. Я шикаааааарен, – пропел он. – Значит, я могу записать на тебя дюжину моих календарей?

С любым другим домочадцем она бы списала все на шутку. Но с ним?

– Нет, не можешь. Я даже не знаю, на что это похоже, поэтому мой ответ «нет».

– Ладно, полдюжины, – парировал ангел. – Они всего по пять баксов. Я должен покрыть расходы на печать. Хорошие новости? На фотографа больше не трачусь... я снимаю себя на селфи-палку.

Она опустила ложку с насаженным на нее куриным филе.

– Ты серьезно сделал календарь со своими фотографиями?

– А почему, по-твоему, я тут хожу без штанов?

– Лэсс, правда. Ты сделал двенадцать обнаженных фотографий...

– Ракушка. Я был в ракушке, забыла? Я только закончил снимать у огня для декабря. Я настолько горяч, что камин нервно курил в сторонке.

Марисса окинула взглядом комнату и задрожала, примечая вещи, на которых мог побывать его голый зад перед тем, как оказаться у очага.

– Кто надоумил тебя на это?

Лэсситер закатил глаза.

– Сколько ночей осталось в году? Мне нужно забрать их из фотосалона до тридцать первого декабря.

Она внезапно представила какого-то бедного человека в офисе «ФедЭкс», печатавшего обнаженного донельзя падшего ангела.

Мариссу сотряс такой приступ смеха, что на глазах выступили слезы. Приятные слезы.

И когда она сдалась на волю ангельскому каламбуру, Лэсс просто сидел на диване, смотря серию «Мэлроуз Плэйс» с лукавой, спокойной улыбкой на красивом лице.

Он настоящий ангел, подумала она. Настоящий.

Глава 29

Когда Бутч вышел из потайной двери под главной лестницей особняка, его единственной целью было найти свою супругу.

И ее смех стал одновременно и локатором, и источником высокооктанового облегчения. Она была такой расстроенной, когда очнулась после беспокойного сна, тяготившие ее мысли, казалось, тащились за ней, словно фортепиано. Но он пообещал ей, что найдет что-нибудь на ту женщину, как-нибудь, и он уже был готов отчитаться перед ней.

Пройдя по мозаичному изображению яблоневого дерева в полном цвету, он зашел в бильярдную и...

Лэсситер сидел в развалку на диване, вскинув обе руки.

– Я же все-таки надел штаны. Я был пай-мальчиком.

У Бутча зачесались клыки и дернулась верхняя губа.

– Прощу прощения? И хорошенько подумай, прежде чем объясниться. Ты чертовски близко подошел к границе.

Марисса сделала глоток воды.

– Все вполне невинно.

– Я сделал обнаженный календарь, – начал ангел.

– Он был в «ракушке».

– Все отснято на селфи-палку.

Они перебивали друг друга, и у Бутча возникло внезапное желание заткнуть оба уха, закрыть глаза и запеть «ла-ла-ла».

– Знаете, мне все равно. Мне, правда, лучше ничего не знать.

Про кривляния Лэсситера. У него был талант усложнять все простое и превращать обыкновенное в безумное.

Божий дар.

Спросите у падшего ангела. Так он и ответит.

– Ты оставишь нас на минуту? – спросил Бутч, подойдя к Мариссе и поцеловав ее в лоб. Боже, ее чудесный запах наполнил его нос, и, вау, ее слаксы и блузка были похожи на бальное платье. – Я должен поговорить со своей девочкой.

– Ага, черта с два, я смотрю «Мэлроуз».

– Ангел, это не просьба.

– Что-то случилось? – спросила Марисса, вытирая губы дамаской салфеткой. – Кого-то ранили в учебном центре?

Он выдвинул стул и сел рядом с ней.

– Лэсс, ты уходишь.

– С хрена ли.

Поморщившись, Бутч еле как выдавил из себя предложение:

– Ты можешь устроиться на диване в Яме.

– Когда вы вернетесь, то заставите меня переключить канал?

– Ты уйдешь сейчас, если я скажу «нет»?

– Ты говоришь «нет» сейчас?

Ради всего святого, Лэсситер мастерски играл в теннис словами и вопросами, хоть до рассвета... или пока одна из сторон не свалится от истощения и обезвоживания.

– Да, я говорю «нет».

– погоди, что это значит, я могу посмотреть «Мэлроуз» или нет? Двойное отрицание сбивает с то...

– Господи Иисусе, ты уйдешь или нет...

– Сколько раз повторять, это не мое имя, – бормотал Лэсситер, поднимаясь на ноги.

– Мне нужно выпить. – Когда падший ангел скрылся с глаз, Бутч встал и зашел за бар.

Налив себе Лагавулина, он не стал ходить вокруг да около, зная, что шеллан это не нужно. – Кажется, у меня есть зацепка.

– Правда? – Марисса положила вилку на тарелку. – Что это? Какая?

Он кинул два кубика льда в низкий стакан и устроил им ванну имбирного цвета.

– Тот кусок металла – это ключ, и он служит в качестве пропуска в частный клуб, в который пускают только людей.

– О, Боже, если мы достанем членский лист, то может, получится найти ее имя.

Дорогая, это не сельский кружок по интересам, подумал он, сделав большой глоток.

– Откуда ты это узнал? – спросила она.

– Один из наших учеников посещает этот клуб. Он возьмет меня с собой при удобном случае... мне просто нужно согласовать расписание с Братями на следующую пару ночей. Думаю, если я сдвину занятия, то смогу освободить пятницу.

– Тогда и пойдем! Потрясающе! – Когда он застыл со стаканом на пол пути ко рту, Марисса нахмурилась: – Почему ты смотришь на меня так? Бутч? Серьезно, я иду с тобой.

Он покачал головой и проглотил спиртное.

– Нет, я сам разберусь. Не волнуйся, я сразу расскажу, как что-то выясню...

– Я иду с тобой.

Изучив линию ее подбородка, он поставил скотч на барную стойку.

– Марисса, мимо такого места тебе не стоит даже на машине проезжать, не то, что заходить. Это секс-клуб.

– И?

Он моргнул.

– Милая, это не...

– Тебе нужно напомнить, что мы сделали вчера после фильма? Четыре раза подряд?

– Марисса.

– Бутч.

Чтобы сдержаться ругань, он опрокинул стакан и налил себе новую порцию.

– Ты не готова к чему-то подобному. Там будет куча народу, трахающихся тут и там, делающих друг с другом извращенные вещи. Ты не вынесешь это.

– Или, точнее, ты не вынесешь моего присутствия там.

Он закатил глаза. Не смог сдержаться.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Что это вообще такое.

Марисса медленно и методично свернула салфетку в квадрат и положила рядом со своей тарелкой.

– Ну, значит, мы выясним это, когда вместе отправимся туда, да?

– Я не поеду туда с тобой. Это не обсуждается.

– Нет, поедешь. – Она соскользнула со стула и взяла поднос с едой. – И если я выясню, что ты поехал без меня? Я приму это как предательство высшего порядка в наших отношениях... а вот *это* уже не обсуждается.

Он попытался представить Мариссу, стоящей рядом с парой в черном латексе, которых имели бабы с пятым размером груди и фиолетовыми straponами.

– Марисса, у меня не будет времени носиться вокруг тебя, – сказал он хрипло. – Я должен сосредоточиться на том, чтобы слиться с толпой, выяснить, где персонал, найти нужных людей. Отвлекающий фактор не поможет мертвой девочке.

– Не смей поворачивать все таким образом. Я прекрасно осознаю, зачем мы едем, и я хочу подчеркнуть, что ты мой хэллен, а не опекун. Поэтому избавь меня от философии «мужчина – глава семьи» и будь добр, выпей пару таблеток валиума на дорожку, если потребуется. Но я не могу выразиться еще точнее... я еду с тобой, и я помогу с этим. – Марисса подалась вперед. – Вот тебе новости: одно наличие яичников не означает отсутствие мозга... или права на независимое мышление.

В повисшем молчании ему оставалось лишь качать головой. Слова, готовые сорваться с языка, не помогут им... и он не мог поверить, что они снова ругаются.

Кнопка повтора вчерашней ночи?

– Или ты этого боишься? – бросила она ему.

– Чего?

– Что мне понравится.

Бросив ему эту фразу под ноги словно гранату, она ушла с высоко поднятой головой, расправленными плечами и прямой «разберись-уже-с-собой» спиной.

Упершись ладонями в гранитную стойку, он оперся на руки, пытаясь сдержать себя и не закричать от злости.

По крайней мере, бутылка «Лага» была полна еще на три-четверти.

Она ему пригодится.

Пэйтон выдохнул струю дыма и откинул голову на подушку.

– Держи.

Передав кальян Энслэму, он закрыл глаза, паря в футе над своим телом. Знакомое чувство облегчения напомнило ему, что, наверное, Пэрри была права; наверное, ему нужно завязать с этим. Но, черт, после последних двух ночей?

Ему нужен небольшой релакс.

К черту все... он заслужил это.

– Так, что ты о них думаешь? – спросил он.

Шум, с которым Энслэм выдохнул дым, был подобен смеху в одном и том же месте при просмотре фильма или при совместной вкусной трапезе. Общность интересов – это хорошо.

– Бун – ничего так, – сказал парень. – Акс – больной ублюдок. В смысле, подумай: придурок, с ног до головы в черном, с торчащими волосами и кучей татуировок.

Пэйтон ждал, пока парень продолжит.

– Что скажешь о Ново?

– Горячая штучка, черт возьми.

По неясной причине, хотя он был согласен, Пэйтону не понравилось, что Энслэм расхаживал с подобным мнением... или, хуже, со стояком на нее.

– Не знаю, – пробормотал Пэйтон. – Вроде нормальная.

– Ты видел, как она выполняла подъемы? Не могу поверить, что Бун держал ее за ноги. Я хотел получить этот гребаный обзор.

– Она ломает тебя в два счета. – Хотя, если он не захлопнет варежку, Пэйтон сделает это собственноручно. – К тому же, сомневаюсь, что она спит с мужчинами.

– Я исправлю ее, – сказал Энслэм низким тоном. – Я, мать твою, наставлю ее на путь истинный...

– Что с Крэйгом? – перебил его Пэйтон.

– Он – крепкий орешек. Без обид, Пэрадайз, конечно, пришла первой в ту ночь, но Крэйг пройдет всю дистанцию целиком.

– Да. – По крайней мере, в этом они сходились... без желания оторвать ему голову. – Кого возьмешь на бал к ее отцу?

– В настоящий момент – никого. Предпочитаю быть открытым для вариантов. Кстати, перед сном заскочим за едой?

Открыв глаза, Пэйтон посмотрел на старинные часы «Картье» на ночном столике. – Да. Конечно. Дай я сначала позвоню Пэрадайз. Хочу убедиться, что она добралась домой.

– Ты уверен, что вы не встречаетесь?

– Не-а. Просто друзья.

– Она – клевая штучка.

Пэйтон повернулся и бросил злобный взгляд на парня.

– Следи за языком.

Покачивая головой, Энслэм вскинул ладонь.

– Мой друг, между вами точно нерешенные дела. Не обманывай себя.

Плевать.

Потянувшись к телефону, Пэйтон выбрал ее номер среди списка последних звонков и принялся ждать, когда она ответит. Слушая гудки, он окинул взглядом комнату. Особняк его родителей был новым, с большими арочными окнами с выходом на сады. С высокими потолками и качественной резьбой, он всегда думал, что его комната была просторной даже заставленная антиквариатом, среди которого заставляла всех жить его мать, нравится это кому-то или нет...

– Да!

Он нахмурился.

– Пэрри, ты в порядке?

– А. – Пауза. – Это ты.

– А ты кого, черт возьми, ждала?

– О, никого. Тетю. Ее кузена. Кузена тети. Я его не знаю... ее, то есть.

– Ты там курила, что ли? – Он улыбнулся. – Потому как если да, то отложи уже трубку и ложись спать.

– Нет, не курила. А вот ты курил. По голосу слышу.

– Это как?

– Более хриплый, чем обычно.

На короткое мгновение Пэйтон задумался, находила ли она это сексуальным. Встряхнувшись, он спросил:

– Я просто хотел убедиться, что ты дома. Твой отец уже вернулся с работы?

– Да, мы поужинали. Я уже в своей комнате.

– Мы с Энслэмом накурились до состояния не стояния, – парень поднял два больших пальца. – Собираемся загрузиться углеводами и в сон. В общем, рад, что ты в норме.

– Не ешь слишком много мороженого. Тебя пучит от него, и весь следующий день ты жалуешься, что растолстеешь.

– Никогда не было такого.

– Было-было.

– Ладно. Может и было, – пробормотал он.

– И я должна напомнить про инцидент с печеньем?

Пэйтон застонал.

– Клянусь, я думал, что у меня все органы вылезут через зад.

– Верно. Я все еще считаю, что у тебя непереносимость лактозы. Подумай на досуге. Я люблю тебя.

Он перевел взгляд на Энслэма и не захотел отвечать ей тем же при парне.

– Я тоже. До завтра...

– О, кстати, я нашла твою фотографию.

– Мою что?

– Фотографию. В автобусе. Она вроде вылетела из твоего рюкзака, кармана или откуда там.

– Солнце, у меня нет фотографий. Но спасибо, что подумала обо мне... и если там есть что-то обнаженное и женское, то я бесплатно готов избавить тебя от этой ноши. Ведь я добрый самаритянин.

Она рассмеялась.

– Нет, на самом деле, я не знаю, что там изображено. Я думала, что это ты обронил. Видимо, не ты. Это старинный полароидный снимок.

– Полароид? Господи, такая древность.

– Ну, в общем, я оставлю ее у себя, вдруг найдется хозяин. Хорошего дня. И правда, тебе не стоит курить.

– Старая песенка. Тебе тоже хорошего дня, малышка.

Закончив разговор, он положил телефон рядом с часами.

– Достойная женщина.

– О чем она говорила? Фотография?

– Не знаю. Нашла в автобусе какой-то полароидный снимок. – Пэйтон сел. Встал.

Попытался пройти. – Вау. Капитально торкнуло. Давай смотаемся на кухню и назад, пока нас не застукали с заплетающимися ногами.

Глава 30

Выписывая круги по своей комнате босиком Пэрадаиз старательно перешагивала с носка на пятку, с носка на пятку, чтобы не издавать ни звука... хотя, учитывая как гулко билось ее сердце, удивительно, что она не разбудила всех по ту сторону реки таким грохотом.

Недолгая остановка. Проверка времени.

Шесть пятьдесят восемь. Или может шесть пятьдесят девять... сложно сказать точно, сколько времени было на ее старых часах на прикроватной тумбочке, особенно стоя в другом конце комнаты.

Потирая вспотевшие ладони о синие джинсы, Пэрадаиз подошла к кровати и посмотрела на телефон. Она намеренно положила его панелью вверх, и сейчас уставилась на черный экран. Она поставила его на беззвучный сигнал, но когда Крэйг позвонит, он завибрирует.

В любую секунду.

Да-да.

Нахмурившись, она наклонилась и сняла блокировку, на случай, если она пропустила звонок. Конечно, легче не заметить неоновый рекламный щит в комнате. Не-а. Ни одного пропущенного на экране. Ни сообщений.

Чтобы быть тройне уверенной, она ввела пароль и открыла список вызовов.

Пусто.

Боже, это ужасно. Казалось, словно она стоит на парапете, вглядываясь в бездну под ногами. Сумасшествие... и признак того, что ее надпочечники уж ооооочень переоценивают угрозу ее личной безопасности. Ради всего святого, она же не лишится руки или ноги, если он не позвонит, как обещал. Не умрет она.

И, блин, он даже не опаздывал.

Положив телефон на место, Пэрадайз вернулась к хождению.

Ее хватило ненадолго. Через две минуты она снова вернулась к телефону.

Ничего.

Отворачиваясь, она злилась на себя. Посмотрите на нее, борется за независимость и самостоятельность, отвергает глимеровское дерьмо... и беспокоится о том, позвонит ли ей мужчина ради, вероятней всего, секса по телефону, чтобы он мог кончить.

Да, жалкая из нее феминистка.

К тому же, она никогда не испытывала оргазма. С чего он решил, что сможет...

От звука вибрации она бросилась к кровати так быстро, что чуть не поскользнулась на ковре.

– Да! – воскликнула она, чуть не упав.

Повисла короткая пауза. А потом этот низкий, потрясающий мужской голос прозвучал прямо в ее ухо:

– Где ты сейчас в доме?

Она оглянулась по сторонам:

– В своей спальне?

– Свет включен?

– Да? – Забавно, он задавал вопросы, а она отвечала на них, но на самом деле казалось наоборот. Казалось, именно она спрашивала.

– Ляг на кровать. Выключи свет.

– Хорошо. – Она подошла к двери и щелкнула по выключателю... потом пересекла комнату и забралась на высокий матрас, сбрасывая обувь и вытягиваясь на покрывале. – Темно.

Кромешная темнота.

Крэйг издал звук, который она не смогла идентифицировать... но он был изумительным. С выключенным светом казалось, будто мужчина был рядом с ней.

– Ты чуть не убила меня в классе, – сказал он гортанно.

– Почему?

– Я не мог оторвать от тебя глаз. Пялился на твой затылок. – Он снова издал этот звук, что-то среднее между урчаньем и рыком... очевидно, он уже был полностью возбужден. – Я представлял, как подхожу к тебе со спины и запрокидываю твою голову назад. Я скольжу руками по твоему горлу... под твою форму... на грудь.

Веки Пэрадайз, затрепетав, закрылись.

– О, Боже... правда?

– Не переставая. По-твоему, почему я не поднялся из-за парты?

Она вспомнила, как он застыл в конце аудитории, с каменным лицом, его огромное тело было напряжено.

– О чем ты?

– У меня встал. И я бы всем показал это.

Тело Пэрадайз выгнулось, когда она представила, как выглядел бы его пах в тех свободных штанах, натянутых толстым стволем.

– Мне нужно сидеть перед тобой, чтобы совсем ничего не видеть. – Когда она тихо рассмеялась, он простонал: – Повтори.

– Что?

– Этот смех. Он охрененно сексуален. – Когда она подчинилась, то услышала шорох. – Пэрадайз, ты когда-нибудь ласкала себя?

Она на мгновение представила Ново, такую уверенную, такую сексуальную, опытную. И подумала, что, может, стоит солгать.

– Нет.

– Я ласкал тебя в своих мыслях с тех пор, как вернулся сюда.

Еще больше образов с ним замелькали в темноте комнаты: как он достойно бьется с Братом Бутчем; он в качалке; он смотрит на нее с другого конца раздевалки.

– Что на тебе надето? – выдохнул он.

– Кажется, будто ты рядом.

– Так и есть. Какой у тебя верх?

Посмотрев на себя в темноте, она ничего не увидела.

– Блузка на пуговицах.

– Не снимай ее, – простонал он. А может, это было урчание. – Запусти руку под воротник.

Казалось самым естественным в мире подчинение его приказам, и от прикосновения собственных пальцев по коже пробежали мурашки.

– На тебе надет лифчик?

– Да.

– Ты чувствуешь лямки? Теплые на твоей коже?

– Дааа... выдохнула она.

– Расстегни верхнюю пуговицу. Сделай это для меня. Сейчас запусти руку глубже... твой сосок тугой под чашечкой?

Когда она подчинилась, она хотела ответить «да», но дыхание было таким рваным, а ее разум закоротило. Но он, казалось, был не против молчания.

Крэйг рассмеялся, она была в восторге от низкого, прокатившегося смеха.

– Я хочу коснуться ртом твоей груди. Я хочу смотреть и видеть, как ты хватаешь ртом воздух, пока я облизываю тебя, посасываю.

Для немногословного мужчины он неплохо связывал слова.

– Я не могу забыть клинику, – услышала она себя. – Твою руку под простынями. Я точно помню, как это было, вверх-вниз...

– Дерьмо.

– ...пока ты не...

– Сорви кофту.

– Что?

– Сорви гребаную кофту со своего тела, – рявкнул он. – Положи телефон и сорви ее!

Пуговицы. Разлетелись повсюду.

И, Боже, это было прекрасно, ее грудь выгнулась, когда она разорвала блузку, застежки нисколько не сопротивлялись ее силе.

Рухнув на матрас, Пэрадайз судорожно вернула телефон к уху... и услышала, что его дыхание стало еще тяжелее, но потом он затих.

Напряженным голосом, словно пришлось стиснуть зубы, он приказал ей забраться под чашечки и потереть соски, почувствовать упругую плоть, а потом вообще избавиться от лифчика. Она не колебалась, и была поражена ощущениями, когда ее пальцы исследовали мягкую кожу, напряженные соски, посылая электрические вспышки и жар прямо к ее лону. И он не переставал говорить своим бархатным голосом, обдуманно направляя ее, постепенно и неумолимо, невзирая на сексуальное влечение. Чем выше она взмывала, жарче и влажнее становилась, тем меньше беспокоилась о скромности и порядочности... тем сильнее хотела того, что он давал ей.

Но ей хватало ума сохранять тишину. Она хотела кричать его имя, но должен или ее отец начнут ломиться в ее запертую дверь, если услышат что-то, и это приведет к весьма нежелательному разговору.

– Что дальше? – простонала она.

В темноте спальни, которую выделили ему, Крэйг был поглощен разговором. На все сто процентов. Учебный центр мог гореть синим пламенем или сотрясаться от землетрясения, но он, ни за что не прервет звонок.

Он не представлял, на что похожа комната Пэрадайз, где стояла ее кровать, на скольких подушках она лежала или какого цвета было покрывало. Но у него перед глазами стояла кристально-четкая картина того, какой была Пэрадайз, вытянувшаяся на простынях, извивающаяся, с порванной кофтой, повисшей на ее руках, простой, скромный лифчик расстегнут, грудь выставлена напоказ.

Маленькие соски напряжены и устремлены вверх, к его рту.

– Ты чувствуешь меня на себе? – требовательно спросил он.

– Да... – выдохнула она.

Хорошо, настало время продвинуться вниз. Но не своего тела. Ему пришлось выпустить член из рук, потому что он уже кончал, а это вырубало его мозг: больше всего, больше собственной разрядки, он хотел провести ее через этот опыт.

Потому что это – все, что им светит. Он не собирался, черт подери, лишать ее девственности... и если он хотел держаться принятого решения, то должен убедиться, чтобы их голые тела разделяло непреодолимое расстояние: телефон – единственный приемлемый вариант. После всего она сохранит свою честь, потому что ласкать себя – это не пустить неандертальца в свое лоно, чтобы кончить там пару дюжин раз... и лишит мужчину, за которого она, в конечном итоге, выйдет замуж, его обязанности.

Пока он не остается с ней наедине достаточно долго, он в состоянии по чести поступить с ней... и он не обманывал себя. Влечение между ними сносило крышу, но когда обучение закончится? Когда все завершится, и если оба дойдут до финишной черты?

Разные пути. Даже если время от времени им придется работать бок о бок.

Смысл в том, что он не мог предложить ей дом и семью в будущем. Особенно после того, как он займется своей истинной целью, которая стоит за обучением: месть, аристократам, которые позволили его отцу погибнуть от рук врага.

Он не успокоится, пока не умоется в их крови.

– Скользни пальцами вниз по своему животу, – приказал Крэйг. – Что там?

– Пояс моих джинсов.

– Расстегни пуговицу.

– Да...

Раздался шорох, и потом она снова взяла трубку:

– А дальше?

– Замок.

Опять шорох. Он, тем временем, представлял, что именно он раздевал ее, расстегивал ширинку, потом прижимался губами к кружеву ее трусиков. Или, как было в ее случае, к хлопку.

– Сними джинсы. Трусики оставь.

Опять шорох и ерзанье в трубке.

Под легкой простыней, укрывавшей его обнаженное тело, он не смог сдержаться и обхватил себя и пару раз провел по члену. Когда головку начало жечь так, словно она сейчас взорвется, пришлось прекратить.

Стиснув зубы, он выдавил:

– Положи руку между бедер, раздвинь свои длинные ноги... сделай это.

Он хотел еще потянуть удовольствие, но был слишком жадным. Как и она: ее рванный стон перебросил его через край, его член устал ждать, пока ладонь примется за дело.

– Потри себя, – простонал он, а его эрекция содрогалась под простынями, горячие струи покрывали его живот. – О, Боже, Пэрадайз, погладь себя сквозь хлопок... – По ее вскрику он мог сказать, даже сам охваченный оргазмом, что она была близка. – Заберись под... под ткань, почувствуй влагу и жар... почувствуй... о, черт... так гладко...

Сейчас она задыхалась, и потом выдохнула его имя так, словно его вырвали из ее горла.

– Представь там мои губы.

И тогда она кончила. И он – снова, когда услышал, как она втянула воздух и шумно выдохнула, охрененно сладостная мольба раздалась в трубке.

Только звук ее разрядки подарил ему оргазм номер три. И четыре.

– Продолжай, – он хрипло простонал. – Почувствуй ласки моего языка, посасывания губ...

Какое-то время спустя, когда все, наконец, кончилось, они просто дышали в такт.

По какой-то безумной причине ему захотелось оказаться рядом с ней, обнимать ее... и все такое. Он не знал. Он осознавал одно – жгучую нужду убедиться, что она оправилась после произошедшего.

Сейчас разделявшие их мили казались наказанием.

– Ты в порядке? – хрипло спросил он.

– О... да...

Услышав улыбку в ее голосе, он сам начал ухмыляться... и обрадовался тому, что находился один и в темноте. Он, наверное, выглядел как полный идиот.

– Ты такая красивая, – услышал он себя. – Потрясающая. Невероятная.

Она резко рассмеялась.

– Шутник.

– Едва ли. Я родился без чувства юмора.

– Правда?

– Да. Я самый невеселый мужчина. И совсем не понимаю шуток.

– Знаешь... если так подумать, я ни разу не видела тебя улыбающимся.

– И не надейся. – Он потянулся к прикроватному столику, выдвинул ящик и достал пачку сигарет с зажигалкой Бик, которые купил на обратном пути в учебный центр. – Кстати, я курю.

Только после секса, чуть не пояснил он. Непонятно почему, но он не хотел подчеркивать, что он был с кем-то кроме нее.

Наклонив голову и удерживая телефон, он завоzilся, доставая из пачки «Мальба»⁶³ гвоздь для гроба. Зажигалка зашипела, когда он прикурил, а потом он во всех подробностях увидел кулак, поднеся пламя к лицу. Первой затяжки было достаточно, чтобы снова застонать, и, зажав сигарету зубами, он залез в ящик в поисках пепельницы, которую поставил на голую грудь.

– Это плохая привычка, – сказал он вместо извинения. – Но, по крайней мере, вампиры не болеют раком.

Как только он договорился с ней о звонке, тут же начал думать, где достать сигарету для «после». Не так уж романтично.

Не то, чтобы его интересовала романтика, напомнил он себе.

– Так, Крэйг, почему ты не улыбаешься.

С виду вопрос-утверждение, чем бы он ни был, мог быть принят как поверхностный, в шутливой форме, но ее серьезный тон отвергал все возможные толкования.

63 «Мальборо» (англ. Marlboro) — марка сигарет, выпускаемая компанией Philip Morris International с 1924 года. Marlboro — самая продаваемая марка сигарет в мире.

И, вот неожиданность, наверное, дело в расслабленной, свободной, пост-оргазмической легкости, потому что он ответил ей, а не повесил трубку, как ему следовало поступить.

– Скольких ты потеряла в набегах? – прошептал он.

– Семь дальних родственников, – ответила она с печалью в голосе. – Осталась только я с отцом, и нам очень повезло.

– Я потерял всю свою родную семью. Мать и сестру убили на моих глазах. Отца – на работе. Они нашли наш домашний адрес в его фальшивых водительских правах, после того, как убили его. Так они добрались до нас. – Он сделал еще одну затяжку. – Вот почему я не улыбаюсь?

– Мне очень жаль.

– Мне тоже. – Этого он бы тоже не сказал при иных обстоятельствах. – Я не смог спасти их. Маму и сестру.

– О, Боже...

Он пожал плечами.

– Я потерял слишком много крови. Лессеры вломились в дом, и я спустился на первый этаж, когда услышал шум. Они напали на меня, потом решили, что я умер, и бросили. До сих пор не понимаю, как выжил. Они орудовали мачете. Я оставался в сознании достаточно долго, чтобы услышать, как мама кричала сестре бежать... а потом они обе погибли... ужасной смертью. – Когда она задохнулась, Крэйг покачал головой. – Слишком много подробностей. Прости.

– Мне правда... этого недостаточно, но я должна сказать. Мне очень жаль.

– Спасибо.

– Как ты выжил? Что... тебя кто-то спас?

– Я очнулся в луже собственной крови прямо перед рассветом. Я был так слаб... еле смог захлопнуть дверь прежде, чем солнце спалило меня дотла. Я полз... через весь дом, и, знаешь, нашел их... да. Это было так странно, видеть их на том линолеуме, кровь повсюду, белую кожу... они тянулись друг к другу, мама протягивала руку... – Он вынужденно остановился и прокашлялся. – Моя мама протягивала руку к сестре, а сестра пыталась дотянуться до нее. Их глаза были открыты... не знаю. Увидев это? Что-то проснулось во мне. Все, что я могу сказать... и тогда все началось. Тогда я решил, что когда-нибудь, как-нибудь, я найду способ попасть на войну с Обществом Лэссенинг. Это – единственное, что позволяет мне ходить по земле, вместо того, чтобы вышибить мозги. – Он резко рассмеялся. – Ну, я также решил, что ненавижу аристократов... но это выяснилось спустя два дня после той ночи.

– Почему... – Она помешкала. – Почему ты ненавидишь Глимеру?

Глава 31

Пока Пэрадайз ждала из трубки какого-нибудь ответа, ее сердце билось очень быстро, и ей пришлось включить свет. Закутав голые ноги в коралловое покрывало и сведя половинки расстегнутой блузки вместе, она подтянула к себе колени. И все ждала.

Крэйг ответил не сразу.

– Первым делом, когда я набрался сил, я попытался найти своего отца в особняке, где он работал... когда я дематериализовался, там стояла такая же картина, как у меня дома. Повсюду тела и кровь, картины, серебро и прочие ценности разграблены. Некоторые тела сгорели, попав под солнечный свет. Те, что были в глубине дома, остались нетронутыми. Я нашел своего отца... в комнате, где он выкладывал пол из красно-коричневого дерева. Что еще я обнаружил? Открытую, мать ее, дверь в убежище, где спряталась семья. Они не пустили к себе никого из слуг и рабочих.

– Что... ты имеешь в виду?

– Семья, которая жила там, аристократы спрятались в обитом сталью укрытии... и они не пустили никого из рабочих внутрь. Они оставили их снаружи на погибель... Я видел открытую дверь и видел их следы на крови моего отца и его соратников, когда эти крысы шли к выходу, спасаясь прямо перед рассветом или уже на следующий день.

Повисла пауза. А потом он продолжил низким голосом:

– Я сжег всех, кроме своего отца. Его тело я отвез домой. Я просто не мог... оставить его как остальных. Пока я разбирался с телом, вернулся доджен и сказал, что он пытался найти родственников, но в домах рабочих все были убиты... как в моем. Не было... в буквальном смысле ни одного выжившего, чтобы позаботиться о мертвых. О, а та богатенькая семейка? Они сбежали. Я пытался найти их... и я не успокоюсь, пока не найду. Они жили в поместье под названием «Энделвью».

Он прокашлялся.

– Как можно поступить так с кем-то? Как можно жить, зная, что ты мог помочь кому-то и не сделал этого? Персонал, слуги... они поколениями служили этой семье. В той гостиной было много гражданских. Они пришли туда, по словам доджена, потому что строители знали о потайной двери и погнали народ в ту комнату. Они стучали по панелям, просили пустить, когда дом заполнили лессеры... я знаю это, потому что много тел валялось у стены. Но нет, они были недостаточно хороши, недостаточно важны, недостаточно достойны.

О... Боже.

Единственные слова в ее голове... потому что она тоже знала историю. Пэйтон поделился с ней ужасным рассказом во время одного из долгих, длиною в день телефонных разговоров, спустя примерно месяц после того, как они с отцом укрылись в убежище. Первый сын, средняя дочь, мать и два дальних родственника заявили, что вернулись из поездки и обнаружили резню... но, может, они изначально были там?

И они исчезли. Скорее всего, нашли новое убежище далеко от Колдвелла.

– Так или иначе, у меня на них свои планы. Когда я доберусь до них.

Пэрадайз закрыла глаза.

– Не все аристократы – зло.

– Когда тебе каждую ночь приходилось слушать рассказы своего отца о том, что они обращались с ним как с дерьмом, в то время как он просто пытался прокормить семью честной работой? Сложно найти сочувствие... и это было еще до того, как они обрекли на смерть моего отца, мать и сестру.

– Мне жаль.

– Все хорошо.

Нет, ничего хорошего.

И она несколько не удивилась, когда он резко сказал:

– Мне пора. Нам нужно поспать.

– Да. Да, конечно. – Она вцепилась в телефон, пытаясь придумать, что сказать. – Я...

– До завтра.

Бип.

Убирая телефон от уха, Пэрадайз уставилась на трубку. Разумеется, номер не сохранился, потому что звонок шел по линии из учебного центра, такой же частной и защищенной, как в доме для аудиенций.

Но она бы не перезвонила ему, даже если бы могла.

Отложив телефон, Пэрадайз уставилась в другой конец комнаты, ее красивой, декорированной комнаты в кораллово-розовых тонах, с шелковыми шторами с кисточками и коврами ручной работы. Она не могла винить Крэйга за его мысли и чувства. Она бы чувствовала то же самое. Но это не решение – искать какого-то парня, чтобы убить его в отместку за смерть родных. Или женщин.

Ну, по крайней мере, она надеялась, что это не *его* решение.

Раса видела уже много смертей. Должен ведь быть иной способ, чтобы искупить такую несправедливость?

Когда ее телефон снова завибрировал, она, подпрыгнув, схватила трубку. Номер не определен. Он? Снова?

Отвечая на звонок, она прошептала:

– Алло?

Секунда молчания. Как и в первый раз.

– Прости, – выпалил Крэйг. – если ты не заметила, то я хреново выражаю эмоции. Ты не виновата в том, что произошло со мной.

Она облегченно выдохнула.

– Я так рада, что ты перезвонил. Я не ожидала этого от тебя.

– Я тоже.

– Как думаешь, ты вообще сможешь заснуть?

– Сейчас, когда я снова услышал твой голос? Может. Я попытаюсь.

– Крэйг...

– Что?

Пэрадайз затеребила кружевной край покрывала, осторожно выбирая слова.

– Ночь набегов... я не говорю, что мужчина или кто бы это ни был, запершийся ото всех, был прав. Вовсе нет. Но зуб за зуб... это варварство.

– Так было принято в Старом Свете.

– Мы давно покинули материк. Времена изменились. Подумай обо всех преобразованиях, отмена рабства крови, равенство для женщин и гражданских. Ты не должен забывать произошедшее, не нужно прощать... но не обязательно убивать в ответ.

– Это не будет убийством. Мщение за погибших родных.

– Но как еще назвать хладнокровно обдуманное стремление лишить жизни? – Она говорила тихо и спокойно. – Я не хочу спорить с тобой, правда. И я не стану притворяться, что знаю, каково это, потерять семью... – Она прокашлялась, когда перехватило дыхание. – Я не могу представить этого. Но если ты исполнишь задуманное, то станешь убийцей. Ты ничем не будешь отличаться от лессеров.

Повисло долгое молчание. Но по отсутствию щелчка Пэрадайз знала, что он не повесил трубку.

– Сострадательней тебя я никого не встречал, – сказал он, наконец.

– Не правда.

– Правда. Пэрадайз, ты – хороший человек.

– Не возноси меня на пьедестал. Моя репутация безнадежно испорчена.

– Сомневаюсь.

Пауза. Потом:

– Хорошего сна? И если ты очнешься посреди дня, почувствовав чьи-то руки на своем теле, знай, что это я. По крайней мере, в моих снах.

– Ты вгоняешь меня в краску.

– Хорошо. А когда окажемся в классе, я постараюсь не пялиться на тебя все время.

– Не перестарайся.

– Тебе нужно оберегать добродетель, – сейчас его голос стал серьезным.

– Моя добродетель, моя проблема. Не твоя.

Крэйг недовольно заворчал:

– Я позвоню завтра в семь. Поднимешь гребаную трубку.

Пэрадайз рассмеялась.

– Тебе уже говорили, что ты – доминант?

– Нет, потому что я никого не слушаю.

– Значит, если я скажу, что ты также обалденный, то ты снова бросишь трубку?

– Вероятно.

– Ладно, тогда хорошего дня, и ты обалденный... – она резко села, прижимая трубку к уху. – Стой, мне не померещился твой смех?

– Померещился. Не было такого.

– Лжец. – Она улыбнулась так широко, что заболели щеки. – Ты смеялся. Только что.

– Это был *не* смех.

– Значит, хихиканье, звучит более мужественно? Хорошо, Крэйг, ты хихикал, я тебя подловила.

– Прекращай. – Сейчас он точно издал звук, похожий на...

– Ты хихикал!

– Нет!

– Да! – Она продолжала дразнить его, словно щекоча по ребрам. – Ты только что хихиииикал...

– Мне пора! Пока!

– Ты обалдееееенный....

Бип.

В этот раз положив трубку, Пэрадайз, паря, словно пузырьки шампанского в бокале, чувствовала себя невесомой.

И немного пьяной.

Глава 32

Когда наступила ночь, Марисса открыла дверь спальни и выглянула в коридор. В гостиной Ямы было тихо, поэтому она прошла в шелковой сорочке, ступая босыми ногами по деревянным половицам. Выглянув из-за угла, чтобы посмотреть на диван, она ожидала найти своего супруга, спящего головой в сторону кухни, ногами – в ее. Он всегда засыпал в такой позе, ведь из такого положения футбольный стол не загораживал экран ТВ.

Черный кожаный диван был свободен. Более того, красное покрывало с эмблемой «Ред Сокс», которое она подарила ему на прошлое Рождество, лежало свернутым.

Он даже не попытался лечь спать дома.

Покрывало было подсказкой. Она любила своего хеллрена всем сердцем, но мужчина был просто не способен накрывать свои ноги этим покрывалом, а потом возвращать на место. Это была их дежурная шутка, вместе с тем, что он не возвращает на место открывашки, и никогда, ни при каких условиях не включает посудомойку.

Шумно выдохнув, Марисса закрыла глаза и прислонилась к дверному косяку.

– Он не вернулся сюда прошлой ночью.

Услышав голос Ви, она посмотрела на его грудку компьютеров. Брат склонил голову к нескольким экранам, его полный интеллекта бриллиантовый взгляд смотрел на нее, не моргая... и не осуждая. И не было причин скрывать от парня свою боль. Во-первых, он был братом Бутча, во всех отношениях; и, во-вторых, Вишес слишком хорошо ее знал и видел насквозь.

– Мы вчера вечером крупно поругались.

Ви достал самокрутку.

– Из-за чего?

Пройдя к дивану, Марисса села и натянула сорочку на колени, разглаживая ее.

– Из-за секс-клуба.

Было бы безумно смешно наблюдать, в каком кашле зашелся Ви, будь она в лучшем настроении... было что-то невероятно приятное при виде невозмутимого Брата в состоянии шока. К несчастью, причина в том, что она была пай-девочкой.

– Прошу прощения? – его брови взмыли так высоко, что исказили татуировки вокруг виска. – Из-за секс-клуба?

Марисса быстро и по существу пояснила проблему, а когда закончила, на лицо Ви вернулось привычное насмешливое выражение.

– Да. Он рассказывал мне. Просил пойти с ним.

Она дернулась и не смогла скрыть этого. Она верила, что Бутч никогда не изменит ей... ради всего святого, будучи связанным мужчиной, он никогда не смотрел на других женщин; с таким же успехом они могли быть ходячими тостерами. Но было что-то интимное в участии Ви, потому что она чувствовала себя... не у дел, но ведь это глупости.

И еще неадекватность, ведь Бутчу нужно было присутствие Ви в том месте, а ее видеть он не хотел.

К тому же, это было правдой. Увлечения Ви шокировали ее немного... не потому, что она считала его извращенцем, но потому что это было *слишком* в сексуальном плане... и разноплановым.

– Ты же знаешь, что он любит тебя, – пробормотал Ви. – Брось.

– Знаю.

– И между нами нет ничего *такого*.

– Я не хотела оскорбить тебя.

– Ты не оскорбила.

– Нет, оскорбила. – Когда Брат замолк, Марисса поняла, что попала в точку. – Я просто... порой я не хочу, чтобы меня защищали. Если ты понимаешь меня. В смысле, этот вопрос с женщиной, которая умерла у меня на глазах... он мой. Понимаешь? Это моя... ответственность. Я благодарна Бутчу за помощь, она нужна мне... но когда меня отодвигают в сторону, потому что я «хорошая девочка» и якобы не могу справиться с определенными вещами... кажется, что он считает меня слабой или поверхностной.

– Слушай, мне нельзя вмешиваться в это.

– Знаю. Прости.

Марисса собралась встать, но Ви добавил:

– Он оберегает тебя. Ты как... ты для него как Дева Мария. Женщина, на которую он молится. Для него ты – самая идеальная женщина, когда-либо жившая на земле. Отвести тебя в подобное место для него – что смотреть порно в церкви. Он считает тебя чистой, добродетельной и доброй, и он хочет... приготовься к слову на букву «З»... защищать тебя от мира, жестокого, грязного и отвратительного.

Покачивая головой, она подумала о Бутче и проблеме с минетом.

– Я не хочу, чтобы все было категорично, только черное или белое. Я не хочу сидеть в клетке, даже если он закрыл меня там, потому что любит во мне какие-то черты.

Кресло Ви скрипнуло, когда он откинулся на спинку и выдохнул ровный поток дыма. Забавно, только переехав сюда, она возненавидела этот запах. Но сейчас? Он был подобен благовониям, напоминал о безопасности и доме... она почти перестала его замечать.

Блин, присутствие Ви, каким бы холодным и рациональным он порой ни был, также приносило ей комфорт.

– У меня нет простого ответа. – Брат нахмурился. – В смысле, твой парень делит все на хорошее/плохое, белое/черное. Он так устроен. Но в этом и есть хорошие моменты. Он никогда не проявит к тебе неуважение. Не будет относиться плохо. Сосредотачиваться на чем-то кроме тебя.

– О, я знаю все это. Но сейчас он встает на пути не просто чего-то очень важного для меня, а того, что по праву принадлежит мне. А когда любишь кого-то, то это неприятно, даже если тобой движет любовь, и ты желаешь только добра.

Повисло молчание.

– Давай я поговорю с ним.

– Я была бы очень признательна. – Он тихо выругался. – В последний раз у нас возникли проблемы. И это разбивает мне сердце.

– В этом суть отношений. Даже самых благополучных.

– Наверное.

– Слушай, ты единственная, с кем он хочет быть. – Брат поднял руку. – Да-да, ты знаешь это, но я должен повторить. Так или иначе, твое изящество и утонченность и да, аура

хорошей девочки – то, что его привлекает в тебе. В смысле, подумай, он пробовал с Хекс, и это был простой секс... ничего другого и быть не могло. Ты – его тип, а не кто-то вроде нее.

Марисса подскочила так, будто ей на голову вывалили ведро со льдом.

– Он с ней спал?!

В это время в учебном центре, Бутч сидел за столом Тора и паялся на мелькающие разноцветные линии, сворачивающиеся по спирали на мониторе.

Что он продолжил пережевывать, что он пережевывал в мыслях целый день, – это *что*, черт возьми, не так с ним. После того как Марисса эпично бросила его в бильярдной, он продолжил пить, точнее, напиваться в стельку... но не помогло. Да, конечно, тело было накачено алкоголем под завязку, настолько, что доползти до Ямы на ночлег стало невыполнимой миссией.

Черт, это был вызов – дотащить себя до одного из диванов возле столов для пула.

К сожалению, его мозги оставались трагически ясными.

И, что хуже всего? По непонятной причине в голове застрял образ его сестры... как она смотрела на него с заднего сиденья той машины, на которой ее увезли, чтобы потом изнасиловать и убить... картинка постоянно всплывала, словно разум был «одноруким бандитом», который снова и снова выбрасывал проигрышные комбинации.

И, к черту непонятную причину. Дело в мертвой женщине Мариссы, конечно. И он догадывался, что если сестра с Мэри и покопаться в его мозгах, то любимый терапевт Братства скажет ему, что его прошлое получило пинок от настоящего, и сейчас он мучился от посттравматического синдрома...

Дверь в шкаф с принадлежностями широко распахнулась. И в Бутче было достаточно алкоголя, чтобы не подскочить и не завизжать как девчонка.

– Ви? – выдохнул он, когда в офис зашел его лучший друг.

Окей, к слову о пост-травме: Вишес был растрепанным, тяжело дышал, ледяные глаза были раскрыты как два блюдца, черные волосы торчали во все стороны... он задыхался так, словно бежал по туннелю, а не спокойно шел.

– Что? – требовательно спросил Бутч. – Док Джейн в порядке? В Яме? Господи, да что стряслось!

Ви просто прошелся по офису, а потом с размаху плюхнулся в зеленое, уродливое и любимое кресло Тора по другую сторону стола. Подперев голову рукой в перчатке, он сказал:

– Только что исполнилось одно из моих старых видений.

Когда паника Бутча утихла, он закатил глаза:

– И что же это?

– Я только что поймел тебя.

Моргнул. Еще раз. Потом Бутч зашелся в смехе.

– Да, да, смешная шутка. Так, что Лэсс натворил на этот раз?

– Нет, я серьезно. Я подставил тебя. Капитально. Черт, мне охренеть как жаль.

Опершись на локти, Бутч выругался под нос.

– Без обид, но ты не можешь сделать ничего настолько плохого.

– Я сказал Мариссе, что ты трахался с Хекс.

У Бутча отвисла челюсть.

– Как... зачем... что...

Ви поднял руки.

– Я думал, она была в курсе, правда! Я не знал, что ты не сказал ей! Что за фигня, вы что не обсуждали дерьмо в духе кто-с-кем-спал-до-меня? Охренеть!

Если бы Бутча не охватила паника, он бы поржал над парнем. Ви не было равных в невозмутимости, убудюдок был настолько собранным, что мог сесть на бочку бензина посреди горящего дома просто потому, что устали ноги.

Похоже, они только что выяснили, что может растормошить его надпочечники. Приятно было узнать.

Но для Бутча это плохие новости.

Он накрыл лицо руками, потирая.

– Что она сказала?

– Немного. Она ушла в вашу спальню, оделась и отправилась на работу, невероятно спокойная. От чего я реально чуть не обосрался.

Бутч хотел ответить, что все будет хорошо, что все утрясется. Но, учитывая, как у них не ладилось в последнее время...

– Как вы вообще заговорили об этом? – спросил Бутч.

Ви вскинул ладони.

– Слушай, она завела разговор о вас.

– Про клуб?

– Ага. Ей кажется, что ты загнал ее в рамки девственница/шлюха, и ты душишь ее этим. И, слушай, знаю, тебе ни к чему мои советы, но ты должен завязать с этим дерьмом. Если она просто увидит пару человек, занимающихся сексом в публичном месте, это еще не значит, что она изменится. Что, по-твоему, должно произойти? Она внезапно превратится в подобную мне? Во-первых, ей нужна новизна в сексе, и, во-вторых, для этого ей придется повидать что-то более мерзкое... и более тупое, очевидно.

В последовавшем молчании половина его мозга была перегружена дерьмом с Хекс, а вторая пришла к внезапному осознанию.

Марисса была права. Это ему было неудобно видеть ее в подобном месте, а не ей.

Черт возьми.

– Так или иначе, теперь вам двоим нужно поговорить. Прости меня.

– Все нормально.

– Я думал, что помогаю. Я просто хотел подчеркнуть, что ты предпочитаешь ее. Что она – твоя девочка. И тебе не нужно от нее что-то большее.

– Это так. – Он нащупал сотовый. – Она собиралась на работу?

– Да. Так она сказала на выходе.

– Я позвоню ей. – Когда Ви вскочил с кресла, Бутч протянул руку. – Дружище, я не в обиде. Это моя вина, черт возьми. Кажется, мне нужно было признаться. Просто все, что было до нее, не имеет значение.

Ви сжал его ладонь.

– Я чувствую себя настоящим дерьмом. Дай знать, если захочешь *рит*.

– Да брось, но тебе придется забирать мое белье из химчистки целый месяц.

– Разве Фритц не занимается этим?

– Это человеческая шутка.

– А, вот почему не смешно. – Ви вышел через стеклянную дверь. – Когда ты хочешь свободную ночь, чтобы посетить тот клуб?

– Вполне вероятно, что завтра. Охренеть.

– Ладно. Я веду спарринги в зале. Потом Зи рассказывает о ядах... уверен, что мне не нужно достать дегустатора?

– Все нормально. Но если Зи понадобится подопытный кролик, то возьмите Лэсситера.

– По рукам.

Когда Вишес ушел, беззвучно закрыв за собой дверь, Бутч набрал номер своей супруги, молясь, чтобы она взяла трубку. Когда включилась голосовая почта, он выругался, надеясь, что Марисса просто на совещании, а не сбросила звонок, злясь на него.

Она бы так не поступила. Нет, конечно, нет.

С другой стороны...

– Дерьмо.

Глава 33

К слову о непрерывной череде потрясающих мгновений.

Пережив спарринг в зале, а потом по-настоящему шокирующий урок о том, как убивать с помощью зелий и ядов, ей казалось, словно она узнала самый восхитительный секрет на планете. С каждым ударом, с каждой заметкой в блокноте, с каждым заданным вопросом и данным ответом, она с усилием сдерживала улыбку.

И отчасти потому, что с Крэйгом было то же самое.

Время от времени она ловила его взгляд из-под опущенных ресниц, и было ясно, что он думал далеко не о преподаваемом материале.

Нет, очевидно, мыслями он был в темноте, на телефоне. С ней.

И, обалдеть, не удивительно, что ее тело снова хотело его, хотело больше... так сильно, что она ерзала и разминала спину, постоянно меняя положение на стуле или боевую стойку – в зале.

Но, казалось, этого никто не замечал... хотя, может, это был самообман. А если и нет? Плевать. Перед тем, как покинуть дом и дематериализоваться к автобусу, она перечитала заявочный лист и подробную информацию... то есть все то, что она не показала своему отцу, не желая пугать его... и там не было упоминания о запрете отношений.

Или романтических привязанностей.

Или... чем они там занимались.

Значит, все было законно, согласно правилам. Они также достигли совершеннолетия, и да, конечно, если узнают Пэйтон и Энслэм, это может привести к осложнениям в Глимере, но: 1) у нее было достаточно компромата на Пэйтона, чтобы шантажом заставить его молчать; и 2) Энслэм был классическим самовлюбленным сукиным сыном с короной на голове, который не заметит даже розового слона в комнате, если тот не покажется ему полезным.

Когда черед занятий вышла на финишную прямую, Пэрадайз вошла в качалку. Крэйг шел впереди всех, и она позволила себе пялиться на его спину, оценивая ширину плеч, невероятный рост, и то, как он двигался со сдерживаемой злостью.

И да, на его изумительный зад.

Bay.

А потом все занялись делом, Брат Бутч раздавал им указания, определяя учеников на разные тренажеры и штанги.

– Пэрадайз, сегодня ты бегаешь, – сказал он, указывая на дорожки. – Один час. Перерыв в двадцать и сорок минут на воду. Разминка без наклона.

Она прошла по матам, направившись к ближайшему тренажеру, вставила ключ остановки и запрограммировала дорожку на шестьдесят минут на высокой скорости. Когда полоса начала свой ход, Пэрадайз запрыгнула на нее и сразу вошла в ритм быстрее обычного... с другой стороны, ее бедра ныли с прошлого вечера, который она провела в полуприсяде в оборонительной стойке. Но скоро стало легче, платформа вторила в такт ее «Бруксам» последней модели, дыхание становилось все глубже.

Крэйг надолго завис у гакк-машины⁶⁴. Упор в присяде.

К слову об эпохальном шоу.

Он взял на себя такой огромный вес, что Бутч и Тор вызвались подстраховать его с двух сторон, на случай, если он не удержит шестьсот фунтов. Устроившись под поддерживающей переладиной, он поднял обе руки, сделал несколько вдохов и, стиснув зубы, снял штангу со стойки и принял на свое тело. Его лицо мгновенно покраснело, мышцы и вены на шее вздулись, и он вернулся в устойчивое положение.

Вверх...

... и вниз.

Вверх...

... и вниз.

Несмотря на дрожь, видимую на поверхности кожи, его огромные мускулы и железный торс были каменно-твердыми, когда он снова и снова поднимал штангу. Пот бежал по его лицу, но Крэйг не замечал этого, и она не могла сдержаться, чтобы не представить, как выглядели его внушительные мускулы бедер под штанами, которым полагалось быть свободными: когда он опускался, ткань натягивалась, превращаясь во вторую кожу – настолько большими были его мускулы. На самом деле, казалось, что штаны треснут по швам...

Все произошло так быстро.

Одно мгновение Пэрадайз бежала в своем темпе, поддерживая скорость. В следующее – ее правая нога приземлилась частично на дорожку, частично на боковую рельсу.

Она полетела вниз слишком стремительно, чтобы поймать себя, ну или хотя бы ухватиться за что-нибудь рукой. Вместо этого она так сильно приложилась о консоль, отлетела и чуть не содрала лицо о ремень, потому что ключ для остановки тренажера, который она так предусмотрительно вставила в гнездо, не был прикреплен к ее одежде.

А дорожка продолжила ход.

Мгновение Пэрадайз была слишком ошеломлена, чтобы пошевелиться... но вспышки жгучей боли было достаточно, чтобы перевернуться с того места, на которое приземлилась. Господи, от тошнотворного запаха поджаренной плоти съежился нос.

И тогда она увидела ботинки.

Прямо напротив лица.

Внезапно раздалось разговора над ней, и она попыталась разобрать, о чем они говорят, но что-то попало в ее глаза. И голова болела. Почему у нее болела голова?

– ...Дока Джейн, срочно!

– ...носки?

– Быстро! Живо!

Вскинув руку, она попыталась стереть пот с лица, чтобы лучше видеть.

Не пот. Кровь: когда она посмотрела на ладонь, которой провела по лицу, на ней была размазана ярко-красная кровь.

О, дерьмо. Видимо, она очень сильно ранила себя.

И все потому, что вела себя как озабоченная девчонка.

Черт подери.

Когда Пэрадайз упала в другом конце качалки, Крэйг чуть не отбросил штангу в сторону, чтобы кинуться к ней. Но так не поступают с шестьюстами и восемьюдесятью фунтами... если, конечно, не хочешь покалечить себя или кого-то еще.

Со всем самоконтролем, который остался в нем, он сдвинулся на один шаг и положился на Братьев, которые помогли ему вернуть вес на стойку. Потом они втроем бросились к Пэрадайз. Крэйг потянулся к стоп-ключу, выдергивая его... потому что Пэрадайз была в опасной близости к рельсам, ее скрюченное тело наполовину лежало на гребаной дорожке.

– Пэрадайз? – позвал он.

Когда Бутч сел на колени рядом с ней, Крэйг едва не оттолкнул парня с дороги, но это же смешно. Во-первых, Брат был их преподавателем. Во-вторых, нельзя сделать более громкого заявления о нем и Пэрадайз, если он в критической ситуации начнет вести себя как долбаный собственник.

– Пэрадайз? – повторил он. – Пэрадайз...

Она села, услышав, как он зовет ее по имени, и потом повернулась в его сторону... о, Боже. Кровь. Столько крови. Так много... гребаный ад, он сейчас лишится сознания.

Братья раздавали указания, а потом Брат Тор ушел за помощью. И, значит, рядом с ней освободилось место, и тело Крэйга воспользовалось возможностью прежде, чем он подумал, чтобы сдвинуться с места.

– Я в порядке, – сказала она, отмахиваясь от рук и принимая сидячее положение. – Сама сглупила. Мне не нужна помощь.

Разорвав свою футболку, он скомкал ткань и прижал к ране над ее глазом.

– Замолчи, – пробормотал он, когда она начала с ним спорить. – Ты отправляешься в клинику. Наверное, придется наложить швы.

– Это просто порез.

– Что, по-твоему, означает куча красной жидкости?

– Не зачем так истерить...

– Я не стану спорить...

Они обменивались репликами, бросая друг другу резкие слова. Только когда он замолчал, чтобы перевести дыхание, Крэйг осознал, что все в качалке пялились на них с выражениями «не такие уж это и новости» на рожах.

Дерьмо.

Плевать, он должен убедиться, что она согласится на первую помощь. Потом подумает обо всех выводах, к которым придут окружающие.

И да, именно он поднял ее и уложил на каталку.

И да, если хоть один мужчина, включая ее друга Пэйтона или кого-то из Братьев, прикоснется к ней, то он откусит паскуднику руку.

Когда ее вывезли в коридор, Пэрадайз продолжала спорить с ним, и он понимал, что она сама испугалась и таким образом пыталась прогнать страх.

– Это смешно. – Но, по крайней мере, она не отрывала его рубашку от лица. – Мне всего лишь нужно сполоснуть лицо, и кровь остановится.

– Ага, ведь вода прекрасно разберется с двухдюймовым разрезом на лбу.

– Ты преувеличиваешь!

– Значит, ты ходила в медицинский колледж?

Когда они добрались до двери в клинику, он собирался войти вместе с ней, но Бутч загородил ему путь:

– Ты должен вернуться к классу.

Крэйг открыл рот, чтобы возразить... и тогда до него дошло, что он вконец лишился разума. Когда он встретил эту женщину, четыре, пять ночей назад? Это было неуместно.

Но, даже понимая это, он покачал головой.

– Я не уйду.

– Им нужно осмотреть ее, – настаивал Брат. – Целиком, если ты понимаешь, к чему я клоню.

Крэйг выругался и бросил последний взгляд на медленно закрывающуюся дверь, когда Пэрадайз закатили в смотровую. Будто почувствовав, что он покинул ее, Пэрадайз оглянулась, ища его взглядом.

– Я... эм... – Крэйг прокашлялся. – Я бы хотел увидеть ее после осмотра.

– Без проблем, если она не будет против.

Крэйг кивнул и приказал ногам сделать разворот кругом и вернуться в качалку. Они среагировали спустя полминуты, и, к слову о заторможенности... его ноги не торопились вернуть его туда, где ему положено было находиться.

И, вот так приятная неожиданность, Пэйтон ждал его снаружи качалки.

Ругаясь себе под нос, Крэйг приготовился к новой драке с парнем.

– Когда это произошло? – требовательно спросил парень.

– Когда что произошло?

– Вы с ней.

Мужчина взирал на него со странным спокойствием, которое могло означать принятие или же готовность к нападению. Забавно, его идеальная модельная внешность и аристократическое поведение вкупе с семейным богатством делало парня лучшим кандидатом из каталога «иХармони»⁶⁵ для женщин.

И все же, Пэрадайз по неясной причине выбрала Крэйга.

Должно быть, она сошла с ума.

– Между нами ничего нет, – ответил Крэйг.

– Не вешай мне лапшу на уши, ясно? Ты связан с ней.

– Черта с два.

Пэйтон многозначительно закатил голубые глаза. Потом нахмурился.

– погоди, ты серьезно.

– О чем ты вообще?

– Ты серьезно не понимаешь этого. Ты не замечаешь свой связующий запах... или тот факт, что ты скалил на всех клыки, когда мы хотели помочь ей. Ты серьезно, черт возьми, не осознаешь этого.

Крэйг моргнул пару раз, как корова. Потом посмотрел налево от парня, измеряя расстояние между своим лбом и бетонной стеной. Может, если он приложится черепом достаточно сильно, то удастся повредить мозг и выбить краткосрочные воспоминания. Тогда он сможет забыть, что вообще знаком с этой женщиной.

Пэйтон начал смеяться.

– Знаешь, я хочу тебя ненавидеть, правда, очень хочу. Она – одна из лучших женщин, что я встречал. Но вместо этого, мне тебя жаль.

– Это еще почему? – выдавил Крэйг.

– Потому что ты зашел так далеко, и все равно выступишь этому. За этим будет весело наблюдать.

– Рад повеселить тебя.

Пэйтону хватило наглости хлопнуть его по плечу.

– Ты уж хорошо позаботься о ней... иначе я найду тебя и убью. Медленно.

Крэйг отступил назад.

– Не понимаю, о чем ты.

– О да, как же, не понимаешь.

Пэйтон, все еще смеясь, повернулся к открытой двери.

Крэйг схватил парня.

– Как ты с ней познакомился?

Повисла пауза. Потом:

– Она работает в доме для аудиенций.

– Я там же ее встретил.

– Проясним ситуацию: порой мне кажется, что я люблю ее. – Пэйтон снова закатил глаза. – Господи, перестань, наконец.

– Что перестань?

– Ты скалишься на меня.

М-да. Вот так сюрприз. Верхняя губа поднялась, обнажая удлинившиеся клыки.

– Прости.

– Да, конечно, ты не связан с ней. Вовсе нет. – Пэйтон скрестил руки на груди. – Так или иначе, прежде чем ты вцепишься мне в зад, скажу: я ее даже не целовал. Ей это не

65 eHarmony – популярный сайт знакомств

нужно. От меня. Вместе с тем – я полный придурок, и она права, что у меня есть пара дурных привычек. Просто запомни, что я сказал.

– А я-то надеялся забыть об этом разговоре.

– Этому не бывать. – Внезапно Пэйтон сузил глаза, в них сияла чистая агрессия. – Любой, кто причинит боль этой женщине – мой враг. Я могу быть аристократом, но я способен на откровенно зверские действия, чтобы защитить свое, усек?

Крэйг оценил его лицо.

– Я не могу ничего обещать.

– И что это значит?

– Я должен... выполнить кое-что... после обучения, и в этот список не входит брак и семейная жизнь. Связан я или нет, этого ничто не изменит. Даже она... и Пэрадайз это знает.

Пэйтон понизил голос, он стал настолько тихим, едва слышным:

– Тогда ты глупец. Непробиваемый дурак. – Но потом парень пожал плечами. – Но, хэй, есть и хорошие новости. Это значит, что у меня с ней не все безнадежно. И прежде чем мне придется вколоть тебе прививку от бешенства, пошел ты. Если ты уйдешь, то будешь виноват сам, придурок... и клянусь, я приударю за ней с серьезными намерениями.

Когда внутренний зверь Крэйга поднялся на дыбы, рыча, мужчина вернулся в качалку, и это к лучшему.

Да.

Один ученик уже в клинике. Два – перебор для всего класса.

Особенно если второго доставят туда по частям.

Глава 34

Марисса проговорила с Бутчем всю ночь.

Даже когда проводила встречу с персоналом, собеседование на должность специалиста по охране психического здоровья, разговаривала с Мэри... на задворках разума она вела диалог с Бутчем.

Воображаемые сцены того, как она в праведном гнев набрасывается на его жалкий зад, с музыкальным сопровождением в виде его согласия, что он – упрямый осел, который нуждается в двенадцати видах терапии. И тот факт, что за все это время Бутч позвонил трижды и написал дважды, совсем не помогал... с другой стороны, он мог нанять Пэрри Мейсона⁶⁶ защищать его в суде, и все равно бы получил пожизненное без права на секс со своей шеллан. Она не ответила ни на одно его сообщение и сказала себе, что отгораживается потому, что сначала хочет правильно подобрать слова. Реальность была менее похвальной: ей было больно, она чувствовала себя отвергнутой, задвинутый на задний план, и она хотела, чтобы он на себе узнал, каково это.

Ужасное поведение с ее стороны.

Дражайшая Дева в Забвении, она никогда не замечала за собой язвительности, и это отвратительно, что ее озлобляло самое ценное на свете – отношения с супругом.

И эта щекотливая ситуация заставила ее уйти пораньше с работы. Написать Бутчу, что она будет ждать его с тренировок. Решиться на серьезный разговор.

И когда она появилась в особняке и окинула взглядом парадное фойе, Марисса могла думать лишь о том, сколько народу ежедневно бывало здесь. Стремясь к уединенности, она спустилась в учебный центр. Во-первых, решив поговорить, она хотела как можно скорее

⁶⁶ Перри Мейсон (англ. Perry Mason) — практикующий лос-анджелесский адвокат, литературный персонаж из детективных романов Эрла Гарднера. Главным отличием Мейсона от других литературных адвокатов является то, что помимо представительства клиентов в суде Мейсон проводит своё частное расследование, параллельно с полицией осуществляет собственные следственные мероприятия, самолично исследует места преступлений, обстоятельства их совершения, вещественные доказательства и добывает другие сведения, которые могут помочь оправдать его клиентов и изобличить истинных преступников.

увидеться с Бутчем; и во-вторых, Яма была слишком тесной, и она не знала, где были Ви с Джейн.

Видит Бог, она не хотела, чтобы кто-нибудь слышал их.

Оставляя пальто и портфель у потайной двери под главной лестницей, Марисса ввела нужный код – 1914 – и спустилась по низким ступенькам. Введя еще раз ту же комбинацию цифр, она вышла в подземный туннель и направилась в сторону учебного центра. Время от времени приходилось вытирать вспотевшие ладони о заднюю часть брюк и постоянно поправлять волосы, которые она в кои-то веки оставила распущенными.

К тому времени, как Марисса вышла из шкафа с принадлежностями, ее сердце гулко стучало, во рту пересохло, а живот скрутило.

Столько лет промучившись от приступов паники, она молилась, чтобы ее нервы не завели ее в этот ад снова.

Посмотрев на тоненькие часики «Картье», которые Бутч подарил ей в их первую годовщину, она решила, что ждать придется долго. По меньшей мере, час.

Чудесно, сейчас она чувствовала себя в плену аквариума.

Бросив взгляд через плечо, она посмотрел на закрытую дверь, гадая, не стоит ли ей, руководствуясь теорией «упражнения помогут прочистить мысли», пройти по коридору пару дюжин раз, но идея не казалась ей привлекательной. К тому же, рано или поздно, даже если Бутч не напишет ей, ему придется посетить главный дом ради Последней Трапезы, тогда она точно его поймает.

Посмотрев на стол, Марисса подошла к нему и села в офисное кресло. Компьютер принял ее логин, и потом она вошла в почтовый аккаунт, который создала для ответов на приглашения на Бал Двенадцатого Месяца.

– Вау. – Она подалась вперед к экрану. Ее ждало несчетное количество ответов. – Только если все не с отказом.

Ради всего святого, там было не меньше сотни непрочитанных сообщений, и, начав с верхушки, она обнаружила... все «да».

Мы принимаем ваше приглашение с большим удовольствием...

Разумеется, мы с моим хеллреном...

С великим предвкушением мы скромно принимаем...

Прежде чем углубиться в чтение, Марисса открыла боковой ящик и достала желтый линованный блокнот. Взяв синюю чернильную ручку, она расчертила таблицу с «Имя», «Ответ» и «Номер» в шапке. Переводя взгляд с компьютерного экрана на бумагу, она помечала имена и ответы, и на половине списка наткнулась на имя брата.

Кликнув два раза по жирной записи, Марисса задержала дыхание. И выдохнула.

Он не придет. Тремя вежливыми предложениями он ответил, что будет в клинике, и выразил свою признательность.

Забавно, она чувствовала облегчение и странное огорчение. Она ожидала, что он придет, особенно после того, как женщина, выдвинувшая предложение, упомянула, что ее рекомендовал в том числе и Хэйверс.

Откинувшись в кресле, Марисса подумала о своей столкнись-с-прошлым цели. Роф давно извинился перед ней, и то, как он легко и тепло принял Бутча и их брак, многое значило. На самом деле, она никогда сильно не переживала из-за того, что произошло между ней и Королем, обдумав их вынужденную помолвку и все, что произошло после, она поняла, что полностью простила его. Она чувствовала к нему только любовь... и знала, что он поговорит с ней, если она захочет или в случае необходимости. Она действительно была с ним в мире.

Глимера же, с другой стороны? Она была зла... даже в ярости на них и их стандарты, но она же не могла выстроить в ряд этих предосудительных ублюдков и накричать на них. Независимая жизнь вдалеке от этого – более здоровая и успешная стратегия.

А что касается Хэйверса? Она планировала поговорить с братом во время бала... но, на самом деле, это плохая идея. К слову об уединенности... и, может, карточках с тезисами. Она даже не знала, что сказать ему.

В этом проблема решимости. Нельзя насильно сделать что-то, если еще не готов к этому. А ее чувства все еще были не стабильны.

Да, подумала она. Отсутствие брата существенно облегчит ей задачу. И даст меньше поводов для перешептываний Глимеры.

Она поговорит с ним, но позже и, может... блин, может, даже встретится с ним и Мэри... если он согласится? Кто знает.

Бутч был ее основной проблемой. И та убитая женщина, разумеется.

Собираясь с мыслями, Марисса закончила пересчет, закрыла почту и прикинула количество гостей. Если тенденция с почти стопроцентным согласием продолжится, в доме Абалона соберется почти четыре сотни человек. В два раза больше ее ожиданий при расчете расходов на еду и выпивку... которые, разумеется, она понесет сама, будучи главой праздника.

Откинувшись на спинку, Марисса снова посмотрела на часы. По крайней мере, она скоротала тридцать минут.

Беспокойная, встревоженная, нервная... она подвигала мышкой, наблюдая, как маленькая стрелка выписывает круги на экране.

Блин, она была чертовски зла на Бутча. Хотя она значительно успокоилась, ей все равно было больно и...

Нахмурившись, Марисса остановила мышку.

Внизу выстроенных в ряд ярлыков была крошечная картинка с... затылком ее хеллрена?

Должно быть, она ошиблась.

Она кликнула два раза на ярлык, и всплыло окно входа. В поле «имя пользователя» уже было введено «БУТЧ ДЭС», поле для ввода пароля было пустым.

Не было заголовка и названия, ничего, указывавшего на содержание файла. И от этого ей стало грустно, учитывая их отношения в настоящий момент, она была очень подозрительна.

С другой стороны, когда ты скрываешь что-то от любимого человека, вполне вероятно, что он начнет сомневаться во всем подряд.

Положив руки на клавиатуру, она ввела его привычный пароль: «1МАРИССА1».

И да, он пропустил ее к...

Это было видео, застывшая картинка была готова к проигрыванию, Бутч сидел за столом, камера располагалась за его головой.

Нажав на стрелочку, Марисса запустила проигрыватель и принялась наблюдать, как ее супруг смотрит на черный ключ с красной кисточкой. Звука не было, по крайней мере, она не слышала, но она могла представить, с каким глухим стуком ключ каждый раз падал на блоттер.

В комнату зашел молодой парень.

Должно быть, один из учеников.

Они начали разговаривать. Очевидно, это было одно из собеседований, имевших отношение к учебной программе... и все шло плохо, судя по лицу парня.

Когда Бутч поднял ключ, стало очевидно, что они разговаривали о нем.

Пора включить звук, подумала Марисса и начала жать на разные кнопки. Разговор пошел быстрее. Спустя несколько проб и ошибок, она выяснила, что нужно было включить звук на колонках... но ничего не добилась. Прошла целая, черт возьми, вечность, прежде чем она выяснила, что кто-то выключил колонки из гнезда непонятно с какой целью.

«...Так... каково это?» – спросил мужчина.

Выпрямившись, она не сводила глаз с головы Бутча. Он ответил не сразу.

«В зависимости от срока давности и обстоятельств. Свежее убийство... особенно жестокое... грязное дело».

– О чем ты рассказываешь? – спросила она вслух.

«Части тела не любят, когда их разрезают, прокалывают или нарезают на кусочки, и в отместку создают кучу грязи. Господи, мы же на семьдесят процентов состоим из воды? Ты осознаешь это, когда оказываешься на свежем месте преступления. Море крови. Подтеки. Пятна. Еще есть грязная одежда, ковры, простыни, стены, полы... или, если на улице, то земля, бетон, асфальт. А еще запах...».

Милостивый... Боже, подумала Марисса, когда ее накрыла волна печали.

Бутч продолжал.

«Старые случаи... запах хуже всего. Вздувшиеся утопленники просто уродливы... а если накопленный газ выходит? Вонь сбивает тебя с ног. И, не знаю, погорельцы не лучше».

Очередная пауза.

«Знаешь, что я ненавижу больше всего?».

Он указал на голову.

«Волосы. Волосы... Господи, гребаные волосы, особенно женские. В крови, грязи, с камешками... спутанные, свалявшиеся... на серой коже. Ночами, когда я не могу уснуть, я вижу именно волосы».

Бутч начал потирать руки.

«Знаешь, всегда приходится носить перчатки.... Чтобы не оставить своих отпечатков после себя. В старину использовали латексные, позже перешли на нитриловые. И порой, когда осматриваешь тело, волосы прилипают к перчаткам... словно хотят забраться внутрь тебя. Словно... от убитого можно заразиться смертью».

Он покачал головой.

«Эти перчатки чертовски тонкие. И они не помогают».

Ученик нахмурился. «Тогда зачем ты носил их?».

«Нет, с отпечатками все нормально. Но я всегда оставлял частицу себя на тех телах. В каждом из них... остался я».

Марисса выключила звук. Остановила видео.

Уронила голову на руки.

– К утру будешь как новенькая.

Когда Док Джейн протянула зеркало, Пэрадайз собралась с духом и взглянула в отражение... ну, на самом деле, все было не так плохо.

– Сколько здесь швов?

– Двенадцать. Но все заживет без шрама.

Подняв руку, она прикоснулась к крошечным черным узелкам рядом с бровью.

– Было столько крови, казалось, понадобится не меньше сотни.

Док Джейн наклеила небольшой пластырь поверх своей работы, а потом со шлепком, пронесшимся комнате, выложенной плиткой, сняла хирургические перчатки.

– В этой области обширная сосудистая сетка. Наверное, стоит взять вену, если прошло много времени с последнего раза... не экстренный случай, но ты потеряла достаточно крови, а вы, ребята, слишком напряженно тренируетесь.

Или, в ее случае, теряете концентрацию иставляете себя на посмешище.

– Ты можешь дожидаться автобуса, либо, если не хочешь слоняться без дела, я могу попросить дождена, чтобы он отвез тебя в безопасное место, откуда можно дематериализоваться.

Опуская зеркало, Пэрадайз попыталась представить, что скажет отец, увидев ее лицо.

– Я могу остаться здесь на день? Я не могу... я не хочу возвращаться домой в таком виде.

Супруга Ви улыбнулась, запустив руку в коротко стриженные волосы, ее взгляд цвета листвы сиял добротой.

– На самом деле, я думала о том же... но я не стану никого запирасть в клинике без медицинских показаний. Как в твоём случае. Просто... так будет спокойнее для твоего отца.

– Не возражаешь, если я позвоню ему по мобильному?

– Конечно. Если не будет сигнала... иногда связь не ловит... в комнате отдыха есть стационарный телефон.

– Большое спасибо, – поблагодарила ее Пэрадайз, скинув ноги со стола. – Я ничего не чувствовала, пока ты накладывала швы.

– Пэрадайз, ты хорошо справляешься. Все так гордятся тобой.

– Спасибо.

Приземлившись на ноги, она посмотрела вниз, морщась. Ее «Бруксы»⁶⁷ были покрыты пятнами крови... ничего страшного, главное не надевать кроссовки при отце. Да, ей определенно стоит заночевать здесь, подумала она, выходя в коридор.

И, только толкнув дверь в комнату отдыха, до нее дошло...

Они с Крэйгом будут спать под одной крышей.

Весь день.

Когда ее тело сложило два плюс два, придя к ответу с кучей обнаженки, Пэрадайз подумала... если она пережила иголку с ниткой, то может воспользоваться шансом, чтобы кто-то своими поцелуями поднял ей настроение.

Ммм.

Подойдя к тому месту на полу, где она скинула свой рюкзак посреди чужих сумок, Пэрадайз подняла его и положила на ближайший стол. Расстегнув его, она принялась копаться в поисках телефона. Но не нашла его.

Нахмурившись, она перевернула «Бэлли» и вытряхнула содержимое на стол. Роясь среди пачек «клинексов», кошелька, тюбиков с тушью, «Киндл»⁶⁸, мелочи, «Чапстик»⁶⁹ и прочими безделушками, она понимала, что ей нужно быть более организованной. Так, и где... Ее телефона там *не* было.

Что за ерунда? Она забыла его дома? Она могла поклясться, что положила его вместе с другими вещами.

Наклоняя к себе открытую сумку, она порылась в пустом мешке, потом расстегнула передний карман, только чтобы обнаружить очередную партию бесполезного хлама...

Ее телефон был в кармане без застежки.

Нахмурившись, она без причины окинула взглядом пустую комнату. Проблема в том, что она никогда не клала в этот карман свой сотовый... она всегда слишком торопилась, чтобы возиться с замком. К тому же ее терзала параноя, что она забудет пристегнуть карман и потеряет мобильный.

Она никогда в жизни не клала его туда.

Кто-то копался в ее вещах?

Одно за другим, Пэрадайз прошла по предметам на столе. Казалось, ничего не пропало, хотя она не держала в голове полный список своих пожитков. Она проверила кошелёк: удостоверение, кредитки и наличные – все было на месте.

Ну, если что-то забрали, то оно стоило не больше пары центов.

67 «Brooks Brothers» является одной из старейших марок мужской одежды в США. Основанная в 1818 году как семейный бизнес, в настоящее время эта частная компания принадлежит корпорации Retail Brand Alliance со штаб-квартирой на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке.

68 Amazon Kindle — серия устройств для чтения электронных книг, выпускаемая компанией Amazon.com. Устройства Amazon Kindle позволяют пользователям делать покупки, загружать, просматривать и читать электронные книги, газеты, журналы, блоги и другие цифровые медиаданные через беспроводную сеть.

69 Чэпстик - самый популярный бальзам для губ в США,

Собрав вещи назад в сумку, она проглотила подкатившее к горлу жуткое ощущение, а что ей оставалось? Обратиться к Братьям с «ребят, мой телефон переложили в другой карман и...».

Ага. Точно.

Экран показывал отсутствие сигнала, и она подошла к стационарному телефону, вмонтированному в стену возле холодильника со стеклянными дверьми, наполненным спортпитом от «Гаторейд»⁷⁰, колой и разными соками. Она сняла трубку, и гудки были такими же, как и в доме для аудиенций, поэтому она набрала «9» для внешнего вызова и вбила номер отца. Ответил Федрика, и она радостным голосом сообщила дворецкому, что проведет весь день в учебном центре, потому что трудилась над каким-то проектом, чтобы заработать дополнительные баллы. Она также убедила его, что за ней будут наблюдать.

И это правда. Она не будет одна... не то, чтобы она уточняла.

Крэйг позаботится о ней.

– Больно?

Повесив трубку, она посмотрела на дверь. Крэйг стоял в дверном проходе, его голый торс блестел, грудные мышцы и пресс четко очерчивались под потолочным светом.

Чуть опустив веки, Пэрадайз наслаждалась видом... думая, что на самом деле, одно местечко у нее заняло.

– Алло? – спросил он.

– Я остаюсь здесь на день.

Когда Крэйг застыл, как вкопанный, и сузил глаза, она подняла мобильный.

– Нет сигнала. Нет связи. Похоже, нам придется придумать другой способ созвониться в семь?

Глава 35

На парковке учебного центра, Бутч проводил четырех учеников до двери автобуса, убедившись, что все сели. Потом он вернулся и пересек длинный коридор, неспешно направляясь в офис. Он не представлял, где была Марисса, но надеялся, что когда она поднимется в особняк, она позвонит ему, напишет, как-нибудь свяжется.

Он случайно оставил телефон на столе в столовой. Но, может, оно и к лучшему. Он довел себя до ручки, постоянно проверяя звонки во время Первой Трапезы.

Шлепая по пустому коридору к офису, он остро осознал, что в помещении не было никого кроме него: Ви и Тор уже ушли в особняк с Доком Джейн, Мэнни и Эленой на Последнюю трапезу, доджены тоже трудились на огромной кухне Фритца. Пэрадайз, Крэйг и Акс ужинали в комнате отдыха.

Милостивый Боже, что, если Марисса переехала из Ямы? – подумал он.

О, черт, что он будет делать, если...

Открыв стеклянную дверь, он застыл.

– Привет. – Его шеллан откинулась на спинку кресла.

Она была прекрасна в своей рабочей одежде и с распущенными светлыми волосами. Блин, он любил, как волны спускались по ее плечам, как у актрисы из «Игры престолов», а шелковая блузка нежно-пудрового оттенка подчеркивала ее кожу, казалось, будто она сошла с рекламы «Эсте Лаудер».

– Я получила твои звонки. И сообщения, – сказала она, посмотрев на него.

Войдя в офисное помещение, Бутч позволил двери самой закрыться за ним, и не знал, сесть ли в кресло. Пройтись. Может, рухнуть на колени и сразу начать с извинений.

– Прости меня...

– Прости...

⁷⁰ Gatorade — общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo. Разработан в 1965 году группой исследователей Флоридского университета по заказу университетской футбольной команды с целью восстановления жидкостей, теряемых организмом во время тренировок.

Они оба замолкли. И во время повисшей паузы они ждали, пока заговорит другой.

– Слушай, я должен был рассказать тебе о Хекс, – сказал Бутч, стиснув зубы. – Я не рассказал, потому что... просто я... это было до нас. Однажды ночью я встретил ее в клубе Рива... всего раз, и между нами не было ничего серьезного. Я даже представить не мог, что в итоге она будет жить с нами, и когда она переехала, это стало еще одним воспоминанием, которое я оставил позади, понимаешь?

– Я знаю. Я понимаю это.

Он ждал, пока она скажет что-нибудь, но Марисса просто смотрела на свои руки, и он, нахмурившись, сел в кресло напротив нее.

– Уверена в этом?

– Да.

Бутч покачал головой в продолжившемся молчании.

– Знаю, что я – не идеал, но если ты на самом деле думаешь, что я предпочитаю ее тебе, то я буду очень зол.

– Нет, я знаю, что это не так.

И она все равно ничего не сказала кроме этого. В образовавшемся вакууме он попытался удержать себя в руках и не выпрыгнуть из собственной кожи, вспомнил, как он и Хекс жали друг другу руки, шутили. Что теперь он ее должник, потому что она спасла его зад в переулке.

– Ради всего святого, она для меня – свой в доску чувак.

– Я знаю.

Подняв руку, Бутч потер дергавшийся левый глаз.

– Правда?

Господи. Что с ними происходит? Разговоры всегда давались им легко, как дыхание. А сейчас... тишина.

– Просто скажи это, – пробормотал он. – Что бы там ни было, как бы мне ни было больно, просто скажи это... не заставляй меня сидеть здесь и гадать, о чем, черт возьми, ты думаешь. У меня сейчас голова лопнет.

– Почему ты не рассказывал мне про волосы? – выпалила она.

Бутч резко вскинул голову.

– Что?

– Я видела собеседование. С учеником. – Она указала на монитор. – Посмотрела часть, в которой ты рассказываешь абсолютно чужому человеку что-то, о чем никогда не делился со мной.

– Собеседование... а... ты про это.

– Да, про это.

Бутч снова потер глаз.

– Это не существенно.

– Да, похоже, я вынуждена постоянно гадать, сколько еще всего не существенного ты мне не рассказываешь. В смысле, чего еще я не знаю? Прожив столько лет вместе, я считала, что знаю все... я думала... – Она задохнулась, но смогла справиться. – Бутч, чего еще я не знаю?

Когда он посмотрел ей в глаза, тревожное чувство поднялось по его позвоночнику. Она смотрела на него так, будто совсем его не знала.

– Марисса...

– Я была разбита, увидев избитую женщину на диване в гостиной Убежища. Само... уродство этой жестокости, страдания, боль в непосредственной близости, как она смотрела на меня, умоляла одним взглядом. – Плечи Мариссы задрожали. – Я не рассказывала тебе, потому что боялась напомнить о твоей сестре. Я не рассказывала тебе, потому что не хотела расстраивать. Вот. Я высказалась. Я не счастлива от этого, не чувствую себя лучше после этого... я просто скрывала это от тебя. О, а увидев снова своего брата, мое сердце переломилось надвое, я была сломлена. Я начала скучать по некоторым моментам моей

прошлой жизни, и от этого почувствовала себя так, будто предаю тебя. – Она вскинула руки. – Вот и все. А что ты скрываешь от меня?

Он открыл рот, но Марисса остановила его.

– Прежде чем ты начнешь говорить, я хочу, чтобы ты помнил, что я люблю тебя. Люблю всем, что у меня есть, каждой частицей своей души. Но если ты не поговоришь со мной начистоту, то я вернусь в Яму, соберу чемодан и перееду на время в Убежище. – Она уверенно смотрела ему в глаза. – Мы не протянем долго, если ты продолжишь приукрашивать происходящее, несмотря на нашу любовь. Если я продолжу приукрашивать происходящее. Это плохая стратегия для наших отношений... а если ты чувствуешь себя так, будто тебя заставляют здесь и сейчас принять решение? Словно я делаю тебе ультиматум? Мне все равно. Если что-то встанет на пути наших отношений, что угодно, я смету препятствие, не заметив... даже если это ты.

Бутч осознал, что перестал дышать, потому что легкие начало жечь... и, наполнив их воздухом, чувство удушья не прошло.

Марисса серьезно покачала головой.

– Речь не о том, был ты когда-то с Хекс или нет. Речь о том факте, что, по-твоему, я не смогу пережить это, если ты расскажешь мне. Ведь так? Ты не хочешь ранить мои чувства, это благородно, но не подгоняй происходящее между нами под гриф «неважно». Это уход от конфликта. – Она печально покачала головой. – То же самое с секс-клубом. И твоей проблемой с минетом... которую ты тоже отказываешься обсуждать со мной. Суть в том, что ты составил обо мне очень лестное, но весьма ограниченное мнение. Ты хочешь заботиться обо мне, но строишь вокруг меня клетку... и, без обид, но я выросла в Глимере, где мне указывали, что я могу или не могу делать в зависимости от того, кем я родилась. Я не стану больше терпеть это.

Боже... казалось, будто его подстрелили. И не потому, что болело какое-то конкретное место. Больше напомнило подступающий холод, когда ты истекаешь кровью из открытой раны. То же головокружение и выпадение из реальности.

– Так, Бутч, что ты выберешь? – тихо сказала она. – Как ты поступишь?

Марисса замолчала, искренне не понимая своего хеллрена, о чем он сейчас думал, услышал ли хоть что-нибудь из того, что она сказала. И это было странно: ее сердце не стучало как сумасшедшее, ладони не вспотели... что, учитывая перепутье, на котором они оказались, было удивительно.

С другой стороны, она высказала наиболее максимально спокойно и нежно. Сейчас все зависело от него; их будущее целиком и полностью было в его руках, во стольких смыслах.

Когда он заерзал в кресле, она приготовилась к тому, что он уйдет, но Бутч просто уперся локтями в колени и потер легкую щетину. Другая рука теребила огромный золотой крест, который он носил поверх черной рубашки.

Так, ладно, сейчас на ладонях выступил пот.

– Я... эм... – Он прокашлялся. – Столько всего сразу.

– Я знаю. Прости.

– Не извиняйся.

– Хорошо.

По неясной причине тихое гудение компьютера стало таким громким, словно ее уши так сильно хотели услышать что-нибудь от ее мужа, что усиливали внешние звуки.

Он снова прокашлялся.

– Я не знал, что настолько плох в этом.

– Плох в чем?

– В наших отношениях.

– Я по-прежнему люблю тебя. Я все еще хочу тебя. Ты ничего не испортил... и я тоже часть проблемы. Я ведь тоже многое замалчивала.

– Не уверен насчет этого. Я про «испортил».

Сейчас она тоже подалась вперед, протягивая руку через стол, хотя не могла до него дотянуться... вот вам и метафора.

– Бутч, не надо... прошу, не вини себя за это. Это никому не поможет. Поговори со мной. Ты должен поговорить со мной... это все, что я хочу сказать.

– Ты говоришь намного больше этого.

Она вскинула руки.

– Я могу не ходить в тот клуб, если это настолько ужасно для тебя. Я могу не доводить тебя до оргазма своим ртом, если это тебя не заводит. Я говорю только, что ты должен объяснить мне причины, мы должны проговорить это... сказать что-то еще кроме «потому что ты хорошая девочка, а хорошие девочки так не поступают и не способны справиться с этим».

Бутч вытянул пальцы и постучал по губам.

– Я не рассказывал тебе про ночные кошмары, потому что они настолько выбивают из колеи, что обсуждать это – последнее, чего мне хочется, когда я не думаю об этом. Я чертовски сильно злюсь, когда вижу это дерьмо, и мне кажется... поговорив об этом, я дам кошмарам большую власть над собой.

Она подумала о разговоре с шеллан Рейджа прошлой ночью.

– Уверена, что Мери выскажет прямо противоположное мнение. Чем больше ты говоришь об этом, тем меньше власти оно имеет над тобой.

– Может. Не знаю.

Мариссе захотелось проявить настойчивость, но она сдала назад. Ей показалось, что дверь приоткрылась, и последнее, что ей нужно – захлопнуть ее своим напором.

– А что до минета... – Краска прилила к его щекам. – Ты права. Я не хочу обсуждать это, потому что стыжусь себя.

– Почему? – выдохнула она.

– Дело в том...

Скажи, подумала она, видя его колебания. Ты можешь это сделать... *расскажи мне.*

Его взгляд метнулся к ее.

– Слушай, я не заинтересован в том, чтобы ты подвергала детальному анализу все, что я собираюсь сказать. Как я должен преодолеть себя. Ясно?

Брови Мариссы взмыли вверх.

– Разумеется. Обещаю.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал все, хорошо. Но если ты начнешь грузить меня психотерапией, то я не приму это адекватно.

Она никогда не вываливала на него «психотерапию», и прекрасно понимала, что он проводил сейчас границы, чувствуя уязвимость.

– Я обещаю.

Бутч кивнул, будто они заключили сделку.

– Я рос в католической традиции. В *настоящем* католицизме, а не повседневно-привычном смысле этого слова. И, прости... но меня учили, что только шлюхи и потаскухи делают это. А ты... ты – все, что я когда-либо захочу в женщине.

Внезапно он опустил взгляд, казалось, не в силах продолжить.

– Почему тебе стыдно? – прошептала она.

Он нахмурился так, что почти все лицо исчезло под его бровями.

Потому что я...

– Потому что ты хочешь, чтобы я довела тебя до оргазма?

Он смог лишь кивнуть. Потом резко поднял взгляд.

– Почему это такое облегчение для тебя?

– Что, прости?

– Ты выдохнула так, будто испытала облегчение.

Марисса улыбнулась ему.

– Я думала, что ты никогда не позволишь мне этого... а я всегда хотела узнать, каково это.

Лицо ее хеллрена стало алым. Ярко. Красным.

– Я просто... я не хочу проявить к тебе неуважение. А мое воспитание говорит, что это неуважение – кончить в рот своей женщины... тебе она не нравится, ты ее не любишь, не уважаешь. И да, конечно, мне давно пора избавиться от этих предрассудков, но это не так просто.

Марисса подумала обо всех проблемах, которые причиняло ей ее воспитание.

– Блин, я так тебя понимаю. Знаю, что давно пора перестать чувствовать боль и неуверенность из-за своего брата и проведенных в Глимере лет. Но я словно на горьком опыте узнала, насколько болит ожег от конфорки, понимаешь?

– Абсолютно. – Он слегка улыбнулся. Потом потер лицо. – Я настолько же красный, как я думаю?

– Да. И это восхитительно.

Бутч резко рассмеялся... но потом помрачнел. Надолго.

– Есть и другая причина. В смысле, с клубом... но это сумасшествие. То есть, полный бред.

– Я не боюсь. Пока ты продолжаешь говорить, честно, я ничего не боюсь.

Она уже чувствовала, как между ними растет связь... не кратковременная, которая приходит после хороших оргазмов, но потом снова приходится решать проблемы.

Эта связь была железобетонной. Каменно-твердой.

В духе я-раньше-любила-свою-половинку-а-сейчас-еще-больше.

И она поняла, что он был готов поговорить о своей сестре, потому что все его тело застыло... казалось, он перестал дышать. А потом пелена слез накрыла его прекрасные ореховые глаза.

Марисса было поднялась, чтобы подойти к нему, но Бутч резко провел рукой по воздуху.

– Не вздумай. Не прикасайся ко мне, не подходи. Если хочешь, чтобы я выговорился, ты должна дать мне пространство.

Марисса медленно опустилась на кресло. Сердце гулко билось за ребрами, и пришлось приоткрыть губы, чтобы пропустить воздух.

– Я всегда был суеверным... – сказал он тихо, словно обращаясь к самому себе. – Ну, суеверным и думал много. Рисовал всевозможные связи, которые не существуют на самом деле. Это похоже на то, что я рассказывал Аксу о перчатках. На рациональном уровне я понимаю, что не оставил на тех телах ничего своего, но... по ощущениям все иначе.

Когда он замолк, Марисса не сдвигалась с места.

– Моя сестра... – Опять прокашлялся. А потом, когда он, наконец, заговорил, его от природы хриплый голос, напоминал наждачную бумагу. – Моя сестра была хорошим человеком. У нас была большая семья, и не все хорошо относились ко мне. Она – хорошо.

Мысленно, Марисса вспомнила все, что знала о девочке: исчезновение, изнасилование, тело, обнаруженное неделю спустя. Бутч был последним, кто видел ее.

– Но у нее была и другая сторона, – сказал он. – Она тусовалась с кучей... черт, тяжело говорить... но она тусовалась со многими парнями, ты понимаешь, о чем я?

Сейчас его лицо было бледным, губы сжаты, орехово-карие глаза скрылись под веками, словно он проигрывал в голове плохие воспоминания.

Но потом он просто остановился. И когда он больше ничего не сказал, ей пришлось самой заполнить пропуски.

– Ты думаешь, что ее убили, – прошептала Марисса, – потому что она не была хорошей девушкой. Ты думаешь, что может, если бы она не занималась сексом с теми

парнями, то не оказалась бы в той машине, они бы не сделали с ней то, что сделали, и она бы не умерла.

Бутч закрыл глаза. Кивнул раз.

– И ты ненавидишь себя за то, что из-за этого ты считаешь ее виноватой... а это предательство. Винить жертву... и ты никогда ни за что не станешь винить жертву, никого, тем более свою родную сестру.

Он снова кивнул несколько раз. Потом стер слезу.

– Я могу подойти и обнять тебя? – спросила она сорвавшимся голосом. – Пожалуйста.

Когда Бутч смог лишь кивнуть в ответ, она бросилась к нему и обняла, притягивая к себе так, что она оказалась сидящей на столе, а он буквально рухнул ей на колени.

Склонившись над ним, чувствуя запах его волос и средства после бритья, поглаживая его огромные плечи, Марисса чувствовала, что любит его еще сильнее, чем прежде... на самом деле, чувства, переполнявшие ее сердце, были настолько внушительными, она не знала, как они умещались в ее теле.

– Это не ее вина, – сказал он хрипло. – Я знаю это. Сам факт, что я хоть однажды допустил такую мысль... это чертовски мерзко. Так же плохо, как и то, что я не спас ее... словно я сам посадил ее в ту машину. Господи, верить, что ее поступки стали причиной? – Бутч сел. – У меня капитально клинит голову из-за этого... если у меня будет дочь, – он быстро перекрестился, – ...и что-то произойдет с ней, и кто-то попытается обвинить ее из-за короткой юбки, или того, что она выпила один коктейль или даже семьдесят пять, или согласилась заняться с кем-то сексом, а потом передумала в процессе? Знаешь, что я сделаю с этим женоненавистником и говнюком?

– Убьешь его, сразу после того, как расправишься с преступником.

– Однозначно. Черт, да. – Он описал круг у своей головы. – Но потом включается старая пленка, и периодически она выбрасывает эту ужасную мысль... и я чувствую себя виноватым, до тошноты. На самом деле, сейчас я серьезно посматриваю на мусорную корзину, гадая, успею ли добежать вовремя.

Когда он отвел взгляд в сторону, она пожалела, что с ними не было Мэри. Наверное, именно поэтому люди обращаются к психотерапевтам... когда плотину прорывает, наверное лучше иметь под рукой квалифицированного специалиста.

– И, кстати, – добавил Бутч. – Я горжусь своей религией. Церковь не идеальна, но ведь и я не образец... и она принесла много хорошего в мою жизнь. Без веры, даже будучи с тобой, я был бы тенью от того, кем мог бы.

– Я тебя прекрасно понимаю, я чувствую тоже к своей вере.

Спустя долгое молчание Марисса взяла его руки в свои.

– Если я пойду в секс-клуб завтра, твое мнение обо мне испортится?

– Боже, нет.

Она кивнула.

– И если когда-нибудь ты примешь это, если я сделаю тебе минет и доведу все до конца, ты будешь осуждать меня?

Он резко рассмеялся.

– Наверное, я буду еще больше боготворить тебя.

– Ты все еще считаешь, что я хорошая девочка?

– Знаешь... на самом деле, да. – Его голос казался облегченным. – Да, в смысле, я никогда раньше не задумывался об этом... но я сто процентов люблю тебя.

– Значит, в отношении меня ты способен не обращаться к прошлому опыту?

– Да.

– То есть, в голове всплывет мысль, ты обдумаешь ее и отложишь в сторону, да?

– Ну да. – Он выдохнул. – Да, так я и делаю.

– Значит... почему ты не можешь поступить также со своей сестрой? Вспомни старую мысль, обдумай ее, принимая во внимание все, что ты знаешь о сестре, и обратись к внутренней вере в то, что вину нельзя накладывать на жертву, вне зависимости от того, что

она носила или как себя вела... и я готова поспорить, ты отвергнешь мысль, что твоя сестра каким-то образом способствовала ужасному, непростительное преступлению против абсолютно невинной девушки, какой она являлась. Готова поспорить, что ты сам придешь к такому выводу, и, наверное, никогда не станешь снова поднимать эту болезненную тему.

Он моргнул раз. Еще.

– Забудь про минет, – сказал Бутч.

– Прости, что?

Бутч уставился на нее с такой преданностью, будто она положила весь мир к его ногам.

– Кажется, сейчас я влюбился в тебя еще сильнее. И я не знаю... как такое вообще возможно.

И да, его связующий запах вспыхнул в комнате, и его ореховые глаза были так полны чувств и восхищения, что у нее немного закружилась голова.

Взяв его лицо в свои руки, она поцеловала его.

– Это намного лучше, чем раньше.

– Чем раньше что?

– Если меня поставят на пьедестал, – она еще раз прижалась к его губам в поцелуе. – Я хочу быть там как твой идеальный партнер, а не потому, что ты считаешь меня идеальной, хорошей девочкой.

Ее хеллрен улыбнулся.

– Так и будет. И у тебя есть я.

Когда он поцеловал ее в ответ, Марисса подумала о «счастливых концах», и решила, что настоящая любовь не означала отсутствие проблем, и «вовсеки веков» не подразумевает круиз-контроля. Все начинается с влечения, потому что ты открываешь свое сердце и душу... но это – что и без того не просто – всего лишь первый шаг на большом пути.

Нужно пройти еще много дорог на пути к большому принятию и более глубокому пониманию.

И там ты обретаешь счастье. Долго-и-счастливо требует серьезной работы, чтобы оставаться вместе, учиться и расти – вместе.

– Я люблю тебя, – сказал он, обвивая руки вокруг нее. – Боже, как я тебя люблю.

Немного отстраняясь, Марисса улыбнулась в ответ и пробежала пальцами по его лицу. Она хотела повторить эти священные слова, но, почему-то не смогла.

Поэтому она сказала единственное, что могло иметь для него значение.

– О, милый... вперед, Сокс!

Запрокинув голову, Бутч рассмеялся так громко, что затрещало стекло на двери. И улыбнувшись в ответ, Марисса подумала, да, «я люблю тебя» можно сказать разными словами, не правда ли?

Глава 36

Поразительно, как телевизор мог превратить любую комнату в достойное место для отдыха.

Не то, чтобы Крэйг смотрел повтор серии «Теории Большого Взрыва», который шел на экране. Тем не менее, он порадовался, когда доджен поставил ящик в углу комнаты, потому что если бы не забавная болтовня на заднем плане, он бы совершенно точно рехнулся, сидя в четырех стенах с Аксом и Пэрадайз.

Ему нужно было что-нибудь, что угодно, чтобы занять свои мысли и не думать о ней.

И, разумеется, держа в руках карточный веер, Крэйг даже не представлял, на что смотрит. Акс, с другой стороны, подобной проблемы не испытывал, в связи с чем после нескольких партий в кункен, Крэйг остался должен ублюдку пятьдесят баксов.

– Что ж, наверное, пора в кровать, – сказала сидевшая на диване Пэрадайз.

Да уж. Поразительно, как от определенной комбинации слов, сказанной конкретной женщиной, член вставал по стойке смирно.

Поэтому, да, Крэйг незаметно заерзал под столом, пока эрекция не перекрыла кровоснабжение бедренной артерии.

Пэрадайз, тем временем, выбралась из своего одеяла, и Крэйгу пришлось приложить титанические усилия, чтобы не посмотреть на нее. По крайней мере, не *напрямую*: краем глаза он отслеживал каждый ее шаг по кафельному полу к двери и детально рассмотрел, как Пэрадайз наклонилась над одним из трех круглых столов, поднимая свою сумку.

– Приятных снов, – пробормотал Акс, перекладывая карты.

Крэйг что-то пробурчал.

Когда дверь закрылась, он задумался, сколько стоит выждать, прежде чем он сможет...

– Можешь идти хоть сейчас, – произнес Акс с ухмылкой. – Я неплохо играю в солитер, а еще собирался посмотреть порно. То же самое, что и солитер, только веселее.

– Я не устал.

– Ага, я вижу. – Акс проглотил смешок. – Слушай, сделай одолжение, не унижай меня своим притворством. Учítывая, какое шоу ты устроил в тренажерном зале, насколько же тупым ты меня считаешь?

– Мы не встречаемся.

– Тогда ты идиот.

– Я здесь не для этого. – Несмотря на свои слова, Крэйг собрал колоду карт и положил их рубашкой вверх на кучу других. – Я должен тебе полтинник.

– Сорок пять. Но ты проиграл бы эту раздачу.

– Возможно. Расплатиться сейчас?

– На тебе можно легко заработать.

Поднимаясь на ноги, Крэйг окинул взглядом пирсинги на лице и в ушах мужчины, и внезапно задумался, как много металла скрыто под его одеждой.

– Больно было? делать дырки?

– Да, в этом весь смак. С пирсингами секс жестче.

– И тату?

– Ага.

– Ха. Надо же. А знаешь, ты оказался умнее, чем я полагал. И в карты лучше играешь.

– Ты решил, что я тупой, исходя из моей тяги к чернилам и металлу?

– Ну, что сказать, я вел весьма ограниченную жизнь.

Крэйг был у двери, когда Акс ответил:

– Я тоже считал тебя придурком.

Крэйг нахмурился и оглянулся через плечо:

– На каком основании?

– Ты – деревенщина, только с клыками. Решил, что в тебе нет ничего примечательного, за исключением твоих размеров... и, если честно, именно для таких кабанов, как ты, и собирают грузовики.

– А сейчас?

– Я все еще считаю тебя придурком. – Гот слегка улыбнулся. – Но, как оказалось, я ничего не имею против придурков. Выражаясь твоими словами: надо же. Кроме того, наши отцы...

Мужчина не закончил фразу, чему Крэйг был весьма рад.

– Ага. В любом случае, хорошего дня.

– Повеселитесь, ребятаки.

– Ничего у нас не будет.

– Слова, пустые слова.

Крэйг переступил порог и, оказавшись в коридоре, огляделся по сторонам. В учебном центре царил тишина, пресловутый горизонт был чист, и, тем не менее, Крэйг не сходил с

места. Слева по коридору располагались пять одноместных комнат. Первая принадлежала ему. Следующая – Аксу. А комната Пэрадайз...

Что ж, Бог любит троицу, не так ли?

Но он не пошел напрямик к ней. И, хотя по части романтики Крэйг мог посоревноваться с булыжником, каким-то образом он оказался в душевой кабине, намывая тело так, будто готовился к личной встрече с Девой-Летописцей. Затем Крэйг побрился. Даже подошел к своему вещевому мешку, который принес прошлой ночью, и разложил одежду по всему полу.

Она была чистой. На этом достоинства заканчивались.

Синие джинсы. Дырявые.

Футболки. Целые.

Оранжевая бейсболка «Сиракуз».

Выругавшись, Крэйг остановился на паре форменных свободных штанов и футболке «Хэйнс». Он не стал обуваться и помолился, *помолился, черт возьми*, чтобы никто не засёк, как он крадется к комнате Пэрадайз.

За дверь. Снова взгляд направо и налево, удостоверюсь, что никого нет рядом. А затем, как Линда Гамильтон из второго «Терминатора», совершенно бесшумно побежал на цыпочках по бетонному полу. Добравшись до комнаты Пэрадайз, он тихо постучал.

– Входите, – ответила она высоким, слегка напряженным голосом.

Он не стал скромно заглядывать в комнату. Не-а. Всем телом протиснулся внутрь и закрыл за собой дверь.

– Я так рада, – посмеиваясь, сказала Пэрадайз. – Я боялась, что ты... неважно.

Свет был включен только в ванной комнате, и Пэрадайз оставила дверь приоткрытой. Девушка сидела в полумраке, на кровати, одетая в подпоясанный, короткий белый халат... и все.

Вау. Ноги. Много... икры, бедра...

Крэйг сглотнул слюну, выступившую от вожделения, и Пэрадайз спросила:

– Ты тоже принял душ?

Крэйг кивнул. Потому что, очевидно, забыл свой голос где-то в коридоре.

– Хочешь подойти?

Крэйг снова кивнул.

В следующее мгновение Крэйг уже стоял перед ней. А затем он опустился на колени. Положив дрожащие руки на ее ноги, он скользнул под полы халата.

Кожа Пэрадайз была такой же мягкой, как он и помнил.

Наклонив голову, Крэйг провел губами по ее коленке.

О, на хрен всё. Ему следовало податься вперед, поцеловать ее, уложить на спину... довести руками до оргазма... а затем свалить отсюда к чертям собачьим.

Но вот *этому* точно не бывать.

Его ладони скользнули к внешней стороне ее бедер, а затем двинулись вверх, задирая халат. Наслаждаясь ее обнаженным телом, он видел, как задрожала Пэрадайз, сжимая руками простынь.

– Тебе страшно? – спросил он. Потому что должен был убедиться.

– Нет, – выдохнула она.

– Ты знаешь, что я собираюсь сейчас сделать с тобой?

– Нет...

Крэйг кивнул, не отрывая губ от коленки, лаская ее кожу.

– Разведи для меня ножки.

Ее дрожь лишь усилилась, и Пэрадайз подчинилась, демонстрируя совершенно скромные белые хлопковые трусики, от которых он едва не кончил.

А ее запах свел Крэйга с ума.

– Я не причиню тебе боли, – хрипло прошептал он.

– Знаю. Я верю тебе.

Крэйг неспешно перешел к внутренней стороне ее колена, вдыхая ее запах, скользя языком по ее ноге, пробегая клыками вверх-вниз.

– Положи руки мне на голову, – проговорил Крэйг. – Направляй меня. Ты знаешь, где хочешь меня видеть. Покажи мне.

Сначала ее прикосновение было осторожным, Пэрадайз слегка взъерошила его короткие волосы:

– Они такие мягкие, – прошептала она.

– Как и ты.

Он положил руки на ее бедра, сжимая бедренные косточки, наслаждаясь прикосновением кожи к коже. А в следующее мгновение его охватило сильнейшее желание оказаться сверху, сметая все мысли подчистую.

Но нет, этому не бывать.

Пэрадайз очень нежно привлекала его все ближе к себе, и Крэйг придерживался ее скорости, лаская ее языком, подготавливая к предстоящему. А затем он оказался у ее трусиков. Взглянув вверх, он не смог как следует рассмотреть Пэрадайз из-за халата, собравшегося на талии, поэтому Крэйг развязал пояс и развел полы в стороны. На ней был надет маленький, обтягивающий топ без лифчика, и соски были настолько напряжены, что отбрасывали тени даже при тусклом освещении.

Издав стон, Крэйг выдохнул и прижался губами к ее лону, втягивая в рот в хлопок, увлажняя ткань.

Она вцепилась руками в его волосы... робкие прикосновения стали требовательными, и, значит, пришло время поменять позу. Он быстро вскочил с пола, убедившись, что усилием мысли запер дверь, а затем закинул ее ноги на кровать, разводя в стороны, и вернулся к тому, чем занимался, целуя ее, приподнимая колени выше и шире, чтобы доставить Пэрадайз наибольшее наслаждение.

Задышалась. Пэрадайз задышалась, прижимаясь к его лицу, руками притягивая ближе, она отдавалась с шокирующей и возбуждающей страстью. Зарывав, Крэйг сдвинул топ вверх и провел большими пальцами по ее восхитительным грудям, а когда Пэрадайз выгнулась на матрасе, пришло самое, мать его, время убрать трусики с дороги.

Но сперва, еще немного игры и поддразниваний.

Крэйг смотрел на нее, чувствуя, как воспоминания отпечатываются в его сознании, звуки и запахи, вздохи и стоны, ее исключительная красота.

Рай.

Происходящее превзошло все ее ожидания.

Цепляясь еще сильнее за его волосы, Пэрадайз скользила на волне высокооктанового удовольствия, которая уносила ее в небеса и одновременно роняла на землю. Поглаживание, трение, жар между ног... она никогда не испытывала ничего подобного, хотя, технически, все еще оставалась...

Не-а.

Яростным рывком Крэйг разорвал ее трусики сначала с одной, потом с другой стороны.

А потом ничто не мешало его языку и губам скользить по ее горячему лону.

Благодаря прошлой ночи, Пэрадайз знала, чего ожидать, поэтому, когда ее накрыл оргазм, она отдалась ощущениям, приветствуя фонтанирующее удовольствие, оторвалась от матраса, спихивая подушки на пол.

Вернувшись с небес на землю, она посмотрела на Крэйга, расположившегося между ее ног.

– Возьми меня, – велела Пэрадайз. – Сделай это.

Схватив свой топ, она стянула его через голову, оставшись лежать совершенно обнаженной перед его огромным телом, великолепной эрекцией, еле сдерживаемой силой. Но Крэйг все еще колебался, хотя отражающийся на его лице голод превращал его в подобие демона.

– Крэйг... – Пэрадайз накрыла грудь руками и снова выгнулась дугой, огонь тут же опалил ее лоно, отчаяние и сладкое удушье возросли десятикратно.

А Крэйг просто сел на пятки, упираясь руками в бедра, и склонил голову.

– Крэйг?

– Нет... – простонал он. – Я не могу.

– Что...?

– Я не займусь с тобой сексом.

Погоди, что? – подумала Пэрадайз.

Когда Крэйг больше ничего не добавил, она приподнялась на локтях и прикрыла грудь своим топом.

– Почему нет?

– Этому... не бывать.

– Что не так? Что я сделала?

– О, черт, это... нет, ты слишком хороша, ты...

– Крэйг, завязывай с этим.

Хватит с нее, подумала Пэрадайз, потянувшись к нему. Скользнув ладонями вверх по его рукам, она почувствовала витые мышцы, по напряжению ощутила борьбу, которую он вел с собой.

– Сними ее, – произнесла Пэрадайз, дергая за низ его футболки.

Она ожидала, что Крэйг воспротивится ее просьбе. Но нет. Он расслабил руки, позволив Пэрадайз снять футболку, а потом... Боже, он был великолепен, его гладкая, лишенная волос кожа, мышцы под ней... а когда Пэрадайз провела руками, лаская его, Крэйг просто запрокинул голову, мышцы его шеи и плеч напряглись.

А затем он поразил ее.

– Возьми мою вену, – хрипло выдохнул он. – Раз я не могу взять тебя... возьми мою...

Также, как и с оральным сексом, все произошло чересчур быстро, клыки выступили из челюсти, Пэрадайз зацепилась взглядом за его яремную вену... она никогда не испытывала такого невероятного желания.

Зашипев, Пэрадайз устремилась вперед и укусила его, делая первые глубокие плотки, впиваясь в него ногтями с жадностью, которой Крэйг полностью покорился. Укладывая его на кровать, она оседлала его бедра, и он превратился в жертву. Она глотала кровь, его вкус с ревом прокладывал свой путь к ее желудку, наполняя ее изнутри так, как не могли сделать до этого ни еда, ни отдых.

Пэрадайз смутно осознавала, как Крэйг вытянул руки и схватился за спинку кровати, прижимаясь к ней всем телом, он стонал, вколачиваясь в нее бедрами. Он кончил, а следом и Пэрадайз, все произошло слишком быстро, сверхъестественно, когда она ощутила эту твердую выпуклость именно там, где этого хотела.

Но когда Пэрадайз попыталась добраться до его эрекции, уже собралась снять его штаны, Крэйг сжал ее руки в железной хватке. Когда она возмутилась, сопротивляясь его силе, мир перевернулся, и Пэрадайз снова оказалась на спине.

Кровь из места укуса стекала по его горлу и груди, но Крэйгу было все равно.

Его руки опустились к бедрам, и он высвободил свою плоть, вырвав ширинку штанов.

Пэрадайз от удовольствия закатила глаза, но заставила себя сфокусироваться, потому что хотела видеть его.

Обхватив большой ладонью толстый ствол, Крэйг начал поглаживать себя. Он не следил за своими движениями; его взгляд был прикован к ее глазам. И, несмотря на пожар между ними, было что-то отстраненное в его глазах.

Крэйг не возьмет ее, поняла Пэрадайз.

Однако ее замешательство и разочарование пришлось задвинуть подальше, когда Крэйг, выгнувшись дугой, излился на ее лоно.

Может, он и не собирался сделать ее своей.

Но Крэйг пометил ее собой.

Широко разведя ноги, Пэрадайз полностью раскрылась, позволяя ему покрыть всю ее плоть, лаская кожу горячей струей.

Может она и осталась девственницей... но Пэрадайз всем своим сердцем знала, что эту битву ему не выиграть.

Может не сегодня, но совсем скоро, Крэйг уступит и займется с ней любовью.

Пэрадайз ждала этого мгновения с нетерпением.

Глава 37

Через две ночи у Бутча наконец-то появилось свободное время, чтобы сводить свою *шеллан* в секс-клуб.

Ну да, ни в одном кошмарном сне он не представлял подобное свидание.

Ожидая Мариссу в фойе особняка, Бутч расхаживал взад-вперед, чувствуя себя так, будто собирается на Хэллоуин в идиотском прикиде. С черной кожей проблем не было; к черной майке тоже нет претензий. Вот остальное тряпье...

Что за *хрень* он на себя напялил?

Он раскрыл длинное пальто из черной кожи, меха и шелка. Оно оказалось огромным, и, тем не менее, немного не доставало до пола, поскольку Бутч надел обувь на платформе, став даже выше Рофа.

«Нью Роксы»?

Бутч одолжил ботинки у Акса, и они застегивались на пряжки от носков до самых коленей. А еще весили пятьдесят фунтов, но оказались на удивление устойчивыми и удобными.

Добавьте ко всему маску. Передняя ее сторона была сделана из металла и пластика, и когда Бутч надел ее и подогнал по размеру головы, она закрыла все его лицо жутким серо-бело-черным изображением черепа, двигавшегося, когда он открывал рот.

Ага, сегодня в Poke'n'Play⁷¹ состоится ночь масок, и он должен слиться с толпой.

Достав телефон, Бутч посмотрел на время. Марисса должна прийти из Ямы, где собиралась вместе с девушками, а затем они вместе отправятся в клуб, Акс же прибудет из учебного центра, отдельно от них.

Громко вышагивая по мозаичному яблоневому дереву, он поражался тому, что сумел привыкнуть к необходимости взять Мариссу в мир порока и разврата. После того разговора, в нем словно открылась какая-то дверь, некий болезненный мышечный спазм из внутренней проводки распутался, облегчая тем самым дыхание.

Бутча бесила та грязь, в которую они вляпались. Хотя новые горизонты оказались весьма приятными.

И, как по команде, Бутч учуял запах своей половинки на верхней площадке лестницы. Обернувшись, он поднял взгляд и...

Опуп отер онллнр ерек...

Вот какой эффект она производила.

Его прекрасная принцесса в дизайнерской одежде исчезла. На ее месте появилась... эротичная секс-бомба, одетая в черный латекс, начиная с высоченных шпилек и до самой головы. Единственное, что выдавало ее личность? Длинный белокурый хвост, высвобожденный через отверстие на макушке комбинезона, укрывавшего и тело, и лицо.

А еще ее маска.

71 Poke'n'Play – игра на подобию «Покемон Гоу».

Она была похожа на противогаз с круглыми черными дисками для глаз и носа и загубником, не оставляла ни дюйма открытой кожи, опечатывая все лицо. Сделанная из черного стекла и глянцевого серого металла, маска представляла собой пусть и уродливое, но творение чистого искусства.

Пока Марисса спускалась по лестнице, его член встал по стойке смирно так быстро, что пришлось посмотреть вниз, чтобы убедиться, что гребанный орган не прорвал ширинку на штанах

Ее тело... абсолютно, чертовски сводило с ума, свет омывал покачивающиеся изгибы ее груди, отбрасывая тени вокруг талии, обтянутой тканью, подчеркивая ее бедра.

Наконец оказавшись перед ним, Марисса медленно повернулась кругом, и, срань Господня, от ее дыхания, пропущенного сквозь маску, яйца мгновенно сжались. Ну, и еще при виде ее задницы. Господь Всемогуший, ее...

– *Ну и что ты думаешь?*

Голос был искаженным, чужим; он прошел через звуковой фильтр, приобретая металлические нотки.

– *Дтпнк црпкп преу.*

– *Что?* – произнес этот электронный голос.

– Он сказал, что ты охренееееееееееенно потряяяяяяссссссссссссная, – совсем рядом раздался мужской голос.

Бутч резко оглянулся и уставился на Лесситера, который вышел из бильярдной комнаты и сейчас стоял, прислонившись к арке. Наставив на придурка указательный палец, словно пистолет, он рявкнул:

– Тащи свою жалкую задницу обратно в чертову комнату, пока я не вырезал тебе глаза и не задушил твоим же языком.

Падший ангел вскинул вверх ладони и развернулся:

– Ладно-ладно. Ухожу. Вот он я, возвращаюсь назад и держу язык за зубами, не высказывая мнение о ее внешнем виде.

Ублюдок был бы более убедительным, если бы оказавшись вне досягаемости, не издал смачный свист.

– Я прикончу его к чертям, клянусь.

– *Пожалуйста, не нужно.*

Сфокусировавшись, Бутч лишь встряхнул головой:

– О, Боже, ты выглядишь... вау, я вспомнил английский. Прогресс.

Притянув к себе Мариссу, он скользнул руками по ее телу, чувствуя гладкий, слегка липкий материал. Застонав, Бутч отклонился в сторону и спустил ладони на натянутые в латекс бедра и задницу, сжав ее ягодицы и направившись ниже, к промежности.

– Я не переживу эту ночь, – простонал Бутч. – Черт, я едва в состоянии ходить.

Ее негромкий сексуальный смешок, искаженный благодаря динамику, чуть не сшиб его с ног.

Срань. *Господня.*

– Подружилась с кем-нибудь из класса?

Когда ее отец озвучил свой вопрос, Пэрадаиз откинулась на спинку мягкого кресла в его кабинете. Подбрав под себя ступни в носках, она задумалась, как лучше ответить... и при этом молилась, чтобы он, сосредоточившись на документах на своем столе, не взглянул на нее и не заметил ее смущения.

М-да, и как же ответить на этот вопрос, подумала Пэрадаиз.

Последние два дня они с Крэйгом утром висели на телефоне часами, говорили и... делали кое-что еще. Поэтому да, в некотором роде они *подружились*, и Пэрадаиз планировала снова увидеться с ним, и сегодняшней ночью, и в течение завтрашнего дня.

Именно для этого и состоялась ее небольшая импровизированная встреча с отцом.

Если в ближайшее время она снова не окажется с Крэйгом наедине, то сойдет с ума. Секс по телефону – штука замечательная, пока не попробуешь настоящий.

Или *почти* настоящий.

– Пэрадайз? Ты в порядке?

Встряхнувшись, она устроила целое шоу, поднявшись с кресла и подойдя к живому, потрескивающему пламени в камине. Холодный циклон, накрывший их днем ранее, проникал за стены Тюдоровского особняка, по всему дому задували сквозняки – так всегда бывало вплоть до Мая с его весенним теплом.

Поэтому, воспользовавшись прекрасной возможностью отвернуться от отца, Пэрадайз взяла кочергу и поворошила поленья.

– О, да, я познакомилась с замечательными людьми и в восторге от занятий.

А также и от подглядываний за Крэйгом.

– Я узнаю столько нового.

– Например?

Ну, если она промурлыкает в телефонную трубку и расскажет Крэйгу, что именно она забыла надеть, он гарантированно...

Когда оранжевые искры упали на тлеющий пепел, Пэрадайз быстренько свернула ход своих мыслей:

– Отец, рукопашный бой – это целая наука. Раньше я никогда не смотрела бои ММА⁷² и не изучала единоборства. Братья обучают нас разнообразным направлениям, и у каждого из них есть свои достоинства и недостатки. Я часто участвую в спаррингах с Пэйтоном и другим парнем, Крэйгом.

Вернув кочергу на латунную подставку, Пэрадайз обернулась и подошла к своему креслу:

– У меня очень хорошо получается...

Заметив, что в процессе перекладывания одного из документов в стопку ее отец замер, Пэрадайз замолчала, вексель, выписка со счета или что-то в этом духе повис в воздухе вместе с его рукой.

На лице Абалона застыло такое выражение, словно кто-то сказал ему, что его дом собираются снести бульдозером.

– Папа... – произнесла Пэрадайз. – Я по-настоящему счастлива. Я действительно... Я узнаю себя, чего хочу, на что способна.

Он взглянул на документ, будто не понимал, что перед ним и зачем это ему. Затем он, по всей видимости, заставил себя встряхнуться.

Прочистив горло, Абалон спросил:

– И какие выводы ты делаешь?

Ну, самый главный вывод – она, похоже, влюбилась в Крэйга. Но такое признание заставит отца окаменеть, поэтому Пэрадайз следовало хранить молчание, к тому же она еще не сказала Крэйгу о своих чувствах, а ему полагалось узнать первым.

Влюбилась. Такое значимое событие и в то же время такое простое.

И скорое. Но Пэрадайз слышала, что со связыванием так и бывает.

– Ну, я хочу приносить пользу нашей расы, – ответила она.

– И как именно?

– Отец, не обязательно сражаться на войне.

72 Смешанные боевые искусства (также ММА — от англ. Mixed Martial Arts) — боевые искусства (часто неверно называемые «боями без правил»), представляющие собой сочетание множества техник, школ и направлений единоборств. ММА является полноконтактным боем с применением ударной техники и борьбы как в стойке (клинч), так и на полу (партер). Термин «Mixed Martial Arts» был предложен в 1995 году Риком Блюмом, президентом Battlécade, одной из ранних организаций ММА и, впоследствии, нашёл устойчивое применение и в неанглоязычных странах.

– Учитывая, что ты только и говоришь о том, как ты хороша в этом... – Он потерял виски. – Кажется, мне следовало ожидать этого.

– Ожидать чего?

– Что ты передумаешь. Только я пока не разобрался в своих чувствах относительно этого.

– Я не передумала.

Боже, она и сама слышала ложь в своих словах: Пэрадайз не знала, какое будущее ее ждет, кем именно она станет по окончании учебной программы, сколько бы времени это ни заняло, но на старую дорожку она уже точно не вернется.

Она не вернется к тем ночам, когда ей приходилось, как приличной девушке, сидеть в этом доме либо в любом другом, ожидая, пока ее пригласят в чей-нибудь социальный круг. И да, она не меняла своего решения не выходить замуж, если только за Крэйга.

– Жаль, что твоей мамэн нет с нами.

– Мне тоже. – Но, без сомнения, по иным причинам. Пэрадайз пригодился бы ее совет. – Я скучаю по ней.

– Ты знаешь, что мы по-настоящему любили друг друга? Мы были обещаны друг другу своими семьями, но... мы действительно полюбили. Она была всем для меня.

Боже... черт побери, подумала Пэрадайз. Его тонкий намек на Пэйтона не столько достиг своей цели, сколько воткнул кол ей в сердце, потому что ее не проведешь. Его реплика, несмотря на правдивость и важность, несомненно, была озвучена в надежде, что она благосклоннее посмотрит на традиционную помолвку со своим другом.

Пэрадайз уже некоторое время подозревала, что отец ожидает от нее именно этого. Ему нравился Пэйтон, он одобрял кровную линию мужчины, и знал, что они дружат. Лучшего положения дел, по мнению главы аристократического рода, и быть не могло.

Что он подумает о Крэйге, если когда-нибудь познакомится с ним?

Крэйг из семьи синих воротничков⁷³, выражаясь человеческим жаргоном. Заметит ли ее отец силу характера и душу за отсутствием внешней роскоши?

– Я могу принять практически все, – решительно произнес ее отец. – Я могу смириться с любым путем, который ты выберешь, но до известной степени. В одном я не поступлюсь: ты должна найти любовь всей своей жизни, какую нашли мы с твоей мамэн. Это не обсуждается.

Понимай как: ты должна найти мужчину своего класса, который обеспечит тебе достойное существование.

– Ох, отец, – печально выдохнула Пэрадайз.

– Прости, но таков уж я.

– Я знаю.

Когда дедушкины часы в фойе пробили восемь раз, Пэрадайз отмахнулась от гнетущей атмосферы, окутывающую комнату, и поднялась на ноги.

– Мне пора. – Она поправила одежду, выбранную для сегодняшнего вечера. – Я встречаюсь с одноклассниками, а завтрашний день мы посвятим работе над проектом, поэтому я вернусь только ночью, после занятий. И да, с нами будут наставники.

Взглянув на отца с другого конца идеально оформленной комнаты, Пэрадайз по-настоящему осознала атмосферу наследных денег и почестей, не приобретенных за монету, но накопленных ее семьей на протяжении сотен лет богатства.

Почувствует ли Крэйг себя уютно в такой обстановке? Хоть когда-нибудь?

Наверяд ли.

– Отец?

73 «Синий воротничок» (англ. blue-collar worker) — понятие (термин), обозначающее принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой. Синие воротнички противопоставляются работникам сферы услуг и белым воротничкам, которые не занимаются физическим трудом.

– Прошу прощения. – Он опустил взгляд на бумаги на своем столе. – Разумеется, я понимаю, что ты торопишься. Однако помни, что по тебе скучают. Знай также, что Братья рассказывают мне не так много, но, исходя из того, чем они делятся... я очень и очень тобой горжусь.

Пэрадайз вновь ощутила в груди боль от лжи, ставшую теперь привычной, и подумала, что ему совсем нечем гордиться.

Она хотела отдать свою девственность мужчине, которого отец никогда не одобрит.

Проблема в том, что Братья не сообщали, как долго продлится эта программа и каковы долгосрочные перспективы для нее и ее одноклассников. А нужда в Крэйге приводила в отчаяние и заставляла особенно остро осознавать скоротечность времени.

Она не упустит свой шанс. И Пэрадайз казалось, что, чем больше они с Крэйгом проводили времени вместе, тем больше менялись и его приоритеты. Он начинал привязываться к ней.

Она чувствовала это.

И если бы не недосказанность между ней и отцом, она была бы на седьмом небе от счастья.

– Увидимся завтра ночью после занятий, – хрипло произнесла Пэрадайз.

– Я буду ждать. Будь осторожна.

– Буду. – Она кивнула. – Я обещаю, отец.

Глава 38

Крэйг не мог вспомнить, когда он в последний раз «тусовался с друзьями». На самом деле, наверное, ни разу в жизни.

Он натянул на себя джинсы, выругался при виде дыр и велел себе не заикливаться. Он никогда не был модником, так как, во-первых, даже при всем желании не мог себе этого позволить, и, во-вторых, всегда считал переживания относительно того, что надеть, пустой тратой мыслительных способностей.

– Ты выглядишь невероятно обыденно.

Закатив глаза, Крэйг обернулся к Аксу и...

– Что за хрень ты на себя напялил?

Мужчина выглядел так, словно столкновение с бешеной летучей мышью в этот раз имело более печальные последствия, чем обычно: его огромное тело было покрыто блестящим черным материалом, пахнущим синтетикой и скрипевшим при ходьбе. Черные пирсинги поблескивали в ушах и на лице, от мочки уха к гребаному носу тянулась цепочка. *Господи помилуй.*

Но Крэйг был вынужден признать, что Акс не выглядел как педик. Что-то в ублюдке излучало агрессию, мощь и силу. Секс.

Точнее, извращенный секс.

Акс пожал плечами, будто надел что-то банальное, например *гранмэновский*⁷⁴ домашний халат.

– Сегодня я тусуюсь с себе подобными. Застрелюсь, если не перепихнусь в ближайшее время... чуть больше общения с вами, ванильными, и без «Сиалеса» член уже не встанет. От вас тухнет весь запал.

– Ну, без обид, но учитывая твой прикид, держись подальше от открытого огня.

А потом он достал маску. Естественно, черную, но Крэйг и не ожидал чего-то в розово-зеленом цвете. И она как влитая накрыла лицо Акса, превратив его приемлемую морду во что-то совершенно отвратительное, из вампира в какой-то принципиально иной вид.

В прищельца.

74 Гранмэн – бабушка на Древнем Языке

– Подумать только, а я до этого считал, что твоя рожа просит кирпича, – произнес Крэйг.

– Повторюсь, вы, нормальные, меня бесите.

Иииииииииии в конечном итоге Крэйг и чучело-мяучило вместе уехали из учебного центра.

Пока автобус продвигался вперед, останавливаясь у каждого ворот, они молчали, но Крэйг был уверен, что думали они об одном и том же: Акс совершенно точно намеревался удовлетворить все свои готическо-романтические потребности, пока Крэйг отчаянно пытался убедить себя, что в состоянии сохранить контроль с Пэрадайз.

Эта встреча-с-одноклассниками – едва ли большое событие, они просто собирались сходить в обычный клуб, с музыкой и выпивкой. Который уж точно не сравнится с тем местом, куда направлялся Акс.

Но секс окажется на переднем плане, по крайней мере, для него.

Черт, Пэрадайз убивала его, и Крэйг распознал суть проблемы. Начиная с самой первой ночи в учебной программе, он воздвигал стену за стеной, пытаясь отгородиться от нее, и все преграды рухнули. Он чувствовал себя как альпинист, который сорвался с высоты, а все крепления, которые должны были страховать его жизнь, одно за другим вылетали из скалы.

– Знаешь, ты дерьмово выглядишь, и не только потому, что оделся как придурок, – пробормотал Акс.

Крэйг посмотрел через проход:

– Это я оделся как придурок? Ты в зеркало-то смотрел? Не знал, что моторное масло сейчас на пике популярности.

– Не увиливай. В чем дело, дружище?

Они все ехали вперед, направляясь к точке, откуда можно было дематериализоваться, и Крэйг внезапно для себя ответил:

– Я не могу... Ну знаешь, это неправильно

– Что именно?

– Я не могу сделать этого.

– Озвучь свою мысль. Ты деревенщина, все понимаю, но еще никто не жаловался на твой словарный запас.

Крэйг лишь покачал головой. Он ни за что не опозорит Пэрадайз, обсуждая их личные отношения, даже с парнем вроде Акса, который, по его же собственным словам, был убежденным нарциссом и потому держал язык за зубами.

– Не знаю, – сказал Акс, вытянув ноги и прислонившись спиной к тонированному окну. – Она вроде как отличается от себе подобных. Думаю, тебе не о чем волноваться.

Ну да, женщины ведь кардинально отличаются от мужчин, не так ли?

А в данном случае именно Крэйг вел себя как тряпка. Не она. Пэрадайз была готова перейти на следующий уровень, и он подозревал, что просто использует ее добродетель в качестве щита, защищая самого себя. А понимая, какие чувства она пробуждает в нем?

Стратегия казалась вполне обоснованной... но едва ли долговечной.

Боже, так или иначе, но они останутся наедине этой ночью. Это-мать-его-неизбежно. А после двух сеансов секса по телефону с ней, его отчаяние достигло пика, он превратился в шумно дышащего, оголодавшего, сумасшедшего мужика с перманентным стояком, а количество оргазмов от собственной руки должно было обезводить его организм, вплоть до капельницы Гаторейда.

Крэйгу хотелось бы верить, что он в состоянии сохранить свою решимость, правда, очень хотелось.

Проблема в том, что все его намерения летели в трубу, стоило услышать свое имя, стоном срывающееся с губ Пэрадайз.

Один слог, ничего необычного, в нем нет ничего аристократичного. Но стоило Пэрадайз произнести его, и Крэйг пропадал, окончательно и бесповоротно. Превращался в глину в ее руках. Терял все мысли, оставалось лишь желание войти в нее, сделать своей.

Вот черт, он вляпался по самые помидоры.

Войдя в человеческий клуб «тЕНИ», Пэрадайз оглянулась по сторонам с мыслью... м-да уж. Музыка громыхла так сильно, что отдавалась болью в черепе. Темно-фиолетовые и красные лазерные лучи испарывали пахнущее человеческими запахами пространство. И ее нисколько не трогало всеобщее внимание, которое она привлекала к своей персоне.

Не имея ни малейшего понятия, где искать Крэйга, Буна и Ново, Пэрадайз продиралась сквозь извивающуюся толпу, а человеческие мужчины, тем временем, оценивающе смотрели на нее, надеясь встретиться с ней взглядом. Кого-то из них даже можно назвать симпатичными, но Пэрадайз, словно заметила кресло с хорошей обивкой, прогуливаясь по чьей-то комнате.

Приятная ткань, но она бы ни за что не купила такое для дома.

Или, в ее случае, не села на чертову штуку.

Клуб располагался в здании бывшего склада, и в открытом пространстве в три этажа высотой чувствовалась некая дисгармония, провоцирующая приступ клаустрофобии. С другой стороны, в центре клуба толпилось слишком много народу. Где же вы только что зависали, задумалась Пэрадайз. И неужели все они знакомы? Потому что, казалось, все касались... друг друга.

Прокладывая себе путь через танцпол, Пэрадайз заметила сидячие зоны по периметру. Может ее компания там? Черт, она вообще туда пришла...

– Эй, детка, пойдем со мной.

Грубая рука обхватила ее талию и притянула к потному телу. Взглянув на человеческого мужчину, Пэрадайз попыталась оттолкнуть его, но он, схватив ее запястья, дергая на себя.

– Знаю, ты хочешь этого, – невнятно произнес мужчина, прижимаясь к ней бедрами. От него пахло доисторическим одеколоном, застарелым запахом никотина – или это была марихуана? – и крайне-не-возбуждающей безысходностью.

– Поцелуй меня.

– Ты, должно быть, шутишь.

– Ну же, ты хочешь этого. Я знаю, что хочешь.

Да пошло оно, подумала Пэрадайз.

Резким движением она высвободила правую руку и костяшками пальцев ударила в кадык, а когда мужчина, согнувшись, схватился за горло, Пэрадайз с трудом сдержалась, чтобы не врезать ему коленом в нос.

Оставив его задыхаться в одиночестве, она развернулась и...

И врезалась прямо во внушительную грудь Крэйга.

– Я шел к тебе на помощь, – сухо сказал он. – Однако я не раз испытал на своей шкуре, что ты способна постоять за себя... не удивительно, что я оказался не нужен.

Внезапно весь клуб преобразился. Воздух лишился спертости, преисполнился сексуальным жаром. Лазерные лучи не слепили, а сверкали. Музыка перестала казаться громкой и приобрела эротические нотки.

Люди по-прежнему раздражали, но, эй, даже у настоящей любви есть свои пределы.

Боже, Крэйг выглядел потрясающе. Высокий и широкоплечий, большой и сильный, и та же оранжевая бейсболка на голове, как и в ночь их первой встречи. Простая белая футболка демонстрировала его мускулы. Эти джинсы... Черт, потертые, мягкие, словно кожа, джинсы, показывали его кожу его бедер в тех местах, где были ободраны.

– Потанцуй со мной, – прошептала Пэрадайз, наклонившись к нему, чтобы Крэйг смог услышать ее сквозь грохот.

Козырек бейсболки скрывал его глаза, но Пэрадайз чувствовала, как он скользит взглядом по одежде, в которую она переделалась перед выходом из дома: она ради него надела блузку с глубоким вырезом, мини-юбку и обтягивающую короткую куртку, и, очевидно, пленила парня своим нарядом. Кроме того, ему, казалось, понравилась ее прическа – Пэрадайз оставила волосы распущенными – а также ее макияж.

– Крэйг, – повторила она. – Потанцуй со мной.

– Я не могу, – пробормотал он.

– Почему?

– Не люблю... такие движения.

Обманщик, подумала Пэрадайз, вспомнив ощущение его тела на себе. Двигался он чертовски здорово.

– Все равно. – Она схватила его за бедра, притягивая к себе. – Потанцуй со мной.

Двигаясь рядом с ним в такт музыке, Пэрадайз ощутила его мгновенный отклик, его возбужденная плоть потиралась о ее живот, ведь Крэйг был намного выше ее.

– Они догадаются, – выдавил из себя Крэйг, но его руки уже нашли ее талию, обхватили, прижимая их тела друг к другу. – Я про одноклассников.

– Плевать. А то они не знают.

Ново знала. Черт, именно благодаря ей они и поцеловались в первый раз. А с Пэйтоном она как-нибудь справится. Бун? Его не интересовало ничего кроме тренировок, она даже сомневалась, что парень запомнил их имена. Акса вообще сегодня не было. Не пришел и Энслэм. И уж точно никто из *Глимеры* не покажется в подобном месте.

Живи моментом, подумала Пэрадайз, растворившись в наслаждении от близости Крэйга и его объятий.

Наклонив его голову, Пэрадайз прошептала ему на ухо:

– На мне нет трусиков.

Крэйг издал стон, который был даже громче музыки.

– Прости, – выпрямившись, сказал он. – Мне нужно кое-что сделать.

– М-м, – промурлыкала Пэрадайз, представляя как он ласкает себя. – И что же это может быть?

– Я должен убить всех человеческих мужчин в этом клубе, что пялятся на тебя. Я ненадолго, они слабы и бегают медленно.

Запрокинув голову, Пэрадайз рассмеялась, чувствуя, как воспарило ее сердце, особенно когда сильные руки обняли ее еще крепче.

Эта ночь станет лучшей в ее жизни. Она нутром чуяла.

Глава 39

Оказалось, что ключ предназначался не для замочной скважины. Он, скорее, служил пропуском на две персоны, позволяющим миновать гору в виде охранника, стоявшую перед непримечательной дверью, которая вела внутрь непримечательного гаражного здания, расположенного в трущобах по большей части заброшенной промышленной зоны Колдвелла.

Следуя за Бутчем, но впереди курсанта, которого он позвал с собой, Марисса обнаружила, что с маской на лице она чувствовала уверенность, которую в ином случае могла бы не найти в себе. Было что-то раскрепощающее в том, чтобы спрятать свое лицо, когда направляешься в незнакомое окружение и сомневаешься в своих силах. Во-первых, не нужно контролировать мимику и притворяться хладнокровной. Во-вторых, можно с большей свободой примерить личину человека, способного справиться с любой задачей.

Ведь никто не узнает правды.

В густой темноте клуба, Бутч протянул назад руку, желая приободрить ее, и нащупал ее ладонь. Когда он прикоснулся к ней, Марисса ощутила прилив уверенности. Ничто ее не тронет, не навредит ей и не расстроит. Пока Бутч с ней.

Первым делом Марисса обратила внимание на нарастающий грохот и решила, что это басы какой-то музыки. Завернув за крутой, архитектурно неправильный угол, она поняла, что виноваты не колонки, достойные концертной площадки. Это было ритмичное постукивание шлифовального колеса, которое, казалось, служило лишь для того, чтобы...

Вау. Лаааааадно.

Под колесом лежала женщина с широко разведенными ногами, а механизм входил в нее при помощи...

Марисса отвела взгляд в сторону и увидела мужчину, втиснутого в ящик из оргстекла, его обнаженное тело извивалось, одна сторона ящика осталась открытой, чтобы народ мог...

Взглянув в другую сторону, она заметила ряд столов, к которым друг за другом в скрученных позах были пристегнуты люди в латексных костюмах, таких же, как и ее. Их половые органы были выставлены для всеобщего пользования перед очередью из анонимных незнакомцев.

Лааааааааадно, они ведь находились в секс-клубе. Ага.

И, что странно, внутреннее пространство оказалось в двенадцать раз больше, чем выглядело снаружи, должно быть, для этого пришлось снести стены между соседними зданиями, и гараж являлся лишь первым из череды сочлененных строений.

Тусклое освещение, все гости в костюмах и масках, и вокруг можно было наблюдать секс во всех его формах и проявлениях. Происходящее являло собой эксперимент, чистое выражение эротизма, всхлипывания и стоны превратились в саундтрек, который дополнял техно-музыку, нежели преобладал над ней.

Странно, но Марисса нашла происходящее на удивление... не шокирующим. И вовсе не отвратительным. Люди казались искренне возбужденными, и, Боже, такими милыми. Те несколько раз, когда она оказывалась в человеческом обществе, на нее откровенно пялились, а здесь люди смотрели тебе в глаза и улыбались так, словно считали тебя частью их... ну, клуба. А когда Марисса врзалась в кого-то, реакция оказалась спокойной и неагрессивной.

Все это казалось таким... нормальным?

Может, дело в бесцеремонности происходящего. А, может, в маске, скрывающей ее личность. Или серьезной цели ее пребывания здесь. В чем бы ни была причина, Марисса чувствовала облегчение.

Оказавшись в глубине клуба, они втроем сформировали круг. Когда Бутч посмотрел на нее, она погладила его руку и кивнула, давая отмашку.

Кивнув в ответ, Бутч повернулся к Аксу. Они наклонились друг к другу и обменялись парой фраз, Марисса, тем временем, осмотрелась в поисках похожих одеяний, характерных для обслуживающего персонала.

Посещала ли погибшая женщина это место перед своей смертью?

Чередa вспышек слева заставила Мариссу прищуриться. Кто-то фотографировал людей, подвешенных на вращающихся колесах и не способных шевельнуться, пока другие кончали на них, секли плетью, пускали им кровь.

И тогда она осознала, что чем дальше они заходили, тем жестче становилось происходящее.

Может, кто-то заигрался и зашел с той женщиной слишком далеко? – гадала она.

И случайно убил ее?

Убедившись, что с Мариссой все в порядке, Бутч полностью переключился на работу, ни на что не отвлекаясь. Его невероятно возбудил тот эротичный момент в фойе. Происходящее в этом клубе? Заботило его не больше газонокосилки. Или тарелки с овсянкой,

учебника по химии... с того момента как Бутч мысленно приступил к разработке плана, он будто снова вернулся на предыдущую работу, ментально натянув соответствующую форму, он переключился в режим гипер-внимательности и полностью отстранился от окружающей обстановки.

Пора подстраховаться: на протяжении последних двух ночей Бутч сомневался, говорить ли Аксу о настоящей причине их появления в секс-клубе. Мотив «за» – они могли быстрее докопаться до чего бы там ни было; мотив «против» – он мог прямо или косвенно предупредить потенциального убийцу.

Вот только Бутч сотню раз просмотрел запись их разговора в офисе, и не считал, что в парне скрывался хладнокровный убийца. В бою? Да, конечно. На тренировках Акс – это крепкий сукин сын, способный раздавить противника в рукопашном бою, даже если тот превосходил его ростом, а еще Акс отличился в огневой подготовке и во владении кинжалом, и никогда не колебался, прежде чем в нужный спустить курок или броситься с ножом на перевес.

Но эта песня не имела отношения к насилию над женщинами. И, несмотря на образ заядлого гота, в Аксе не было ни жестокости, ни безумия.

– Я солгал, – сказал Бутч, наклоняясь к уху Акса, пытаясь перекрыть какофонию звуков из стонов и техно-музыки.

– Да неужели, – протянул боец.

– Вдохновился твоим примером.

– Я польщен.

– Я получил «ключ» не от друга. Он был при женщине, забитой до смерти. Я здесь для того, чтобы выяснить, кто ее убил, и мне потребуется твоя помощь.

Акс сперва отшатнулся, но потом, прищурившись, снова подался вперед и спросил:

– А с чего ты решил, что это сделал не я?

– Я не знаю. – Бутч посмотрел парню в глаза. – Не могу знать наверняка.

Сосредоточившись на взгляде за маской, Бутч высматривал реакцию парня по его зрачкам. Учитывая высокую степень внешней сексуальной стимуляции и тот факт, что черты его лица были скрыты, нервная реакция станет более заметной.

Однако взгляд Акса оставался совершенно спокойным.

И это, да, подтвердило его собственные выводы о том, что парень не лгал, когда говорил, что уже сталкивался со смертью.

– Я не убивал, кстати говоря, – произнес Акс. – Я никого не убивал.

Бутч кивнул:

– Я так и понял. Твоя совесть чиста, это подтверждают угрызения совести по поводу смерти твоего отца. А вот чувство стиля, с другой стороны, оставляет желать лучшего.

– Благодаря моему вкусу твою задницу пустили в этот клуб.

– Воистину. – Бутч огляделся по сторонам. – Так, кто здесь главный?

– Постой, расскажи мне о женщине. Может я встречал ее здесь? Она была одной из нас?

– Да. Но у нас мало информации. При ней не было удостоверения личности, только этот ключ. Она собиралась дематериализоваться в «Убежище», там ее и нашла моя Марисса.

– Акс взглянул на его супругу, казалось, ему было стыдно за то, что кому-то, особенно женщине, пришлось столкнуться с подобным ужасом. – По возрасту она прошла превращение, темные волосы, темно-синие глаза. Это все, что мне известно.

– Дерьмо.

– Подходящая характеристика.

Не в первый раз Бутч пожалел, что никто не сфотографировал ее, даже посмертно. Боже, он жалел, что не было фотографий ранений, забора материала из-под ногтей, волокон, снятых с ее одежды и плоти. Ни-че-го. С другой стороны, вампирская раса не имела четко разработанного порядка действий в подобных ситуациях.

Забавно, но раньше Бутч не размышлял о социальной незащищенности. Он был слишком занят непосредственной войной с лессерами, чтобы беспокоиться о внутрирасовых проблемах.

Черт, некоторые простейшие следственные мероприятия оказались бы весьма кстати.

Акс встряхнулся, сосредотачиваясь:

– По поводу персонала: ищи красный цвет на костюмах. Обычно они держатся на периферии, вмешиваясь, только когда нарушается политика добровольности или происходящее принимает опасный оборот. И под «опасным оборотом» я понимаю нечто большее, чем банальное кровопролитие.

– Здесь есть камеры?

– Возможно, но я не знаю где и как до них добраться.

И как прошерстить сотни часов записи... именно этим все и кончится, учитывая размеры помещения и количество ночей, прошедших со времени смерти.

Дерьмо.

Они искали иголку в стоге сена. А, учитывая, что стояло на кону, ситуация не обнадеживала.

С другой стороны, он преодолевал и не такие трудности.

– Давай пройдем дальше, – произнес Бутч, обнимая свою *шеллан*. – Мы должны посмотреть все.

Глава 40

– Здесь есть помещения... где можно уединиться.

Говоря это, Крэйг четко осознавал, насколько был близок к точке невозврата. Но чем дольше Пэрадайз танцевала, прижимаясь к нему всем телом, тем сильнее мысли о сексе завладевали им, вытесняя здравый смысл и рассудок, превращая его в пещерного человека. Нет трусиков? Чееееееерт. Крэйгу отчаянно хотел заполучить Пэрадайз в свои руки, поэтому да, самое время скрыться в задней части клуба, где, как сообщила ему Ново, располагались готовые к использованию приватные уборные. К тому же это единственный шанс для них уединиться сегодняшней ночью. На рассвете Пэрадайз вернется домой, и она не могла пригласить его к себе, не рассказав о нем своему отцу, что станет поспешным шагом и поставит их всех в неловкую ситуацию.

И скорее ад покроется коркой льда, чем Крэйг приведет ее в ту дыру, где жил раньше.

Дерьмо, если он вскоре не выпустит пар, то потеряет контроль.

Прямо в штаны.

– Показывай дорогу, – простионала Пэрадайз.

Схватив девушку за руку, Крэйг повел ее сквозь толпу. Проходя мимо столика, за которым Ново отплясывала на коленях Буна, вполне вероятно, провоцируя его первый в жизни стояк, он помахал девушке и получил отмашку в ответ.

И многозначительный взгляд.

Приватные «уборные» находились севернее, под зоной второго этажа, и, оказавшись в тускло освещенном коридоре с черными стенами, Крэйг обнаружил бесчисленное количество закрытых дверей. На первых семи, мимо которых они прошли, красовались таблички «Занято». Восьмая оказалась свободной.

Придержав для Пэрадайз дверь, Крэйг зарычал, когда девушка проскользнула мимо него, заходя в отделанную кафелем комнату. Внутри располагались туалетная кабинка, раковина... и скамья, низкая и узкая, но на удивление чистая. Впрочем, в центре пола находился канализационный слив, а на потолке виднелся разбрызгиватель.

По всей видимости, по окончании каждой ночи здесь все основательно вычищают.

Убедившись, что дверь заперта должным образом, Крэйг схватил Пэрадайз, прижимая к себе, его жадные ладони проникли под одежду, ощущая полноту ее груди, гладкость задницы, жар, гребаный влажный жар ее лона. Его поцелуи стали беспорядочными, и

Пэрадайз нисколько ему не уступала... и, Боже, словно этим утром они и не провели целых три часа, занимаясь сексом по телефону.

Но вот так, кожа к коже... да, вот что им нужно.

А затем Пэрадайз отступила назад, увлекая его за собой, к раковине.

С изяществом танцовщицы она опустила попку на поверхность... и подтянула колени вверх, подперев высоченными шпильками стенки узкого алькова.

Одарив его великолепным видом своих бедер и гладкого, влажного, обнаженного лона.

– Ты знаешь, чего я хочу, – выдохнула Пэрадайз. – И на этот раз совсем не твои губы.

Пошатнувшись, Крэйг, черт возьми, осознал, что час пробил: от его силы воли остался жалкий огрызок, либидо ревело подобно мощному двигателю, не позволяя ему все обдумать, и, черт возьми... то, на что он сейчас смотрел...

– Ты уверена? – пробормотал Крэйг, попутно расстегивая джинсы.

– Хочешь, чтобы я умоляла?

– Нет, потому что я сейчас кончу.

Оглядевшись, Крэйг не заметил камер. Но не факт, что их нигде не припрятали.

– Жаль, что все происходит в таком месте.

– Меня не волнует, где мы.

На этом Пэрадайз расстегнула блузку и, распахнув ее, спустила чашечки бюстгалтера так, что ее высокая упругая грудь оказалась выставленной напоказ. Светлые волосы разметались по плечам, синие глаза были прикрыты, а когда Пэрадайз облизала губы, Крэйг почувствовал покалывание в головке члена, был в шаге от того, чтобы кончить.

– Пожалуйста, – простонала Пэрадайз, выгибаясь, словно от мучительной боли.

И этого оказалось достаточно.

Когда его член выпрыгнул из расстегнутой ширинки, Крэйг обхватил себя рукой и сократил расстояние между ними. Дерьмо, он не мог поверить, что это происходило на самом деле. В смысле, не сам секс: Крэйг не первый раз был с женщиной.

Но секс *с ней*, вот чему он поражался.

Особенно когда головка его члена оказалась в непосредственной близости от всего, чего он так желал. Прикрыв на мгновение глаза, Крэйг хотел сказать что-нибудь эдакое, чтобы сделать Пэрадайз приятно, хотел взглядом показать, что понимает, насколько важно для нее происходящее, сделать что угодно, чтобы ее первый сексуальный опыт с деревенщиной в клубе превратился в знаковое событие, каким оно и являлось для Крэйга.

– Да, я хочу этого, – нежно прошептала Пэрадайз. – Я хочу этого с тобой, только с тобой.

Крэйг уставился в ее завораживающие глаза, и в этот момент произошло что-то странное.

Несмотря на приглушенные басы музыки, сотни людей за дверью и безумство, горящее в крови, он почувствовал, как время замедлилось для него.

Сделай происходящее значимым для Пэрадайз, сказал он себе. Сделай это особенным для нее.

Приблизив член к ее лону, Крэйг провел головкой по ее лону, от чего Пэрадайз подскочила, прикусив клыками нижнюю губу.

Ее бедра начали подрагивать. Дыхание ускорилося, а запах усилился, став совсем опьяняющим.

Застонав, Крэйг раздвинул манящие складочки, но не смог продолжить в том же темпе. Он был на грани и мог кончить на нее в любой момент.

Нависнув над девушкой, Крэйг оперся на свободную руку.

– Я сделаю все медленно, – озвучил он свою последнюю разумную мысль.

Пэрадайз была более чем готова, ее тело стало невероятно расслабленным и в то же самое время напряглось от предвкушения. А затем она ощутила прикосновение его члена и едва не кончила.

Было множество причин не делать этого, так много разумных доводов, почему ей следовало подождать более подходящего момента, более подходящего времени, более стабильных условий жизни – своей и Крэйга. Но если набеги ее чему-то и научили, так это тому, что время – роскошь, которой смертные не должны разбрасываться.

А слова, сказанные отцом перед ее уходом, отдавались в ее голове эхом, но не предупреждения, как задумывалось, но как цель, к которой она должна стремиться.

Пэрадайз влюбилась в этого мужчину. Да, она знала Крэйга всего ничего, и да, это казалось сумасшествием... но нет, она никогда и ни с кем не чувствовала такого единства душ, а как иначе назвать это чувство? И нет, она не могла повлиять на решение Крэйга остаться с ней или уйти – завтра ночью, на следующей неделе, в следующем месяце, следующем году – но здесь и сейчас он был с ней.

А это большее, на что она могла надеяться.

Неожиданно Пэрадайз ощутила легкое давление – его головка проникала внутрь. А затем Крэйг начал поглаживать вершину ее лона большим пальцем, сводя с ума, пробуждая в ней игристый, волнующий, пылающий жар, который, как она теперь знала, предвещал скорое освобождение, так необходимое ее телу.

Потянувшись к Крэйгу, Пэрадайз прижалась своими губами к его и поцеловала, проникнув в его рот языком. В ней не было ни капли страха. Может ей и следовало бояться, но Пэрадайз просто хотела, чтобы происходящее между ними продолжилось, чтобы желание между ними нашло выход.

Крэйг подавался бедрами вперед, затем отступал, вперед и назад, и каждый раз его член проникал чуть глубже.

А затем, приподняв ее, Крэйг немного поменял позу.

Его пальцы вернулись к ней, поглаживая ее лоно по кругу, в то время как его тело оставалось на удивление неподвижным. Пэрадайз собралась уже выразить свое несогласие, но затем ощущения захватили ее, голова перестала соображать, и она бурно кончила...

И в этот самый момент сильным, мощным толчком Крэйг преодолел последнее препятствие, не причинив при этом ни капли боли.

Огромное тело Крэйга затряслось, а в том месте, где они соединялись, его дрожь передалась Пэрадайз. Затем он задвигался внутри нее, все глубже и глубже, наращивая темп. Толстый, он был таким толстым, а ощущение наполненности... просто поражало. А еще прикосновения его губ, ласкавших ее губы, пока Крэйг не переставал вколачиваться в нее.

Не важно, что их ждет в будущем, Крэйг стал ее первым мужчиной, и ничто этого не изменит.

Когда Пэрадайз достигла оргазма, Крэйг последовал за ней.

И да, каждая крупница происходящего оказалась такой же идеальной и прекрасной, как она и надеялась. Даже в человеческом клубе, в публичном месте с сотней незнакомцев по ту сторону от тонкой двери... Пэрадайз взлетела на небеса.

Именно так все и бывает с правильным человеком, разве нет?

Глава 41

Когда Крэйг наконец-то затих, Пэрадайз распростерлась над раковиной, и хотя кран впивался ей в спину, а твердая поверхность зеркала вдавливалась в голову, ей было все равно. Она парила... по крайней мере до тех пор, пока взглянув вниз на свое тело, не увидела, как бедра Крэйга крепко вжимались в развилку ее ног, а его член находился глубоко в ней.

Небеса.

Но очень плохо, что Крэйг выглядел обеспокоенным, словно он думал, что она такая вялая из-за боли или... что-нибудь в этом духе.

Пэрадайз хотела разубедить его, сказать, что все прошло потрясающе, но в голове было слишком пусто, чтобы связно говорить, поэтому Пэрадайз вложила все в свою улыбку.

– Боже... – прошептал Крэйг. – Ты так прекрасна прямо сейчас.

Заставив себя сконцентрироваться, она пробормотала:

– Я рада, что мы сделали это. Когда мы сможем повторить?

– Завтра ночью. Но тебе будет немного некомфортно, что вполне естественно.

– На день я останусь в тренировочном центре.

Крэйг приподнял брови:

– Да?

– Я планировала соблазнить тебя.

– Что ж, кто я такой, чтобы мешать осуществлению твоих планов.

Когда Крэйг наклонился, собираясь поцеловать ее, Пэрадайз внезапно стало больно при мысли, что он делал это прежде, с другими женщинами, может даже и их лишал девственности, что объясняло, почему Крэйг был так хорош в этом. Но нет, подобные мысли сейчас не уместны.

Здесь есть только они. Ничто иное не позволительно.

– Как насчет того, чтобы повторить прямо сейчас? – сказала Пэрадайз, двигая бедрами, сжимая его член в себе.

– Пэрадайз... ты уверена, что в порядке?

В ответ она простонала «даааааааааааа», а затем, опершись руками о раковину, воспользовалась той небольшой свободой действия, что имела, чтобы возобновить активные действия.

И, вот неожиданность, это сработало.

В мгновение ока Пэрадайз стащила со столешницы, и она оказалась прижатой к телу Крэйга, обхватив ногами его бедра, руками – широкие плечи, и скрестив лодыжки на его заднице.

Крепко сжимая ее в объятии, Крэйг насаживал ее на себя, быстрее и жестче, чем в первый раз. Помогая ему – не то чтобы он в этом нуждался – Пэрадайз вторила его ритму, удваивая усилия.

Еще больше оргазмов, снова и снова, ее волосы разметались по их лицам, от Крэйга исходил запах темных специй, удовольствие связывало их души, казалось, навечно.

Когда они, наконец, остановились, Пэрадайз обессиленно повисла на нем, словно тряпка, пылая, как печка, изможденная, словно пробежала тысячу миль.

И тогда зазвонил ее телефон.

Когда электронная мелодия раздалась в кармане ее куртки, Пэрадайз подняла голову:

– Они там издеваются, что ли...

Позволив звонившему, кем бы он ни был, переключиться на голосовую почту, Пэрадайз перевела взгляд и улыбнулась Крэйгу. Боже, она обожала, когда их лица находились так близко, что она могла разглядеть каждую его ресничку, изгиб его носа, тень от простирающейся щетины.

– Привет, – прошептала Пэрадайз.

В кои-то веки его губы ответили на любезность, в его улыбке сквозила очень милая тень робости.

Дотронувшись до его лица, Пэрадайз прошептала:

– Именно таким я тебя и запомню.

Где-то на задворках разума, она подумала... Боже мой. Почему она прощается с ним? Ведь это только начало...

Снова зазвонил ее телефон.

– Прости, – нахмурившись, произнесла Пэрадайз. – Надеюсь, ничего плохого не случилось.

Повернувшись, чтобы добраться до кармана, она остро осознала, что они все еще соединены вместе. А взглянув на экран телефона, Пэрадайз выругалась.

– Да ладно, Пэйтон, – пробормотала она, возвращая телефон на место. – Должно быть, он знает, что мы здесь. Он обожает издеваться над людьми.

– Видимо, он наконец-то объявился.

– Ты же знаешь, что он для меня как брат. Ведь правда, ты же понимаешь это?

– Ага. Вообще-то, да.

Когда её телефон зазвонил в третий раз, Пэрадайз стиснула зубы.

– Мой действительно-по-настоящему-раздражающий брат.

– Ответь, иначе он не уймется. – Крэйг повел бедрами, вырывая стон из Пэрадайз. – Я никуда не денусь.

Нажав кнопку приема, она резко поднесла телефон к уху:

– Ты прекратишь...

– Пэрри?

Услышав его голос, Пэрадайз нахмурилась. За все время, что они были знакомы, он никогда так не звучал. Потерянный... как у маленького мальчика.

– Пэйтон? Что случилось?

– Произошло что-то очень плохое, Пэрри. Здесь кровь... везде...

– *Что?* – Она отстранилась, и Крэйг сразу же отпустил ее. – Пэйтон! Где ты?

– Я у своей кузины... у кузины... у той, которая считалась пропавшей...

Пэрадайз встретила взглядом с Крэйгом.

– Пэйтон, мы с Крэйгом в пути, но где ты?

Когда он, запинаясь, продиктовал адрес, Пэрадайз повторила его, а затем кинула телефон Крэйгу.

– Мне нужно умыться, а ты пока оставайся с ним на линии, *не* позволяй ему повесить трубку.

Десять минут спустя Крэйг вошел в крутую человеческую многоэтажку с темно-зеленым навесом, отделанным мрамором вестибюлем и привратником в униформе в тех же цветах, что и драпировка снаружи.

Пока он, замешкавшись, ожидал, что его вышвырнут на улицу или попросят пройти личный досмотр, прежде чем он шагнет на приветственный коврик, Пэрадайз прошла прямо к стойке.

– Здравствуйте, – произнесла Пэрадайз совершенно спокойным, рассудительным тоном. – Мой друг Пэйтон пришел навестить Эшли Мюррей и пригласил нас в гости.

– Я сейчас позвоню наверх и уточню, – ответил мужчина, потянувшись к телефону. – Алло? Это консьерж. Вы... отлично. Я отправлю их наверх. – Охранник кивнул в сторону лифтов. – Проходите.

– Большое спасибо, – спокойно ответила Пэрадайз и потянулась назад рукой.

Сначала Крэйг не сообразил, чего она добивалась, но потом до него дошло, что он не двинулся с места, так и застыв внутри вращающихся дверей.

Торопясь, он проигнорировал охранника, не сводя глаз с пола, потому что одно дело – красивая молодая девушка, но Крэйг остро осознавал, что был в пять раз ее больше, и вполне заслуживал подозрительный взгляд. Тем не менее, поднявшись в лифте, они оказались на одном из верхних этажей высотки.

Они сразу же увидели Пэйтона в дальнем конце длинного бежевого коридора, он сидел на ковре, сжимая в ладонях телефон.

Для обоняния Крэйга воздух был пропитан тяжелым запахом крови, однако, вероятно, медная нотка осталась совершенно незаметной для людей.

Пэрадайз поспешила вперед и опустилась на колени перед парнем:

– Пэйтон?

Он посмотрел на Пэрадайз лишь тогда, когда она тронула его за плечо... и, Боже мой, лицо Пэйтона было белым, словно простыня, а глаза слишком широко распахнуты.

– Все плохо.

– Она... внутри?

– Нет. Но спальня... Боже, спальня...

Крэйг оставил Пэрадайз с ее другом и распахнул дверь. Запах смерти мгновенно усилился и стал ощущаться даже отчетливее, когда он вошел в просторную комнату с белым ковролином, устилавшим весь пол, белым диваном и окнами во всю стену, что, учитывая нехватку плотных штор, препятствовало постоянному пребыванию вампира в этом месте.

Холодно... было очень холодно. А еще по помещению носился сильный ветер.

Взглянув направо, Крэйг не увидел на кухне ничего примечательного, никакого беспорядка, все убрано, чаша со свежими, на первый взгляд, фруктами... но нет, едва ли, на проверку яблоки оказались пластиковыми.

Коридор вел вперед, а в конце находилась дверь, освещенная единственной лампой. Сосредоточившись на ней, Крэйг прошел по великолепному ковровому покрытию.

Завернув за угол, он остановился на пороге. Напротив стояла кровать королевских размеров, покрытая таким количеством красного, что казалось, будто краску разлили на белое одеяло, простыни, подушки и переднюю спинку кровати.

А еще она была на полу, протянулась дорожкой, указывающей на...

Раздвижные стеклянные двери, ведущие на, по всей видимости, террасу, были распахнуты, а, когда прозрачные белые шторы колыхнулись от порыва ветра, стали видны кровавые отпечатки на стекле и дверном косяке, а затем шторы скрыли их и снова явили чужому взору, чтобы вновь спрятать.

Обернувшись к кровати, Крэйг заметил на прикроватных тумбочках наркотики: шприцы, ложки, небольшие свертки фольги. Отсутствие презервативов. Никакого оружия. И ничего личного, ни фотографий, ни сувениров, ни беспорядка. Это место предназначалось для занятий сексом и употребления наркотиков, и отсюда следовало свалить до рассвета. Но стоило оно огромных денег.

– Боже мой...

Услышав голос Пэрадайз, Крэйг оглянулся:

– Тебе не захочется сюда входить.

Тем не менее, она вошла внутрь, чему он даже не удивился.

– Где Пэйтон? – спросил Крэйг.

– Здесь, – от двери раздался приглушенный голос.

Они втроем стояли рядом, и Крэйг был чертовски уверен, что думали все об одном и том же: никто бы не выжил после такого. Никто.

– Я должна позвонить отцу, – хрипло произнесла Пэрадайз. – Это выходит за рамки наших возможностей и компетенции.

Крэйг покачал головой, когда она достала свой телефон:

– Нет, нам нужно позвонить Братьям.

Вмешался Пэйтон:

– Поэтому она и звонит своему отцу.

Когда Пэрадайз, приложив трубку к уху, начала вышагивать по комнате, Крэйг нахмурился:

– Что?

Пэйтон пожал плечами:

– Ее отец – Первый Советник Короля. Так будет правильно.

Смысл слов дошел до него не сразу: последовательность существительных, глаголов и прочей хрени, войдя в одно ухо, вышла из другого. Но затем он мысленно повторил фразу несколько раз... и почувствовал необычайный озноб, пробравший его целиком, от макушки до пальцев ног. Сердце в груди взбрыкнуло. Остановилось. Продолжило биться в рваном ритме.

Подняв глаза на Пэрадайз, Крэйг отстраненно прислушался, когда она настойчиво заговорила. Он никогда прежде не обращал внимания на ее акцент, потому что всегда концентрировался на своем влечении к ней. Но сейчас... модуляция, тон, интонация... оказались такими же, как и у Пэйтона. И не потому, что Пэрадайз копировала его.

Приглушенным голосом Крэйг произнес:

– Так, значит, она не простой секретарь в том доме.

Когда зазвонил телефон Бутча, он был готов отправить звонящего на голосовую почту, все-таки он находился в секс-клубе и пытался найти зацепки по делу. Но когда чертова штукавина не заткнулась, он достал телефон и ответил.

И не смог расслышать голос Вишеса за техно-музыкой:

– Что? Алло?

Звонок оборвался, но все прояснила СМС-ка об Брата. Сообщение было коротким и по существу: ничего, кроме адреса в благополучном районе в центре города, номер 18 и отсчет времени: 5 мин.

– Нам нужно идти, – громко произнес Бутч. Повернувшись к Мариссе, он взял ее за руку и повторил громче. – Нам нужно идти. Сейчас.

– Что? – Марисса прижалась к нему ближе. – Но мы еще не все посмотрели?

Когда Бутч лишь покачал головой и посмотрел ей в глаза, она замолчала.

– Эй, Акс, – крикнул Бутч. – Мы уходим. Ты в порядке?

Парень пошел к ним.

– Я думал, вы хотели посмотреть все.

– Позже. Увидимся в учебном центре.

На то, чтобы выбраться оттуда, ушло больше пяти минут, они продирались сквозь разнообразные секс-площадки и тематические комнаты так, словно искали выход из Пятидесяти Оттенков Садового Лабиринта. Как только они оказались на холодном, чистом воздухе и подальше от ушей вышибал и людской очереди, Бутч сказал:

– У меня дело, связанное с убийцами...

Его телефон снова зазвонил, и Бутч ответил:

– Ви, я еду, только оставлю Мариссу...

Брат ответил коротко, по существу и весьма лаконично, а когда разговор закончился, Бутч медленно опустил телефон и посмотрел на Мариссу:

– Думаю, тебе лучше пойти со мной.

– Что случилось?

– Возможно, мы выяснили личность погибшей девушки.

Несколько минут спустя он остановил свой «Лексус» у входа в шикарный высокий многоквартирный дом в квартале от Коммодора. Быстрый фокус по стиранию памяти консьержа, а затем поездка вверх на лифте, и вот они направляются по коридору, в котором воняло смертью. Ви уже ждал их.

А увидев их, Брат отшатнулся:

– Охренеть не встать! И, П.С., вы оба выглядите невероятно горячо.

Бутч стянул с себя маску:

– Я чую оттуда кровь.

Подняв руки вверх, чтобы снять свою маску, Марисса отступила назад:

– О, Боже... это она. Это ее запах.

Ви повел их через безликую квартиру к совершенно пустой спальне, которая напомнила ему о годах, проведенных в полиции Колдвелла. И, дерьмо, первым инстинктом Бутча стало желание встать между женой и всеми признаками жестокого убийства. Но никогда больше. Это убивало Бутча, но Марисса была права – ей нужно видеть это. Она должна быть здесь.

С прямой спиной и ясными глазами она подошла к кровати, и, чтоб его, но изображение ее, стоящей к нему спиной, пока она разглядывала пропитанное кровью одеяло и подушки, стало для него новым видом кошмара.

Выругавшись, Бутч посмотрел на Пэрадайз, стоявшую рядом с Пэйтоном, а затем бросил оценивающий взгляд на Крэйга, державшегося поодаль, в углу. И, наконец, он обратил внимание на место преступления, приметив все, что там находилось, и чего не было.

– Кто оказался здесь первым? – спросил Бутч.

Пэйтон поднял руку:

– Я. Моя кухня Эллисон использовала это место... ну, вы поняли, с какой целью. Она арендовала его, используя человеческое имя. Я несколько раз звонил ей, чтобы позвать с нами потусоваться, а ее родители сообщили моим, что последние несколько ночей не могут с ней связаться, может неделю... но в этом не было ничего необычного. Когда она не перезвонила, я решил зайти сюда, подозревая, что она, скорее всего, ушла в загул. Я зашел через террасу, как и всегда, и... м-да...

– Двери были закрыты? – спросил Бутч, приподняв колыхающиеся шторы и обследовав кровавый отпечаток на ручке двери.

– Они были открыты. Но если бы солнце достало ее, остался бы пепел, правильно? Так может она... – Уставившись на покрытую кровью кровать, он замолчал. – Она не в порядке, не так ли?

Стянув с головы латексную маску, Марисса оставила ее свободно болтаться на шее. Подойдя к парню, она взяла его за руку:

– Я *шеллан* Бутча, Марисса. Я управляю приютом для жертв домашнего насилия. Она пришла к нам...

– Так она там? Она жива!

Марисса медленно покачала головой.

– Мне очень жаль. Я позвала своего брата, Хэйверса, он сделал все, что смог, но она не выжила.

Взгляд Пэйтона вернулся к кровати, и он промолчал. А затем прошептал:

– Это убьет ее родителей. Они потеряли второго ребенка в набегах. Больше детей у них нет.

– Так, дверь была незаперта или распахнута? – спросил Бутч. – Не хочу показаться бездушным, но это место преступления, и кто бы это ни сделал с ней ... мы их по стенке размажем.

Пэйтон покачал головой:

– Да, нет... Эллисон, конечно, была сумасбродной. Тусовщицей. Но она не заслужила... – Он прокашлялся. – Дверь была полностью распахнута.

Бутч проследил следы и пятна на ковре.

– Единственное логичное объяснение – каким-то образом она собрала остатки сил, выбралась наружу и дематериализовалась в Убежище.

– Откуда она знала, где оно располагается? – прошептала Пэрадайз. – То есть... слава Богу...

– Видимо, она где-то о нас услышала, – ответила Марисса. – Жаль, я не смогла спасти ее.

Ви вошел в комнату.

– Я только что получил сообщение от Тора и Рейджа. Они в городе, завязалась жуткая перестрелка. Бутч, я должен оказать поддержку. Ты тоже мне нужен. Чрезвычайная ситуация.

Стиснув зубы, Бутч обронил парочку грязных ругательств. Но потом посмотрел на Мариссу.

– Ты как?

Глядя ему прямо в глаза, она хрипло ответила:

– Пока мы в состоянии найти того, кто сделал это, я буду в порядке, черт побери.

Быстро и крепко обняв ее, Бутч почувствовал в груди неиссякаемый источник гордости. А затем поставил перед ней ряд весьма печальных задач.

– Я хочу, чтобы ты узнала обо всех, с кем она была знакома, о людях и вампирах – у него. – Он кивнул в сторону Пэйтона. – Затем все сфотографируй на телефон. Гребаное помещение, целиком. Ничего не трогайте, ничего не передвигайте. Заприте все двери, какие сможете. Уходите через террасу. А затем отправляйтесь к ее родителям. Они имеют право узнать все уже сегодня.

– Я все сделаю, – сказала Марисса.

Да, подумал Бутч, она сделает.

Боже, как он любил ее. Ненавидел всю эту ситуацию... но любил, любил свою шеллан.

Еще один поцелуй... и он направился к своей машине, пытаясь переключиться с одной чрезвычайной ситуации на другую.

Глава 42

Пока Марисса расспрашивала Пэйтона, с кем общалась его кузина, Пэрадайз позаимствовала ее телефон и прошлась по всему помещению, делая фотографии. С каждым снимком она размышляла о том, что знала о погибшей девушке. Технически, Элиссон и ей приходилась кузиной, и хотя она была с ней не в таком близком родстве, как Пэйтон, утрата все же причиняла боль.

Особенно после того, как она увидела эту кровать.

Боже... мой. Такая жестокость.

Примерно через пятнадцать минут Пэрадайз закончила со спальней, ванной, прихожей и гостиной, а уже поворачивалась в сторону кухни, как заметила что-то на полу.

Поскольку квартира была полностью декорирована в белом цвете, цветное пятно у дивана сразу же бросилось в глаза.

Присев на корточки, Пэрадайз подняла... старомодный полароидный снимок.

Нахмурившись, она поняла, что фото было... красновато-розовым. Как и то, что она нашла в автобусе.

То самое, что она положила в свою сумку после того, как Пэйтон сообщил, что снимок не его.

– Что там? – спросил Пэйтон. – Пэрадайз? Тебе нехорошо?

Она поднялась на ноги и подошла к нему.

– Эта фотография... – показав Пэйтону снимок, она подумала, не поспешила ли она с выводом. Может, существует другое объяснение. – Хм... фото похоже на то, что я нашла в автобусе, помнишь?

– Не забивай голову. Ты закончила фотографировать? Нам нужно поговорить с родителями Элиссон. Я хочу покончить с этим, пока не сошел нахрен с ума.

– Секунду. – Совершенно не задумываясь, Пэрадайз положила снимок в карман куртки и стала снимать кухню. – Почти закончила.

– У нее остался прах, – надтреснутым тоном пробормотал Пэйтон. – У Мариссы остался прах.

Пэрадайз опустила телефон.

– О... Боже.

– Она ушла только чтобы переодеться и взять прах с собой, прежде чем мы с тобой пойдем туда. Жаль, у меня нет при себе косячка. Я не думал... – Он начал шарить в буфете. – О, да, черт возьми.

Когда Пэйтон вытащил бутылку водки и спрятал ее в пальто, Пэрадайз собралась было напомнить ему, что они не должны ничего трогать, но да ладно. Будто она станет бить его по яйцам за то, парень не соблюдает правила в такую ночь?

– Пэйтон? Что еще я могу сделать?

Пэйтон снова взглянул на нее.

– Ничего. И спасибо, что идешь со мной.

Мрачно кивнув, Пэрадайз сделала последний снимок пустой раковины и чистых столешниц.

– Все. А где Крэйг?

– Он все еще в спальне.

– Пэйтон... мне очень жаль.

Встретившись в середине комнаты, они крепко обнялись. Пэрадайз хотела сказать ему, что все будет хорошо, но это стало бы ложью.

– Я люблю тебя, – сказал Пэйтон.

– Я тоже тебя люблю.

Отступив в сторону, Пэрадайз подошла к входной двери, усилием мысли заперла все замки и прошла вслед за ним обратно в спальню.

Крэйг стоял все на том же месте, и, подойдя к нему, она положила свою руку на его.

– Ты в порядке?

– Ага. – Он повернулся к Пэйтону, разрывая контакт. – Эй, дружище, если что-то понадобится... обращайся.

Пэйтон подошел к мужчине, и те крепко обнялись, а затем они втроем вышли на террасу навстречу сильному ветру, дующему с реки.

Пэйтон исчез первым. А затем Крэйг повернулся к ней.

– Длинная ночь, мне стоит вернуться. Пэйтон со своего телефона позвонил в учебный центр, и я должен поторопиться, чтобы успеть на автобус.

– О... хорошо.

Да ладно, а чего она ожидала? Случилась трагедия. Сейчас не время для долгих романтических прощаний... Господи Боже мой.

– Ну... ладно, увидимся завтра ночью? Но ты же позвонишь мне утром? Я сначала переоденусь, а потом помогу Пэйтону рассказать все ее семье.

– Повезло тебе с отцом.

– Да, он всегда готов помочь.

– Держу пари.

– Просто это так... ужасно. – Моргнув, Пэрадайз увидела внутри кровать. – Не описать, как это мерзко. Кто же совершил такое?

– Бутч его поймает.

– Надеюсь. Очень надеюсь.

– Я пойду.

– О... хорошо. – Так, она повторяется. – Ты в порядке?

– Да. Обо мне не беспокойся. Тебе тоже пора.

По неясной причине Пэрадайз захотелось сказать Крэйгу, что скучает по нему, но это же нелепо. Он стоял в двух футах от нее. Они созвонятся через пару часов. Она увидит его завтра ночью.

– Хорошего дня, – проговорила Пэрадайз.

Когда Крэйг кивнул, она закрыла глаза... успокоилась... и испарилась.

Не таким неловким молчанием Пэрадайз намеревалась окончить эту ночь, по многим причинам. Совсем не так.

Крэйг не стал долго ждать. Как только Пэрадайз исчезла, он дематериализовался вслед за ней, путешествуя по ветру, используя в качестве ориентира свою кровь в ее венах.

Когда она прекратила движение сквозь ночной воздух, Крэйг принял форму в сотне ярдов от нее, на краю лужайки, которая...

Дом, стоявший перед ним на вершине холма, оказался размерами со студенческую общагу, одним из тех массивных, величественных строений, которые показывают по телевизору в качестве примера модного университетского кампуса или, Господи... скорее с этими остроконечными крышами, дорогущими окнами и аккуратно подстриженной лужайкой дом напоминал королевскую резиденцию.

И, кстати, он больше чем в два раза превышал особняк, в котором погибли его отец и отец Акса.

И, пока Пэрадайз шла к парадной двери, в ней не было ни капли смущения, она точно не состояла в штате и не работала служанкой. А мгновение спустя, не воспользовавшись ни звонком, ни чем-либо еще, Пэрадайз вошла внутрь. Фактически, переместившись левее, сквозь освинцованное окно, Крэйг увидел, как одетый в униформу дворецкий, приняв у Пэрадайз пальто, уважительно поклонился ей.

Ее отец – Первый Советник Короля.

Сократив расстояние широкими шагами, стоя снаружи на холоде, Крэйг наблюдал, как Пэрадайз подошла к величественной лестнице и исчезла на не менее роскошном втором этаже. Или на третьем. Или на двенадцатом.

И даже после того, как она пропала из поля зрения, Крэйг оставался на месте, разглядывая сквозь старомодные оконные проемы картины маслом, великолепные ковры, шелка на стенах – должно быть это шелк, так?

И что же он знал, черт побери?

Отвернувшись, Крэйг оглядел холмистую лужайку, кусты, клумбы, несомненно, для цветов, растущих здесь в теплое время года. Интересно, как же выглядел задний двор?

Возможно с бассейном. Огороженный участок для гребаных экзотических животных. Чертов заповедник для птиц.

Она лгала.

И не по мелочи.

Это... это имело огромное значение, черт возьми: он только что лишил девственности ту, что оказалась наследницей одной из Семей Основателей.

Согласно Древнему Праву, как человек незнатного происхождения?

За это его могли приговорить к смерти.

Поднявшийся в нем гнев был в меньшей степени направлен на Пэрадайз и ее секреты, скорее на самого себя, поскольку он последовательно, раз за разом плевал на свои интересы. Все те ментальные стены, что он воздвиг? Его намерения? До того, как трахнул Пэрадайз в уборной человеческого клуба... Господи Иисусе... Он послал к чертям все и каждое из них. А вдобавок ко всему, Крэйг забыл о важности тренировок. Позволил отвлечь себя от цели. Терял впустую дни, предназначенные для сна и отдыха, занятия, на которых ему нужно было думать, тренировки, на которых следовало работать над собой, ни на что не отвлекаясь.

И все из-за женщины, которая нисколько о нем не заботилась, которая оказалась настолько эгоистичной и тщеславной, что не нашла времени поделиться такой важной и существенной информацией о себе.

Информацией, которая, как она должна была знать, изменит для Крэйга решительно все.

Идеальная манипуляция, которая развернула его на сто восемьдесят градусов от его первоначальных интересов и целей: учитывая ее ложь и свое вышедшее из-под контроля либидо, у него не было ни единого шанса.

Как же глупо, он оказался наивнее ребенка.

А глупцы получают то, что заслуживают.

Не так ли?

Марисса сидела на краю супружеской постели и расчесывала волосы. Она переделалась во второй раз после того, как стянула с себя наряд из латекса, и сейчас завернулась в один из черных кашемировых халатов Бутча. Время от времени она прижимала отвороты халата к носу, вдыхая запах Бутча, сохранившейся на ткани.

Марисса нуждалась в напоминании его присутствия. Отчаянно.

Дражайшая Дева-Летописца, у нее в голове теснилось слишком много мыслей, изображений, звуков и запахов. И под натиском ментальной бомбардировки Марисса не переставала удивляться, как Бутч справлялся с этим так долго? Каким образом он обследовал места преступлений, посещал семьи жертв, снова и снова сообщая подобные известия? Как у него получалось смотреть в глаза отцов и *мамэн* и выражать соболезнования, пытаясь при этом вытянуть из них информацию?

Когда они в последний раз видели своего ребенка? О чем разговаривали? Были ли разногласия с кем-нибудь, ссоры?

Мариссе пришлось аккуратно задавать вопросы, держа при этом за руку мать и кивая отцу. В записи не было необходимости, ничего из сказанного она уже не забудет.

И сейчас, по возвращении домой, она ждала, когда Бутч вернется в целости и сохранности, чтобы передать всю информацию ему.

В гостиной с треском распахнулась наружная дверь Ямы, и порыв холодного воздуха пролетел по коридору, принося с собой зловоние *лессеров*.

– Бутч? – Марисса вскочила на ноги и выбежала из комнаты. – Бутч...?

Стоны и проклятия стали для нее ответом, а завернув за угол, она остановилась.

Неся ее супруга, перекинув через плечо, как пожарный, Ви добрался до кожаного дивана и сбросило с себя скривившееся, ослабленное тело.

Бутч истекал собственной кровью, но также был покрыт кровью убийц и дышал на ладан.

Кроме того, от него исходил этот тошнотворный сладковатый запах поглощенных им *лессеров*.

Когда Марисса, задышавшись, подбежала к ним, Ви стянул свою куртку, обнажив при этом собственные порезы и синяки, и, пока Марисса поглаживала спутанные волосы супруга, Брат расположился на диване рядом с Бутчем, переплетаясь руками и ногами с телом своего лучшего друга. Свечение возникло вначале будто издалека, напоминая свет фонаря, видимый сквозь туман, но вскоре сияние, священная сущность матери Вишеса, залило гостиную, яркое, словно солнечный свет на листе металла, теплое, как притушенный огонь, оно было единственным спасением Бутча.

При иных обстоятельствах сила Ви становилась проклятием, но используемая в таких случаях она была чудом, поскольку высасывала зло из ее мужа, спасая его, придавая ему сил так, как мог сделать только Вишес.

Мариссу никогда не возмущала существующая между ними связь, она никогда не ревновала к тому, что другой человек мог обеспечить ее любимого чем-то столь необходимым. Она просто была благодарна за то, что существует способ сохранить Бутчу жизнь. С тех пор, как Омега похитил и заразил его, Бутч приобрел способность поглощать убийц, уничтожать их таким образом, каким не могло простое «убийство»: поглощение Бутча представляло собой билет в один конец из мироздания.

Но обходилось ему дорогой ценой.

Спустя какое-то время сияние стало рассеиваться, а затем они вдвоем какое-то время просто лежали рядом, оба невероятно утомленные. Бутч открыл глаза цвета лесного ореха, его взгляд сразу же обратился к ней, и он протянул к ней дрожащую руку.

Нежно улыбаясь, Марисса взяла его ладонь и прижала к своему лицу, поглаживая свою щеку.

– Я люблю тебя, люблю...

– Порядок? – прохрипел Бутч. – Ты?

– Теперь, когда ты дома и в безопасности, да. Тысячу раз – да.

Ви разомкнул веки и уставился на нее осоловевшим взглядом. И хотя Марисса редко прикасалась к Брату, потому что Вишеса не назовешь белым и пушистым... она протянула руку и погладила его по щеке.

Проявив столь редкую для него нежность, он запечатлел на ее ладони поцелуй.

А спустя некоторое время настала пора отвести своего мужа в душ. Ви распластался на диване, а Марисса помогла Бутчу пройти по коридору к их спальне. Ну, почти. Бутч настоял на том, чтобы они остановились, а затем разделся в коридоре, чтобы сразу скинуть свою грязную одежду в желоб для белья, ведущий в туннель под ними.

Их личная ванная была простой, небольшой и уютной, и, как всегда в подобных ситуациях, Марисса заставила мужа присесть на унитаз, пока настраивала температуру воды. Приготовив душ, она помогла Бутчу встать, подтолкнула его под струю воды и прислонила спиной к углу.

Сняв с себя его халат, Марисса присоединилась к мужу.

Он возбудился прежде, чем она обнажилась. А в тот момент, когда Бутч увидел ее тело, его член даже увеличился.

Поделиться своими историями они смогут и после. Сейчас? Время поймать одну волну на двоих, настроиться друг на друга, общаться без слов.

Взяв мыло и мочалку, Марисса начала с его лица, проведя по любимым чертам, потом спустилась к горлу, накаченным грудным мышцам, кубикам пресса. Она мыла его всего, даже член, потирая нежную кожу мочалкой.

От ее прикосновений Бутч выгнулся дугой. Откинув назад голову, он наблюдал за ее работой.

А затем Марисса отложила мочалку в сторону.

Опустившись на колени, она почувствовала тепло воды, омывающую ее спину.

Бутч был великолепен, он снова прислонился к углу, большие руки были расслаблены, тело воина истощено.

Но его глаза все еще пылали.

Обхватив его член руками, Марисса открыла рот и опустилась на него, вобрав в себя столько, сколько смогла, посасывая его и лаская.

В ответ Бутч застонал и подался бедрами вперед.

Марисса воспользовалась моментом на всю катушку, ублажая его, ускоряясь, а следом замедляя темп, сжимая яички.

А затем она посмотрела вверх.

Бутч все еще наблюдал за ней, приоткрыв рот, его клыки выдвинулись вперед, и он задыхался. Казалось, время от времени он пытался шевельнуться. Тем не менее, получалось у него только взмахивать руками.

– Марисса... – хрипло проговорил Бутч.

– Да?

Ожидая ответа Бутча, Марисса провела членом по своим губам. Затем пробежалась языком вокруг головки.

– Закончи, – простонал он. – О, Боже... Дай мне кончить...

Марисса улыбнулась от всего сердца.

А затем, предвкушая, вернулась к работе.

И сделала ее очень и очень хорошо.

Глава 44

Когда следующим вечером село солнце, Пэрадайз расхаживала в халате по своей комнате.

Крэйг не отвечал на ее звонки. Ни в семь утра, когда они обычно разговаривали. Ни в два часа дня, когда он, возможно, не мог уснуть. И даже в шесть вечера, когда, вероятно, уже встал и собирался поест с Аксом в кафетерии.

Очевидно, что-то изменилось.

И Пэрадайз чертовски сильно надеялась, что произошедшее между ними в клубе не имело к этому отношения. Некоторые мужчины хотят одного – сорвать запретный плод, и хотя Пэрадайз шокировало бы, выяснись, что Крэйг как раз из таких засранцев, она не могла придумать иного объяснения телефонному игнору.

Но ведь... им было так хорошо вдвоем. По-настоящему хорошо. И Крэйг был таким внимательным.

Что касается ужасной сцены, которую они обнаружили в квартире девушки? Произошедшее с кухней Пэйтона стало трагедией, но Пэрадайз сомневалась, что это повлияло на Крэйга настолько, что у него случился некий психический или эмоциональный срыв...

Когда ее телефон наконец-то – черт побери! – зазвонил, она бегом пересекла комнату.

Чтобы выругаться, увидев, что это всего лишь Пэйтон.

Ответив, Пэрадайз старалась говорить спокойно:

– Привет. Как ты?

После того как они вдвоем исполнили печальный долг, сообщив все родителям девушки, они распрощались на день, но все время оставались на связи. Пэйтон прислал ей несколько бессвязных сообщений, из чего она сделала вывод, что та бутылка водки пришлась кстати.

– Занятий сегодня не будет.

– Что?

– Отменили по неясным причинам, поэтому мы с Энслэмом собираемся в ресторан «Сальваторе». Я хочу пригласить и остальных тоже.

Пока Пэрадайз пыталась справиться с новостями, сокрушительное разочарование выбило ее из колеи. Она рассчитывала увидеть Крэйга и...

Не останавливаясь, Пэйтон сообщил, что встреча назначена через час. Затем положил трубку, оставив Пэрадайз сжимать телефон, глядя на его потемневший экран.

Присоединится ли к ним Крэйг? – гадала она.

Ладно, все это дерьмо собачье. Хватит с нее отсиживаться здесь в ожидании звонка, как глупой курице.

Сделав глубокий вдох, Пэрадайз по памяти набрала номер, который выучила через три ночи после того, как начала работать в доме аудиенций. Когда *доджен* ответил, она нацепила профессиональную улыбку, будто мужчина стоял перед ней, а она пыталась сделать вид, что звонит совсем не по личным причинам.

– Привет, – сказала Пэрадайз. – Это дочь Абалона. Простите, что беспокою вас, но не могли бы вы переключить меня на клинику учебного центра?

– О, ну конечно, моя госпожа! – последовал энергичный ответ. – Вас соединить с кем-то определенным?

– Вообще-то... – Возможно это окажется проще, чем она полагала. – Я пытаюсь дозвониться до первой из пяти гостевых комнат внизу.

– Буду рад помочь. Пожалуйста, подождите, сейчас я найду добавочный номер. – Послышался *гудок...гудок...гудок*. – Вот он. Если в будущем вы захотите связаться напрямую, могу продиктовать вам номер?

– Будьте добры. – Схватив ручку, Пэрадайз нацарапала номер на коробке «Клинекс». – Спасибо.

– Или вы всегда можете снова позвонить. Рады служить. Пожалуйста, подождите.

– Еще раз спасибо.

Пока шли гудки... и еще... ладони Пэрадайз вспотели, и ей пришлось присесть, потому что у нее задрожали ноги.

А потом установилась связь.

– Алло? – произнес Крэйг.

Пэрадайз с трудом сглотнула, но тут же разозлилась на себя:

– Я надеялась, что ты позвонишь.

Длинная пауза.

– Привет.

– Слушай, у меня не хватает для этого терпения. Что не так, черт побери?

– Разве тебя не ждут более важные вещи?

– Какие? – резко спросила Пэрадайз.

– Ну, ты знаешь, касающиеся убийства твоей кузины. Должно быть, твоя семья тоже расстроена.

– Сейчас я больше переживаю из-за тебя.

Конечно, она была расстроена по поводу...

Гнев Пэрадайз угас, когда до нее дошел смысл его слов.

– О...

– Да, прошлой ночью я последовал за тобой до дома, – сказал Крэйг. – Возможно, дерьмовый поступок с моей стороны, но учитывая ложь относительно твоего происхождения, это вторжение в твою жизнь совершенно оправданно. Просто любопытно, ты вообще собиралась рассказать мне?

Пэрадайз опустила голову на руку.

– Крэйг...

– Я не звонил, потому что на самом деле не знаю, с кем говорю, ведь так? Что ж, дочь Первого Советника Короля, Пэйтон был любезен и просветил меня на этот счет.

– Послушай, я...

– Ты что? Что ты собиралась сказать, Пэрадайз? – Более резким тоном произнес он. – И, П.С., я сожалею о том, что случилось с той девушкой. Как тебе хорошо известно, я тоже потерял семью. Ты же помнишь, что там произошло?

Внезапно Пэрадайз во всех неллицеприятных подробностях вспомнила ужасную историю о том, как его отца бросили умирать, в то время как семья аристократов пряталась от *лессеров* в безопасном месте.

– Я не такая, как те люди, Крэйг. И меня оскорбляет, что ты причислил меня к ним просто потому, что я родилась в своей семье. Думаешь, у меня был какой-то выбор в этом вопросе?

– О, ты не похожа на них. Нет, нет, совсем не похожа, прошлой ночью тебе просто хотелось секса, поэтому ты позволила простолюдину сорвать твою вишенку, даже если, технически, меня могут убить за удовольствие наслаждаться твоей компанией. Да, ты совсем на них не похожа. Ты не лжешь ради собственных целей или чего-то еще. Не-а, только не ты, дорогуша.

– Это *совсем* несправедливо.

Крэйг грубо рассмеялся:

– Стой, я знаю. Ты ждала, чтобы преподнести своему отцу самый лучший подарок на день рождения: «Эй, Пап, угадай что? Я встречаюсь с сыном укладчика пола, #потрясно».

Стиснув зубы, Пэрадайз осознала, что ее эмоции колеблются между гневом и скорбью, сожалением и негодованием.

– Я никому не говорила, кто я. Не только тебе.

– От этого мне сразу полегчало. Спасибо.

– Я не хотела особенного отношения к себе. Думаешь, мне нравится быть дочерью Абалона? Думаешь, я наслаждаюсь, не имея ни выбора, ни свободы, ни...

– И что, я стал лишь частью твоего эксперимента? Супер. Ну, с моей стороны все кончено. Больше никаких испытаний своих альтернативных версий на мне, придется подыскать новый инвентарь. А знаешь, Бун, скорее всего, доступен. Когда Ново прошлой ночью ерзала на нем, он выглядел так, будто лично повстречал Создателя.

Пэрадайз вскочила на ноги и заметалась по комнате.

– Не могу поверить, что ты оказался таким узколобым.

– Узколо... ты издеваешься? – Крэйг выругался. – Ладно, давай попробуем поговорить гипотетически. Бал, который состоится в твоём доме через неделю... ты, наверняка, попросишь меня стать твоей парой, так? Ты просто ждала нужного момента, чтобы сообщить мне об этом, чтобы я мог пойти как твой... о, дерьмо. Кавалер, так вроде бы? Лучше мне запомнить такие подробности прежде, чем ты познакомишь меня со своим отцом, а я потрачу пятьдесят баксов на аренду смокинга.

Когда Пэрадайз промолчала, он снова рассмеялся:

– Полагаю, в твои планы это не входило, ха. И на случай, если тебе интересно, Акс подслушал ваш с Пэйтоном разговор в автобусе. Он рассказал мне об этом, когда я вернулся в учебный центр, и стал подкалывать на тему наших «отношений». Я разъяснил ему, что, на самом деле, мы с тобой не «встречаемся», но я совершенно уверен в том, что если тебе понадобится помыть машину, ты любезно вручишь мне ведро с тряпкой.

– Ты переходишь все границы.

– И, будучи аристократкой, ты без сомнения как раз в том положении, чтобы поставить меня на место, не так ли?

– Я люблю тебя, засранец. – По крайней мере, это заткнуло Крэйга. – Все верно. Я это сказала, а там, откуда я родом, не позволено первой признаваться в чувствах, потому что женщине положено ждать, пока мужчина сделает первый шаг. О, а хочешь узнать, что еще мне еще не позволено делать? Я не могу находиться в присутствии мужчины без сопровождения компаньонки. Мне нельзя работать или строить карьеру, я устроилась секретарем только потому, что мой отец отчаянно нуждался в помощи, а я единственная, кому он мог доверять. Мне пришлось биться за то, чтобы вступить в учебную программу, и я получила на это разрешение только потому, что солгала, сказав отцу, что никогда не стану участвовать в войне. Предполагалось, что я должна вязать, следить за домом и рожать детей, а ты тут ноешь, что проблема *во мне*?

– Как трогательно, – съязвил Крэйг. – Тебе никогда не приходилось беспокоиться о том, откуда взялась твоя еда, ты живешь в гребаном музее, обставленном экспонатами, и, прошу прощения, но ты и понятия не имеешь, каково это, когда люди смотрят на тебя сверху вниз только потому, что тебе не подфартило в лотерее ДНК!

– Это ты смотришь на меня свысока! – закричала Пэрадайз. – Ты надо мной нахрен издеваешься! Ты судья и присяжные, ты принял решение и черт со мной! Ты ничуть не лучше *Глимеры*, посмотри в гребаное зеркало, Крэйг. Ты такой же высокомерный и так же, как они, любишь осуждать других.

Когда Пэрадайз, наконец, замолчала, дышала она с трудом, ее свободная рука сжалась в кулак, а сердце грохотало в груди.

– Это никуда нас не приведет, – мгновение спустя пробормотал Крэйг.

– Ты совершенно прав. Так что, да, катись на все четыре стороны. Всего хорошего, надеюсь, твое лицемерие согреет тебя в дневное время.

Пэрадайз оборвала связь и, повернувшись вокруг себя, занесла руку над головой, приготовившись кинуть телефон об стену.

Но остановила себя. Успокоилась. Сосредоточилась.

Вау. Потеря девственности, первая ссора, окончившаяся нокдауном. О, и еще первый разрыв отношений.

Насыщенные сутки.

Прошли хорошо.

Просто отлично.

Пэрадайз была так зла, что пролетело не меньше часа, прежде чем она пришла в себя. И ее первой связной мыслью стало решение, что она не станет впустую тратить ночь, застряв в комнате.

Нет, черт побери. Подобная тюрьма ожидает ее в течение всего дня.

Подойдя к сумке, Пэрадайз покопалась в ней в поисках кошелька. Она собиралась встретиться с другими учениками в том итальянском ресторане и выпить, даже если закажет всего лишь содовую. А если там окажется и Крэйг? Ладно. Пофиг.

Пора ей привыкать к его присутствию.

Схватив кошелек, Пэрадайз уже собиралась покинуть комнату, как вдруг остановилась. Достав кошелек из сумки, она переложила его на антикварный французский стол. Обыскивая сумку, Пэрадайз проверила везде, даже расстегнула молнию переднего кармашка и посмотрела там.

Нахмурившись, она направилась к гардеробной и подошла к тому месту, где были развешаны пальто. То, которое она надевала вчера, висело рядом с другими, и Пэрадайз проверила дальний от нее карман.

Полароидный снимок, который она засунула в карман вчера в квартире, нашелся там, где она его и оставила.

Уставившись на изображение, Пэрадайз прикрыла рукой рот.

Вернувшись к сумке, она перепроверила. Нет, первый снимок, найденный ею в автобусе, исчез.

Она вспомнила, как в последний раз искала что-то в сумке в учебном центре, и обнаружила телефон в неположенном ему месте.

Кто-то обыскал ее сумку и забрал фотографию.

Может, потому что снимок мог вывести их... на убийцу.

Вернувшись к телефону, она позвонила Пэйтону:

– Привет, – проговорила Пэрадайз, когда тот ответил.

Когда она замолчала, Пэйтон подтолкнул ее:

– Алло? Пэрадайз?

– Я думаю...

– Ты пропадаешь...

– Нет, я молчала.

– Подожди. – Послышалось какое-то шуршание, а затем раздался голос Пэйтона, звучащий издали. – Нет, чертов придурок. Энслэм, я не хочу ЛСД. Господи, ага, дай мне немного экстази.

Пэрадайз прикрыла глаза, гадая, что же она творит. Пэйтон скорбит. А у нее, вероятно, просто паранойя.

– Пэрри? – Снова послышался шорох, а затем Пэйтон что-то плотнул. – В чем дело?

– Ни в чем. Прости.

– Ты идешь с нами?

– Не сейчас, – ответила Пэрадайз. – Мне нужно сходить на работу к отцу. Я, эм, совершила вчера глупость.

– Какую же?

– Я взяла кое-что из квартиры. – Пэрадайз уставилась на фото, а затем, перевернув его лицевой стороной вниз, положила на стол. Даже не видя детали, снимок вызывал отвращение. – Я не хотела. Та фотография, что я нашла?

– Полароид? Еще один?

– Да, я должна передать ее Бутчу и Мариссе. Совсем не подумав, я положила фото в карман. Должно быть, Братство на боле боя, и я не могу вернуться в учебный центр, поэтому загляну в дом аудиенций, и кто-нибудь сможет забрать снимок позже.

– Ага, хороший план. Потом подойдешь к нам?

– Хорошо... я только быстренько приму душ и оденусь.

– Ты всегда прекрасно выглядишь. Увидимся позже.

Повестив трубку, Пэрадайз уставилась на свои ноги. Боже, что если один из учащихся причастен к той смерти?

Выругавшись, она взяла с собой в ванную телефон, и, положив его на тумбу, закатила глаза. Но, да, если Крэйг позвонит, она ответит. Хотя, он, скорее всего, не станет звонить. И да, это, определенно, к лучшему.

Учитывая, как много способов порвать отношения, они... что за бардак.

И, если честно, Пэрадайз не была уверена, что хочет мириться, даже если такое возможно.

Похоть, сказала она себе. Она испытывала к нему похоть, не любовь. И вообще, как можно было влюбиться в кого-то спустя лишь шесть ночей.

Боже, Пэрадайз почувствовала тошноту, на самом деле.

Двадцать минут спустя она надела синие джинсы и кашемировый свитер. Пэрадайз обула свои обычные мокасины, ведь, несмотря на холод, снега все же не обещали, а затем накинула пальто, которое надевала вчера. Спрятав фотографию в кармане, она схватила кошелек, сотовый и...

На прикроватной тумбочке ожил домашний телефон. Думая, что отец мог звонить с работы, чтобы справиться о ее состоянии как, Пэрадайз подошла к телефону и ответила:

– Алло?

– У тебя посетитель.

Услышав на том конце голос, она нахмурилась.

– Энслэм?

– Ага, это я, – беззаботно ответил он. – Пэйтон просил забрать тебя.

– Да? Но я пока не собираюсь в «Сал». Сначала мне нужно кое-что сделать.

– Тогда я схожу с тобой.

– Да нет, спасибо. Это не займет много времени...

– Ты спускаешься?

О, ради Бога. Но Пэрадайз не хотела быть грубой.

– Ага. Сейчас.

– Не торопись, я подожду.

Повесив трубку, она глянула в зеркало и вышла из комнаты. Направляясь к главной лестнице, Пэрадайз надеялась по-быстрому выпроводить Энслэма. Из-за ссоры с Крэйгом она чувствовала себя отвратительно, и вся эта чертовщина усугубилась, потому что она поверить не могла, что умудрилась забрать фотографию с места преступления, никому об этом не рассказав.

А также тем, что существовала большая вероятность, что дальнейшее расследование сосредоточится на новобранцах.

Оказавшись на верхней площадке лестницы, Пэрадайз увидела Энслэма, стоящего внизу, на черно-белом мраморном полу, его одежда из магазина «Сакс» на Пятой Авеню и туалетная вода от «Гуччи» демонстрировали его принадлежность к *Глимере*, наряду с четкими, довольно-таки непримечательными чертами лица.

Была в нем какая-то... болезненная бледность, подумала Пэрадайз.

Она и представить себе не могла, откуда за ним пошла репутация мужчины, склонного к агрессии по отношению к женщинам.

Когда под ней скрипнула ступенька, Энслэм обернулся.

– Привет, подруга, – произнес он. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, ты тоже.

Когда она спустилась вниз, Энслэм раскрыл свои объятия, а Пэрадайз подошла к нему и расцеловала в обе щеки.

– Слушай, извини, но я, правда, собиралась...

В кабинете отца раздался странный звук, и Пэрадайз, нахмурившись, посмотрела в ту сторону. Что-то вроде скрипа или...

– Ты собиралась что-то сделать? – спросил Энслэм. – А что именно?

Пэрадайз сосредоточилась на госте.

– Так, ерунда. Я только... да что за шум?

Отвернувшись, она прошла вперед и заглянула в украшенную орнаментом арку, ведущую в библиотеку...

– О, Господи!

Дворецкий ее отца, Федрика, и ее служанка Вучи лежали связанными по рукам и ногам у стола, с кляпом во рту.

– Что, ради всего святого, случилось...

Налетев на нее со спины, Энслэм резко развернул Пэрадайз, и, сделав подсечку, швырнув на пол лицом вниз. От шока и боли Пэрадайз моментально оглушило, а он, тем временем, навалился ей на спину. Энслэм прижался своим лицом к ее, выглядя при этом лишь немного раздраженным.

– Где фотография? Что ты, черт возьми, сделал с моей фотографией?

Пока Пэрадайз пыталась прийти в себя и вернуть контроль над руками и ногами, Энслэм грубо прошелся по ее карманам.

– А, хорошая девочка. – Он положил снимок во внутренний карман своей замшевой куртки. – Черт побери, Пэрадайз, почему именно ты ее обнаружила? Я не хочу поступать так с девушкой вроде тебя. Это не входило в мои планы.

Сглотнув, она почувствовала кровь и поняла, что губа разбита.

– Тебе не... нужно делать этого...

Рывком поднявшись на ноги, Энслэм на мгновение исчез, а вернувшись, держал в руках портфель от «Луи Вюиттон».

– Нет, я должен. Потому что ты пыталась передать это фото моему отцу, так ты сказала Пэйтону. А ты же хорошая девочка, такая сознательная, что так просто не оставишь это. Ты стала бы искать связь, и рано или поздно прокралась бы в кафетерий и обыскала мое шмотье, потому что поняла бы, что кто-то из учебного центра потерял тот снимок в автобусе, а затем вытащил его из твоей сумки. Кстати, отличная сумка. Обожаю «Балли». Хорошая вещь.

Не замолкая ни на секунду, Энслэм вынул шприц.

– Видишь, я так предан своему делу, приходится все время таскать с собой кое-какие принадлежности, и фотографии – самый лучший вариант, как думаешь? Просто фантастика, чтобы оживить воспоминания. В любом случае, когда ты сложила бы дважды два, то нашла бы в моей сумке еще больше снимков. А затем меня бы отымели, и, уверяю тебя, подставлять свою задницу я не собираюсь.

Энслэм проверял, чтобы прозрачная жидкость заполнила тонкую иглу, а Пэрадайз была на грани потери сознания, боль, шок и замешательство скрутили и запутали ее нейронные пути, делая невозможным мыслительный процесс.

Но затем Пэрадайз вспомнила, чему научилась во время спаррингов: нужно собраться с мыслями и не терять фокус. Собраться с мыслями и не терять фокус.

Хотя происходящее и не было тренировкой, именно к такой ситуации те уроки и должны были ее подготовить.

Не занятие. Никто не спасет ее.

Внезапно голова заработала на полную: если Энслэм вколет ей что-бы-там-ни-было, она может считать себя мертвой, поэтому у нее всего один шанс на побег.

Притворившись беспомощной, она тайком огляделась вокруг в поисках оружия, чего-нибудь, ну хоть что-то, что она сможет использовать...

– Прими это за комплимент, – произнес Энслэм, посмотрев на нее сверху вниз. – Я верю, что, в конце концов, ты бы вышла на меня, ведь ты чертовски умна для девушки...

Мощным рывком Пэрадайз вскочила на ноги и ударила Энслэма головой прямо в лицо. Большого и не требовалось, она основательно приложила его: Энслэм взвыл от боли и ярости и свалился на задницу, хватаясь за нос. Навалившись на него, Пэрадайз нанесла удар в грудь и вырвала из его руки шприц. Затем, нажав на поршень, выплеснула наркотик и отбросила шприц в сторону.

Все за считанные секунды.

Взревев, Энслэм ударил Пэрадайз по плечам, отшвырнув от себя. А затем так сильно влепил кулаком в ее челюсть, что в голове зазвенело, а зрение затуманилось. Но Пэрадайз не могла себе позволить ни секунды отдыха, поскольку Энслэм уже запрыгнул на нее. Сражаясь, несмотря на боль и дезориентацию, Пэрадайз дотянулась до его яиц, и, схватив, выкручивала, пока ублюдок не закричал и не рванулся в сторону.

Встав на ноги, она собралась пнуть его, но Энслэм, перехватив ее лодыжку, сбил с ног.

Они стали кататься по полу, и где-то на задворках разума Пэрадайз услышала слова Бутча о том, что любая рукопашная схватка оканчивается на земле, это всего лишь вопрос времени.

Извернувшись, она предугадала его намерение провести болевой прием на руку, но в то же время сама провалилась при исполнении захвата шеи при помощи бедер. Оружие, ей нужен... портфель. Если ей каким-то образом удастся добраться до...

Энслэм был сильнее. Пэрадайз оказалась быстрее. Их тела бились о твердый пол, кулаки наносили удары по торсу соперника, кровь заливала лица, а затем Энслэм приложил ее затылком о мраморный пол, раз, второй...

Пошел ты! – беззвучно выдохнула Пэрадайз, потому что воздуха не хватало.

Дотянувшись до его глаз, она ткнула большими пальцами в глазницы...

Энслэм исчез.

Он просто взял... и исчез.

Долю секунды Пэрадайз собиралась с духом, готовясь к очередному удару. Но затем услышала жуткий крик.

Взглянув вверх, она увидела, как Энслэм... взлетел в воздух с перекошенным от смертельного ужаса лицом, изо рта потоком вырывалась кровь, от сильного рывка ноги судорожно подрагивали.

А затем его отбросили в сторону, словно мусор.

Как воин, коим он и являлся, в поле зрения появился Крэйг, мужчина твердо стоял на полу, его клыки были обнажены... а в руках он держал окровавленный меч.

Пэрадайз смутно поняла, что оружием оказался церемониальный клинок, который ее отец, будучи Первым Советником, должен носить на официальных приемах, тот, которым владел его собственный отец... тот, что в соответствии с обычаями, висел на стене перед парадной дверью.

Подскочив к Пэрадайз, Крэйг опустился на корточки:

– Тебе нужна медицинская помощь. Где твой телефон, где он?

– Я в порядке, все... хорошо.

Стоп, она плакала. Или это кровь? Пэрадайз не знала...

Крэйг повернул голову на звук борьбы.

– Сейчас вернусь.

Широко шагая, он заскочил в кабинет с мечом в руке, и мгновение спустя Вучи опустилась на пол рядом с ней, а дворецкий уже звонил по телефону, стоящему на столике.

И тогда Пэрадайз осознала, что у нее двоилось в глазах.

– Кажется, я сейчас потеряю сознание, – сказала она Крэйгу.

– Док Джейн уже в пути.

– Не уходи, – проговорила Пэрадайз. – Я хочу еще немного покричать на тебя.

Крэйг опустился на колени.

– Потому что я прервал твой бой? Прими мои извинения. Кстати, я думаю, что победа осталась бы за тобой, но я не азартный человек. Прости.

Пэрадайз открыла рот, чтобы сказать что-то еще... но свет померк.

Ее последняя мысль?

Когда что-то теплое окутало ее ладонь, она была уверена, что это Крэйг взял ее за руку.

Материализовавшись на лужайке перед домом Пэрадайз, Крэйг не был уверен в причине своего появления: то ли он пришел, чтобы продолжить ссору, то ли помириться с ней.

Он честно не знал. Случиться могло и то, и другое.

После того, как Пэрадайз отчитала его по телефону, Крэйг метался по тренировочному центру, пока не решил, что да пошло оно все, он встретится с ней лично. Крэйг позвонил *доджену*, забрался в автобус, и как только они выехали на главную дорогу, сообщил парню, что не станет ждать конечной остановки.

Они сторговались на пустыре в пяти милях от особняка.

А затем он отправился на лужайку перед фамильным домом Пэрадайз.

Где обнаружил открытую настежь парадную дверь.

И войдя внутрь, мгновенно увидел Пэрадайз, лежавшую под Энслэмом, девушка пыталась большими пальцами выдавить глаза парня.

Таким вот образом он и оказался здесь, сидя в этой... поразительной библиотеке... с пресловутой кровью на руках.

Оглянувшись вокруг, Крэйг покачал головой при виде старинной картины маслом, висевшей над камином. Изображенный на ней мужчина взирал прямо на него, и Крэйг мог лишь представить, что бы тот сказал, если бы действительно был способен увидеть грязного простолодина, восседающего на его шелковом диване. На шелковом диване его сына. Или внука. Не важно.

– Черт, – пробормотал Крэйг, потерев лицо.

М-да, на самом деле, он пришел сюда, чтобы продолжить ссору с Пэрадайз, а не ради примирения. Он явился, чтобы доказать свою точку зрения: что она и ее класс являлись бедствием расы, и что Пэрадайз заблуждалась, думая, что Крэйг купится на ее дерьмо...

– Просто прекрати, – простонал он.

Открыв глаза, Крэйг уставился на ковер, на котором стояли его ботинки. В фойе слышались голоса. Пришел Бутч. Ви. Дворецкий и горничная что-то обсуждали.

Пэрадайз отнесли наверх, и Док Джейн...

На пороге библиотеки появился мужчина.

Высокий и стройный, одетый в безупречный костюм, который – даже Крэйг это понял – был пошит на заказ мастером своего дела. В кипенно-белой рубашке, кроваво-красном галстуке и с маленьким элегантным носовым платком в нагрудном кармашке, он представлял собой образцового аристократа.

И да, у него даже кольцо с печаткой красовалось на пальце.

И да, глаза Пэрадайз на его лице пристально смотрели на Крэйга в тишине комнаты.

Крэйг снял бейсболку и поднялся на ноги. Возникло нелепое желание поправить рубашку, отряхнуть джинсы... или что-то в этом духе.

Дерьмо.

Мужчина двинулся к нему с грозным выражением лица.

Собравшись с духом, Крэйг прочистил горло:

– Сэр, я...

Крэйга сжали в настолько крепком, медвежьем объятии, что он почувствовал, как захрустели кости, но мужчина не отступил, не стал разжимать руки.

И Крэйг просто стоял, недвижимо, словно статуя.

Позади отца Пэрадайз в комнату заглянул Бутч. Выпучив глаза, Брат жестом велел Крэйгу сделать, что и полагалось в таких ситуациях.

За спиной отца Пэрадайз Крэйг развернул ладони вверх, как бы говоря «а что делать-то?».

Бутч иступленно принялся изображать объятия.

Моргнув, Крэйг робко обхватил руками мужчину. Похлопал по плечам.

– Я обязан тебе жизнью, – хрипло проговорил отец Пэрадайз. – Ты спас ей жизнь, и, тем самым, подарил жизнь и мне.

Наконец, ее отец сделал шаг назад, и, вытащив носовой платок, промокнул покрасневшие глаза.

– Скажи, как я могу отплатить тебе? Что я могу для тебя сделать? Каким образом я когда-нибудь смогу послужить тебе и твоей семье?

Крэйг в ответ лишь моргал словно недоразвитый. В голове было пусто. А затем брякнул:

– Меня зовут Крэйг.

Будто мужчине было интересно.

– Крэйг, меня зовут Абалон. – Мужчина поклонился. – К твоим услугам.

Прежде чем Крэйг смог как-то отреагировать, из-за угла показался Пэйтон и направился прямо к нему.

– Дружище.

Ииииииииии пришло время для повторных обнимашек.

Пэйтон сжал его так, что чуть не сломал ребра, и Крэйг уже знал, что должен сделать в ответ.

– Ты выполнил работу за меня, – хрипло произнес Пэйтон.

– Ты о чем?

– Бутч сообщил мне, что это Энслэм убил мою кузину.

Крэйг отпрянул, что пришлось весьма кстати, поскольку ему понадобилось личное пространство. С того момента, как он убил своего одноклассника, тем самым развеяв угрозу, ему казалось, словно он попал в параллельную вселенную.

Дело в том, что, заколов Энслэма мечом, как скотину, Крэйг всего лишь защищал Пэрадайз. Мотивы, заставившие Энслэма напасть на нее, в то время ничего не значили и оставались неизвестными в последовавшей сумятице.

Пэйтон быстро рассказал всю историю, и Крэйг понял почти все. По крайней мере, он думал, что понял.

Энслэм и полароидные снимки. Энслэм и его репутация, агрессия по отношению к женщинам. Пэрадайз, пришедшая к правильным выводам.

Внезапно Пэйтон повернулся к отцу Пэрадайз, и мужчины обнялись.

– Вот это парень, да? – закончив, спросил Пэйтон. – Он ведь герой, да?

Ему стало неловко от того, что отец Пэрадайз смотрел на него с поклонением во взгляде. Ага, вау... может, он уже пойдет? Ему пора... он, конечно, очень хотел увидеть Пэрадайз, но...

– И, кстати он любит Пэрри, – объявил Пэйтон. – А она любит его.

Ииииииии таким вот образом всплыла правда о нем и Пэрадайз.

Твою же мать.

Глава 46

– Нет, я в порядке.

Пэрадайз моргнула. И еще раз. Док Джейн светила фонариком прямо ей в глаза.

– У тебя сотрясение, – произнесла доктор, присаживаясь на кровать. – Тебя тошнит?

Ну, вообще-то да, но потому ли, что ее чуть не прикончил одноклассник, или от того, что ее спас мужчина, которого полтора часа назад она послала на все четыре стороны ...

– Повтори вопрос? – спросила Пэрадайз. – Постой, да, меня слегка подташнивает, а в голове постукивают молоточки.

Док Джейн улыбнулась.

– Ты поправишься. Просто отдыхай. И прежде чем ты спросишь, да, ты можешь пойти завтра вечером на занятия, но без спаррингов и не переусердствуй на тренировках.

– О, хорошо. – Господи, Пэрадайз даже представить себе не могла, что вернется в учебный центр. – Спасибо.

– На здоровье. Больше я ничем не стану тебя пичкать, только «Мотрин»⁷⁵, который ты только что приняла.

– О... хорошо. Спасибо.

– И тебе нужно поговорить с Мэри, – сказала Док Джейн, поднимаясь на ноги. – И нет, слова «я в порядке» не помогут тебе оправиться. После случившегося могут проявиться признаки ПТСР⁷⁶. Твое тело восстановится быстрее, чем разум.

– Кто такая Мэри?

– Ты знаешь, *шеллан* Рейджа. Она терапевт.

– О...

Может, ей добавить к восклицанию очередное «спасибо»?

– Обращайся, если понадобится, – добавила доктор перед уходом.

А затем Пэрадайз осталась одна.

Забавно, но, несмотря на то, что в своей комнате она находилась в полной безопасности, а внизу были Братья... дом больше не казался таким же безопасным, как прежде. И поэтому, возможно, ей не мешает разговор с Мэри...

Боже... Энслэм – убийца? А, может, и серийный убийца?

Он никогда не проявлял признаки неуравновешенности. Казался относительно нормальным, хотя и немного отталкивал, что можно сказать о ней самой и любом другом представителе *Глимеры*.

Подумать только, Пэрадайз сидела рядом с Энслэмом на занятиях, тренировалась с ним, говорила и смеялась с ним, а он все это время... издевался над женщинами.

Так недолго и кошмарами обзавестись, а ведь Пэрадайз еще не добралась до той части, где Энслэм собирался убить ее.

Взглянув на часы, Пэрадайз расстроилась еще сильнее. До рассвета оставался лишь час, а она не знала, где Крэйг. Он уже ушел?

Пэрадайз должна была увидеть его.

Застонав, она потянулась к телефону...

– Нужна помощь?

Дернувшись, Пэрадайз подняла вверх взгляд и увидела стоявшего на пороге Крэйга. Собственной персоной. Он указал большим пальцем себе за плечо:

– Док Джейн сказала, что я могу войти. Мне пора, но я хотел сам убедиться, что ты жива.

Закрыв глаза, Пэрадайз отвернулась в сторону. Слезы набежали на глаза быстро и в большом количестве, но она не хотела демонстрировать их.

С негромким стуком Крэйг захлопнул дверь, и на секунду ей показалось, что он ушел. Но глубоко вздохнув, Пэрадайз почувствовала его запах.

– Я встретил твоего отца, – хрипло проговорил Крэйг.

Встряхнувшись, Пэрадайз заставила себя посмотреть на него. Крэйг не отошел от двери, что казалось весьма уместным. Выражение его лица было отстраненным, тело напряжено, и по его виду было ясно, что мысленно он уже покинул этот дом.

– Да? – ответила Пэрадайз.

– Хороший мужик.

– Это так.

75 «Мотрин» - лекарственное средство, нестероидный противовоспалительный препарат из группы производных пропионовой кислоты, обладает болеутоляющим и жаропонижающим действием.

76 Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, «вьетнамский синдром», «афганский синдром» и т. п.) — тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжёлая физическая травма, сексуальное насилие, либо угроза смерти.

Длинная пауза. А затем она решила... да пошло оно, и потянулась к «Клинексам». Высморкавшись, Пэрадайз вытянула еще одну салфетку и промокнула глаза.

– Прости мне мою эмоциональность.

– На то есть причины. Тебя чуть не убили.

Скомкав салфетки, Пэрадайз выкинула их в мусорную корзину у кровати и глубоко вздохнула.

– Прости за то, что много чего наговорила тебе. Что накричала на тебя.

– Не беспокойся об этом.

– Ладно. – Черт, его пренебрежительный ответ, будто произошедшее между ними совершенно ничего не значило, причинил больше боли, чем сотрясение. – Хорошо.

– Слушай, Пэрадайз, мы с тобой...

– Мы что? – она перевела взгляд на Крэйга. – Или скорее мы *не* что? Словно выдернул эти слова из фразы «не предназначены друг другу». Ты сейчас начнешь перечислять кучу причин, почему мы не можем быть вместе, включая, если не в числе главных, мое происхождение? Если я права, то избавь, мы уже обсудили все по телефону.

Когда Крэйг ничего не ответил, а просто продолжил смотреть в пол, будто пересчитывал стежки на ее тканом ковра, Пэрадайз представила себе, как он мысленно репетирует прощальные слова, которые поставят точку в их отношениях. Но «никогда-не-увидимся-вновь» им не светит. Потому что Пэрадайз не собиралась бросать гребаную программу, и это совершенно точно: она сииииишком много вложила сил в эти первые ночи, которые, казалось, растянулись на тысячу лет.

– Тебе лучше уйти, – сдаваясь, проговорила Пэрадайз. – Просто...

– Почему я?

Она нахмурилась:

– Прости, что?

Когда Крэйг взглянул на нее, выражение его лица стало смертельно-серьезным:

– Я все гадаю и не могу понять... почему я? Ты могла выбрать любого в нашей расе. Каждая из кровных линий отдала бы руки и ноги за то, чтобы ты выбрала именно их отпрыска. Ты – в буквальном смысле – величайшая драгоценность на всей планете, и я не говорю еще о том, какая ты сильная, умная... жизнерадостная. Какая отважная... и умная. Я ведь уже говорил, что ты умная? – Крэйг снова уставился на ковер. – И красивая. А еще этот твой голос. – Он сделал круговое движение рукой у головы. – Он сводит меня с ума, твой голос. Днем, после наших разговоров по телефону, я засыпаю, прижимая чертов телефон к груди. Словно твой голос, частичка тебя задержалась где-то внутри.

Ну вот, теперь у нее глаза на мокром месте совершенно по другой причине.

Крэйг наворачивал круги по комнате.

– Даже если ты простишь меня за мое ослиное поведение... я не смогу дать тебе всего этого. Коттедж моих родителей – всего две комнаты и кухня. Покрытые пластиком столешницы, линолеум на полах и поистине страшное ковровое покрытие. Все из дешевой древесины, не антиквариат. Самый старый предмет мебели был куплен еще в семидесятых, и в целом выглядит она ужасно. Я не смогу... Не смогу покупать для тебя драгоценности или машины...

– Прекрати.

Услышав ее голос, Крэйг замолчал.

– Я об этом не думаю, – прошептала Пэрадайз. – И ты не должен.

– Но если все изменится.

Именно в этот момент она поняла, что Крэйг никогда прежде не показывал ей свою уязвимость. Стоп, он говорит о том, чтобы быть вместе?

– Нет, – поклялась Пэрадайз. – Все это меня не волнует, и в будущем ничего не изменится.

– Откуда ты знаешь? – мягко спросил Крэйг. – Потому что... я люблю тебя. И если ты решишь завтра, через неделю... год спустя... что для тебя это всего лишь короткое

увлечение, или что ты хочешь быть с кем-то из хорошей семьи, я этого не переживу. Это сломит меня, и я уже не смогу оправиться. Просто отпусти меня, хорошо? Положи конец моим мучениям... позволь мне уйти.

Пэрадайз промокнула глаза и улыбнулась.

– Ты только что сказал, что любишь меня? – Когда Крэйг ничего не ответил, она настояла. – Думаю, так и есть.

– Я серьезно, Пэрадайз.

Внезапно боль в голове и во всем теле отступила, а страх, отравляющий кровь, испарился.

– Я тоже, – прошептала Пэрадайз.

– Тогда да, я сказал, что люблю тебя. И я сожалею, что сорвался, узнав о тебе и твоей семье. И я осел, раз сравнил тебя с ублюдками, убившими моего отца. Не знаю... нужно лишь вспомнить первую ночь, когда ты не захотела оставлять меня на той тропе. Ты проявила участие ко всем, не только ко мне. Ты... ты бы осталась снаружи, если бы это позволило впихнуть в убежище еще кого-нибудь.

Крэйг судорожно выдохнул и вытер широкими ладонями лицо, будто пытался справиться со своими собственными эмоциями.

– Крэйг, я могу сказать лишь следующее. – Пэрадайз подождала, пока он снова не посмотрит на нее. – Той ночью я сделала всех, не так ли? Именно я устояла на ногах, так?

Крэйг кивнул.

– Да. Ты была восхитительна.

– Я бы снова прошла через все, если бы смогла тем самым доказать тебе недоказуемое – что мое сердце знает, чего хочет. Все просто и банально. Если хочешь, можешь выложить все причины, по которым в будущем я передумаю, но мои чувства никогда не изменятся. С первой же нашей встречи, когда ты пришел в дом аудиенций, я поняла, что ты – тот единственный. Я неделями размышляла, вернешься ли ты с заявлением. В ночь посвящения я ждала и молилась, надеясь увидеть тебя. А когда ты появился, могла думать лишь об одном – «Слава Богу, он здесь».

Пэрадайз протянула ему руку.

– Я по-прежнему так думаю, когда вижу тебя после недолгой разлуки. *Слава Богу, он здесь.*

Крэйг медленно подошел к ней, будто давал ей возможность передумать. Но затем их руки встретились. После чего он присел рядом с ней на кровать. Наклонился и поцеловал в губы.

Однако, отстранившись, Крэйг помрачнел.

– Я собираюсь *отомстить* за своего отца. Знаю, ты не согласна с этим, но я не стану менять свое решение. Прости.

Пэрадайз закрыла глаза, чувствуя укол боли в груди.

– Пожалуйста... не надо. И я не пытаюсь защитить какого-то дальнего родственника. Уже и так погибли слишком многие. Я пытаюсь защитить выживших.

– Труса, убившего моего отца.

– Может, существует иной путь добиться справедливости. – Пэрадайз сжала его руку. – Просто... давай подумаем над этим. Может, есть другой путь. Обещаешь? Ради меня. Сделай это ради меня.

Прошло много, много времени, прежде чем Крэйг ответил. Однако его слова звучали как клятва.

– Хорошо. Как бы ни было ненавистно... но хорошо.

Приняв сидячее положение, Пэрадайз обхватила его руками, чувствуя его ответное объятие.

– Я люблю тебя.

– О, Господи, Пэрадайз... я тоже тебя люблю.

Они оставались в таком же положении очень долгое время, обнимая друг друга, шептали всякие глупости, прикасались другу к другу, целовались.

А затем в дверь постучались.

М-да, Крэйг с такой скоростью соскочил с кровати, что практически врезался в противоположную стену.

Пэрадайз тихонько засмеялась.

– Да?

– Это Бутч, – произнес глубокий голос. – Я уже ухожу. Крэйг, ты едешь со мной.

– Хорошо, – сказал тот, направляясь к двери.

– Когда я тебя увижу? – спросила Пэрадайз. – Завтрашние занятия тоже отменены?

Крэйг взялся за дверную ручку и взглянул на нее, прикрыв глаза.

– Ответь на звонок в семь утра, и мы обсудим это.

Сексуально подмигнув ей, Крэйг выскользнул наружу и прикрыл за собой дверь.

Позволив себе снова откинуться назад на подушки, Пэрадайз так широко улыбнулась, что заболели щеки.

Глава 47

Неделю спустя...

– Стой, а куда девать камербэтч?

Стоя в Яме перед зеркалом во весь рост, Крэйг пребывал в панике ровно до тех пор, пока Бутч не появился позади него. И естественно, глядя на него, Брат смотрел на Крэйга с улыбкой, как на идиот. Кем он и являлся.

– Это камербанд⁷⁷. – Бутч взял кушак и повязал на талии Крэйга. – Черт, сынок, ты слишком напряжен.

– Сколько это стоит?

– Пятнадцать тысяч. – Последовала некоторая суматоха и рывки, пока Бутч крепил кушак на поясице. – Хорошо, что мы с тобой одинаковой комплекции, так что село идеально.

Крэйг пару раз моргнул.

– Пятнадцать тысяч? В долларах?

– Нет, в печеньках, – с кровати произнес Вишес. – И если от этого сжимаются твои яйца, умножь это на все дерьмо, висящее на тех вешалках.

Крэйг взглянул на гору одежды в противоположной части аккуратной и чистой спальни.

– О, Боже мой.

– Да, «Сакс»⁷⁸ его обожает. – Ви прикурил следующий косячок. – И «Нейман Маркус»⁷⁹.

– Пошел ты, Ви. – Наклонившись в сторону, Бутч подхватил черный пиджак с длинными черными фалдами. – Ради наших прекрасных дам парни вроде нас с Крэйгом должны знать, как показать себя во всей красе. Так и живем.

Что до него, то Крэйг скорее предпочел бы свои джинсы. Но он должен был признать, что накрахмаленная белая рубашка с модной белой бабочкой на шее, ярко-красные подтяжки и черные брюки с атласными отворотами выглядели неплохо.

А затем он надел пиджак.

⁷⁷ Широкий пояс-шарф

⁷⁸ «Сакс на Пятом авеню» – один из самых старейших и известнейших во всем мире магазинов элитной дизайнерской моды в США

⁷⁹ Neimanmarcus.com (Нейман Маркус) – американский интернет магазин, занимающийся продажей вещей высшего класса

Уставившись на свое отражение, Крэйг пригладил только что подстриженные волосы, а затем взлохматил их.

– Я выгляжу...

– На миллион баксов. – Бутч хлопнул его по плечу. – А сейчас катись отсюда, чтобы я тоже смог одеться. Этот мизантроп остается дома, потому что слишком хорош для подобного дерьма, но мы с тобой отлично проведем время.

Проворчав, Ви слез с кровати.

– А если нет, то позвони мне. Я всегда за хорошую потасовку и страсть как люблю лупить симпатичных мальчиков.

– Просто ты завидуешь, ведь у тебя нет смокинга.

Остановившись у порога, Вишес оглянулся на Крэйга. Кивнув один раз, он сказал:

– Засранец прав. Ты отлично выглядишь. Она будет гордиться тем, что ты поведешь ее под руку. Не позволяй толпе кретинов такого удовольствия – не допускай даже мысли, что ты второго сорта. Она могла выбрать любого на всем свете и выбрала тебя. И еще, никому не протягивай руку первым. Иначе дашь возможность унижить тебя. Пусть они здороваются с тобой, и никак иначе, понял?

– Спасибо, – хрипло произнес Крэйг.

Кивнув, Ви направился дальше по пустому коридору со словами:

– А я пойду, наваяю Лэсситеру. Потом, может, заручимся с ним в пул.

– Повеселись, дорогая, – крикнул Бутч ему вслед. А затем сосредоточился на отражении Крэйга в зеркале. – Я доведу тебя до туннеля. Жди меня в гараже. Я отвезу тебя.

– Хорошо. Эй... спасибо.

Боже, звучало чертовски жалко.

Бутч улыбнулся, продемонстрировав слегка щербатый передний зуб.

– Я тоже женат. И знаю, каково это – быть с женщиной, которая...

В этот момент из второй спальни появилась Марисса, и...

Крэйг отпрянул. Платье... бриллианты... платье...

Гребаные бриллианты.

Женщина буквально сияла с головы до пят, являя собой ослепительное сочетание красоты и элегантности в облегающем платье.

Док Джейн выскочила в коридор.

– Ну! Как вам? А? Как вам?

Крэйг посмотрел через плечо на Бутча... который застыл на месте, словно бык, мужчина выглядел так, будто лицеизрел второе прибытие Дражайшей Девы-Летописицы.

– Проваливай отсюда, малыш, – охрипшим голосом произнес Бутч. – *Сию секунду.* Встретимся через десять минут, хотя нет... через двадцать.

Улыбнувшись Крэйгу и отметив, что он потрясающе выглядит, Марисса поразились тому, насколько обнаженной можно чувствовать себя, будучи полностью одетой.

Хотя, учитывая взгляд Бутча, Марисса не сомневалась, о чем он сейчас думал.

– Давай Крэйг, я провожу тебя в туннель, – сказала Док Джейн. – А вы двое веселитесь.

– Кыш, кыш, – пробормотал Бутч жене Ви. – Прежде чем увидишь больше, чем хотела бы.

Когда все вышли, и дверь в туннель захлопнулась со щелчком, Марисса медленно покружилась перед супругом.

– Нравится?

В ответ Бутч рухнул на колени. То есть на самом деле... с такой силой хлопнулся вниз, что, судя по треску, сломал себе либо колени, либо проломил пол.

– Да?

– Пойдем.

Заманив ее в кабинет, он подвел Пэрадайз к столу и преподнес плоскую красную коробочку с характерной золотой каймой.

– Это принадлежало ей.

– Папа...

– Нет, давай же. Ты должна открыть ее.

Пэрадайз дрожащими руками приняла коробочку и откинула крышку. Она охнула, и Абалон, сделав шаг вперед, достал старинное бриллиантовое ожерелье, лежавшее на атласной подкладке.

– Здесь сорок восемь бриллиантов, по одному на каждый из первых сорока восьми лет, прожитых с твоей любимой *мамэн*. Этой ночью я вручаю его тебе с легкостью и спокойствием, отдавая вместе с тем свою любовь и уважение. Я не могу...

– Стой. – Пэрадайз прервала его. Покачала головой. – Я не могу принять его.

– Почему нет?

Когда его лицо вытянулось, Пэрадайз закрыла глаза.

– Я должна кое-что сообщить тебе. Это...

Не в силах устоять на месте, Пэрадайз принялась наворачивать круги. Она думала об одном – их разговоре о любви, положении в обществе и его желании, чтобы избранником Пэрадайз стал аристократ, это было у них с матерью.

Но вспоминая, какой она была в начале пути, при вступлении в учебную программу, сейчас Пэрадайз понимала, что смогла разобраться в себе. И даже если это разобьет его сердце, Пэрадайз вольна любить того, кого пожелает она сама, независимо от статуса, класса или положения.

– Отец, я влюблена в мужчину. Он простой человек, и мне все равно. Более того, я не верю, что из-за его происхождения он заслуживает меньшего уважения. Крэйг...

– Наконец-то! – воскликнул ее отец. – Наконец-то! – Притянув ее, он расцеловал ее в обе щеки. – Я ждал всю неделю!

– Что... подожди, что?

– Пэйтон рассказал мне.

– *Что?!*

– И я одобряю твой выбор. Крэйг – мужчина, заслуживающий уважения, я полностью одобряю. У тебя есть мое благословение.

Нахмурившись, Пэрадайз покачала головой.

– Отец... Я не понимаю. Всего неделю назад ты говорил мне, что я должна выйти замуж за аристократа. Да, Крэйг спас мне жизнь, но ты не можешь так кардинально поменять свое мнение и ожидать, что я тебе поверю.

– Моя дорогая, – отпрянув, произнес Абалон. – Когда это я говорил тебе, что ты должна выйти за представителя *Глимеры*?

– За Первой Трапезой, перед моим уходом... ты сказал, что мое супружество должно быть таким же, как у вас с *мамэн*. Два аристократа, обещанные друг другу своими семьями.

– Нет, я сказал, что мы с твоей *мамэн* познали настоящую любовь. Именно этого я желал для тебя. Истинную любовь... если мужчина хорош для тебя, меня не волнует его происхождение. Я насмотрелся на жизненные тяготы аристократии, они не стоят того. Приемы и празднества, все это замечательно, но человек должен возвращаться домой со своей второй половинкой. Это намного важнее родословной... и я не собираюсь ни перед кем извиняться, если пойдут разговоры...

Пэрадайз кинулась к отцу и обняла его со всех сил.

– Я так сильно тебя люблю, что сейчас расплачусь!

Отец, ее дорогой, замечательный, идеальный отец рассмеялся и обнял ее в ответ.

– А сейчас... ты позволишь застегнуть на тебе это ожерелье? И признаешься, наконец, что Крэйг будет сопровождать тебя этой ночью?

– Да, да, он придет! О, да! Не могу дождаться, когда вы должным образом познакомитесь! Ты должен узнать его получше.

– Я тоже не могу это дождаться, моя милая... я тоже.

Тридцать минут спустя, рассматривая вереницу людей, входивших через парадные двери и направлявшихся к бальному залу, Пэрадайз думала... ну, по крайней мере, она считала, что Крэйг должен приехать.

Он обещал приехать.

На самом деле, обещал.

Стоя на верхнем уровне бального зала, на площадке парадной лестницы, ведущей гостей вниз к танцевальной зоне, Пэрадайз прочесывала взглядом толпу. Она сомневалась, что могла пропустить его приезд. Совершенно точно нет, учитывая, что дворецкий объявлял каждого гостя, прежде чем те присоединялись к вечеринке внизу.

Пэрадайз прекрасно осознавала, что Крэйгу слегка не по себе сама затея сопровождать ее на балу, но он не из тех, кто пасует перед трудностями. Особенно тогда, когда она беспокоилась...

– Привет, красавица.

– Пэйтон, – пробормотала она, оборачиваясь к своему другу.

Когда они обнялись, Пэрадайз бросила взгляд ему за спину, надеясь увидеть... не-а, Крэйга не было.

– Вау, отличные стекляшки. – Пэйтон наклонился, присматриваясь к ожерелью. – Где твой мужчина?

– Я не знаю. – Пэрадайз нахмурилась. – Я думала, что ты приведешь ту девушку, как ее звали?

– О, её. Да. Нет. Ее отец позвонил моему и спросил о моих намерениях. А я не хочу осложнять себе жизнь.

– Почему, в таком случае, не попросил Ново?

– Понятия не имею, с чего ты это взяла. – Пэйтон окинул взглядом толпу. – Что ж, пора найти пару. Все наше поколение здесь, да и старперов полно... а нет, глянь туда, кажется, я вижу женщину, у которой выпали еще не все зубы.

– Пэйтон. Тебе следовало пригласить Ново.

– Кого? – Он поцеловал ее в щеку. – Еще увидимся.

Медленно спускаясь по красной ковровой дорожке к толпе, Пэйтон привлекал к себе всеобщее внимание, тем самым напомнив ей, что ее лучший друг считался в *Глимере* выгодной партией.

Несчастный ублюдок.

Была и ещё одна причина, по которой Пэрадайз переживала за него. С той ночи в ее доме, после ситуации с Энслэмом, Пэйтон закрылся. Внешне он казался все тем же, но Пэрадайз знала его, как никто другой.

Что-то в нем изменилось, и он не говорил об этом. Опять-таки, его друг убил его родственницу. Было о чем скорбеть.

Боже, как же ей хотелось, чтобы Пэйтон поговорил с ней. С кем-нибудь.

Когда музыка зазвучала громче, и пары выстроились в центре бального зала, Пэрадайз встряхнула юбку и осознала, что хотела бы разделить вечер с Крэйгом, но, возможно, она требует от него слишком много. Большинство мужчин сочли бы такой прием невероятно скучным или, что хуже, сущим проклятием.

Ну, хорошо. Пэрадайз не была обязана делать этого. Она могла надеть чертовы бриллианты и с халатом и была бы совершенно счастлива. В конце концов, ценность ожерелья придавал тот факт, что оно принадлежало ее матери, а теперь перешло к ней.

М-да, отец был прав. Как бы роскошно ни вырядилась эта толпа, в шикарные платья, драгоценности, щеголяя высокомерностью и манерами, присутствовать среди них – весьма унылый опыт. Хотя Пэрадайз и входила в их класс по праву рождения, на самом деле, она стояла от них в стороне, и ее совсем не интересовали...

– Более приятная компания, надеюсь, уже на подходе?

Развернувшись, Пэрадайз улыбнулась как сумасшедшая... и застыла на месте. Прикрыла ладонью рот. Отступила назад.

Покачав головой, Крэйг в ужасе взглянул на себя.

– Черт побери, Бутч клялся мне, что этот костюм подойдет. Он *покаялся*.

– Ты...

С белой бабочкой, в смокинге и в туфлях из лаковой кожи ее мужчина выглядел вылитым агентом 007, высокий и утонченный, как и любой в этом зале. Хотя забавно... в джинсах и бейсболке он нравился Пэрадайз не меньше.

И вообще без ничего. Так даже лучше.

– Стой, это... церемониальный меч моего отца? – выпалила она, сморгнув внезапно навернувшиеся слезы.

Крэйг погладил золотые ножны, висевшие у левого бедра.

– Твой отец поджидал меня на входе. Настоял, чтобы я надел их сегодня. Сказал, что никто другой не достоин носить эти ножны в ночь, когда его дочь впервые предстанет перед обществом в сопровождении мужчины.

Пэрадайз прокашлялась.

– Это... огромная честь.

– Я знаю.

– И ты постригся, – выпалила Пэрадайз, и ей сразу же захотелось пнуть себя под зад. – То есть...

– Я совсем оброс.

Подскочив к нему, Пэрадайз крепко обняла своего мужчину.

– Большоетебеспасибозаточтопришелятакрадачтотыздесь...

Крэйг рассмеялся своим прекрасным баритоном и обхватил ее именно так, как умел только он: крепко прижимая к своему телу, давая Пэрадайз возможность ощутить его силу.

– Я приехал бы раньше, но у моего шофера возник форс-мажор.

– Главное, что ты здесь. Это все, что имеет значение, и, о... Боже, ты выглядишь *очень сексуально*.

– Как и ты... – Крэйг слегка отстранил ее и, казалось, впервые хорошенько рассмотрел. – Вау. Это платье и... они настоящие? Настоящие... вот этот, в центре, размером с ноготь?

– Ожерелье принадлежало моей *мамэн*.

– Оно почти также красиво, как и ты.

Они непринужденно болтали, но Пэрадайз прекрасно осознавала, что в это мгновение их оценивают и обсуждают, и что скандал не за горами, о да, совсем не за горами.

Да пошли они, подумала Пэрадайз, взяв Крэйга под руку.

– Пойдешь со мной?

– Куда бы ты ни повела меня, сегодня ночью и всегда.

Направляясь со своим мужчиной к верхней площадке лестницы, Пэрадайз кивнула Федрику, который тут же уважительно поклонился Крэйгу.

– Сэр. Для меня честь видеть вас этим вечером.

А затем, повернувшись лицом к толпе, своим фирменным, самым официальным тоном *доджен* объявил на Старом Языке:

– *Госпожа Пэрадайз, урожденная дочь Абалона, Первого Советника Рофа, сына Рофа, отца Рофа, и почтенный Крэйг, сын Брэла Младшего, удостоенный накануне Королевской Награды за Доблесть за свои заслуги перед королевским двором.*

Толпа затихла, а затем волна разговоров заглушила даже звуки оркестра.

А Крэйг, тем временем, отпрянул:

– Что все это значит? Я сделал что? Кого они там и чем наградили?

Пэрадайз пожала ему руку:

– Мой отец сообщил Рофу, что ты спас мне жизнь, и Король наградил тебя титулом. Но я люблю тебя также сильно, как и прежде. Предполагалось, что ты узнаешь завтра вечером, но, думаю, наш дворецкий немного переволновался.

– Что?

– Технически, теперь ты аристократ.

– ЧТО?!

– Не обращай внимания. – Она посмотрела Крэйгу прямо в глаза. – Это ничего не меняет, ну, за исключением молчаливого пожелания всем ненавистникам пойти куда подальше.

Крэйг моргнул и, взглянув на собравшихся, тихо рассмеялся:

– Сделаем это, моя Пэрадайз. А потом, может, найдем уединенное местечко?

Она наклонилась:

– У меня уже есть кое-что на примете.

– Вот это моя женщина, о да.

Спускаясь вниз с Крэйгом под руку, Пэрадайз даже не смотрела на толпу. В этом помещении для нее вообще никого не существовало.

Нет, она смотрела на своего потрясающего мужчину.

– Что?

– Я самая удачливая женщина на всей планете. Прямо здесь и сейчас.

Да, подумала Пэрадайз, глядя, как грудь Крэйга раздувается от гордости. Она совершенно точно знала, кем была... и с кем была.

И ведь они были невероятно крутой парой.

– Я люблю тебя, – прошептал Крэйг, привлекая Пэрадайз в свои объятия. – Потанцуй со мной.

КОНЕЦ

Внимание!

Данный перевод выполнен специально для сайта www.jrward.ru.

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения. После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

При использовании материалов ссылка на сайт www.jrward.ru и указание переводчиков/редакторов обязательны.

Как говорится, draco dormiens nunquam titillandus, слезно просим.